

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 8, №4 2022

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190_2022_8_4

Выпуск 8, № 4, 2022

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютин Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюарт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight
in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation
Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190_2022_8_4

Volume 8, Issue 4, 2022

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Арекеева Юлия Евгеньевна,
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск, Российская Федерация
izh4yu@gmail.com

Актуализация оппозиции «свой – чужой» в паремиях (на материалах китайского политического медиадискурса)

Аннотация

Цель исследования состоит в изучении языковых средств выражения оппозиции «свой – чужой» и разработке системы когнитивных признаков, репрезентирующих данную оппозицию в китайском языке. В качестве объекта были взяты паремии и фразеологизмы. Источниками данных для исследования послужили фразеологические словари, статьи и выступления политических деятелей Китая, размещённые в корпусах. Единицы и контексты для исследовательского корпуса были отобраны методом сплошной и направленной выборки, и далее были использованы методы семантического и контекстного анализа, описательный метод. В результате было выделено восемь когнитивных классификационных признаков, формирующих данную оппозицию и конкретизируемых дифференциальными признаками. Произведён анализ положительных и отрицательных оценочных характеристик отобранных паремий. Установлено, что оппозиция «свой – чужой» представляется базовой когнитивной категорией сознания, широко репрезентированной в форме паремий и формирующей ментальное пространство человека. Представленные данные демонстрируют, что в качестве «своих» и «чужих» могут выступать как отдельные индивиды или явления, так и нация, государство или система. Бинарная оппозиция «свой – чужой» организуется на ценностной основе: «свой» – это чаще всего «хороший», «соответствующий принятым нормам», а «чужой» – это «плохой», «несоответствующий». Это отражает особенности ведения политической коммуникации, целью которой является воздействие на картину мира адресата и поддержание «правил игры» правящей политической элиты.

Ключевые слова: китайский язык, оппозиция «свой – чужой», паремия, фразеологизм, когнитивный признак, категоризация, политический дискурс

© Арекеева Ю. Е. 2022

Для цитирования: Арекеева Ю. Е. Актуализация оппозиции «свой – чужой» в паремиях (на материалах китайского политического медиадискурса) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 5–16. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5

Iuliia E. Arekeeva
Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation
izh4yu@gmail.com

Actualization of the opposition “friend – foe” in paroemias (Based on Chinese political media discourse)

Abstract

The article aims to study the language means to express the “friend – foe” opposition and develop a system of cognitive features representing this opposition in the Chinese language. The focus is made on paroemias and phraseological units. The material was obtained from phraseological dictionaries, media articles and politicians’ reports found the Chinese language corpora. Continuous sampling was used to select the tokens and contexts for

analysis, the data were further processed using semantic and contextual analysis as well as descriptive method. As a result, eight cognitive classification features forming the opposition were defined each of them specified by a number of relative features. Positive and negative evaluative characteristics were identified. The “friend – foe” opposition was found to be the basic cognitive category of consciousness widely represented in the form of proverbs forming the mental space of a person. The data demonstrate that individuals, phenomena, as well as a nation, state or system can act as both “friends” and “foes”. The binary opposition of “friend – foe” is organized on a value basis: “friend” is most often “good”, “corresponding to accepted standards”, and “foe” is “bad”, “inappropriate”. This reflects the patterns of conducting political communication whose purpose is to influence the addressee’s picture of the world and maintain the “rules of the game” of the political elite.

Keywords: the Chinese language, “friend – foe” opposition, paroemia, phraseological unit, cognitive feature, categorization, political discourse

© Arekeeva Iu. E. 2022

For citation: Arekeeva, Iu. E. (2022). Aktualizatsiya oppozitsii «svoy – chuzhoy» v paremiyakh (na materialakh kitayskogo politicheskogo mediadiskursa) [Actualization of the opposition “friend – foe” in paroemias (Based on Chinese political media discourse)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 5–16. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5

1. Введение [Introduction]

Многочисленные исследования взаимосвязи языка и культуры, характерные для лингвистики начала XXI в., позволяют определить чрезвычайную значимость бинарной оппозиции «свой – чужой» как категории сознания и языкового понятия. Данная оппозиция в той или иной степени затрагивалась различными учёными-лингвистами [Водак 1997; Степанов 2004; Шейгал 2000; Fowler 1991; ван Дейк 1989; Гришаева 2003]. В их работах речь идёт прежде всего об этимологии данной оппозиции, средствах её языкового выражения, отражении в культурной и социальной жизни и т. д.

Семантическая оппозиция «свой – чужой» рассматривается как одна из основных предлогических бинарных парадигм мышления. Данная оппозиция используется во всех видах человеческой деятельности и обладает иерархической структурой, базирующейся на различных уровнях противопоставления: во-первых, противопоставление себя окружающему миру (оппозиция «Я – Другое» / «Я – Оно»), во-вторых, своей личности – другой индивидуальности («Я – Ты»), в-третьих, собственной личности – первичной социальной группе («Я – Мы» / «Я – Вы») и, в-четвёртых, группы, членом которой является индивид, другой социальной группе («Мы – Они» / «Мы – Вы») [Зырянов и др., 2021, с. 47].

Репрезентация оппозиции выражается в категоризации, позволяющей делить объективную действительность на «свою» и «чужую», а также противопоставлять «себя» «чужим». По словам Н. Ф. Алефиренко, «категоризация вербализуемого посредством косвенной номинации фрагмента мира осуществляется при помощи сопоставления признаков именуемого объекта с тем прототипом, который является фокусом соответствующей категории» [Алефиренко, 2002, с. 206]. Анализ языковых выражений, репрезентирующих концепты «свой – чужой», способствует постижению менталитета нации, восприятия человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности.

Оппозиция «свой – чужой» охватывает всю культуру, так как в основе всякого мироощущения лежат операции тождества и различения «своего» и «чужого». Она является универсальным концептом для многих наук, включая лингвистику, философию, психологию, социологию и др., и представляет собой базовый ориентир, позволяющий формировать суждения о нормах и ценностях, принятых в определённом сообществе.

Полагание объекта «своим» подразумевает сопоставление его характеристик и ценностей с теми, которые распространены в данном сообществе.

К одним из наиболее ярких языковых средств выражения концептуальной оппозиции «свой – чужой» относятся фразеологические единицы. Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание. Фразеологический корпус языка является благодатным материалом для исследования, поскольку в нём не только концептуализированы знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к её фрагментам, но и «запрограммировано» участие фразеологизмов вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры [Телия, 1996, с. 9].

Описываемая оппозиция имеет социальную сущность и чётко наблюдается в целом ряде дискурсов. Дискурс является многоаспектным и развивающимся феноменом, включающим совокупность экстралингвистических факторов в процессе коммуникации. С лингвистической точки зрения дискурс определяется А. Н. Барановым как «совокупность дискурсивных практик, принятых или официально разрешённых в коммуникации между говорящими в конкретной практической сфере деятельности при обсуждении какой-то темы» [Баранов, 2000, с. 246].

Учёные полагают, что важная особенность дискурса в целом и политического – в частности заключается в том, что «при всей важности языковых аспектов политики она не сводится только к речевым актам. В политике очень много всякого рода действий, насыщенных символикой, смыслом. Это и манифестации, и дебаты, и процедуры, и церемонии. Все они построены на определённых знаках. Эти знаки используются сознательно и систематически. Поэтому дискурс охватывает всю символическую деятельность политиков и граждан» [Савочкина, 2012, с. 72–78]. Что касается политического дискурса, то, поскольку основной его интенцией является борьба за власть, ему присуща убеждающая функция. Любой текст воздействует на сознание адресата, но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации [Сычева, Ишмухаметова, 2018, с. 71].

Говоря о политическом дискурсе, необходимо отметить, что в последние годы в научной общественности всё чаще прибегают к термину «политический медиадискурс». Так, согласно Т. Г. Добросклонской, «медиатизация политики, понимаемая как всё более интенсивное вовлечение средств массовой информации в сферу политических коммуникаций, способствовала выделению политического медиадискурса в отдельный тип дискурсивных практик, объединивших в себе особенности дискурса политического и массмедийного» [Добросклонская, 2016, с. 16–17]. Несмотря на недостаточную изученность понятия, в настоящее время рассматриваются следующие характеристики политического медиадискурса: идеологичность, манипуляционность, оценочность, экспрессивность, информативность, публичность и ряд других. В рамках политического медиадискурса используются тексты, создаваемые журналистами и распространяемые при помощи СМИ и интернета, а также отражающие в той или иной степени коммуникативные особенности ведущих политиков.

Одним из базовых концептов, реализуемых в материалах СМИ, является бинарная оппозиция «свой – чужой». Бинарная оппозиция «свой – чужой» является смысловым ядром политического дискурса, поскольку суть политики, весь процесс борьбы за власть основываются на разделении на «своих» и «чужих». Важно отметить, что «чужой» не всегда означает «плохой», а «свой» – «хороший». На оценочном уровне оба этих понятия могут получать как положительную, так и отрицательную характеристику в зависимости от контекста.

Согласно Н. Ф. Алефиренко, образование культуруносных языковых знаков связано с выделением в среде бытования жизненно важных точек, что служит основой ка-

тегоризации и концептуализации окружающего мира, в центре которого находится сам человек. В результате осмысления объективной действительности сознание человека подводит многообразие итогов этого процесса (ощущений, фрагментов действительности, форм материи и т. п.) под определённые категории, которые наполняются глубоким ценностно-смысловым содержанием, а когнитии, их образующие, раньше других подлежат семиотизации – первичной и вторичной [Алефиренко, 2002, с. 69].

Слово представляет собой особую форму отражения действительности, в котором происходит кодирование и категоризация знания в знаковой (символической) форме. В ходе категоризации языковое сознание расчленяет опытные знания на элементы и устанавливает между ними определённые связи и отношения (сходства, тождества, различия). Таким образом происходит обогащение языковых знаков, с одной стороны, опытом когнитивного освоения действительности, а с другой, знаниями языковыми (лексико-семантическими, грамматическими, прагматическими) [Алефиренко, 2005, с. 51].

Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. В пределах концепта когнитивные классификационные признаки упорядочивают в единую структуру многочисленные дифференциальные когнитивные признаки, образующие содержание концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 89–90]. Рассмотрение оппозиции «свой – чужой» как основного концепта китайской культуры и, в частности, политического медиадискурса, предполагает выявление базовых когнитивных признаков, связанных с актуализацией данного концепта в текстах и речи представителей китайской политической жизни, и описание основных фразеологических средств, реализующих данную оппозицию.

2. Актуализация оппозиции «свой – чужой» в паремиях в рамках политического медиадискурса [Actualization of the opposition “own – alien” in paroemias within the framework of political media discourse]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Прежде всего отметим, что в данном исследовании под китайскими паремиями следует понимать наиболее распространённую их разновидность – чэньюй. Китайские чэньюй – это устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой форме четырёхсложных словосочетаний и предложений выразительно отображают различные понятия китайских реалий.

Объектом настоящего исследования являются паремии, актуализирующие оппозицию «свой – чужой» в китайском политическом медиадискурсе. Анализ научной литературы показал, что исследования паремий, вербализующих эту оппозицию на фоне китайского языка, на настоящий момент отсутствуют.

Источниками данных для исследования послужили Китайско-русский словарь идиом [Сизов, 2005], Китайско-русский фразеологический словарь» [Готлиб, 2019], Словарь привычных выражений современного китайского языка [Кожевников, 2005], корпус политических выступлений Гонконгского баптистского университета [CPS], корпус китайско-английского политического устного перевода [SERIC].

Отбор эмпирического материала осуществлялся вручную по указанным словарям методом сплошной выборки. В результате были выделены паремии, вербализующие оппозицию «свой – чужой». Далее выявленные единицы вводились в строку поиска в корпусах, реализуя метод направленной выборки.

Общее количество найденных в словарях единиц составило более 90 чэньюй, в корпусах с этими единицами было найдено 800 контекстов. К найденному материалу

были применены семантический и контекстуальный анализ, выявленные закономерности были изложены с помощью описательного метода.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В результате проведённого семантического анализа чэньюй, вербализующих оппозицию «свой – чужой» в китайском политическом медиадискурсе, были выявлены следующие базовые когнитивные признаки:

- 1) ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ (24 чэньюй);
- 2) УПОРСТВО, УСЕРДИЕ (15 чэньюй);
- 3) НРАВСТВЕННОСТЬ И МОРАЛЬ (14 чэньюй);
- 4) РАЦИОНАЛЬНОСТЬ (11 чэньюй);
- 5) ВРЕМЯ (7 чэньюй);
- 6) СПОСОБНОСТИ (7 чэньюй);
- 7) ТРУДОЛЮБИЕ (7 чэньюй);
- 8) УВЕРЕННОСТЬ (6 чэньюй).

Одним из самых многочисленных когнитивных признаков оказалась категория ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ. В условиях политического дискурса представляется необходимым разграничить «своих» и «чужих», определить сферу их влияния и дать оценку их действиям. Данная категория реализуется через такие признаки, как «собственный / принадлежащий другим», «друг / враг», «привычный / необычный», «знакомый / незнакомый», «единый / раздробленный» и другие. В качестве примеров чэньюй, вербализующих эту категорию, было отобрано 24 единицы, из которых часть представляет собой положительные оценочные характеристики, а часть – отрицательные:

Положительные характеристики:

并驾齐驱 bìngjià qíqū – 'бежать бок о бок, идти голова в голову; равны, не уступают друг другу';

患难与共 huànnàn yǔ gòng – 'делить с (кем-л.) горе и невзгоды; вместе (совместно) переносить бедствия и горе';

将心比心 jiāngxīn bǐxīn – 'ставить себя на место других; чувствовать себя как другие';

众所周知 zhòngsuǒ zhōuzhī – 'общеизвестно, что...; все знают, что...; общеизвестный';

当家作主 dāngjiā zuòzhǔ – 'стать [быть] полноправным хозяином';

半壁江山 bànbì jiāngshān – 'половина территории страны (отсылка к неоккупированной части захваченной страны)';

根深蒂固 gēnshēn dìgù – 'укорениться, пустить глубокие корни, прочно обосноваться'; отметим, что эта поговорка может иметь и отрицательную окраску;

同心同德 tóngxīn tóngdé – '[держаться] одних помыслов (стремлений) и одних [моральных] устоев; [идейное и моральное] единство; единомышленный';

万众一心 wànzhòng yīxīn – 'все как один человек, единомышленно, сплочённо, в едином порыве';

心心相印 xīnxīn xiāngyìn – 'сердца бьются в унисон, родство душ, родственные души; понимать друг друга без слов; взаимопонимание';

同甘共苦 tónggān gòngǔ – 'делить радость и горе, разделить радости и печали'.

Отрицательные характеристики:

剑拔弩张 jiànbá nǔzhāng – 'меч обнажён и натянута тетива самострела; обр. готов к бою, в состоянии боевой готовности; напряжённое (состояние, обстановка)';

数典忘祖 shǔdiǎn wàngzǔ – 'перечисляя исторические события, не упомянуть своих предков (в знач.: забыть о собственных предках; забывать о том, откуда взялось; не помнящий родства)';

Анализ использования чэньюй категории ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ в политическом медиадискурсе показал, что в выступлениях китайских политиков Китай позиционируется как единое, самодостаточное государство, не зависящее от других. Так, в 2016 году, выступая на пресс-конференции, посвящённой отчету о работе правительства, премьер Ли Кэцян, говоря о взаимоотношениях России и КНР, высказался о своей стране как о самостоятельном, независимом государстве, используя чэньюй 独立自主 *dúlìzìzhǔ* 'суверенный, самостоятельный, независимый' (перевод мой – Ю. А.):

«中国奉行的是独立自主的外交政策。中俄关系不会因为国际形势的变化受到影响，不受第三方的压力。我们还会继续推进中俄关系向前发展。」(СЕРИС) – 'Китай проводит **независимую** внешнюю политику. Китайско-российские отношения не будут затронуты изменением международной ситуации и не будут подвергаться давлению со стороны третьих лиц. Мы продолжим способствовать развитию российско-китайских отношений'.

Что касается отрицательных оценочных характеристик чэньюй категории ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, тут «чужими» выступают враги, люди с отличной точкой зрения, явления, не вписывающиеся в привычный ход жизни и т. п. Одним из примеров использования паремий, описывающих данную категорию в политических публикациях, служит чэньюй 格格不入 *gégébùrù* 'быть совершенно чужим (чуждым), совершенно не соответствовать, не «влияться» в коллектив'. Ли Пэн, премьер Государственного совета КНР, в своём Отчёте о работе правительства на второй сессии Восьмого Всекитайского собрания народных представителей 10 марта 1994 года так описал коррупционные действия, имеющие место в руководящих органах на всех уровнях в Китае:

«政府工作人员特别是各级领导干部必须牢记，我们手中的权力是人民给的，以权谋私完全违背人民政府的宗旨，是同我国的社会制度格格不入的。」(СРС) – 'Государственные служащие, особенно руководящие кадры на всех уровнях, должны помнить о том, что власть в наших руках принадлежит людям. Использование власти в личных целях полностью противоречит целям народного правительства и **несовместимо** с социальной системой нашей страны' (перевод мой – Ю. А.).

В рамках второго базового когнитивного признака оппозиции «свой – чужой» УПОРСТВО, УСЕРДИЕ, реализуемого в китайском политическом медиадискурсе, было отобрано 15 чэньюй, актуализируемых по дифференциальным признакам «упорный, упрямый / податливый, слабый», «усердный / небрежный».

Примеры чэньюй с **положительными характеристиками**:

百折不挠 *bǎizhé bùnáo* – 'не сворачивать с пути, несмотря на сотни препятствий; непреклонный, негибачаемый; последовательный';

不遗余力 *bù yí yúlì* – 'положить все силы; с напряжением всех сил; делать всё, что в силах, не жалеть сил; из кожи вон лезть; яростный (критика)';

艰苦奋斗 *jiǎnkǔ fèndòu* – 'упорно бороться, упорная и самоотверженная борьба';

再接再厉 *zài jì jē zài lì* – 'всё с большей настойчивостью и энергией; всё упорней, с возрастающей энергией';

精益求精 *jīng yì qiú jīng* – 'не останавливаться на достигнутом, неустанно совершенствоваться';

蒸蒸日上 *zhēngzhēng rìshàng* – 'изо дня в день развиваться; повышаться с каждым днём; идти в гору';

与日俱增 *yǔ rì jù zēng* – 'с каждым днём всё возрастать, изо дня в день увеличиваться';

发愤图强 *fāfèn túqiáng* – 'обр. отдавать все силы (делу подъёма страны)';

自强不息 *zìqiángbùxī* – 'неустанно крепить свои силы, неуклонно стремиться вперёд, постоянно совершенствоваться';

方兴未艾 *fāngxīng wèi'ài* – 'в стадии непрерывного роста, находиться на подъёме, бурно развиваться'.

Отрицательные характеристики:

墨守成规 mòshǒu chéngguī – 'по примеру Мо Ди держаться установленных образцов' (обр. в знач. 'действовать по шаблону, погрязнуть в косности; по старинке').

Чжао Цзыян, премьер Государственного совета КНР, в рамках Отчёта о работе правительства за 1987 год на Пятой сессии Шестого Всекитайского собрания народных представителей 25 марта 1987 года использовал чэньюй 固执己见 gùzhí jǐjiàn 'упрямо гнуть свою линию, упрямо держаться своих взглядов, упорствовать в своём (ошибочном) мнении'. Таким образом, реализуя концепт «чужой», он описал людей, упорно придерживающихся принципов либеральной буржуазии:

要把极个别顽固坚持资产阶级自由化、一贯反对四项基本原则的人，同有某些自由化观点、但不固执己见、遵守纪律的人严格区别开来，坚持团结绝大多数人的方针。。。 (CPS). – 'Необходимо строго отличать тех людей, кто упорно придерживается буржуазной либерализации и последовательно выступает против четырёх основных принципов, от тех, кто имеет некоторые либеральные взгляды, но не упорствует и соблюдает дисциплину, и поддерживает политику, объединяющую подавляющее большинство людей...!'

Одной из наиболее значимых для китайского общества, характеризуемого следованием традициям, опорой на авторитеты, поддержанием репутации, является категория НРАВСТВЕННОСТЬ И МОРАЛЬ. Конфуцианский принцип человеколюбия, выраженный в категории жэнь 'гуманность', не мог не найти своего отражения и в политической жизни современного Китая. Данная категория, по словам А. Л. Титова, служила в качестве универсального принципа и аккумулировала все самые достойные нравственные ценности [Титов, 2015, с. 41]. В выступлениях ведущих политиков КНР в настоящее время часто прослеживается мягкость в оценке «чужих», терпимость в отношении их возможных недостатков, стремление к взаимовыгодному сотрудничеству.

Оппозиция «свой – чужой» детализируется здесь через такие признаки, как «честный / лживый», «порядочный / порочный». Мы выделили 14 чэньюй, положительно и отрицательно характеризующих категорию НРАВСТВЕННОСТЬ И МОРАЛЬ:

Положительные характеристики:

光明磊落 guāngmíng lěilào – 'откровенный и ясный, простодушный и открытый; благородный, честный';

清正廉洁 qīngzhèng liánjié – 'правильный, незапятнанный, неподкупный';

廉洁奉公 liánjié fènggōng – 'бескорыстно служить обществу; быть неподкупным и преданным делу; честно и неподкупно служить общему делу';

不屈不挠 bùqūbùnáo – обр. 'несгибаемый, непреклонный, непоколебимый';

全心全意 quán xīn quán yì – 'всем сердцем и всеми помыслами; беззаветно; от души, от всего сердца';

见义勇为 jiànyì yǒngwéi – 'самоотверженный, отважный, героический; броситься на помощь'.

Отрицательные характеристики:

触目惊心 chù mù jīng xīn – 'ошеломлять, потрясать, поражать, пугать; ошеломляющий; жуткий, ужасающий';

歪风邪气 wāifēng xiéqì – 'порочный стиль; нездоровое поветрие; вредное поветрие; порочные тенденции';

不正之风 bù zhèng zhī fēng – 'вредное поветрие; порочный (дурной) стиль'.

Осмысленное отношение индивида к жизни, разумный подход к публичной деятельности и предпринимаемым политическим шагам отражается в когнитивном признаке РАЦИОНАЛЬНОСТЬ и конкретизируется дифференциальными признаками «рациональный / нерациональный», «целесообразный / шаблонный». Приведём ряд примеров актуализации данной категории:

Положительные характеристики:

循序渐近 xúnxù jiànjìn – 'постепенно и планомерно [двигаться вперёд], придерживаться принципа постепенности (последовательности)';

对症下药 duìzhèng xià yào – 'назначать лекарство в соответствии с болезнью' (обр. в знач. 'принимать целенаправленные меры');

合情合理 héqíng hélǐ – 'рационально, благоразумно, справедливо и логично; соответствовать обстановке и высшим принципам; отвечать практическому положению и теоретическим установкам';

大有可为 dà yǒu kě wéi – 'имеются широкие возможности; открывается широкое поле деятельности; многообещающий, перспективный; быть стоящим (целесообразным)';

标本兼治 biāo běn jiān zhì – кит. мед. 'одновременное лечение и причины, и симптомов заболевания, меры по исправлению причин и следствий'.

Отрицательные характеристики:

变本加厉 biàn běn jiā lì – обр. 'проявляться с большой силой, усиливать до крайности; переходить всякие границы; усугублять, обострять (напр. обстановку); пагубный; с удвоенной силой';

按部就班 ànbù jiùbān – 'аккуратно; дисциплинированно; как положено; в установленном порядке; по обыкновению; по шаблону; рутинный; шаблонный; косный'; данная паремия может иметь и положительную коннотацию;

以权谋私 yǐ quán móu sī – 'использовать служебное положение в корыстных целях'.

Во временном плане реализация оппозиции «свой – чужой» происходит делением когнитивного признака ВРЕМЯ на дифференциальные признаки «настоящее» и «прошедшее» с «будущим». Минувшее или будущее часто воспринимается как «чужое», а текущие дела, события оцениваются положительно. Есть и сугубо нейтральные паремии, например, 与此同时 yǔcǐ tóngshí – 'в то же время, между тем, вместе с этим, наряду с этим'.

Положительные характеристики:

与时俱进 yǔshí jùjìn – 'развиваться со временем; идти в ногу со временем; следовать веяниям времени';

长期以来 chángqī yǐlái – 'издавна, с древних времён, на протяжении длительного времени'; в целом нейтрально, но может иметь и положительную окраску;

日新月异 rìxīn yuèyì – 'идти в ногу со временем, непрерывно обновляться' (о беспрерывном и быстром развитии).

Отрицательные характеристики:

风云变幻 fēngyún biànhuàn – 'меняться, как гонимые ветром тучи' (обр. о быстрых кардинальных переменах);

固步自封 gù bù zì fēng – 'довольствоваться прежним, не воспринимать новое, держаться за прошлое; упорствовать; косный, консервативный'.

Далее в категоризации «своего» и «чужого» принимают участие следующие когнитивные признаки:

СПОСОБНОСТИ – «умный / недалекий», «разнообразный / односторонний», представленные следующими паремиями:

Положительные характеристики:

力所能及 lìsuǒnéngjí – 'под силу, по силам, посильный; в меру сил, по мере сил';

出类拔萃 chūlèi bácuì – 'выделяться из своей среды и превосходить лучших своими способностями; выдающийся; из ряда вон выходящий';

丰富多彩 fēngfù duōcǎi – 'обильный и разнообразный, богатый и разноцветный, многогранный, многосторонний, разносторонний'.

Отрицательные характеристики:

以偏概全 yǐpiān gàiquán – 'односторонний подход; необоснованный вывод; субъективное суждение';

滥竽充数 làn yú chōng shù – обр. 'чтобы место не пустовало, для круглого числа, бесплатное приложение, не соответствовать своему назначению, на безрыбье и рак рыба'.

Образ «своего» в политическом аспекте часто подвергается критике, что служит способом убедить аудиторию в трезвом взгляде на текущую ситуацию и даёт возможность политику выдвинуть обещания по её улучшению. Дональд Цанг, будучи главным министром администрации Гонконга, в 2007 году в одном из своих выступлений отметил несостоятельность местных органов власти в решении ряда экономических вопросов, описывая её с помощью чэньюй 力不从心 lì bù cóng xīn 'хочется, да не может; при всём желании не в силах, не по силам, руки коротки' (перевод мой – Ю. А.):

«过去十年我们在推动基建方面显得力不从心，今年可能是我们近年来整体基建支出最少的一年，为此我特别在新一届政府改组中成立发展局，统筹各项重大基建工程。」 (СЕРИС) – 'В последние десять лет мы были неспособны развивать инфраструктуру, этот год может стать годом с наименьшими общими расходами на инфраструктуру за последние годы. По этой причине я создал Бюро развития в рамках реорганизации нового правительства для координации различных инфраструктурных проектов' (перевод мой – Ю. А.)

ТРУДОЛЮБИЕ – «трудолюбивый / ленивый», «тяжёлый, трудный / лёгкий», репрезентантами данных признаков в политическом дискурсе Китая являются следующие чэньюй:

Положительные характеристики:

埋头苦干 máitóu kǔgàn – 'самозабвенно работать, уходить с головой в работу; упорно трудиться; работать не покладая рук';

自食其力 zì shí qí lì – 'кормиться своим трудом; самому зарабатывать себе на жизнь; жить своим трудом';

自给自足 zìjǐ zìzú – 'самообеспечение, автаркия; находиться на полном самообеспечении';

夙夜在公 sù yè zài gōng – 'работать с величайшим прилежанием, дневать и ночевать на работе' (букв. 'работать с утра до ночи').

Отрицательные характеристики:

任重道远 rènzhòng dào yuǎn – 'ноша тяжела, а путь далёк' (обр. в знач. 'долгое время нести тяжёлую ответственность'); может иметь и положительную окраску;

艰苦卓绝 jiānkǔ zhuójué – 'тяжелейший, труднейший, титанический'; может иметь и положительную окраску.

УВЕРЕННОСТЬ – «уверенный / неуверенный», «надёжный / ненадёжный», «смелый / нерешительный», находят языковое выражение в следующих поговорках:

Положительные характеристики:

中流砥柱 zhōngliú-dǐzhù – геогр. 'Дичжу' (каменная скала, выступающая по середине реки Хуанхэ; обр. 'стоять, как скала против течения' (о надёжном человеке); 'надёжная опора';

一往无前 yī wǎng wú qián – 'смело двигаться вперёд, не боясь трудностей; идти вперёд по пути, по которому не ходили предшественники; прокладывать новые пути, быть пионером' (также перен. в знач. 'смелый, бесстрашный').

Отрицательные характеристики:

半途而废 bàntú ér fèi – 'остановиться (бросить) на полпути; быть половинчатым (в решении, деле);

动荡不定 dòngdàng bùdìng – 'неустойчивый, беспокойный (о ситуации)'.

Концепт «чужой» реализуется в поговорках, описывающих эмоциональное состояние и свойства, качества объекта: так, призывая к реформе существующей системы, Чжао Цзыян, премьер Государственного совета КНР, в своём Отчёте о работе правительства в рамках четвёртой сессии Шестого Всекитайского собрания народных пред-

ставителей 25 марта 1986 года, описал текущее состояние в стране, используя чэньюй 惊惶失措 jīnghuáng shīcuò 'быть в полной растерянности (от перепуга, боязни)' (перевод мой – Ю. А.):

这种情况，客观地要求我们的各级领导、广大干部和人民群众，对旧体制转换的艰巨性和复杂性要有足够的认识，对改革中出现这样那样的问题要有充分的思想准备，决不能因为出了点问题就惊惶失措，甚至因噎废食，放弃改革。(CPS) – 'Такая ситуация объективно требует, чтобы наши лидеры на всех уровнях, руководящие кадры и народные массы имели достаточное понимание трудностей и сложности трансформации старой и новой систем и были полностью готовы к проблемам такого рода в процессе реформирования. Мы ни в коем случае не должны **паниковать** из-за того, что что-то идёт не так, или даже отказываться от реформ из-за страха перед неудачей» (перевод мой – Ю. А.)

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итоги краткого рассмотрения актуализации оппозиции «свой – чужой» через использование чэньюй в китайском политическом медиадискурсе, мы приходим к выводу, что, во-первых, данная оппозиция является базовой когнитивной категорией сознания, широко представленной в форме паремий. Когнитивные признаки, участвующие в категоризации оппозиции, являются основополагающими не только для конкретного дискурса политических речей, но и формирующими образ мира, упорядочивающими действительность индивида.

Во-вторых, в связи с особенностями функционирования политического медиадискурса «своими» и «чужими» могут выступать как государство, партия, нация, экономическая система, так и явления, соответствующие или не соответствующие принятым субъектом нормам. Основными признаками концептов «свой» и «чужой» являются признаки «такой, как я» и «не такой, как я» соответственно.

В-третьих, в условиях политического медиадискурса бинарная оппозиция «свой – чужой» организуется на ценностной основе («свой» – это чаще всего «хороший», а «чужой» – «плохой»), заставляя актуализирующие её средства воздействовать на общественное сознание и руководствоваться общепринятыми «правилами игры».

Библиографический список

- Алефиренко, 2002 – Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 391 с.
- Алефиренко, 2005 – Алефиренко Н. Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции // Жанры речи. 2005. № 4. С. 50–63.
- Баранов, 2011 – Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта : Наука, 2011. 592 с.
- Водак, 1997 – Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В. И. Карасика и Н. Н. Трошиной. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
- Гришаева, 2003 – Гришаева Л. И. Аккультурация как трансформация оппозиции «свой» – «чужой». Волгоград: Перемена, 2003. 36 с.
- Дейк, 1989 – Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Добросклонская, 2016 – Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5–7 октября 2016 г.: сб. науч. работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 13–22.

- Зырянов и др., 2021 – Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. «Свой»: анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 46–62. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62
- Попова, Стернин, 2007 – Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ, Восток-Запад, 2007. 315 с.
- Савочкина, 2012 – Савочкина А. А. К вопросу о методологии политического дискурс-анализа // Язык как структура и социальная практика: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11 / под ред. Т. П. Карпухиной. Хабаровск, 2012. С. 72–78.
- Степанов, 2004 – Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 991 с.
- Сычева, Ишмухаметова, 2018 – Сычева О. Н., Ишмухаметова Я. К. Лексико-синтаксические средства воздействия в политической речи Дональда Трампа в ходе избирательной кампании 2016 года // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 1. С. 69–83. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_69_83
- Телия, 1996 – Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Титов, 2015 – Титов А. Л. Гуманность – жэнь в философской системе Сюнь-цзы // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 4. С. 38–54.
- Шейгал, 2000 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 386 с.
- Сизов, 2005 – Сизов С. Ю. Китайско-русский словарь идиом. М. : АСТ : Восток-Запад, 2005. 317 с.
- Готлиб, 2019 – Готлиб О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
- Кожевников, 2005 – Кожевников И. Р. Словарь привычных выражений современного китайского языка. М. : АСТ : Восток-Запад, 2005. 333 с.
- Fowler, 1991 – Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London–N-York, 1991. 254 p.
- CPS, 2022 – Corpus of Political Speeches. 2022. URL: <https://digital.lib.hkbu.edu.hk/corpus/> (дата обращения : 02.02.2022).
- CEPIC, 2022 – The Chinese / English Political Interpreing Corpus. 2022. URL : <https://digital.lib.hkbu.edu.hk/ceplic/index.php> (дата обращения : 02.02.2022).

References

- Alefirenko, N. F. (2002). *Poeticheskaya energiya slova: Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury* [Poetic energy of the word: Synergy of language, consciousness and culture]. Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Alefirenko, N. F. (2005). Kontsept i znachenie v zhanrovoy organizatsii rechi: kognitivno-semasiologicheskie korrelyatsii [Concept and meaning in the genre organization of speech: Cognitive-semasiological correlations]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 4, 50–63. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (2011). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic expertise of the text: Theoretical foundations and practice]. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Wodak, R. (1997). *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Grishaeva, L. I. (2003). *Akkul'turatsiya kak transformatsiya oppozitsii «svoiy» – «chuzhoiy»* [Acculturation as a transformation of the “friend – foe” opposition]. Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Dijk, T. A. van. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]: A collection of papers. Ed. by V. V. Petrov ; translated from English by V. I. Gerasimov ; foreword by Yu. N. Karaulov, V. V. Petrov. Moscow : Progress Press. (In Russ.).

- Dobrosklonskaya, T. G. (2016). Novostnoy diskurs kak ob"ekt mediallyingvisticheskogo analiza [News discourse as an object of media linguistic analysis]. In E. A. Kozhemyakin, A. V. Polonskiy (Eds), *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya* [The discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education]: II International Conf. Proc. *Aktual'nye problemy sovremennoy mediallyingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom* [Current Issues of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad]: II International Seminar Proc., Belgorod, NIU «BelGU» (pp. 13–22). Belgorod : BelSU Press. (In Russ.).
- Zyryanov, M. S., Kashpur, V. V., Andreeva, T. L. (2021). «Svoy»: analiz yazykovoy reprezentatsii i modelirovaniye kategorii (na materiale sushchestvitel'nykh, funktsioniruyushchikh v tekstakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI o vooruzhennom konflikte v Sirii) “Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 46–62. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow : AST, Vostok-Zapad Press. (In Russ.).
- Savochkina, A. A. (2012). K voprosu o metodologii politicheskogo diskurs-analiza [Concerning the methodology of political discourse analysis]. In T. P. Karpukhina (Ed.), *Yazyk kak struktura i sotsial'naya praktika* [Language as structure and social practice]: A collection of papers (Vol. 11, pp. 72–78). Khabarovsk. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow : Akademicheskiiy proekt Press. (In Russ.).
- Sycheva, O. N., Ishmukhametova, Ya. K. (2018). Leksiko-sintaksicheskie sredstva vozdeystviya v politicheskoy rechi Donal'da Trampa v khode izbiratel'noy kampanii 2016 goda [Lexical and syntactic levers in Donald Trump's political speech in the 2016 presidential campaign]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (1), 69–83. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_69_83
- Teliya, V. H. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiiy, pragmaticheskiiy i lingvokul'turologicheskiiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Titov, A. L. (2015). Gumannost' – zhen' v filosofskoy sisteme Syun'-tszy [Humanity (ren) in the philosophical system of Xunzi]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], 4, 38–54. (In Russ.).
- Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Sizov, S. Yu. (2005). *Kitaysko-russkiy slovar' idiom* [Chinese-Russian dictionary of idioms]. M. : AST Press : Vostok-Zapad Press. (In Russ.).
- Gotlib, O. M. (2019). *Kitaisko-russkiy frazeologicheskiiy slovar'* [Chinese-Russian phraseological dictionary]. Irkutsk : ISU Press. (In Russ.).
- Kozhevnikov, I. R. (2005). *Slovar' privychnykh vyrazheniy sovremennogo kitayskogo yazyka* [Dictionary of habitual expressions of modern Chinese]. Moscow : AST Press : Vostok-Zapad Press. (In Russ.).
- Fowler, R. (1991). *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London–N-York, 1991.
- Corpus of Political Speeches (2022). Retrieved February 2, 2022 from <<https://digital.lib.hkbu.edu.hk/corpus/>>.
- The Chinese / English Political Interpreing Corpus (2022). Retrieved February 2, 2022 from <<https://digital.lib.hkbu.edu.hk/cepic/index.php>>.

Громовенко Дарья Сергеевна
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dariagromovenko@gmail.com

Языковая репрезентация ядра художественного концепта УЖАС в рассказе «Ужас Данвича» Г. Ф. Лавкрафта: переводческие решения

Аннотация

Данная статья посвящена особенностям перевода языковых средств, репрезентирующих ядро концепта УЖАС в творчестве Г. Ф. Лавкрафта. Ядром концепта УЖАС является вызывающая ужас сущность, не соответствующая категориям человеческого мышления, перцептивные признаки которой не могут быть в полной мере описаны с помощью языковых средств. Материалом исследования послужил рассказ Г. Ф. Лавкрафта «The Dunwich Horror» («Ужас Данвича») и его переводы, выполненные Е. Мусихиным, П. Лебедевым и О. Колесниковым. Всего было проанализировано порядка 50 единиц оригинала, отобранных методом сплошной выборки, и три варианта их перевода. Определение особенностей перевода репрезентантов концепта в данной статье осуществляется через рассмотрение использованных автором произведения стилистических приёмов и анализ способов их передачи в тексте перевода. Кроме того, применялись метод анализа словарных дефиниций, контекстный и фреймовый анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод. Было установлено, что языковая репрезентация концепта УЖАС обусловлена этапом развития сюжета: в завязке и развязке доминируют распространённые предложения, насыщенные метафорами, сравнениями и эпитетами, при переводе которых успешно применяется модуляция и синтаксическое уподобление. В кульминации метонимический перенос наименования эмоции на вызывающий ужас объект в оригинале успешно адаптируется в тексте перевода с помощью яркого эмоционально-окрашенного эпитета.

Ключевые слова: художественный концепт, репрезентация концепта, ужас, эмоциональный концепт, переводческие трансформации, weigd-реализм

© Громовенко Д. С. 2022

Для цитирования: Громовенко Д. С. Языковая репрезентация ядра художественного концепта УЖАС в рассказе «Ужас Данвича» Г. Ф. Лавкрафта: переводческие решения // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 17–31. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_17

Daria S. Gromovenko
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
dariagromovenko@gmail.com

Language representation of the core of the HORROR concept in H. P. Lovecraft's short story "The Dunwich horror": Translation solutions

Abstract

This paper examines the challenges a translator may encounter while dealing with the language means that represent the HORROR concept core. The core of the HORROR concept is an awe-inspiring entity whose essence cannot be categorized by a human, and whose perceptual features cannot be fully described in words.

The research is based on H. P. Lovecraft's short story "The Dunwich Horror", translated by E. Musikhin, P. Lebedev and O. Kolesnikov. Over 50 language units were selected in the original in order to determine the language means representing the concept. They were further stylistically analyzed together with the three corresponding translation variants to identify the tropes. Additionally, the following methods were applied: dictionary definition analysis, context analysis, frame analysis and comparative method. It was found that the language means clearly depended on the plot stage. Thus, exposition and denouement were characterized by complex sentence structures full of metaphors, similes and epithets. To successfully translate those structures, modulation and syntactic imitation were used. Approaching the climax, H. P. Lovecraft applied metonymic transfer of the emotion name to a terrifying object which was successfully translated by an epithet with negative connotation.

Keywords: literary concept, the concept representation, horror, emotional concept, translation transformations, weird realism

© Gromovenko D. S. 2022

For citation: Gromovenko, D. S. (2022). Yazykovaya reprezentatsiya yadra khudozhestvennogo kontsepta UZHAS v rasskaze «Uzhas Danvicha» G. F. Lavkrafta: perevodcheskie resheniya [Language representation of the core of the HORROR concept in H. P. Lovecraft's short story "The Dunwich horror": Translation solutions]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 17–31. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_17

«Все мои рассказы основаны на фундаментальной предпосылке, что всеобщие человеческие законы и чувства не действительны или же не значимы в неограниченном космосе...» [Спрэг де Камп, 2019, с. 395]

Г. Ф. Лавкрафт

1. Введение [Introduction]

В последнее десятилетие феномен творчества Г. Ф. Лавкрафта стал объектом не только филологических, но и современных междисциплинарных исследований: исследуются особенности экранизации произведений писателя, осовременивания текста и репрезентации мифотворчества в популярной серии игр «The Elder Scrolls» [Ерохина, 2018]; вопросы превращения произведений писателя и последователей его концепции «космического ужаса» в гипертекст и формирования вокруг личности и наследия писателя бренда и франшизы [Пупышева, 2019].

Интерес к творчеству Г. Ф. Лавкрафта наблюдается и в лингвистике: ряд исследований посвящён концепту СТРАХ и его языковой репрезентации, однако в существующих исследованиях нет единого мнения о том, что считать ядром этого концепта. Согласно одной точке зрения, им является испытываемая человеком эмоция и разнообразие её вербальных и невербальных выражений в тексте [Козьма, 2021], согласно другой – к ядру относятся те сенсорные образы, что вызывают страх у человека [Грешнова, 2016, с. 197].

Проведённый нами концептный анализ, разработанный Т. И. Васильевой [Васильева, 2012, с. 53], показал, что ключевым в прозе Г. Ф. Лавкрафта является концепт УЖАС (HORROR). Данное именование нередко встречается и в заглавиях произведений на языке оригинала, и в переводе на русский язык: «The Dunwich Horror» («Ужас Данвича»), «The Horror at Red Hook» («Кошмар в Ред-Хуке»), «The Lurking Fear» («Притаившийся ужас»). Выбор данного наименования концепта в пользу УЖАС (HORROR) также обусловлен наименованием самого жанра, к которому принадлежит проза автора.

Ранее был представлен анализ структуры концепта УЖАС в произведениях Г. Ф. Лавкрафта с опорой на достижения объектно-ориентированной онтологии американского философа Грэма Хармана [Громовенко, 2021]. Ядро концепта составляет сам противоречащий законам человеческой логики ужасный объект, описания которого не

позволяют разглядеть его за его качествами. Творческий метод автора интерпретируется Грэмом Харманом как создание «зазоров» между объектами и их качествами: вертикальных «зазоров», оставляющих лишь общие, невычленимые качества ужасного объекта, и горизонтальных «зазоров», предполагающих избыточные описания нередко противоречащих друг другу характеристик, которые не позволяют объединить объект в одну целостную сущность [Harman, 2012]. Сам объект может быть представлен зрительным образом, звуковыми характеристиками, запахами, тактильными ощущениями, и эти признаки получают языковую объективацию в тексте художественного произведения.

2. Языковые средства репрезентации ядра концепта УЖАС [Language means representing the core of the HORROR concept]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для рассмотрения языковых средств репрезентации ядра концепта УЖАС в творчестве Г. Ф. Лавкрафта был избран рассказ «The Dunwich Horror» («Ужас Данвича»). Опубликованный в 1929 году, в середине творческого пути писателя, он представляет собой продукт уже сформировавшегося творческого подхода автора. В отличие от ряда других произведений, повествование в нём ведётся от третьего лица, что даёт возможность проанализировать репрезентацию концепта УЖАС независимо от субъективной оценки повествователя, присутствующей, пусть и крайне ограничено, в повествовании от первого лица. Следует отметить, что повествование содержит упоминания существ «извне», таких как старцы и Йог Сотот, страж врат в иной мир, которые получают развитие в более поздних рассказах Г. Ф. Лавкрафта и его последователей.

Репрезентанты концепта УЖАС отбирались вручную методом сплошной выборки. Всего было проанализировано порядка 50 языковых единиц оригинала и их переводы, выполненные тремя авторами (О. Колесниковым, П. Лебедевым и Е. Мусихиным).

К отобраным примерам и их переводам применялся метод анализа словарных дефиниций для выявления всего спектра значений исследуемых языковых единиц и контекстный анализ для определения актуализированного значения. Стилистический анализ позволил установить фонетические, лексические и синтаксические средства выразительности в оригинале и переводах, а с помощью сравнительно-сопоставительного метода была оценена степень эквивалентности переводов. Также мы обратились к фреймовому анализу с целью установить, с помощью каких признаков, отклоняющихся от когнитивных моделей, автор создаёт образ непознаваемого ужасного существа.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Итак, экспозицией рассказа выступают пейзажные зарисовки той местности в центральной части Массачусетса, где некогда находился вымышленный город Данвич. Первые страницы рассказа являют собой образец типичных для лавкрафтовской прозы приёмов создания эффекта саспенса: живописный пейзаж словно бы отравляет слухи об ужасных событиях прошлого – о грохоте, который доносился с холмов, об обрядах на их вершинах и лишённом всякой растительности склоне.

Гром, доносящийся с холмов, был следующим образом охарактеризован ещё в XVIII веке местным Данвичским проповедником, который, однако, вскоре после публичного выступления исчез (напомним, что это тоже вымышленный персонаж, а не историческая личность): <...> *there were a Rattling and Rolling, Groaning, Screeching, and Hissing, such as no Things of this Earth cou'd raise up, and which must needs have come from those Caves that only black Magick can discover, and only the Divell unlock.* [Lovecraft, 2013, p. 812].

В данном отрывке концепт УЖАС раскрывается через набор противоречивых характеристик звука, объективированных в рассказе, который не мог быть представлен как нечто цельное. Перед переводчиком стояла не только задача перевода перечисления, сопровождающегося морфемным повтором (*-ing*), компоненты которого едва ли мыслимы в общем контексте, но и эквивалентной передачи своеобразия языка проповеди, относящейся к середине 18 века. Рассмотрим два перевода, выполненных в 1993 году:

...он сопровождался треском и грохотом, стонами, скрежетом, шипением и свистом, издавать которые не способно ни одно существо на земле, Звуки эти несомненно исходят из тех пещер, обнаружить которые дано только чёрной Магии, а отпереть – одному Дьяволу [Лавкрафт, 1993 б, с. 168] (перевод П. Лебедева).

Следует отметить удачно сохранённый переводчиком приём звукописи в перечислении, в котором, однако, не все слова оригинала и перевода находятся в отношениях эквивалентности (см. слово *свистом*). Представляется, что нижеследующий вариант перевода с точки зрения эквивалентности более удачен:

...беседы эти сопровождалась Громами, и Скрежетом, и Шипом Змеиным, и ещё многими звуками, не порождёнными Землёю, но пришедшими из глубин Адовых, которые только Чёрная Магия и может обнаружить и которые только Дьявол и может отомкнуть [Лавкрафт, 1993 а, с. 406] (перевод Е. Мусихина).

Переводчик сохраняет аллитерацию в перечислении, эффективно применяет метафоризацию (*hissing – Шип Змеиный*, отсылая к змее как библейскому воплощению дьявола; *from those Caves – из Глубин Адовых*), удачно использует параллельные анафорические структуры и полисиндетон в присубстантивно-атрибутивных придаточных, а также устаревший старославянский тип склонения существительных (*Землею*) и архаичное написание Дьявол, стилистически подражая церковной проповеди.

Г. Ф. Лавкрафт превращает древние каменные сооружения на вершине холма в место, отмеченное зловещим присутствием: *Other traditions tell of foul odours near the hill-crowning circles of stone pillars <...>* [Lovecraft, 2013, p. 812].

Искушенный читатель понимает, что всякий не имеющий источника смрад в произведениях автора означает присутствие некоей зловещей силы извне. Отвратительный запах как один из перцептивных признаков концепта УЖАС является инструментом создания напряжения в повествовании. Перевод сочетания *of foul odours – о неприятных запахах*, предложенный как О. Колесниковым, так и П. Лебедевым, видится недостаточно точным ввиду необоснованной генерализации: излишне широкая семантика определения *неприятный* не соответствует экспрессивности оригинала и ничем не компенсируется, в то время как перевод Е. Мусихина *of foul odours – о нечистых смрадах* отражает интенсивность проявления признака, отмеченного определением *foul* (*extremely unpleasant*) [Cambridge Dictionary], соответствует стилю языка оригинала, в котором автор имитирует религиозный дискурс небольшого городка Новой Англии, живущего в страхе перед чёрной магией.

Вторая глава возвращает повествование в день, положивший начало Данвичскому кошмару: Лавиния из рода выжившего из ума старика Уэйтли разрешилась разительно не похожим на неё темноволосым ребёнком, рождение которого было отмечено усилившимся и продолжавшимся всю ночь ужасающим грохотом с холмов. Впоследствии редкие посетители отмечали ряд странностей в доме Уэйтли, среди которых – отвратительный запах, источник которого неизвестен: *Earl Sawyer <...> called their attention to the queer stench* [Lovecraft, 2013, p. 818].

Слова-репрезентанты перцептивных признаков ядра концепта служат своего рода сигналом о близости угрозы. Предложенный П. Лебедевым и О. Колесниковым перевод словосочетания-репрезентанта *queer stench – странный запах* уступает по силе эмоционального воздействия подобранному Е. Мусихиным эквиваленту *queer stench –*

более чем необычный смрад. Оправданная гиперболизация в данном переводе «поддерживает» творческий метод Г. Лавкрафта: намёк на описываемое предпочтительнее прямого определения.

Волнение среди посетителей вызывали и необъяснимой природы звуки, доносившиеся из дома: ... *from the vacant abyss overhead there came a disquieting suggestion of rhythmical surging or lapping, as of the waves on some level beach* [Lovecraft, 2013, p. 820].

Данный отрывок являет собой пример репрезентации звука «извне» – перцептивного признака ядра концепта УЖАС. Примечательно, что, хотя автор и даёт привычную характеристику звукам, сопровождая вполне земным сравнением со звуками волн на берегу моря, сам характер обстановки и нахождение источника звука где-то внутри дома делает данное сравнение неуместным. Усиливает впечатление создание вертикального зазора: автор не прямо утверждает, а лишь выносит тревожную (*disquieting*) догадку о возможных качествах звука.

О. Колесников предлагает лаконичный перевод выделенного репрезентанта, используя компрессию в обособленном определении: <...> *сверху, откуда-то над их головами, доносились всплески или шлепки, напоминающие плеск волн* [Лавкрафт, 2012, с. 116].

Данный перевод (*lapping – шлепки*) видится не совсем удачным ввиду несочетаемости лексем «шлепки» и «волны» (результат запроса в НКРЯ показал отсутствие вхождений). Лексема *lap* на языке оригинала свободно сочетается с лексемой *waves* согласно словарной статье в онлайн-версии Cambridge Dictionary (*to hit something gently, producing quiet sounds*). Нарушение сочетаемости разрушает образ, делая его мало устрашающим.

В переводе П. Лебедева наблюдается модуляция: ...*из пространства над их головами доносились беспокойные звуки, похожие на ритмичный шум набегающих на берег волн* [Лавкрафт, 1993 б, с. 176]

Стоит отметить, что поиск по базе НКРЯ показал низкую лексическую сочетаемость в словосочетании *беспокойные звуки*: результат запроса показал 4 вхождения. Переводчик намеренно допустил несочетаемость для создания яркого метафорического эпитета, усиливающего эффект присутствия силы из иных миров.

Е. Мусихин также прибегает к модуляции: ...*из пустот наверху раздавались странные звуки, как будто кто-то яростно метался туда-сюда; своим ритмом эти звуки напоминали шум океанских волн*. [Лавкрафт, 1993 а, с. 419]

Многословность могла бы оказаться излишней при переводе произведений иного автора, однако в полной мере удовлетворяет задачи перевода прозы Г. Ф. Лавкрафта, известного пристрастием к тяжёлому слогу и сложностью синтаксических конструкций. Смысловое развитие (*будто кто-то яростно метался туда-сюда*) отсылает к ранее упоминавшемуся в тексте свидетельству другого случайного гостя (*he thought he heard a horse stamping on that floor above – доносившиеся сверху звуки поразительно напоминали топот лошадиных копыт*) [Lovecraft, 2013, p. 818], что обеспечивает смысловую целостность текста и усиливает силу воздействия образа на читателя.

Отдельный пласт языковых средств-репрезентантов составляет предмет изысканий неестественно быстро взрослеющего бородатого отпрыска Лавинии – Уилбура Уэйтли. Особый интерес для него представляло содержание пыльных запретных томов (в их числе неполная переведённая копия «Некрономикона» – культовой во вселенной Г. Лавкрафта книги, содержащей оккультное знание об иных сферах бытия). После кончины деда Уилбур ведёт активную переписку с библиотеками, а впоследствии и наносит не принесший желаемого результата визит сначала в библиотеку Мискатоникского университета Аркхема (вымышленный город), а затем предпринимает роковую поездку в Кембридж.

К несчастью для Уилбура, библиотекарь Генри Армitedж бросает взгляд на текст заклинания, страница с которым вызывала интерес у отталкивающего вида посетителя,

и приходит к выводу, что его долг – помешать Уилбуру заполучить и использовать в своих целях зловещий «Некрономикон». Содержание этих страниц привело библиотекаря в состояние крайнего нервного возбуждения, стоило ему соотнести события, на протяжении десятилетий приводящие в страх жителей Данвича, с пророчествами о существовании угрожающих, недоступных зрению человека и превосходящих его материй. Армitedж охарактеризовал содержание страниц следующим образом: <...> *contained such monstrous threats to the peace and sanity of the world* [Lovecraft, 2013, p. 822].

Переводы О. Колесникова и П. Лебедева сохраняют метонимию оригинала и уподобляются его синтаксической структуре: ...*содержала чудовищные угрозы миру и спокойствию человечества* [Лавкрафт, 2012, с. 120] и ...*содержала чудовищные угрозы разуму и спокойствию нашего мира* [Лавкрафт, 1993 б, с. 179], в то время как Е. Мусихин прибегает к замене грамматической конструкции с добавлением атрибутивного придаточного и применением модуляции: ...*ужаснулся чудовищной угрозе человеческому разуму и самому существованию человечества, которая содержалась в тексте* [Лавкрафт, 1993 а, с. 423]. Модуляция *monstrous threats to peace <...> of the world – чудовищной угрозе <...> самому существованию человечества* раскрывает подразумеваемое автором стремление незримых объектов прервать человеческий род, существование которого по их меркам является ничтожным.

Чудовищной угрозой оказываются незримые *The Old Ones*. Перевод данного наименования представляет особую трудность: предложенный О. Колесниковым перевод *Старцы* отсылает к написанной позже повести «Хребты безумия» («At the Mountains of Madness»), где перевод *Старцы* закрепился за аналогичным именованием существ, некогда населявших Антарктиду, по останкам которых экспедиция могла судить о сходстве развития их цивилизации с развитием человеческой культуры, что противоречит данной в «Ужасе Данвича» характеристике *undimensioned and to us unseen* [Lovecraft, 2013, p. 823] (*лишённы измерений и невидимы для нас* [Лавкрафт, 1993 а, с. 423]) – перевод Е. Мусихина). Данное обстоятельство либо указывает на пересмотр мифа Г. Ф. Лавкрафтом в более поздних произведениях, либо обличает неспособность человека в лавкрафтовской вселенной различить превосходящих его древних существ. В этой связи необходимость единообразного перевода *The Old Ones* как *Старцы* спорна, следовательно, переводы П. Лебедева (*Старейшины*) и Е. Мусихина (*Боги Глубокой Древности*) могут быть признаны не в меньшей мере эквивалентными. При этом следует отметить распространение в русскоязычном онлайн-сообществе перевода (*Великие Древние*).

Отметим интересный вариант перевода Е. Мусихиным отрывка *The Old Ones were, the Old Ones are, and the Old Ones shall be* [Lovecraft, 2013, p. 823]: <...> *Боги Глубокой Древности пребудут ныне, присно и во веки веков*. [Лавкрафт, 1993 а, с. 423].

Допущенной вольностью переводчик компенсирует экспрессивность, передающуюся в оригинале через анафорический повтор: *ныне, присно и во веки веков* представляет собой аллюзию на церковнославянский вариант молитвы «Отче наш», что усиливает богохульный характер содержания запретного «Некрономикона», но представляется излишней доместикацией.

Упоминается в искомом Уилбуром отрывке и неоднократно появляющийся в рассказах древний бог Yog-Sothoth: транскрипция *Йог-Сотот* в переводах О. Колесникова и Е. Мусихина или транслитерация *Йог-Сотхотх* в переводе П. Лебедева. Вариант П. Лебедева представляет интерес в силу несочетаемости звуков в потоке речи и неблагозвучности в русском языке – эффект, которого добивался и сам автор оригинала, пытаясь передать звуки, несвойственные человеческому речевому аппарату [De Camp, 1975]. Образ Йог-Сотота выдержан в типичной лавкрафтовской манере: *Yog-Sothoth knows the gate. Yog-Sothoth is the gate. Yog-Sothoth is the key and guardian of the gate. Past, present, future, all are one in Yog-Sothoth*. [Lovecraft, 2013, p. 823].

Наиболее удачным представляется перевод О. Колесникова: *Йог-Сотот знает врата. Йог-Сотот и есть врата. Йог-Сотот – это и страж врат и ключ к ним. Прошлое, настоящее и будущее сливаются в нём воедино* [Лавкрафт, 2012, с. 120].

Переводчик уподобляет синтаксическую структуру перевода оригиналу, сохраняя анафорический и лексический повторы и градацию. Интересен выбор варианта *врата* (в переводах П. Лебедева и Е. Мусихина – *ворота*): неполногласный старославянизм усиливает «культовость» и сакральный характер «Некрономикона», из которого цитируется отрывок.

Наконец, отрывок подтверждает ранее высказанную идею о том, что отталкивающий запах сигнализирует о присутствии потусторонней сущности, и, следовательно, является перцептивным признаком ядра концепта УЖАС: *By Their smell can men sometimes know Them near <...>* [Lovecraft, 2013, p. 823].

Перевод О. Колесникова сохраняет авторскую инверсию и заглавное начертание в местоимении: *По запаху Их люди могут иногда узнать, что Они рядом <...>* [Лавкрафт, 2012, с. 120–121].

Менее удачным видится перевод П. Лебедева: *Люди могут иногда догадаться об Их близости по Их запахам, <...>* [Лавкрафт, 1993 б, с. 179].

Восстановление прямого порядка слов смещает рему и ослабляет эмфазу, особо выделенную в тексте оригинала. Отметим удачное объединение сложноподчинённого предложения в простое посредством грамматической замены наречия в оригинале на существительное в переводе.

Отличается от рассмотренных ранее перевод Е. Мусихина, где, как и у О. Колесникова, сохранена инверсия: *Иногда по Их духу можно определить, что Они где-то рядом, <...>* [Лавкрафт, 1993 а, с. 423].

Использование лексемы *дух* отсылает к библейскому образу нечистого духа, что представляется интересным решением, так как удачно вписывается в повествование о сверхъестественном.

Текст заклинания укрепил худшие подозрения библиотекаря – более того, после ухода неприятного посетителя в библиотеке явственно ощущался смрад – *unholy and unidentifiable stench*. [Lovecraft, 2013, p. 824]. Интерес представляют переводческие решения при переводе эпитета *unholy*: О. Колесников применяет приём модуляции, подчёркивая, что подобный запах по своей нечестивой природе способен вызвать у человека сильнейшее интуитивное отвращение: *неопознаваемое, но какое-то омерзительное зловоние* [Лавкрафт, 2012, с. 123], в то время как П. Лебедев сохраняет семантику отрицания земной морали, сквозящей в словах и деятельности Уилбура: *неопределённым, но порочным зловонием* [Лавкрафт, 1993 б, с. 181] (П. Лебедев).

Е. Мусихин обыгрывает многозначное слово *Дух* в сочетании с эпитетом *нечестивый*: *<...> непонятный, нечестивый Дух* [Лавкрафт, 1993 а, с. 425] (Е. Мусихин).

Инцидент в библиотеке и неожиданное откровение лишают библиотекаря покоя. Передаваемые рассказчиком размышления включает ряд слов-репрезентантов ядра концепта УЖАС, содержащих семы «чужеродности», «иноземности». Рассмотрим наиболее яркие примеры:

1. *<...> black gulfs of essence and entity that stretch like titan phantasms beyond all spheres of force and matter; space and time.* [Lovecraft, 2013, p. 823].

Автор создаёт вертикальный зазор в описании сущностей и их бытия вне человеческих измерений, усиливая их непостижимый характер сравнением *like titan phantasms*. Е. Мусихин синтаксически уподобляет переведённый текст оригиналу, но с помощью импликации избегает неблагозвучности других переводов:

<...> в чёрные бездны бытия (сравним у О. Колесникова – *с чёрными безднами сущности и сущностности* [Лавкрафт, 2012, с. 122], и у П. Лебедева *с чёрными без-*

динами сущности и существования [Лавкрафт Х. Ф., 1993 б, с. 180]), что, **подобно туманическим фантомам, простерлись далеко за пределами пространства и времени, энергии и сознания** [Лавкрафт, 1993 а, с. 424].

2. *Unseen things not of earth—or at least not of tri-dimensional earth – rushed foetid and horrible* <...> [Lovecraft, 2013, p. 824].

Рассмотрим два отличных друг от друга подхода к переводу данного отрывка. Сохраняя структуру и стилистические приёмы оригинала (обособление и яркие эпитеты), П. Лебедев добивается эквивалентного по семантическому наполнению и эмоциональному воздействию перевода, однако соответствие *things* – *вещи* обезличивает угрозу извне, обладающую превосходящим человека интеллектом, не учитывает широкий контекст и по этой причине видится спорным:

Невиданные на земле вещи – по крайней мере, на трёхмерной земле – нахлынули на него, смрадные и ужасные <...> [Лавкрафт, 1993, с. 181].

Е. Мусихин подбирает более удачный эквивалент слову с недифференцированным значением (*things* – *существа*), сохраняет обособление, заменяет эпитеты на распостранённое обособленное определение, усиливая экспрессивность образа, но оставаясь в рамках свободы «вторичного» автора текста:

Невидимые существа неземного происхождения – или, по крайней мере, берущие своё начало отнюдь не из трёхмерного земного пространства – проносились <...> оставляя за собою жуткий смрад и вызывая в душах людей леденящий ужас, <...> [Лавкрафт, 1993 а, с. 425].

3. *He seemed <...> to glimpse a hellish advance in the black dominion of the ancient and once passive nightmare.* [Lovecraft, 2013, p. 824].

Данный пример отражает умение Г. Лавкрафта расширять экспрессивность образа угрожающего инога измерения, описывая его с помощью метафор без языковой объективации перцептивных признаков, позволяющих составить о нём чёткое представление, выдерживая при этом единый стиль повествования. Всё это в совокупности составляет трудность для переводчиков.

В приведённых ниже переводах наблюдается импликация одной из метафор. П. Лебедев опускает образ власти, передаваемый через метафору *dominion*, в то время как Е. Мусихин фокусируется на передаче признака обладания властью, компенсируя образность метафоры *nightmare* ранее в контексте:

<...> увидел мельком *дьявольское приближение древнего, но пребывавшего прежде бездеятельным ночного кошмара* <...> [Лавкрафт, 1993, с. 181] (П. Лебедев).

<...> *будто воочию увидел проблеск чёрного царства древних властителей вселенной* <...> [Лавкрафт, 1993 а, с. 425] (Е. Мусихин).

После кончины Уилбура подземный гул и грохот на холмах стал настолько громким, что встревожил всю округу. За ним последовали многочисленные свидетельства местных жителей о следах перемещения огромного, испускающего зловоние объекта. Перемещение ужасного существа по округе отслеживается через ряд его перцептивных признаков, доступных восприятию человека. В таблице 1 представлены языковые единицы, эксплицирующие обонятельные характеристики неименованного объекта, составляющие ядро концепта УЖАС.

Отметим, что, приведённые в таблице 1 репрезентанты составляют контраст с ранее рассмотренными номинантами концепта в силу простоты их конструкций и слабой нагруженности изобразительно-выразительными средствами. Это обусловлено тем, что при приближении к кульминации атмосфера мрачного ожидания уже установлена, и темп повествования ускоряется, удовлетворяя интерес читателя.

Из примеров, приведённых выше, следует, что наиболее частой моделью репрезентации является сочетание номинанта концепта с определением, имеющим ярко выра-

женную негативную окраску или же выражающим значения неопределенности, странности. Отметим, что при переводе лексики *stench*, обладающей выраженной негативной коннотацией, переводчики используют разные стратегии: О. Колесников придерживается единообразия, подобрав эквивалент – *зловоние*, Е. Мусихин варьирует перевод между эмоционально окрашенными лексемами *смрад* и *зловоние*, в то время как П. Лебедев избегает нагромождения слов с отрицательной коннотацией, вводя эквивалентный по окраске эпитет в сочетании со стилистически нейтральным словом *запах*.

Т а б л и ц а 1. Языковые средства, объективирующие обонятельные характеристики ядра концепта УЖАС

[Table 1. Language means manifesting the sense of smell in the HORROR concept core]

Оригинал	Перевод О. Колесникова	Перевод П. Лебедева	Перевод Е. Мусихина
Adj. + N			
a frightful stench	ужасное зловоние	ужасным запахом	чудовищным смрадом
the unwonted stench	от жуткого зловония	невыносимой вони	жуткое зловоние
a peculiar stench	странное зловоние	странный запах	характерный смрад
a distant, undefinable foetor	отдаленное, почти неразличимое зловоние	отдаленный, почти неразличимый запах	невообразимо мерзкий запах
V + like + N			
It smells like thunder	Запах как при грозе	Пахнет, как при грозе	Вонь стоит кругом – ужас какая вонь
V + adv.			
smells awful	пахнут ужасно	пахнут ужасно	омерзительно пахла

Помимо запаха, невидимый объект получает выражение в тексте через звуковые характеристики. В таблице 2 показаны языковые средства, репрезентирующие перцептивные аудиальные признаки, составляющие ядро концепта УЖАС:

Т а б л и ц а 2. Языковые средства, объективирующие аудиальные признаки ядра концепта УЖАС

[Table 2. Language means manifesting the sense of hearing in the HORROR concept core]

Оригинал	Перевод О. Колесникова	Перевод П. Лебедева	Перевод Е. Мусихина
queer earth noises	о странных звуках из-под земли	о странных звуках из-под земли	о странных подземных шумах
The hill noises	грохот от холмов	Грохот с холмов	мощный гул
The graoun' was a-talkin' lass night	Земля вчера опять не молчала	Земля опять вчера разговаривала	Вчера земля опять не молчала

Интерес представляют переводческие решения в последнем фрагменте. Аппалачский диалект с характерной префиксованной формой причастия (*a+verb+ing*) с оттенком интенсификации описываемого действия [Feagin, 1976, p. 184–185] не отражён в переводе, что не противоречит исследованиям в области теории перевода. Отмечается, что адекватный перевод диалектной речи возможен посредством компенсации через лексическую замену единицы диалекта на просторечие [Жакова, 2019, с. 277–278], одна-

ко ни один из переводов не содержит просторечной лексики. Далее по тексту переводов П. Лебедев и Е. Мусихин компенсируют диалектный социальный маркер с помощью просторечных синтаксических конструкций, в то время как О. Колесников придерживается нейтрального стиля. Отметим, что О. Колесников и Е. Мусихин предпочли антонимический перевод, сглаживая нехарактерный образ «говорящей» земли.

Несмотря на то, что ужасающее существо является недоступным зрительному восприятию героев, оно оставляет следы, позволяющие судить о природе его материи. Эти признаки входят в число репрезентантов перцептивных признаков ядра концепта УЖАС, представленных в таблице 3.

Т а б л и ц а 3. Языковые средства, объективирующие тактильные признаки ядра концепта УЖАС

[T a b l e 3. Language means manifesting the sense of touch in the HORROR concept core]

Оригинал	Перевод О. Колесникова	Перевод П. Лебедева	Перевод Е. Мусихина
tarry stickiness	липкая масса	липкой смоляной массы	густая дёгтеобразная масса
tar-like stuff	будто дёгтем	будто дёгтем	какой-то противной вязкой гадостью

Бурная деятельность потрясшего Данвич неизменного ужаса требует высокого темпа повествования, что не позволяет утомлять читателя распространёнными описаниями. Неспособность героев понять сущность угрозы и противостоять ей выражается в том, что 70% приведённых ниже примеров являются метонимическим переносом наименования эмоции на объект, эту эмоцию вызывающий. В преддверии кульминации вводятся языковые единицы – репрезентанты ядра концепта УЖАС, отражённые в таблице 4.

Т а б л и ц а 4. Языковые средства, объективирующие репрезентанты ядра концепта УЖАС

[T a b l e 4. Language means manifesting the sense of touch in the HORROR concept core]

Оригинал	Перевод О. Колесникова	Перевод П. Лебедева	Перевод Е. Мусихина
the unknown Cyclopean horror	ужасного неведомого циклопа	ужасного неведомого Циклопа	неизвестного циклопического чудовища
the mountainous horror	циклопическим ужасным существом	циклопическим страшилищем	обитавшим в холмах ужасом
the horror	кошмарное существо	кошмарное существо	Неведомое существо
the horror	ужасное существо	страшилище	монстр
the monstrous thing	чудовищной опасности	-	неизвестное порождение адовых глубин
the looked-for terror	тот ужас, который они поджидали	ожидавшийся кошмар	монстр не спешил появляться
Roodmas horror	ужас	крестный ужас	потусторонний ужас
the thing	это существо	это существо	это чудовище
a frightful thing	тварь	тварь	тварь
the invisible blasphemy	преследуемую тварь	преследуемой тварью	с ползущим по просеке невидимым исчадием ада

Отметим, что переводные тексты показывают большую степень вариативности номинантов концепта. Циклопическое чудовище, произведя ряд разрушений в Данвиче и его округе, навлекло на себя праведный гнев жителей городка, наиболее отважные и образованные из которых сумели отыскать способ сделать существо доступным человеческому зрению и изгнать его. Один из наблюдателей за увенчавшейся успехом попыткой избавить Аркхем от кошмарной твари, потрясённый увиденным, лишается чувств, охарактеризовав существо следующим образом:

Bigger'n a barn ... all made o' squirming ropes ... hull thing sort o' shaped like a hen's egg bigger'n anything, with dozens o' legs like hogsheads that haff shut up when they step ... nothin' solid abaout it – all like jelly, <...> ten or twenty maouths or trunks a-stickin' aout all along the sides, big as stovepipes, an' all a-tossin' an' openin' an' shuttin' ... all grey, with kinder blue or purple rings ... an' Gawd in heaven – that haff face on top! ... [Lovecraft, 2013, p. 844].

Используя парцеллированные конструкции и риторическое восклицание, автор передаёт возбужденное состояние говорящего. Он также применяет графон с целью передать особенности речи жителя небольшого городка, который компенсируется переводчиками с помощью использования элементов разговорного синтаксиса. Многочисленные неожиданные сравнения, гипербола, перечисление приводят к нагромождению несочетаемых характеристик, которые невозможно приписать одному объекту.

Больше амбара... весь из каких-то витых канатов... весь в форме куриного яйца... огромный... ног десять, не меньше... как свиные головы, и закрываются при шаге... жидкий как кисель... <...> вокруг них десять или двенадцать ртов, величиной с газовую плиту... то открываются, то закрываются... серые, с кольцами, не то синими, не то лиловыми... и боже правый – какое там жуткое полулицо! [Лавкрафт, 1993 а, с. 452] (Е. Мусихин).

В переводе Е. Мусихина замена гиперболы *bigger'n anything* на эпитет *огромный*, обладающий меньшей степенью экспрессивности, менее эффективна. В переводе П. Лебедева гипербола сохранена с помощью членения простого предложения с добавлением придаточного меры и степени (*такое, что больше и не представить*). Сравнения в переводе Е. Мусихина (*like hogsheads – как свиные головы*) не адекватны оригиналу из-за ошибки в переводе *hogsheads*. Адекватным является перевод П. Лебедева с применением модуляции (*похожих на бочки*) [Лавкрафт, 1993 б, с. 202]). Е. Мусихин применяет импликацию при переводе гиперболы и сравнения (*nothin' solid abaout it – all like jelly – жидкий как кисель*), что не только придаёт описанию нехарактерную авторскому подходу определённость, но и ссылается на напиток, являющийся европейской реалией (данное замечание актуально и для перевода П. Лебедева – *как студень*, что также является примером применения стратегии доместикации). Сравнение *big as stovepipes* переведено П. Лебедевым эквивалентно (*как труба дымохода*) [Лавкрафт, 1993 б, с. 202]), в то время как модуляция и метонимический перенос в переводе Е. Мусихиным данного сравнения (*величиной с газовую плиту*) не в полной мере передаёт образность описываемого существа, рты которого сопоставляются в оригинале с хоботами.

Лексема *haff face* употреблена в ещё одном отрывке: *Oh, oh, my Gawd, that haff face – that haff face on top of it <...> It was a octopus, centipede, spider kind o' thing <...> it was yards an' yards acrost...* [Lovecraft, 2013, p. 847]. Из данного отрывка следует, что лексема *haff face* была удачнее передана Е. Мусихиным (*полулицо, страшная морда*), чем П. Лебедевым (*пол-лица, половина лица*). Отметим, что модуляция (*haff face – страшная морда*) компенсирует опущение лексического повтора в переводе Е. Мусихина: *О Боже, Боже мой, эта страшная морда – на вершине холма <...> Это был осьминог, сороконог, паук или что-то вроде него <...> только что было несколько ярдов в обхвате...* [Лавкрафт, 1993 а, с. 455]. Интересным представляется также морфемный повтор в перечислении (*осьминог, сороконог*).

П. Лебедев эффективно обогащает перевод лексическими повторами, имитируя речь глубоко потрясённого героя, с трудом подбирающего слова для неопишуемого увиденного: *it was yards an' yards acrost... – только... только размерами оно было в целые ярды, целые ярды...* [Лавкрафт Х. Ф., 1993 б, с. 205].

Голос существа, как и его визуальный образ, не соответствует человеческим категориям. В нижеуказанном примере особый интерес представляет инверсия в сочетании с градацией, перечисление, в котором автор с помощью аллитерации воссоздаёт эффект внезапного, подобно грому, появления и нарастания громкости пугающего голоса: *Without warning came those deep, cracked, raucous vocal sounds which will never leave the memory of the stricken group who heard them.* [Lovecraft, 2013, p. 845].

Перевод градационного ряда, предложенный О. Колесниковым, несколько искажает образ, уподобляя его скорее звучанию скрипки, чем голосу огромного отпрыска из иных измерений: *И тогда внезапно раздалась те глубокие, пронзительные и мелодичные звуки, которые не мог потом забыть ни один из присутствовавших* [Лавкрафт, 2012, с. 155]. Это объясняется отсутствием аллитерации или её компенсации и неудачным подбором эпитета *мелодичные*. Игнорирование эмоции группы наблюдателей (*stricken*) представляется ничем не мотивированным и ослабляет эмоциональное воздействие на читателя. Перевод Е. Мусихина видится более адекватным в силу сохранения яркой инверсии, аллитерации в градационном ряду: *Совершенно неожиданно для всех раздался низкий, надтреснутый, грубый звук, навсегда врезавшийся в память тех, кому довелось его тогда услышать* [Лавкрафт Г. Ф., 1993 а, с. 453]. Отметим также успешную метафоризацию при переводе фрагмента, описывающего влияние услышанного на психическое состояние героев (*звук, навсегда врезавшийся в память*).

Следующий фрагмент представляет трудность для переводчика в силу наличия в нём метафоры: *It is almost erroneous to call them sounds at all, since so much of their ghastly, infra-bass timbre spoke to dim seats of consciousness and terror far subtler than the ear; <...>* [Lovecraft, 2013, p. 845]. Е. Мусихин подбирает эвивалентную замену метафоре, применяя в том числе и приём модуляции (*terror – подсознание*). Обратим внимание и на пример перефразирования *ear – орган слуха*: *Наверное, было бы даже неверным обозначить услышанное данвичцами словом «звук», поскольку его ужасный, инфрасонарный тембр воздействовал скорее на тайники скованного страхом сознания и подсознания, нежели на органы слуха* [Лавкрафт Г. Ф., 1993 а, с. 453].

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ языковых репрезентантов концепта УЖАС в рассказе показал, во-первых, максимальную реализацию всего объёма концепта: ядро получает выражение во всех перцептивных признаках: зрительных образах, звуковых характеристиках, запахах, тактильных ощущениях.

Во-вторых, выявлено, что для вербализации концепта УЖАС в экспозиции автор вводит распространённые, насыщенные стилистическими приёмами конструкции, оставляя вертикальные зазоры – общие тревожные впечатления, с целью создания напряжения и эффекта саспенса. В текстах оригинала доминируют такие стилистические приёмы, как развёрнутые метафоры, эпитеты с ярко выраженной отрицательной коннотацией, формирующие градационные ряды. Близость кульминации, как правило, сопровождается активизацией сюжета, что позволяет ограничиться метонимическим переносом названия эмоции на сам вызывающий её ужасный объект и кратким описанием его перцептивных характеристик с использованием эпитетов. В кульминации концепт УЖАС снова эксплицируется посредством сложных синтаксических конструкций, но, в отличие от завязки, избыточных разрозненными перцептивными признаками,

что является попыткой воспалённого сознания героя осмыслить неименуемое с помощью ограниченных человеческих категорий, недостаточных для восприятия более древних существ из иного измерения или измерения не имеющих. Концепт УЖАС объективируется при помощи таких языковых средств, как парцеллированные предложения, разрыв в повествовании, перечисления, компоненты которого связаны градационными отношениями, развёрнутые сравнения и риторические восклицания, что в совокупности имитирует речь героя, пребывающего в состоянии крайнего нервного возбуждения от увиденного и услышанного.

Особую сложность представлял перевод распространённых конструкций, насыщенных перечислениями, метафорами и развёрнутыми сравнениями, но при этом содержащих лишь намёк на описываемое. Достичь эквивалентности в работе с подобными фрагментами помогает сохранение тропов и прочих средств выразительности, а также уподобление структуре оригинала. Успешному переводу ряда эпитетов, метафор, устаревшей и книжной лексики неоднократно способствовало введение библейских аллюзий и предпочтение слов старославянского происхождения с неполногласием.

При переводе проанализированных фрагментов, представляющих собой распространённые, насыщенные стилистическими приёмами предложения, чаще всего использовались приёмы конкретизации и модуляции. Генерализация применялась реже в связи с необходимостью сохранять негативную коннотацию лексем в оригинале и поиском соответствующей лексемы с негативной окраской на языке перевода. Среди грамматических трансформаций достижению наибольшей степени адекватности способствовало синтаксическое уподобление (с применением вышеуказанных лексических трансформации) при сохранении стилистических приёмов. Наблюдалось также внутреннее членение предложений, обусловленное особенностями языка оригинала, в то время как внешнее членение использовалось редко, так как короткие предложения не характерны для идиостиля Г. Ф. Лавкрафта (за исключением случаев намеренного использования парцелляции). Близость кульминации и упрощение структуры репрезентантов концепта УЖАС требует адекватного перевода эпитетов (что преимущественно разрешается с помощью подбора эквивалентного по эмоциональной окраске определения) и сравнений, перевод которых нередко позволяет сохранить синтаксическую структуру оригинала. Особую значимость для перевода прозы Г. Ф. Лавкрафта имеет сохранение как внутритекстовых связей, так и межтекстовых связей, что требует единообразия при переводе ряда имён собственных.

Далее планируется исследование репрезентации информационного слоя и интерпретационного поля концепта УЖАС в художественном мире Г. Ф. Лавкрафта в переводческом аспекте. В целом, проза и поэзия автора по-прежнему остаются недостаточно исследованными в лингвистической науке. Особенности авторского стиля, заключающегося в обилии стилистических приёмов и сложной структуре предложений, делают переводы текстов автора интересным материалом для исследования переводческих приёмов и трансформаций.

Библиографический список

- Васильева, 2012 – Васильева Т. И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–1 (18). С. 51–54.
- Грешнова, 2016 – Грешнова Е. И. Концептуальные координаты художественного мира романа Г. Ф. Лавкрафта «История Чарльза Декстера Варда» // Актуальные проблемы гуманитарных наук / отв. ред. Л. С. Аджиева. Симферополь : ИП Бровко А. А., 2016. С. 195–199.
- Громовенко, Стрельцов, 2021 – Громовенко Д. С., Стрельцов А. А. Структура концепта УЖАС в произведениях Г. Ф. Лавкрафта (в рамках философского направления weird-реализм Грэма Хармана) // Филологический аспект. 2021. № 4 (72). С. 136–146.

- Де Камп, 2019 – Спрэг де Камп, Л. Лавкрафт: Живой Ктулху. М.: АСТ, 2019. 656 с.
- Ерохина, Желтов, 2018 – Ерохина Т. И., Желтов Е. С. Репрезентация мифотворчества Г. Ф. Лавкрафта в современной массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 372–378.
- Жакова, 2019 – Жакова Т. Е. Способы перевода диалектов в художественном тексте // Известия Смоленского гос. ун-та. 2019. № 3 (47). С. 272–286.
- Козьма, 2020 – Козьма М. П. Языковые средства реализации страха в рассказах Г. Лавкрафта (на материале английского языка) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2020. № 3 (96). С. 73–83.
- Лавкрафт, 2012 – Лавкрафт Г. Ф. «Данвичский ужас» // Обитающий во мраке. М.: Астрель, 2012. С. 100–159.
- Лавкрафт, 1993 а – Лавкрафт Г. Ф. «Ужас в Данвиче» // Локон Медузы. Тольятти: ПКМФ «Лада-Маком», 1993. С. 402–456.
- Лавкрафт, 1993 б – Лавкрафт Х. Ф. «Данвичский ужас» // В склепе. Сборник рассказов ужасов. М.: РИПОЛ, 1993. С. 163–206.
- НКРЯ, 2021 – Национальный корпус русского языка. 2021. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения : 03.01.2022).
- Пупышева, 2019 – Пупышева И. Н. Г. Ф. Лавкрафт в культурных индустриях: писатель и бренд // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 384–397.
- Cambridge Dictionary, 2022 – Cambridge dictionary. 2022. URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения : 02.01.2022).
- De Camp, 1975 – De Camp L. S. Lovecraft: A biography. Garden City, N. Y : Doubleday, 1975. 510 p.
- Feagin, 1976 – Feagin C. A Sociolinguistic study of Alabama White English: The verb phrase in Anniston: PhD dissertation. Georgetown university, 1976.
- Harman, 2012 – Harman G. Weird realism: Lovecraft and philosophy. Winchester (UK), Washington (USA) : John Hunt Publishing, 2012. 268 p.
- Lovecraft, 2013 – Lovecraft H. P. Complete works. UK: Delphi Classics, 2013. 2050 p.
- Wolfram, 1976 – Wolfram W. Toward a description of a-prefixing in Appalachian English // American Speech. 1976. Vol. 51. № 1/2. P. 45–56.

References

- Vasil'eva, T. I. (2012). Literaturovedcheskiy podkhod k izucheniyu khudozhestvennogo kontsepta [Literary approach to artistic concept study]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2012, 7–1 (18), 51–54. (In Russ.).
- Greshnova, E. I. (2016). Kontseptual'nye koordinaty khudozhestvennogo mira romana G. F. Lavkrafta «Istoriya Charl'za Dekstera Varda» [Conceptual coordinates of the artistic world of H. P. Lovecraft's novel "The case of Charles Dexter Ward"]. In L. S. Adzhieva (Ed.), *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk* [Current issues of Humanities] (pp. 195–199). Simferopol : IP Brovko A. A. Press. (In Russ.).
- Gromovenko, D. S., Streltsov, A. A. (2021). Struktura kontsepta UZHAS v proizvedeniyakh G. F. Lavkrafta (v ramkakh filosofskogo napravleniya weird-realizm Grema Kharmana) [The concept of HORROR and its structure in the works of H. P. Lovecraft (Based on Graham Harman's Weird Realism)]. *Filologicheskij aspekt* [Philological Aspect], 4 (72), 136–146. (In Russ.).
- Spreng de Kamp, L. (2019). *Lavkraft: Zhivoy Ktulkh* [Lovecraft: A biography]. Moscow : AST Press. (In Russ.).
- Erokhina, T. I., Zheltov, E. S. (2018). Rezentatsiya mifotvorchestva G. F. Lavkrafta v sovremennoy massovoy kul'ture [Representation of H. P. Lovecraft's myth-making in modern popular culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 6, 372–378. (In Russ.).
- Zhakova, T. E. (2019). Sposoby perevoda dialektov v khudozhestvennom tekste [Ways to translate dialects in a literary text]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Smolensk State University Bulletin], 3 (47), 272–286. (In Russ.).
- Koz'ma, M. P. (2020). Yazykovye sredstva realizatsii strakha v rasskazakh G. Lavkrafta (na materiale angliyskogo yazyka) [Language means of fear realization in H. Lovecraft's stories (By the material

- of the English language)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 3 (96), 73–83. (In Russ.).
- Lovecraft, H. P. (2012). *Danvichskiy uzhas* [The Dunwich Horror]. *Obitayushchiy vo mrake* [The haunter of the dark]. Moscow : Astrel' Press. (In Russ.).
- Lovecraft, H. P. (1993 a). *Uzhas v Danviche* [The Dunwich Horror]. *Lokon Meduzy* [Medusa's coil]. Tolyatti : PKMF «Lada-Makom» Press. (In Russ.).
- Lovecraft, H. P. (1993 b). *Danvichskiy uzhas* [The Dunwich horror]. *V sklepe. Sbornik rasskazov uzhasov*. [In the vault. Collection of stories]. Moscow : RIPOL Press. (In Russ.).
- The Russian National Corpus. (2021). Retrieved January 3, 2022 from <<https://ruscorpora.ru/>>.
- Pupysheva, I. N. (2019). G. F. Lavkraft v kul'turnykh industriyakh: pisatel' i brend [H. P. Lovecraft in the cultural industries: The writer and the brand]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 4 (51), 384–397. (In Russ.).
- Cambridge Dictionary. (2022). Retrieved January 2, 2022 from <<https://ruscorpora.ru/>>.
- De Camp, L. S. (1975). *Lovecraft: A biography*. Garden City. N.Y. : Doubleday.
- Feagin, C. A. (1976). *Sociolinguistic study of Alabama White English: The verb phrase in Anniston*. Georgetown University dissertation.
- Harman, G. (2012). *Weird realism: Lovecraft and philosophy*. Winchester (UK), Washington (USA) : John Hunt Publishing.
- Lovecraft, H. P. (2013). *Complete works*. UK : Delphi Classics.
- Wolfram, W. (1976). Toward a description of a-prefixing in Appalachian English. *American Speech*, 51, 1/2, 45–56.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 06.11.2022.
The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 06.11.2022.

Губанов Сергей Анатольевич
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»,
г. Самара, Российская Федерация
gubanov5@rambler.ru

Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой

Аннотация

Статья посвящена изучению специфики эпитетного комплекса в идиостиле Марины Цветаевой. На основе аналитического описания семантических и структурных особенностей конструирования и употребления эпитетных слов и объектов эпитетации устанавливается идиолектная черта текстов Марины Цветаевой. Эта черта состоит в антропоцентричности как определений, так и определяемых слов. Обсуждается вопрос о статусе эпитета как тропа, его роли в авторском идиостиле, а также о разновидностях эпитетов и процессе их метафоризации. Отмечается активность окказиональных форм эпитетов, нестандартность сочетаемостных свойств в составе эпитетного комплекса, частотная актуализация поэтом признака реалии или лица. Доказывается, что в творчестве Марины Цветаевой центральное место в системе словоупотребления отводится признаковой лексике, имеющей пластичную семантику и богатый образный потенциал, что говорит о дальнейших перспективах исследования.

Ключевые слова: идиостиль, эпитет, семантика, эпитетный комплекс, лексико-семантическое свойство, сочетаемость

© Губанов С. А. 2022

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 32–40. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_32

Sergey A. Gubanov
Samara State University of Public Administration «International Market Institute»
Samara, Russian Federation
gubanov5@rambler.ru

Epithet complex in Marina Tsvetaeva's texts

Abstract

The article examines the specifics of the epithet complex in Marina Tsvetaeva's individual style. Analytical description of the semantic and structural patterns of the epithet words and their use, as well as of epithetization objects is applied to establish the idiolect feature of Marina Tsvetaeva's texts. This feature is anthropocentricity of both definitions and defined words. A number of issues are discussed including the epithet's status as a trope, its role in the author's individual style, as well as the types of epithets and the process of their metaphorization. Among the identified poet's techniques, there were the activity of occasional forms of epithets, non-standard compatibility properties in the arrangement of the epithet complex, frequent actualization of a feature of reality or a person. It is proved that in Marina Tsvetaeva's poetry and prose, the central place in the system of word usage is given to attributive words that are characterized by plastic semantics and rich figurative potential, which can be an outlook for further research.

Keywords: individual style, epithet, semantics, epithet complex, lexical-semantic feature, word compatibility

For citation: Gubanov, S. A. (2022). Epitetnyy kompleks v tekstakh Mariny Tsvetaevoy [Epithet complex in Marina Tsetaeva's texts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 32–40. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_32

1. Введение [Introduction]

Изучение того или иного пласта лексики или лексико-семантической, грамматической группировки слов представляет собой сложный, многоуровневый аналитический процесс. В рамках различных направлений языкознания сложились определённые школы по исследованию тех или иных групп лексем в зависимости от научного подхода: стилистическая [Арнольд, 1981 ; Хазагеров, Ширина, 1999], грамматическая [Арнольд, 1981 ; Фадеева, 2014], когнитивная [Сандакова, 2004], дискурсивная [Киров, 2019 ; Раевская, 1999 ; Сандакова, 2004] и другие. Если говорить о поэтической стилистике, то в настоящее время происходит её активная трансформация за счёт междисциплинарных исследований на стыке когнитивной лингвистики, стилистики текста, лингвистики дискурса и др.

Образная лексика, как, впрочем, и всякая иная лексика, входящая в семантический корпус того или иного идиостиля и идиолекта, неизменно привлекает внимание лингвистов за счёт интереса к нетривиальности её формы, окказиональности выражения смысла, необычной лексической сочетаемости [Веселовский, 1989 ; Томашевский, 1996 ; Губанов, 2021]. Признаковая лексика (атрибутивные слова, эпитеты) часто становится объектом исследования, поскольку достаточно удобна для «препарирования» по причине употребительности, частотности, универсальности в выражении смыслов, необходимых для характеристики любого объекта реальности или субъекта восприятия автором текста. Гибкость и пластичность семантики признаков слов делает их средством актуализации необходимых смыслов, которые представляются автору центральными для передачи не только нужной семантики, но и индивидуальной оценки явления действительности [Раевская, 1999 ; Сандакова, 2004].

Чаще всего в поэтической речи используется так называемый «элементарный троп» (хотя, как выяснится ниже, это далеко не так) – эпитет, художественное определение, привносящее новый смысл относительно понятийного компонента значения атрибутивного слова. Изучение эпитета отдельным направлением поэтики, эпитетологией, имеет давние традиции и продолжается по сей день [Лободанов, 1984 ; Веселовский, 1999 ; Померанец, 2004]. Наряду с традиционными работами, выполненными в русле стилистики речи, появляются когнитивные исследования эпитета, устанавливаются связи эпитета как принципа организации текстового пространства с метафорой, метонимией, дискурсом [Губанов, 2016 ; Киров, 2019]. Продолжают решаться фундаментальные для эпитетологии проблемы, в число которых входят вопросы о сущности (дефиниции) эпитета, его признаках, структуре, семантике, типологии, роли в идиостиле [Фадеева, 2014].

Если придерживаться широкого понимания эпитета, то под ним следует понимать любое слово, имеющее какое-либо коннотативное значение (образное, оценочное, эмоционально-экспрессивное). Именно такой подход даёт возможность полно описать и проанализировать в том числе общепоэтические и «ненормативные» эпитеты, называемые иногда квазиэпитетами или эпитетоидами [Булахова, Сковородников, 2017]. К ним учёные в последнее время стали относить нетипичные способы языковой репрезентации эпитетов: причастные и деепричастные формы глаголов, числительные, местоимения, описательные и вставные конструкции. Явление мегаэпитетации также находит отражение в работах учёных, которые стремятся выделить ведущий, концептуальный признак, характерный для идиолекта писателя [Киров, 2019]. Необходимость изучения как эпитета, так и объекта эпитетации (определяемого слова) побудила к актуализации

такого понятия, как эпитетный комплекс, который представляет собой единство определяемого слова и относящегося к нему эпитета (эпитетов, цепочки определений или атрибутивной фразы) [Губанов, 2016]. Целесообразность данного термина подтверждается взаимообусловленностью обоих компонентов эпифрастического единства, наличием сочетаемостных зависимостей и т. д.

Творчество М. Цветаевой неизменно привлекает внимание лингвистов необычным языком, эмоциональностью текстов, нетривиальными окказиональными словоформами [Зубова, 1989 ; Ревзина, 1996 ; Надежкин, 2015 ; Губанов, 2016, 2021 ; Ибатуллина, 2020; Могушкова, 2021]. Не обошло вниманием научное сообщество и признаковую лексику текстов поэта, так активно участвующую в передаче авторских смыслов [Ревзина, 1996]. Системное описание признаковых слов начинает набирать оборот, и дело не в необходимости анализировать конкретный троп в отрыве от других выразительных средств, а показать его роль в идиолекте, многогранность его выражения, с чем связана актуальность настоящего исследования. Всестороннего же анализа признаковых слов пока в цветаеведении не представлено.

Ц е л ь ю данной статьи является общее описание семантических и структурных особенностей конструирования и употребления эпитетных слов и объектов эпитетации в текстах М. Цветаевой. Внимание будет сосредоточено на важных специфических чертах идиолекта поэта, поскольку в рамках статьи нет возможности охарактеризовать исчерпывающе все разновидности эпитетного комплекса.

Согласно г и п о т е з е данного исследования, признаковая лексика является самой репрезентативной группой языковых единиц как в поэтических, так и в прозаических текстах М. Цветаевой, а эпитетный комплекс конструируется по антропоморфическому принципу: как эпитет, так и определяемое слово стремятся максимально полно выразить авторскую модальность. Идиостилевой чертой творчества М. Цветаевой является персонификация мира, восприятие мира как продолжения себя, что находит выражение в языке в первую очередь в атрибутивных конструкциях.

2. Анализ эпитетного комплекса [Epithet complex analysis]

2.1. Материал и методика исследования [Materials and methods]

М а т е р и а л о м для настоящего исследования послужили стихотворные, прозаические и драматургические тексты М. Цветаевой. Основным источником материала является Собрание сочинений поэта в 7 томах [Цветаева, 1994–1995], а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, в котором собраны все словоупотребления поэта, выбранные из его поэтических текстов [Словарь..., 1996–2004]. Объём выборки составил 4857 единиц, включающих признаковые слова и составляющие эпитетные комплексы. О б ъ е к т о м анализа в статье являются эпитетные комплексы, объединения эпитета и объекта эпитетации, в текстах М. Цветаевой. Предметом исследования выступают языковые формы репрезентации признака в составе эпитетных комплексов и их идиостилевая специфика в текстах М. Цветаевой.

Основными при проведении исследования являются метод сплошной выборки из вышеуказанных источников, методы стилистического анализа текста, когнитивного анализа лексических единиц, статистического анализа частотности употребления лексем в составе идиостиля поэта.

2.2. Обсуждение результатов [Results and Discussions]

При анализе различных структурных и семантических типов эпитетных комплексов возникла необходимость в систематизации и классификации данных единиц. С этой

целью были рассмотрены формальные особенности эпитетных единств (двучленные, многочленные, слитного и дефисного написания, цепочечные и др.) и семантическая их специфика (типология по характеру семантики определяемого объекта и по особенностям значения определения, векторам переноса эпитета). В работе кратко охарактеризуем обе линии классификации материала, отметив при этом, что одна не исключает другую, и семантический анализ важен при описании структурных типов эпитетных комплексов.

2.2.1. Структурная типология эпитетных комплексов [*Structural typology of epithet complexes*]

В рамках данной типологии эпитетных комплексов рассмотрим несколько направлений классификации: морфологическую (к какой части речи принадлежит эпитет, принимая во внимание, что объекты эпитетации представляют собой имена, в основном субстантивные) и структурную (присутствие простого, сложного или составного эпитета в составе единства и количество определений, длина эпитетного ряда).

1. Морфологическая типология предполагает анализ эпитетных признаков слов с позиций их частеречной принадлежности, и здесь возникает несколько сложностей. Традиционно к эпитетам принято относить адъективные слова (имена прилагательные), а также наречия, некоторые аппозитивные слова.

Приведём примеры некоторых эпитетных комплексов, имеющих в своём составе нетривиальные способы выражения эпитетов:

а) эпитет-адъектив окказиональной формы: *Чешский лесок – самый лесной* [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 351].

Особенно часто поэт прибегает к использованию притяжательных адъективов, конструируя их с помощью суффиксов *-ов, -ев, -ин*, имеющих разговорный оттенок:

Слёзы в твоих глаза... Числится, кроме твоих / Глаз Колумбовых... [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 238];

б) эпитет-наречие: *Парень! Не по-маяковски / Действуешь: по-шаховски* [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 276];

в) эпитет-аппозитив: *Руки: свет и соль, / Губы: смоль и кровь* [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 118]; *Девичий и мальчишеский: на самом рубеже, Единственный из тысячи – и сорванный уже* (об альте) [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 162].

Наш материал показал, что доля эпитетов, выраженных маргинальными морфологическими средствами (причастиями, деепричастиями, местоимениями, формами числительных), составляет хоть и не самую значительную часть от общего числа эпитетов, но заметную в плане репрезентации ими окказиональных смыслов. Подчеркнём, что в настоящей работе разделяется широкое понимание эпитетного слова, поэтому все данные единицы причисляются к эпитетам, а не к квазиэпитетам и эпитетоидам, как иногда их именуют. Они выполняют функцию оценочной или яркой образной характеристики объекта, поэтому являются полноценными членами эпитетного комплекса. К тому же высказывание организуется именно вокруг данных единиц, они привлекают к себе внимание читателя и особенно важны для автора.

Эпитет с глагольным компонентом входит в состав блочного эпитетного комплекса, о котором речь пойдёт далее:

Не орёл с орлицей / В спор-вступили-схват [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 257] или выражен причастной конструкцией: *Он именно тот белый день, не терпящий ничего скрытого* [Цветаева, 1994, Т. 5, с. 388]; *Руки, прикрывающие пах, / (Девственниц!) – и плети / Старческих, не знающих стыда* [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 147]; *В глазах, упорствующих в пол* [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 212]; деепричастием: *Ногу – уже с заносом / Бе-*

га – с трудом вкопав / В землю, смеясь, что первой / Встала, в зари венце, – / Макс, мне было так верно / Ждать на твоём крыльце! [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 306].

2. Структурная типология призвана охарактеризовать основные конфигурации эпитетных комплексов. В ходе исследования были выявлены следующие типы.

2.1. Простой двучленный эпитетный комплекс (3802 единицы). Эпитет находится как в препозиции: *Роскошная нелепость! – страсть!* [Цветаева, 1994, Т. 1, с. 371], постпозиции: *Рыцарь... / Сын голубейшей из отчизн* [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 15] или интерпозиции (что намного реже, в таком случае признак особенно выделен): *Роднее бывшее – всего* [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 316].

2.2. Сложный эпитетный комплекс (многочленный) (458 единиц). Данный тип объединяет разнородные многочленные эпитетные комплексы, как те, которые содержат повтор признака, его развитие или уточнение. Это оформляется пунктуационно тире или скобками: *...нет стихов без чар (не очарованы, а чарованы)* [Цветаева, 1994, Т. 7, с. 557]; *Длинный, длинный, длинный, длинный / Путь* [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 146]; *О первая ревность, о первый яд* [Цветаева, 1994, Т. 2, с. 20].

2.3. Блочный эпитетный комплекс (455 единиц). Уникальная для языка М. Цветаевой разновидность эпитетных комплексов, состоящая в конструкции из трёх и более компонентов, пишущейся через дефис и призванной передать единую ситуацию-признак:

Как с конницей-связжусь-пехотой... [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 196]; *повели, чтоб тем же часом / Вихря-мне-Коня седлали* [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 201]; *Ври, дурь-ты-деревня...* [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 232]; *Белая-свет-пустыня* [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 224], *не пере-через-край* [Цветаева, 1994, Т. 3, с. 64].

Как видно из примеров, все контексты взяты из фольклорных поэм и служат цели стилизации повествования, но оценочность выражается в подборе слов от глаголов (тогда перед нами описание миниситуации) до предлогов.

2.4. Цепочечный ряд эпитетов (включает несколько предложений или мыслей, объединённых в один комплекс) (142 единицы). Большое число эпитетов, образующее рассматриваемый тип эпитетных комплексов, моделирует развёрнутую ситуацию с различными компонентами, уточняемыми автором, оцениваемые им, словно бесконечно дополняемыми:

Спи, успокоена, / Спи, удостоена, / Спи, увенчана, / Спи, подруженька / Неугомонная! / Спи, жемчужинка, / Спи, бессонная [Цветаева, 1994, Т. 1, с. 280]; *Есть другой день: злой (ибо слеп), действенный (ибо слеп), безответственный (ибо слеп)* [Цветаева, 1994, Т. 5, с. 239]; *Маяковский – это кладбище Войны и Мира, это родина Октября, это Вандомский столп, задумавший жениться на площади Конкорд, это чугунный Понятовский, грозящий России, и некто (сам Маяковский) с живого пьедестала толп – ему грозящий, это на Версаль идущее «хлеба!»* [Цветаева, 1994, Т. 6, с. 205].

Как видно из краткого обзора структурных типов эпитетных комплексов, в текстах М. Цветаевой фиксируется значительное число окказиональных словоформ-эпитетов, а также конфигураций эпитетных выражений, построенных на повторе и цепочках эпитетов.

2.2.2. Семантическая типология эпитетных комплексов [Semantic typology of epithet complexes]

В рамках данной статьи сложно дать исчерпывающую характеристику всем семантическим типам эпитетов и определяемых слов в текстах М. Цветаевой. Отметим несколько важных, на наш взгляд, особенностей употребления лексики в составе рассматриваемых конструкций.

1. Семантические особенности объекта эпитетации. Определяемые слова, или объекты эпитетации, были поделены на три концептуальные области: концептополе человека, концептополе артефактов и концептополе натурфактов. Традиционно данные три ментальные сферы являются основными при осмыслении мира любым субъектом. Активность того или иного поля говорит о приоритетах при понятийной, оценочной и особенно образной концептуализации действительности. В творчестве М. Цветаевой решительно преобладают объекты эпитетации концептосферы человека (более 50% от общего числа). Это конкретные концепты, такие, как *рука, голова, глаза, кровь* и абстрактные: *душа, дух, ум, любовь*.

Сочетаемость их языковых репрезентантов с эпитетами показала, что все они, как правило, сочетаются с антропоморфными же определениями, что наводит на мысль о метонимической логике осмысления автором данного суперконцепта (*дерзкая кровь, скрытные ресницы, рука незрячая*). Экстраполяция признака происходит на смежные концепты из другой области – артефактов, более близкой человеку (*сонный дом, верный стол*), или натурфактов, стихий природы (*пустыни беспамятны*).

Данная особенность идиостиля поэта связана с особым вниманием, которое уделяется изображению внутреннего мира человека, повышенной эмоциональностью, «безмерностью» чувств лирической героини.

2. Семантические особенности эпитетов. Группы эпитетов в составе эпитетных комплексов в текстах М. Цветаевой представлены различными семантическими разновидностями: психологическими (самая многочисленная, более 1100 единиц), теми, что указывают на физические характеристики объекта (эмпирические, 1577 единиц), цветовыми (1232 единицы), прочими группами, включающими динамические признаки (причастные и деепричастные формы) и т. д.

Обратим особое внимание на частотность и продуктивность употребления эпитетов эмоционально-психологического типа. Даже в тех случаях, когда описывается неантропоморфный объект, эпитеты психологического типа, как правило, всё равно присутствуют: *ночи душные, скучные; резная прелестная чаша; лихорадочные провода; болящий бог*. Метафорический эффект от подобных выражений ощущается на уровне их восприятия (первичный слой), в то время как метонимия выступает изначальным механизмом их образования. Особенно хорошо это проявляется в рамках концептополя человека: *скрытные ресницы* – ресницы скрытного человека (метонимия) и сами ресницы скрытные (метафора).

Уникальность многих эпитетных комплексов заключается в том, что оба их компонента проявляют необычную сочетаемость, из-за чего довольно трудно интерпретировать значение: ср. *гибельный фолиант, мужественный рукав, золотарная оставленность, обморочный оплыв, левогрудый ков*. Расшифровка становится нелёгким делом для читателя. Заметим, что во многих высказываниях действует метонимическая логика: *левогрудый ков* – метонимическая замена слов *сердце, человек* (левогрудый – сердце, расположено с левой стороны; ков – куёт, принимает решения сердцем).

Таким образом, метонимия является организующим принципом в логике образования образных признаков выражений.

3. Заключение [Conclusion]

Подведём некоторые итоги. Рассмотрев лексико-семантические и сочетаемостные свойства обоих компонентов эпитетного комплекса – эпитета и объекта эпитетации – в различных текстах М. Цветаевой, можно сделать вывод о важной роли признаковой лексики в аспекте актуализации авторских смыслов в её идиостиле. Концепты и слова, определяемые эпитетами, выбираются, исходя из авторской картины мира: чаще всего в

центр внимания поэта попадают интересные ей субъекты, артефакты или явления природы, ассоциируемые с собой или другой личностью. Эпитеты же и шире – признаковые слова – неизменно подбираются по антропоцентрической логике, составляя в рамках эпитетного комплекса единое целое.

Была отмечена продуктивность метонимической логики образования многих эпитетных фраз за счёт актуализации переноса с целого на часть в границах концептополя «человек». Многие эпитетные комплексы демонстрируют расширение лексической сочетаемости признаковых слов, синтаксический перенос и семантический метафорический, метонимический и гибридный типы переносов.

Окказиональные формы эпитетов, входящих в эпитетные комплексы, блочные объединения нескольких эпитетов и эпитетоидов, многочисленные цепочечные эпитеты – все эти особенности работы автора с признаковой лексикой демонстрируют повышенную чуткость М. Цветаевой к слову, его потенциалу, бесконечной его выразительности.

Перспективы дальнейшего исследования признаковой лексики видятся в продолжении изучения данного пласта лексики русского языка в теоретическом и практическом планах на материале других поэтов и писателей с применением методик когнитивного анализа. В рамках же цветаеведения представляется продуктивным дать исчерпывающий анализ всем семантическим и грамматическим объединениям лексем для характеристики всего идиолекта поэта. Признаковые же слова и эпитетные комплексы (именная лексика) являются самым многочисленным и показательным пластом лексики поэта, от изучения которого во многом зависит успех лингвистического цветаеведения.

Библиографический список

- Арнольд, 1981 – Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 303 с.
- Булахова, Сквородников, 2017 – Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
- Веселовский, 1989 – Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
- Губанов, 2016 – Губанов С. А. Теория эпитета: основные подходы. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.
- Губанов, 2021 – Губанов С. А. Языковая рефлексия в творчестве Марины Цветаевой: признаковая лексика // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 33–41. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4107/.
- Зубова, 1989 – Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.
- Ибатуллина, 2020 – Ибатуллина Г. М. Аполлоническое и дионисийское в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов – как семь колоколов...» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 1. С. 23–27.
- Киров, 2019 – Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.
- Лободанов, 1984 – Лободанов А. П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43. № 3. С. 215–227.
- Могушкова, 2021 – Могушкова Т. С. Сборник стихов «Вечерний альбом» Марины Ивановны Цветаевой // Вестник науки. 2021. Т. 3. № 4 (37). С. 26–30.
- Надежкин, 2015 – Надежкин А. М. Корневой повтор в художественной речи М.И.Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Нижегородский гос. ун-т. им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2015. 27 с.
- Померанец, 2004 – Померанец И. Б. Развитие эпитета как отражение изменений картины мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05; Санкт-Петербургский государственный университет. СПб, 2004. 175 с.

- Раевская, 1999 – Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 3–12.
- Ревзина, 1996 – Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.
- Сандакова, 2004 – Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке. Монография. Киров : ВятГГУ, 2004. 344 с.
- Словарь..., 1996–2004 – Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. Т. I. 320 с.
- Томашевский, 1996 – Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М. : Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
- Фадеева, 2014 – Фадеева Т. М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореф. дис. докт. филол. наук: 10.02.01 ; Московский гос. обл. ун-т. М., 2014. 42 с.
- Хазагеров, Ширина, 1999 – Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 320 с.
- Цветаева, 1994–1995 – Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Эллис-Лак, 1994–1995. Т. 1–7.

References

- Arnold, I. V. (1981). *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Stylistics of modern English language]. Leningrad : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Bulakhova, N. P., Skovorodnikov, A. P. (2017). K opredeleniyu ponyatiya epitet (predugotovlenie k funktsional'noy kharakteristike) [Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic)]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika Ekhkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2 (9), 122–143. (In Russ.).
- Veselovskiy, A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Gubanov, S. A. (2016). *Teoriya epiteta: osnovnye podkhody* [Epithet theory: Main approaches]. Samara : DSM Press (In Russ.).
- Gubanov, S. A. (2021). Yazykovaya refleksiya v tvorchestve Mariny Tsvetaevoy: priznakovaya leksika [Linguistic reflection in creativity of Marina Tsvetaeva: Attributive words]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 3 (42), 33–41. https://api-mag.kursku.ru/api/v1/get_pdf/4107/ (In Russ.).
- Zubova, L. V. (1989). *Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingvisticheskiy aspekt* [Poetry of Marina Tsvetaeva : Linguistic Aspect]. Leningrad : LSU Publishing. (In Russ.).
- Ibatullina, G. M. (2020). Apollonicheskoe i dionisiyskoe v stikhotvorenii M. Tsvetaevoy «Sem' kholmov – kak sem' kolokolov...» [The Apollonian and the Dionysian in M. Tsvetaeva's poem "Seven hills – just like seven bells!"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philology. Theory & Practice], 1, 23–27. (In Russ.).
- Kirov, E. F. (2019). Diskursema i megaepitet v diskursologii [Diskursema and megaepithet in discoursology]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 3, 93–95. (In Russ.).
- Lobodanov, A. P. (1984). K istoricheskoy teorii epiteta (antichnost' i srednevekov'e) [On the historical theory of the epithet (antiquity and the Middle Ages)]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literatury i Yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Studies in Literature and Language], 43, 3, 215–227. (In Russ.).
- Mogushkova, T. S. (2021). Sbornik stikhov «Vecherniy albom» Mariny Ivanovny Tsvetaevoy [Collection of poems «Evening Album» by Marina Ivanovna Tsvetaeva], *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 3, 4 (37), 26–30. (In Russ.).
- Nadezhkin, A. M. (2015). Kornevoy povtor v khudozhestvennoy rechi M. I. Tsvetaevoy [Root repetition in the artistic speech of M. I. Tsvetaeva]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Nizhny Novgorod State University. Nizhny Novgorod. (In Russ.).

- Pomeranets, I. B. (2004). *Razvitie epiteta kak otrazhenie izmeneniy kartiny mira* [The development of the epithet as a reflection of changes in the picture of the world. PhD in Philological sci. diss. ; St-Petersburg State University. St Petersburg. (In Russ.).
- Raevskaya, O. V. (1999). O nekotorykh tipakh diskursivnoy metonimii [About some types of discursive metonymy]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 58, 2, 3–12. (In Russ.).
- Revzina, O. G. (1996). Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva]. *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy: v 4 t.* [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: in 4 vol.], I, 5–40. (In Russ.).
- Sandakova, M. V. (2004). *Metonimiya prilagatel'nogo v russkom yazyke* [Adjective metonymy in Russian]. Kirov : Kirov State Humanity University Press. (In Russ.).
- Slovar'... (1996–2004). *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny TSvetaevoy: v 4 t.* [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: in 4 vol.]. Moscow : Dom-muzey Mariny Tsvetaevoy Press. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1996). *Teoriya literatury. Poetika* [Literary theory. Poetics]. Moscow : Aspekt-Press. (In Russ.).
- Fadeeva, T. M. (2014). Slozhnyy epitet – yadernaya edinita khudozhestvennogo prostranstva v russkom yazyke [A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. ; Moscow Regional State University. Moscow. (In Russ.).
- Khazagerov, T. G., Shirina, L. S. (1999). *Obshchaya ritorika: kurs lektsiy. Slovar' ritoricheskikh priemov* [General rhetoric: a course of lectures. Dictionary of rhetorical devices]. Rostov-on-Don : Feniks Press. (In Russ.).
- Tsvetaeva, M. I. (1994–1995). *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: In 7 vol.]. Moscow. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 07.11.2022.
The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 07.11.2022.

Корбашова Юлия Валентиновна¹, Тё Ольга Евгеньевна² ✉

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, ² Московский государственный технический университет

им. Н. Э. Баумана

г. Москва, Российская Федерация

tyo_olga@bmstu.ru

Специфика слов с инверсивным порядком морфем в современном китайском языке

Аннотация

Статья посвящена анализу слов с инверсивным порядком одинаковых морфем в современном китайском языке. На сегодняшний день опубликовано небольшое количество работ по данной тематике, большинство из них – на китайском языке. В задачи нашего исследования входило расширение имеющейся классификации указанных слов и определение вероятностных характеристик пар, относящихся к разным категориям и обладающих одинаковым или разным проявлением трёх признаков: 1) семантика, 2) частеречная принадлежность, 3) структура. Материалом для исследования послужил словарь современного китайского языка (2016 г.). Были использованы: метод сплошной выборки, методы лингвистического наблюдения и описания, контекстный анализ, семантический анализ и метод описательной статистики (простого количественного подсчёта). В результате выявлено 260 пар слов с инверсивным порядком одинаковых морфем. Семантический и контекстный анализ позволил распределить их в 8 категорий, что повлекло за собой расширение существующей классификации из пяти категорий. С точки зрения одинаковости / схожести и разницы по трём признакам, пар с одинаковым либо схожим выражением каждого признака оказалось больше, чем с разным. Этот результат объясняется проявлением феномена омонимии в разных точках системы китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, инверсивный порядок морфем, классификация инверсивных пар слов, частотность, омонимия

© Корбашова Ю. В., Тё О. Е. 2022

Для цитирования: Корбашова Ю. В., Тё О. Е. Специфика слов с инверсивным порядком морфем в современном китайском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 41–53. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_41

Yuliya V. Korbashova¹, Olga E. Te² ✉

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

² Bauman Moscow State Technical University

Moscow, Russian Federation

tyo_olga@bmstu.ru

The specificity of words with an inverse order of identical morphemes in modern Chinese

Abstract

This article aims to examine words with inverse order of identical morphemes in modern Chinese. Relatively small number of research results have been published on the issue, with the majority in Chinese. In this study, the focus is made on enlarging the existing classification of the words and comparing the frequency of occurrence of inverse word pairs distributed into different categories and characterized by similarity or difference in three features: (i) meaning, (ii) part of speech affiliation and (iii) structure. The research material was the "Dictionary of

Modern Chinese" (现代汉语词典 Xiàndài hànyǔ cídiǎn) (2016). During the study, we applied the methods of continuous sampling, observation, description, contextual analysis, semantic analysis and statistic analysis (frequency of occurrence). As a result, 260 word pairs with inverse order of identical morphemes were found. Their semantic and contextual analysis enabled to distribute them into 8 categories, thus enlarging the previous classification of 5 categories. As far as similarity / difference in the three features manifestation, we found that for each feature, the pairs characterized by similarity exceeded the ones characterized by difference. This result is explained by the phenomenon of homonymy showing itself in different points of Chinese language system.

Keywords: Chinese, inverse morpheme order, inverse word pairs classification, frequency of occurrence, homonymy

© Korbashova Yu. V., Te O. E. 2022

For citation: Korbashova, Yu. V., Te, O. E. (2022). Spetsifika slov s inversivnym porjadkom morfem v sovremennom kitayskom yazyke [The specificity of words with an inverse order of identical morphemes in modern Chinese]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 41–53. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_41

1. Введение [Introduction]

Китайский язык как язык изолирующего типа имеет строго фиксированный порядок слов. Одни и те же слова, расположенные в разном порядке, приобретают совершенно новое значение. Например, из слов 'я' 我 wǒ, 'он' 他 tā и 'любить' 爱 ài можно, без изменения местоимений по падежам, а глагола – по лицам (в отличие, например, от русского и немецкого языков, где такие изменения обязательны), образовать два предложения:

- (1) 'Он любит меня' – 他爱我. Tā ài wǒ.
- (2) 'Я люблю его' – 我爱她. Wǒ ài tā.

Как видно, субъектно-объектные отношения в (1) и (2) диаметрально противоположные. В целом, традиционный порядок слов в китайском предложении может быть описан по схеме «подлежащее-сказуемое-дополнение» [Горелов, 1989, с. 149]. Это основная модель простого предложения, по которой образуются и более сложные конструкции. Если в предложении наличествует определение, то оно всегда занимает место перед определяемым словом. Неудивительно, что синтаксические отношения и внутри словосочетаний, и внутри сложных (вторичных) слов (о непростых взаимоотношениях слога, морфемы и слова, а также о типах слов в китайском языке см., напр., [Ли, 2020]) складываются аналогичным образом, то есть подлежащее предшествует сказуемому, сказуемое – дополнению, а определение – определяемому слову. Таким образом, важность порядка слов проявляется не только в предложениях, но и внутри слов-конструктов, состоящих из двух слогоморфем (как с самостоятельной семантикой, так и без таковой – см. об этом [Касевич, 2006, с. 522]).

Абсолютное большинство многосложных (двух- и трёхсложных) слов китайского языка состоит из морфем, представляющих собой слоги, выражающие определённое лексическое значение. По этой причине морфемы 言 yán 'слово' и 语 yǔ 'язык', например, могут образовывать два разных слова: 'речи, слова' 言语 yányǔ и 'язык' 语言 yǔyán. При объединении морфем 人 rén 'люди' и 士 shì 'воин' мы также получаем два новых слова: 'деятель, лицо, фигура' 人士 rénshì и 'учёный, образованный человек; воин' 士人 shìrén. Или, например, морфемы 枪 qiāng 'пистолет' и 手 shǒu 'рука' образуют два таких различных слова, как 'стрелок' 枪手 qiāngshǒu и 'пистолет' 手枪 shǒuqiāng. В этой связи нас особо заинтересовало то обстоятельство, что в китайском языке существует немалое количество пар двусложных слов, состоящих из одних и тех же морфем, но имеющих противоположный структурный порядок, который также называют инверсивным порядком

ком (同素异序词 *tóngsù yìxù cí*; 同素反序词 *tóngsù fǎnyì cí*; 同素逆序词 *tóngsù nìxù cí* и др). Это достаточно специфическое явление, характерное для системы китайского языка и занимающее в ней очень важное место. Согласно И. Р. Гальперину, традиционный («нейтральный») порядок слов – это порядок слов, не преследующий какой-либо особой дополнительной цели сообщения. А вот изменение порядка слов, называемое инверсией, несёт экспрессивно-стилистическую функцию [Гальперин, 2006, с. 99]. По мнению многих авторов, эта идея верна не только для законченных предложений, но и для слов с противоположным структурным порядком, из чего можно сделать вывод, что их наличие существенно обогатило китайский язык.

Интересно, что с течением времени слова с обратным порядком морфем могут приобретать различные значения в разных языках, например, японское 算計 *suànjì* означает то же, что и китайское 计算 *jìsuàn* – 'вычислять'. А китайское 算計 *suànjì* уже достаточно давно приобрело другое значение – 'прикидывать', 'обдумывать', 'замышлять'. Это явление связано с тем, что в древности, когда это слово вошло в японский язык, 算計 и 计算 были одинаковыми по смыслу, но по мере развития и изменения китайского языка значения этих слов начали расходиться и, в конце концов, они превратились в два имеющих не слишком много общего слова. Это и является основной причиной противоположного структурного порядка одинаковых по смыслу слов японского и китайского языков.

Феномен инверсии морфем в китайском языке привлекает всё больше внимания. Однако существующие исследования представлены в основном на китайском языке. Авторы статьи, в первую очередь, опирались на работы ведущих китайских лингвистов [Гао, 1998 ; Лю, 1995 ; Цао, 1979 ; Лян, 1982 ; Тан, 2004 ; Тань, 2004 ; Yang, 2010 ; Гао, 1998 ; Бо, 1996 и др.].

История появления слов с инверсивным порядком одинаковых морфем уходит вглубь веков. Ещё в доциньскую эпоху (до образования первой империи в истории Китая в 221 г. до н. э.) в первой главе «Книги песен», а точнее в «Песнях царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него» были написаны следующие строки:

(3)

桃之夭夭，灼灼其华。

Táozhī yāoyāo, zhuó zhuó qí huá.

之子于归，宜其室家。

Zhīzǐ yúguī, yíqí shìjiā.

桃之夭夭，有其实。

Táozhī yāoyāo, yǒu qíshí

之子于归，宜其家室。

Zhīzǐ yúguī, yíqí jiāshì [Книга песен].

Персик прекрасен и нежен весной –

Ярко сверкают, сверкают цветы.

Девушка, в дом ты вступаешь женой –

Дом убираешь и горницу ты.

Персик прекрасен и нежен весной –

Будут плоды в изобилье на нём.

Девушка, в дом ты вступаешь женой,

Горницу ты убираешь и дом [Конфуций..., 2007, с. 132].

Здесь мы видим пару 室家 *shìjiā* – 家室 *jiāshì* (значение одинаковое – 'дом, семья'). Тань Жувэй (譚汝为 *Tán Rǔwéi*) в «Словах с инверсивным порядком одинаковых морфем в четырёх трактатах» пишет о том, что поэты древнего Китая специально применяли приём инверсии морфем в определённых словах с целью добиться идеальной

рифмы, соблюдая закономерности чередования ровных и ломаных тонов в пяти- и семисловных стихах. Эта форма слов с инверсивным порядком морфем, как правило, была в употреблении недолго и не могла занять прочной позиции в лексике китайского языка [Тань..., 2004, с. 146].

В философском трактате «Мэн-цзы» тоже встречаются слова инверсивного типа: 人民 *rénmín* – 民人 *mínrén* (значение одинаковое – 'народ'):

(4) 诸侯之宝三：土地、人民、政事。宝珠玉者，殃必及身。Zhūhóu zhī bǎo sān: tǔdì, rénmin, zhèngshì. Bǎo zhūyù zhě, yāngxīn jíshēn [Мэн-цзы] – 'У князя три драгоценности: земля, народ и управление. А того, кто ценит выше всего жемчуг и дорогие камни, непременно постигнет несчастье' [Конфуцианское..., 2004, с. 391].

(5) 五谷熟而民人育。Wǔgǔ shú ér rénmin yù [Мэн-цзы] – 'Когда хлеба созрели, то народ имел пропитание' [Конфуцианское Четверокнижье, 2004, с. 296].

Кроме того, одним из источников слов с подобным порядком морфем, помимо вышеперечисленных, являются, по мнению Цао Сяньчжо, диалекты: «Некоторые слова не имеют аналогов со словами с инверсивным порядком морфем в путунхуа, но они могут быть найдены в некоторых диалектах» [Цао, 1979, с. 12]. Например, 'овощи' 蔬菜 *shūcài* – 菜蔬 *càishū*; 'оживлённый, людный, шумный' 热闹 *rènao* – 闹热 *naòrè*; 'плеть / изгородь, ограда' 篱笆 *bāli* – 笆篱 *libā*; 'пыль и пепел / пыль, зола' 灰尘 *huīchén* – 尘灰 *chénhuī*. Вторые слова в этих парах – диалектные.

Не стоит забывать и о периодически проводимой стандартизации лексики китайского языка. Это вопрос унификации и чистоты каждой составной части (морфемы) оборота речи, и это непосредственно касается и слов с инверсивным порядком. «Исходя из того, пользуются ли ими повсеместно, принимает ли их общество, нужны ли они в языковой практике, соответствуют ли они принципам развития китайского языка, проводится ли глубокий анализ, – только так можно сделать определённый вывод о судьбе таких слов» [Лян, 1982, с. 87].

2. Принципы лексической нормы слов с инверсивным порядком одинаковых морфем [Principles of the lexical norm of the morpheme-inverted words]

К принципам лексической нормы относят необходимость, универсальность и ясность. Слова с инверсивным порядком одинаковых морфем – это лексическое явление, поэтому указанные три принципа применимы и к ним. Когда мы говорим о лексических нормах, необходимо помнить о комплексном соблюдении всех трёх принципов, ни один из них не может быть исключен. Ян Фэнь отмечает, что время так же является одним из определяющих факторов: по прошествии определённого срока некоторые инверсивные морфемы исчезают из активной обиходной речи [Yang, 2010, p. 10].

Первый принцип – необходимость. Существует ли необходимость сохранять данное слово в лексике путунхуа, действительно ли есть необходимость использовать именно такую формулировку. Во-первых, для некоторых специфических явлений, бытующих в обществе, необходимо подбирать определённые слова и выражения. Во-вторых, в языковой практике в конкретном контексте мы должны использовать определённые слова и фразы. Например, 犯人 *fànrén* – 人犯 *rénfàn* ('преступник' – 'обвиняемый'). Когда человек находится под следствием, его вина ещё не доказана, называть его «преступником» было бы ошибкой. Для корректного обозначения такого лица необходимо использовать термин 'обвиняемый'. Здесь отмечается смещение акцента с преступления (犯 *fàn*) на человека (人 *rén*).

Второй принцип – универсальность. В книге «Общие положения лексики современного китайского языка» (现代汉语词汇概要 *Xiàndài hànyǔ cíhuì gàiyào*) встречаются следующие пары слов: 代替 *dàitì* – 替代 *tìdài* ('заменить'), 讲演 *jiǎngyǎn* – 演讲

yǎnjiǎng ('доклад, лекция, речь') [У, Ван, 1983]. Здесь первые термины в парах (代替 dàitì, 讲演 jiǎngyǎn) используются наравне как в устной, так и в письменной речи, а вторые термины в парах (替代 tìdài, 演讲 yǎnjiǎng) намного чаще используются в письменной речи. В соответствии с принципом универсальности вторые вытесняются первыми.

Лингвисты полагают, что такой принцип применим не только для инверсивных морфем. Например, союз 'и' (与 yǔ), чаще встречается в письменной речи, в устной его заменяют на 和 hé. Однако, по мнению Тан Цзяньсюна, ни те, ни другие слова не исключаются из лексики современного китайского языка, т. к. каждый из них сохранил свою нишу, а первый, употребляясь в высоком книжном стиле, в конкретном контексте в художественном произведении, выполняет главную функцию – обогащение языка [Тан, 2004, с. 34].

Третий принцип – ясность. Иными словами, следует подбирать слова, которые имеют ясное значение и которые людям легко понять и принять. Это достаточно сложный и длительный процесс. Важно определить, можно ли выделить пару слов по лексическому значению (включая сигнификативное значение, дополнительную окраску и даже временное значение в этом сочетании) или по грамматическому значению.

Рассмотрим пару 灵魂 línghún – 魂灵 húnlíng.

灵魂 línghún: 1) душа, дух, астральное тело, чувственное начало (в человеке); 2) психика, сознание; 3) ключевой элемент; 4) совесть; 5) нематериальная субстанция, которая прикрепляется к телу человека и контролирует его действия;

魂灵 húnlíng: 1) душа, дух; 2) настроение и чувства; 3) благородный дух страны и нации.

Самая очевидная разница между ними заключается в стилистической окраске. 魂灵 guǐlíng в отличие от 灵魂 línghún поддается эризации и поэтому чаще используется в устной речи. Если говорить про сигнификативное значение, то 魂灵 húnlíng (魂灵儿 húnlíng) уступает 灵魂 línghún. Тем не менее окончательно исключить из лексики современного китайского языка, по мнению лингвистов, этот термин нельзя, потому что, например, в словосочетании «мёртвые души» более точно и чётко передаёт смысл именно 魂灵 línghún– «死魂灵 sǐ húnlíng».

Рассмотрим другую пару: 整齐 zhěngqí – 齐整 qízhěng.

整齐 zhěngqí: 1) в полном порядке; опрятный, аккуратный; в хорошем состоянии; 2) правильный; регулярный; размеренный, ритмичный; 3) ровный, одинаковый по размеру;

齐整 qízhěng: 1) ровный, аккуратный; 2) стройный.

Разницы в значении особой нет. Однако, с точки зрения китайских лингвистов, можно почувствовать разницу, взглянув на два варианта перевода одного и того же предложения 'Деревья тополя по обе стороны шоссе растут аккуратно': 1. 公路两旁的杨树长得很整齐。Gōnglù liǎngbiānde yángshù zhǎngde hěn zhěngqí. 2. 公路两旁的杨树长得很齐整。Gōnglù liǎngbiānde yángshù zhǎngde hěn qízhěng. Разница в акценте. В данном случае 整齐 zhěngqí смещает акцент на то, что деревья растут очень аккуратно, ровно. 齐整 qízhěng – на то, что деревья стройные и опрятные.

3. Классификация слов с инверсивным порядком одинаковых морфем [Classification of the morpheme-inverted words]

Ввиду того, что данный вопрос недостаточно изучен, на сегодняшний день существует буквально несколько классификаций слов с инверсивным порядком одинаковых морфем. Мы рассмотрим наиболее полную из них, предложенную крупным китайским исследователем Цао Сяньчжо (曹先擢 Cáo Xiānzhuó), которую на данный момент можно назвать общепринятой:

1. Слова, составленные из двух морфем со схожими значениями. При перестановке морфем слово остаётся той же частью речи, что и было: 觉察 juéchá – 察觉 chájué ('замечать'), 依偎 yīwēi – 偎依 wēiyī ('льнуть'), 询问 wènxiún – 询问 xúnwèn ('наводить справки'), 喜欢 xǐhuān – 欢喜 huān xǐ ('нравится'), 互相 hùxiāng – 相互 xiānghù ('взаимно'), 容颜 róngyán – 面容 yánróng ('облик, черты лица'), 虚空 xūkōng – 空虚 kōngxū ('пустой'), 寂静 jìjìng – 静寂 jìjìng ('тихий') и многие др.

2. Слова, образованные двумя связанными по содержанию морфемами. При перестановке они остаются близки или связаны по смыслу: 夜半 yèbàn – 半夜 bànyè ('глубокой ночью'), 胆大 dàndà – 大胆 dàdàn ('смелый'), 开放 kāifàng – 放开 fàngkāi ('открывать' – 'отпускать'), 焰火 yànhuǒ – 火焰 huǒyàn ('фейерверк' – 'пламя'), 蜂蜜 fēngmì – 密封 mìfēng ('пчела' – 'мёд'), 彩云 cǎiyún – 云彩 yúncǎi ('цветные облака' – 'облака'), 奶牛 nǎiniú – 牛奶 niúniǎi ('молочная корова' – 'молоко'), 毒蛇 dùshé – 蛇毒 shédǔ ('ядовитая змея' – 'змеиный яд') и др.

3. Слова, составленные из близких по значению морфем, при перестановке которых происходит изменение смысла и / или принадлежности к части речи:

发挥 fāhuī – 挥发 ('развивать' – 'испаряться'), 生产 shēngchǎn – 产生 chǎnshēng ('производить' – 'порождать'), 现实 xiànshí – 实现 shíxiàn ('реальность' – 'реализовать'), 意愿 yìyuàn – 愿意 yuànyì ('желание' – 'желать'), 气节 qìjié – 节气 jiéqì ('целостность характера' – 'период года' (1/24)), 面相 miànxiàng – 相面 xiàngmiàn – ('наружность' – 'заниматься физиогномикой') и др.

4. Слова, состоящих из морфем, между которыми прослеживается лишь содержательная связь, и которые при изменении порядка компонентов приобретают новое значение и / или становятся другой частью речи:

人名 rénmíng – 名人 míngrén ('имя' – 'знаменитость'), 上马 shàngmǎ – 上马 mǎshàng – ('сесть на лошадь' – 'немедленно, сразу же'), 海上 hǎishàng – 上海 shànghǎi ('в море' – 'Шанхай'), 故事 gùshi – 事故 shìgù ('история' – 'авария'), 带领 dàilǐng – 领带 lǐngdài ('вести за собой' – 'галстук'), 文盲 wénmáng – 盲文 mángwén ('неграмотный' – 'шрифт Брайля'), 得了 déle – 了得 liǎodé ('получил' – 'выдающийся'), 乱动 luàndòng – 动乱 dòngluàn – ('беспорядки' – 'трогать без разрешения') и др.

5. Названия некоторых предметов. При изменении порядка морфем становится понятно, как этими предметами пользоваться:

锅盖 guōgài – 盖锅 gài guō ('крышка от кастрюли' – 'накрыть кастрюлю'), 瓶塞 píngsāi – 塞瓶 sāipíng ('пробка от бутылки' – 'закупорить бутылку'), 牙刷 yáshuā – 刷牙 shuāyá ('зубная щетка' – 'чистить зубы'), 羊圈 yángjuàn – 圈羊 juànyáng ('загон для овец' – 'загнать овец в загон'), 铁锤 tiěchuí – 锤铁 chuítie – ('молоток' – 'ковать железо'), 门锁 ménsuǒ – 锁门 suǒmén ('дверной замок' – 'запереть дверь'), 风扇 fēngshàn – 扇风 shàn fēng ('вентилятор' – 'обмахивать'), 口罩 kǒuzhào – 罩口 zhàokǒu ('маска' – 'прикрыть рот') и др.

В качестве материала для настоящего исследования был взят словарь современного китайского языка, в котором нами с помощью метода сплошной выборки было обнаружено 260 пар слов с обратным порядком одинаковых морфем [Словарь..., 2016]. Анализ полученной выборки выявил необходимость расширить общепринятую классификацию, описанную выше. При выполнении этой задачи было выделено восемь категорий инверсивных пар слов. Каждая категория была проиллюстрирована примерами в иероглифической записи и на пиньинь; для каждого иллюстративного примера были указаны часть речи, значение и тип конструкции (см. табл. 1–8). Прежде всего отметим, что размеры категорий значительно варьировали – от 98 до 15 пар. Опишем каждую категорию.

Категория 1 – одинаковое значение, одинаковые части речи, одинаковая структура. Это наиболее многочисленная категория, в которой обнаружено 98 пар (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. **Примеры и описание инверсивных пар категории 1**
 [T a b l e 1. **Examples and description of category 1 inverse word pairs**]

Катег. 1	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
笨拙	bènzhuō	сущ.	Неуклюжий, неловкий	Параллельная
拙笨	zhuōbèn	сущ.	Неуклюжий, неловкий	Параллельная
攀登	pāndēng	глагол	подниматься, взбираться вверх	Параллельная
登攀	dēngpān	глагол	подниматься, взбираться вверх	Параллельная
山河	shānhé	сущ.	горы и реки (обр.: родная земля)	Параллельная
河山	héshān	сущ.	реки и горы (обр.: родная земля)	Параллельная
愤激	fènjī	прилагат.	возбужденный, сердитый	Параллельная
激愤	jīfèn	прилагат.	возбужденный, сердитый	Параллельная

Категория 2 – разное значение, одинаковые части речи, одинаковая структура (см. табл. 2). В этой категории было в три раза меньше пар (32 пары), чем в категории 1.

Т а б л и ц а 2. **Примеры и описание инверсивных пар категории 2**
 [T a b l e 2. **Examples and description of category 2 inverse word pairs**]

Катег.2	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
国王	guówáng	сущ.	государь, правитель, король, князь	атрибутивная
王国	wángguó	сущ.	княжество, царство, королевство	атрибутивная
海内	hǎinèi	сущ.	территория внутри страны	атрибутивная
内海	nèihǎi	сущ.	внутреннее море	атрибутивная
发散	fāsàn	глагол	расходиться, рассеиваться	Параллельная
散发	sànfā	глагол	источать, распределять	Параллельная
房客	fángkè	сущ.	квартирант, постоялец, жилец	атрибутивная
客房	kèfáng	сущ.	номер (в гостинице)	атрибутивная
蜜蜂	mìfēng	сущ.	пчела	атрибутивная
蜂蜜	fēngmì	сущ.	мёд	атрибутивная

Категория 3 – одинаковое значение, одинаковая структура, но разные части речи. Это оказалась самая малочисленная категория (всего 15 пар) (примеры см. табл. 3). Категория 4 – разное значение, разные части речи, одинаковая структура (см. табл. 4). Здесь было найдено 26 пар. Категория 5 – схожее значение, разные части речи, разная структура (см. табл. 5). В данную категорию вошло 29 пар. Категория 6 – разное значение, разные части речи, разные структуры. В этой категории оказалась 21 пара (см. табл. 6). Категория 7 – схожее значение, одинаковые части речи, разные структуры (см. Таблицу 7). Было обнаружено 20 таких пар. Категория 8 – разное значение, одинаковые части речи, разные структуры (см. табл. 8). В этой категории было обнаружено 19 пар. Распределение инверсивных пар слов по категориям представлено на гистограмме (рис. 1). Беглый взгляд на полученное соотношение показывает значительное преобладание пар, распределённых в категорию 1 по сравнению со всеми другими категориями.

ми – минимум в три раза. Кроме того, нельзя не заметить практически одинаковый размер категорий 6–8 и 2, 4, 5.

Т а б л и ц а 3. Примеры и описание инверсивных пар категории 3
[T a b l e 3. Examples and description of category 3 inverse word pairs]

Катег. 3	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
爱恋	àiliàn	глагол	страстно любить, быть влюблённым	Параллельная
恋爱	liàn'ài	сущ., глагол	любовь, влюблённость; горячо любить	Параллельная
和缓	héhuǎn	прилагат.	умеренный, мягкий	Параллельная
缓和	huǎnhé	прилагат., глагол	смягчать, сглаживать; умеренный, мягкий	Параллельная
合适	héshì	прилагат.	подходящий, удобный, уместный, соответствующий	Параллельная
适合	shìhé	глагол	соответствовать, удовлетворять (условиям), подходить	Параллельная
战争	zhànzhēng	сущ., прилагат.	война, военный	Параллельная
争战	zhēngzhàn	глагол	воевать	Параллельная
一统	yītǒng	глагол	объединять [под единой властью]	атрибутивная
统一	tǒngyī	глагол, прилагат.	объединять; единый, унифицированный	атрибутивная

Т а б л и ц а 4. Примеры и описание инверсивных пар категории 4
[T a b l e 4. Examples and description of category 4 inverse word pairs]

Катег. 4	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
总归	zǒngguī	наречие (наречное выражение)	во всяком случае, в конце концов	атрибутивная
归总	guīzǒng	глагол	подытожить	атрибутивная
姑舅	gūjiù	прилагат.	двоюродный	Параллельная
舅姑	jiùgū	сущ.	родители мужа (жены)	Параллельная
装束	zhuāngshù	сущ.	туалет, наряд, вещи, багаж	Параллельная
束装	shùzhuāng	глагол	собрать багаж, уложиться (в дорогу)	Параллельная
征象	zhēngxiàng	сущ.	признак, симптом	Параллельная
象征	xiàngzhēng	глагол, сущ.	символизировать; символ, эмблема, знак	Параллельная
意愿	yìyuàn	сущ.	стремление, чаяние, желание	Параллельная
愿意	yuànyì	модальный глагол	хотеть, желать	Параллельная

Т а б л и ц а 5. Примеры и описание инверсивных пар категории 5
[T a b l e 5. Examples and description of category 5 inverse word pairs]

Катег. 5	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
加倍	jiābèi	глагол, наречие	удваиваться, вдвойне	глагольно-объектная
倍加	bèijiā	наречие	вдвойне	атрибутивная
等同	děngtóng	глагол	отождествлять	глагольно-объектная
同等	tóngděng	прилагат.	одинаковый, идентичный, равный	атрибутивная
期限	qīxiàn	сущ.	срок, ограничение, лимит времени	атрибутивная
限期	xiànqī	глагол, сущ.	ограничить срок; срок, лимит времени	глагольно-объектная
乡思	xiāngsī	сущ.	ностальгия, тоска по родине	атрибутивная
思乡	sīxiāng	глагол	тосковать по родине	глагольно-объектная

Т а б л и ц а 6. Примеры и описание инверсивных пар категории 6
[T a b l e 6. Examples and description of category 6 inverse word pairs]

Катег. 6	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
办公	bàngōng	глагол	заниматься служебными делами, работать	глагольно-объектная
公办	gōngbàn	прилагат.	общественный, государственный	атрибутивная
低压	dīyā	сущ.	пониженное давление, низкое напряжение	атрибутивная
压低	yādī	глагол	снижать, придавливать, прижимать к земле	дополняющая
言传	yánchuán	глагол	передавать на словах; формулировать словами	субъектно- предикатная
传言	chuányán	сущ.	пересуды, слухи, предание	Параллельная
好友	hǎoyǒu	сущ.	хороший друг	атрибутивная
友好	yǒuhǎo	прилагат.	дружеский, дружественный	Параллельная
分工	fēngōng	глагол	осуществлять разделение труда	глагольно-объектная
工分	gōngfēn	сущ.	трудоединица	атрибутивная

Т а б л и ц а 7. Примеры и описание инверсивных пар категории 7
[T a b l e 7. Examples and description of category 7 inverse word pairs]

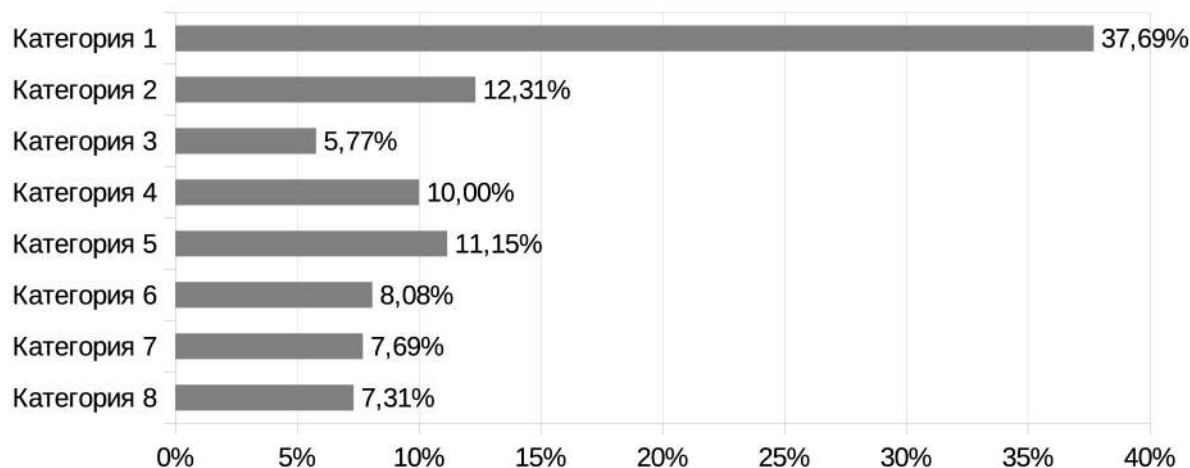
Катег. 7	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
家传	jiāchuán	глагол	передаваться из поколения в поколение	субъектно-предикатная
传家	chuánjiā	глагол	передаваться по наследству	глагольно-объектная
过路	guòlù	глагол	проходить, проезжать	глагольно-объектная
路过	lùguò	глагол	проезжать через...; проходить мимо	атрибутивная

Окончание таблицы 7

Катег. 7	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
大胆	dǎdǎn	прилагат.	смелый, храбрый	атрибутивная
胆大	dǎndà	прилагат.	смелый, храбрый	субъектно-предикатная
心寒	xīnhán	прилагат.	разочарованный, равнодушный	субъектно-предикатная
寒心	hánxīn	прилагат.	равнодушный, безразличный	глагольно-объектная
急救	jíjiù	глагол	оказать первую помощь	атрибутивная
救急	jiùjí	глагол	оказать первую помощь	глагольно-объектная

Т а б л и ц а 8. Примеры и описание инверсивных пар категории 8
[T a b l e 8. Examples and description of category 8 inverse word pairs]

Катег. 8	Пиньинь	Часть речи	Значение	Конструкция
笔画	bǐhuà	сущ.	черта [в китайской каллиграфии]	глагольно-объектная
画笔	huàbǐ	сущ.	кисть для рисования	субъектно-предикатная
好看	hǎokàn	прилагат.	красивый, приятный	атрибутивная
看好	kànhǎo	прилагат.	перспективный	дополняющая
会议	huìyì	сущ.	конференция, заседание, совещание, конгресс, сессия	субъектно-предикатная
议会	yìhuì	сущ.	парламент, собрание	глагольно-объектная
女子	nǚzǐ	сущ.	женщина	аффиксальное словосочетание
子女	zǐnǚ	сущ.	сыновья и дочери	Параллельная

Р и с у н о к 1. Распределение инверсивных пар слов по категориям (%)
[F i g u r e 1. Inverse word pairs distribution into categories (%)]

Если посмотреть на данные пары с точки зрения одинаковости / схожести и разницы а) значений, б) частеречной принадлежности и в) структуры, то пар с одинаковым / схожим значением всего зафиксировано 162 (62,3%), а с разным – 98 (37,7%);

пар с одинаковой частеречной принадлежностью найдено 169 (65%), а с разной – 91 (35%); пар с одинаковой структурой выявлено 171 (65,8%), а с разной – 89 (34,2%).

4. Заключение [Conclusion]

Анализ китайских лингвистических трудов показал, что слова с инверсивным порядком одинаковых морфем на сегодняшний день являются объектом всестороннего исследования. Ведь китаеведам регулярно приходится выбирать, какие слова исключить из лексикона китайского языка, какие оставить только в письменной или устной речи, какие добавить в активную лексику. Большинство крупных специалистов в области китайского языка пока склоняются к тому, что такого рода словам необходимо позволить сосуществовать естественным образом, в процессе долгосрочной языковой практики без какого-либо вмешательства извне. И тогда часть этих слов исчезнет из официального перечня слов путунхуа, а часть укоренится и пройдет через процесс стандартизации. Так или иначе слова с инверсивным порядком одинаковых морфем – это действительно эффективный способ построения новых слов. Они занимают важное место в современном китайском языке, что значительно обогащает сокровищницу лексики этого слогового языка с непростыми отношениями между слогом, морфемой и словом. Пока китайский язык продолжает развиваться, генерация и развитие слов с инверсивным порядком морфем не прекращается. Стандартизация таких слов в данном контексте является очень важной задачей. Это постоянный процесс, который находится под контролем Государственного комитета Китая по работе в области языка и письменности и представляет огромный интерес для китаеведов разных стран.

Исследование, проведенное на материале «Словаря современного китайского языка» показало, что подавляющее большинство слов с инверсивным порядком одинаковых морфем имеют одинаковое значение, являются одной и той же частью речи, имеют одинаковую структуру. Меньше всего подобных пар имеют одинаковое значение, одинаковую структуру, но являются разными частями речи.

Таким образом, исходя из полученных результатов, большую часть составляют пары с одинаковым / схожим значением, пары с одинаковой частеречной принадлежностью и пары с одинаковой структурой – более 60%. Эти показатели почти в два раза превышают общее число пар с разным значением, разной частеречной принадлежностью и с разной структурой – чуть больше 35%. Полученные данные свидетельствуют о широком распространении феномена омонимии, проявляющегося в разных точках китайской языковой системы.

Библиографический список

- Горелов, 1989 – Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
- Гальперин, 2006 – Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2007. 140 с.
- Касевич, 2006 – Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2-х т. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. Т. 1. 664 с.
- Конфуцианское Четверокнижие, 2004 – Конфуцианское Четверокнижие («Сы-Шу») / отв. ред. Л. С. Переломова; пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева и др. М.: Восточная литература, 2004. 431 с.
- Конфуций..., 2007 – Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2007. 958 с.
- Ли, 2020 – Ли И. Теоретические основы варьирования китайского слога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, Вып. 1. С. 271–275.

- Yang, 2010 – Yang F. Literature Review of Researches on Morpheme-Inverted Words // *Science and Technology Innovation Herald*. 2010. № 6. P. 10–11.
- Гао, 1998 – 高惠敏. 关于同素异序词研究的几点思考 // *松江学刊*. 1998年. 第2期, 第10–13页 [Гао Х. Размышления об изучении слов с инверсивным порядком морфем // *Научный журнал Сунцзяна*. 1998. № 2. С. 10–13].
- Лю, 1995 – 刘叔新. *汉语描写词汇学*, 1995年, 415页 [Лю Ш. *Описательная лексикология китайского языка*. Пекин: Изд-во «Коммерческая пресса», 1995. 415 с.].
- Книга песен – *诗经* [Книга песен: сайт]. URL: <https://ctext.org/book-of-poetry/tao-yao/zh?searchu=%E6%A1%83%E4%B9%8B%E5%A4%AD%E5%A4%AD&searchmode=showall#result> (дата обращения: 15.12.2021).
- Тань, 2004 – 谭汝为. *汉语语义学讲义*, 2004年, 129页 [Тань Ж. *Лекции по семантике китайского языка*. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2004. 129 с.].
- Бо, 1996 – 薄家富. 也谈同素异序词 // *天津师大学报*. 1996. 第6期, 第15–16页 [Бо Ц. К вопросу о словах с инверсивным порядком морфем // *Вестник Тяньцзиньского пед. ун-та*. 1996. № 6. С. 15–16].
- У, Ван, 1983 – 武占坤, 王勤. *现代汉语词汇概要*, 1983年, 486页 [У Чж, Ван Ц. *Общие положения лексики современного китайского языка*. Хух-Хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1983. 486 с.].
- Мэн-цзы – *孟子* [Мэн-цзы: сайт Chinese Text Project]. URL: <https://ctext.org/text.pl?node=1868&if=gb&show=parallel&remap=gb> (дата обращения: 15.12.2021).
- Цао, 1979 – 曹先擢. 并列式同素异序同义词 // *中国语*. 1979年. 第6期, 第10–14页 [Цао С. *Синонимы сочинительной модели с инверсивным порядком морфем* // *Китайский язык*. 1979. № 6. С. 10–14].
- Лян, 1982 – 梁荫众. 略论同素词的修辞作用及其规范化问题 // *山西大学学报*, 1982年, 第1期, 第85–92页 [Лян И. *Краткое обсуждение стилистической функции слов с одинаковыми морфемами и их стандартизации* // *Журнал ун-та Шэньси*. 1982. № 1. С. 85–92].
- Тан, 2004 – 唐健雄. 现代汉语同素异序词语分析 // *语文研究*. 2004年. 第2期. 第32–34页 [Тан Цз. *Анализ слов с инверсивным порядком одинаковых морфем в современном китайском языке* // *Исследования языка*. 2004. № 2. С. 32–34].
- Словарь..., 2016 – *现代汉语词典/北京: 商务印书馆*, 2016年, 1894页 [Словарь современного китайского языка. Пекин: Изд-во «Коммерческая пресса», 2016. 1894 с.].

References

- Gorelov, V. I. (1989). *Teoreticheskaya grammatika kitajskogo yazyka* [Theoretical grammar of Chinese]. Moscow: Prosveshhenie Press. (In Russ).
- Gal'perin, I. R. (2006). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: URSS Press. (In Russ).
- Kasevich, V. B. (2006). *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. In 2 volumes. Vol. 1. St Petersburg: Philological Faculty of St Petersburg University Press. (In Russ).
- Konfucianskoe... (2004). *Konfucianskoe "Chetveroknizhie" («Si-Shu»)* [The Four Books of Confucianism]. Moscow: Oriental Literature. (In Russ).
- Konfutsiy. (2007). *Konfutsiy. Uroki mudrosti: Sochineniya* [Confucius. Wisdom Lessons: Essays]. Moscow: Eksmo Press; Kharkov: Folio Press. (In Russ).
- Li, Y. (2020). Teoreticheskie osnovy var'irovaniya kitayskogo sloga [Theoretical study of the Chinese syllable variation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (1), 271–275. (In Russ).
- Yang, F. (2010). Literature Review of Research on Morpheme-Inverted Words. *Science and Technology Innovation Herald*, 6, 10–11.
- Gao, H. (1998). Guānyú tóng sù yì xù cí yánjiū de jǐ diǎn sīkǎo. *Sōngjiāng xué kān*. 1998 nián. Dì 2 qī. Dì 10–13 yè [Some thoughts on the study of morpheme-inverted words. *Songjiang Academic Journal*, 2, 10–13]. (In Chinese).

- Liu, Sh. (1995). *Hànyǔ miáoxiě cíhuì xué* [The Descriptive Lexicology of Chinese language]. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
- Shijing (n. d.). [Shijing. The Book of songs]. Retrieved December 12, 2020 from <<https://ctext.org/book-of-poetry/tao-yao/zh?searchu=%E6%A1%83%E4%B9%8B%E5%A4%AD%E5%A4%AD&searchmode=showall#result>>. (In Chinese).
- Tan, R. (2004). *Hànyǔ yǐyìxué jiǎngyì* [Lectures on the semantics of the Chinese language]. Beijing : Peking University Press. (In Chinese).
- Bo, J. (1996). Yě tán tóng sù yì xù cí . *Tiānjīn shī dà xuébào*. 1996 nián. Dì 6 qī. Dì 15–16 yè [Concerning the words with inverse order of identical morphemes. *Tianjin Normal University Journal*, 6, 15–16]. (In Chinese).
- Wu, Zh., Wang, Q. (1983). *Xiàndài hànyǔ cíhuì gàiyào* [The outline of modern Chinese vocabulary]. Hohhot : Inner Mongolia People's Publishing House. (In Chinese).
- Meng-zi [Men-zi]. Retrieved December 15, 2020 from <<https://ctext.org/text.pl?node=1868&if=gb&show=parallel&remap=gb>>. (In Chinese).
- Cao, X. (1979). Binglièshì tóng sù yì xù tóng yì cí. *Zhōngguó yǔ*. 1979 nián. Dì 6 qī. Dì 10–14 yè [Synonyms of the compositional model with the inverse order of morphemes. *Chinese Language*, 6, 10–14]. (In Chinese).
- Liang, Y. (1982). Lüèlùn tóng sù cí de xiū cí zuò yòng jí qí guī fān huà wèn tí. *Shānxī dà xué xué bào*. 1982 nián. Dì 1 qī. Dì 85–92 yè [Brief discussion of the stylistic function of words with an inverse order of identical morphemes and their standardization. *Journal of Shaanxi University*, 1, 85–92. (In Chinese).
- Tang, J. (2004). Xiàndài hànyǔ tóng sù yì xù cí yǔ fēn xī. *Yǔ wén yán jiū*, 2004 nián. Dì 2 qī. Dì 32–34 yè [Analysis of words with inverse order of identical morphemes in modern Chinese. *Language Studies*, 2, 32–34]. (In Chinese).
- Xiàndài hànyǔ cí diǎn/Béijīng: Shāngwù yìn shū guǎn, 2016 nián, 1894 yè [Contemporary Chinese Dictionary. (2016). The Commercial Press. Beijing], 1894. (In Chinese).

Крылова Мария Николаевна

Азово-Черноморский инженерный институт – филиал Донского государственного аграрного университета

г. Зерноград, Российская Федерация

krylovamn@inbox.ru

Средства выражения императивной семантики в русском языке (функционально-семантическое поле императивности)

Аннотация

В статье проводится анализ семантики императива и состава функционально-семантического поля (ФСП) императивности в современном русском языке. Целью стало установление типов разноуровневых языковых единиц, выражающих императивную семантику. Материалом послужили научные работы, посвящённые императивным единицам, и Национальный корпус русского языка. Рассмотрены частные императивные значения, в том числе прохибитив, превентив, императив будущего времени, императив немедленного действия, императив движения, императив изменения действия, антериорный императив, пермиссив, вежливый императив, некатегорический императив, инструкции, пропозитивный императив, десемантизированный императив, юссив. Выявлено, что ФСП императивности русского языка является чётко структурированным моноцентрическим полем, включающим ядро (повелительное наклонение глагола и побудительные предложения), приядерную зону (аналитические формы 1-го лица мн. числа), ближнюю периферию (неспецифические формы 3-го лица), дальнюю периферию (вопросительные предложения, инфинитивы и инфинитивные конструкции, формы сослагательного наклонения, формы прошедшего времени, формы настоящего времени, формы будущего времени, имя существительное, модальные слова, передающие семантику необходимости действия, немодальные слова категории состояния, междометия, лексические средства побудительности, неполные предложения императивной семантики, вокативные предложения), крайнюю периферию (скрытые императивные речевые акты, реализуемые в контексте, и невербальные средства императивности). Сделан вывод о значительном коммуникативном и выразительном потенциале единиц ФСП императивности, обусловленном многообразием императивных значений и многосоставностью данного ФСП.

Ключевые слова: императив, императивная семантика, функционально-семантическое поле императивности, русский язык, ядро поля, периферия поля

© Крылова М. Н. 2022

Для цитирования: Крылова М. Н. Средства выражения императивной семантики в русском языке (функционально-семантическое поле императивности) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 54–64. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_54

Maria N. Krylova

**Azov-Black Sea Engineering Institute – a branch of the Don State Agrarian University
Zernograd, Russian Federation**

krylovamn@inbox.ru

Means of expressing imperative semantics in Russian (Functional-semantic field of imperativeness)

Abstract

The article analyzes the semantics of the imperative and the composition of the functional-semantic field (FSF) of imperativeness in modern Russian. The aim was to establish the types of multi-level language units that express

imperative semantics. The material for the study was taken from scientific works devoted to imperative units and the National Corpus of the Russian Language. Particular imperative meanings are considered, including prohibitive, preventive, future tense imperative, immediate action imperative, motion imperative, change action imperative, anterior imperative, permissive, polite imperative, non-categorical imperative, instructions, propositive imperative, desemantized imperative, jussive. It was found that the FSF of the imperativeness of the Russian language is a clearly structured monocentric field, which includes the core (the imperative mood of the verb and motivating sentences), the nuclear zone (analytical forms of the 1st person plural), the near periphery (non-specific forms of the 3rd person), the far periphery (interrogative sentences, infinitives and infinitive constructions, subjunctive mood forms, past tense forms, present tense forms, future tense forms, noun, modal words that convey the semantics of the need for action, non-modal words of the state category, interjections, lexical means of motivation, incomplete sentences of imperative semantics, vocative sentences), extreme periphery (hidden imperative speech acts implemented in the context, and non-verbal means of imperativeness). The conclusion is made about the significant communicative and expressive potential of the units belonging to FSF of imperativeness in the Russian language due to the variety of imperative meanings and the multi-composition of the FSF of imperativeness.

Keywords: imperative, imperative semantics, functional-semantic field of imperativeness, Russian language, core of the field, periphery of the field

© Krylova M. N. 2022

For citation: Krylova, M. N. (2022). Sredstva vyrazheniya imperativnoy semantiki v russkom yazyke (funktsional'no-semanticheskoe pole imperativnosti) [Means of expressing imperative semantics in Russian (Functional-semantic field of imperativeness)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 54–64. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_54

1. Введение [Introduction]

Императивное значение – одно из важнейших в языке. Оно отвечает основной функции языка – коммуникативной и основной цели общения – желанию говорящего убедить в чём-то собеседника, повлиять на него с тем, чтобы достичь своей коммуникативной цели. Проблемы семантики императивных конструкций рассматривались различными исследователями [Храковский, Володин, 1986 ; Davies, 1986 ; Апресян, 1995 ; Бирюлин, 1994 ; Головина, 1997 и др.].

В наиболее общем виде семантика императива состоит в том, что он «выражает волю говорящего, побуждение к действию» [Шанский, Тихонов, 1987, с. 198]. В императиве содержится «сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определённое действие, и попытка каузировать его выполнение адресатом» [Апресян, 1995, с. 22]. Важной характеристикой значения императива зарубежные исследователи считают то, что оно одновременно является истинным и условным (см., напр., [Charlow, 2014, с. 617]), или, иначе говоря, императивы не имеют прямого отношения ни к истине, ни к обмену информацией [Kaufmann, 2012, с. 29].

Исходя из данной семантики, В. Ю. Гусев определяет императивное суждение как «высказывание, в котором говорящий, самым фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение эксплицитно указанного в этом высказывании действия» [Гусев, 2005, с. 4–5]. Схожее определение мы видим в исследовании В. Е. Иосифовой: «... Высказывание, в котором говорящий сообщает слушающему о необходимости и/или возможности осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самым фактом своего сообщения» [Иосифова, 2012б, с. 4]. Как видим, для семантики императивности важным элементом являются желание говорящего сообщить собеседнику о потребности в осуществлении какого-то действия (то есть желание каузировать это действие).

Тем не менее, нельзя не заметить, что императивная семантика неоднородна и может проявляться по-разному в зависимости от интонации, с которой произносится императивное высказывание, от языковых единиц, которые выбраны для выражения побудительности и других факторов

Целью настоящего исследования стало выявление особенностей семантики императива и установление конституиентов функционально-семантического поля императивности. Источниками примеров послужили материалы Национального корпуса русского языка, фиксирующие современное состояние языка.

2. Особенности семантики императивных высказываний [Features of the semantics of imperative statements]

У императива наблюдается «масса оттенков значения – от мольбы и самой вежливой просьбы до категорического приказания и запрета» [Шанский, Тихонов, 1987, с. 198]. Они передаются в первую очередь при помощи интонации и зависят от ситуации побуждения. Их наличие – проявление явной тесной связи семантики императивных предложений с коммуникативной ситуацией, от особенностей которой во многом зависит их адекватная интерпретация [Головина, 1997, с. 3]. Интонация может компенсировать наличие в императивной конструкции особых императивных форм глагола [Храковский, Володин, 1986, с. 11].

Нельзя не отметить, что императивные конструкции могут иметь переносную семантику, в которой формы императива перестают выражать побудительность. Они могут употребляться в значении сослагательного наклонения: *Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* (Н. В. Гоголь); изъявительного наклонения: *И блесни мне тут счастливая мысль* (И. С. Тургенев); передавать вынужденное действие субъекта: *Путают, путают, а я распутывай, – сердито сказал он* (Ф. Сологуб) и т. п. [Шанский, Тихонов, 1987, с. 202–203].

В то же время существует целый ряд конструкций, которые, наоборот, не являются императивными в формальном плане, но передают императивную семантику. Сходство и даже единство императивной семантики у конструкций, выражающих её прямо и непрямо, признаётся большинством исследователей [Перцов, 2001, с. 150; Davies, 1986, р. 50], однако есть и иные точки зрения. В частности, В. С. Храковский и А. П. Володин отмечают, что скептически относятся к «попыткам выделить у императива такое общее значение, которое было бы ему свойственно как при прямых, так и не прямых употреблениях» [Храковский, Володин, 1986, с. 227]. Разделяет это мнение и В. Ю. Гусев [Гусев, 2005, с. 8]. По нашему мнению, императивные конструкции с прямым и косвенным побуждением передают схожую императивную семантику, обладающую при этом оттенками, изучить которые необходимо.

3. Семантические классы императивных конструкций [Semantic classes of imperative constructions]

Семантические классы (типы) императивных конструкций (разновидности с точки зрения значения) не раз становились предметом исследований [Гусев, 2005; Порублева, 2015; Добрушина, 2016 и др.]. Выделяются следующие семантические классы:

1. Прохибитив, или «запретительное наклонение» [Ахманова, 1969, с. 372] – это императивные конструкции с отрицанием. Прохибитив может встречаться и среди ядерных элементов ФСП императивности (не забудь, не покупай), и среди периферийных:

– *Аллё! – обратился к нему через зеркало Демид, хлопая в ладоши. – Не спать! Готовы?* (С. Шикера. Выбор натуры).

2. Превентив – это императивная форма, которая имеет своей целью «предупредить слушающего о том, что может произойти некоторое нежелательное событие, и кау-

зировать его этого события избежать» [Гусев, 2005, с. 12]. Например: *Смотри не упади, звезда!* (газета «Русский репортер»).

3. Императив будущего времени – это «побуждение к действию, которое необходимо совершить через определённый промежуток времени» [Порублева, 2015, с. 28]. Между актом говорения и действием в этом случае предполагается значительная временная дистанция, для указания на которую, как правило, используются дополнительные лексические средства: *Сегодня вечером приходи, чтобы остаться* (журнал «Сибирские огни»).

4. Императив немедленного действия противостоит названному выше семантическому типу. Конструкция указывает на то, что действие должно быть совершено «быстрее, чем если бы был употреблён обычный императив» [Гусев, 2005, с. 12]. С учётом того, что действие императива всегда совершается в будущем, в данном случае также становятся необходимы дополнительные лексические средства: *Хочешь без компьютера остаться? Немедленно садись учиться!* (журнал «Даша»).

5. Императивы движения используются в том случае, когда выполнение действия сопровождается движением, то есть в ходе совершения действия адресат должен будет изменить своё местонахождение в пространстве: *Пойди помоги ему. Пусть поспит немного* (А. Маринина. Стечение обстоятельств).

6. Императивы изменения действия указывают на действие, которое может начинаться (*Начни думать!*), продолжаться (*Продолжай копать!*) или завершаться («*Прекрати кричать!*»). Такие императивы образуются в первую очередь от фазисных (фазовых) глаголов: *начинать, продолжать, стать, перестать* и др. Например: *Перестань ругаться. Вдруг они стоят на балконе и всё слышат* (А. Геласимов. Ты можешь).

7. Антериорный императив указывает на необходимость совершения действия, «имеющего предварительный характер или предшествующего другому действию» [Порублева, 2015, с. 29]. Например: *Всегда тебе завидовал чёрной завистью. Ты посиди пока. Я сейчас* (С. Шикера. Египетское метро). Для выражения этого значения императива в конструкцию также вводятся дополнительные слова: *сначала, пока* и др.

8. Пермиссив – форма императива, служащая «для выражения разрешения» [Порублева, 2015, с. 29]. Например: *Так и быть, лично от себя я разрешаю вам ещё три зелёных яблока* (коллективный. Форум: Диета Кима Протасова).

9. Вежливый императив, который имеет особое значение в структуре императива, не всегда предполагающего вежливое обращение [Гусев, 2005, с. 13]. Например: *Иди. А вы останьтесь, пожалуйста, Валя. Агапов вышел строевым шагом* (И. Меттер. Алексей Иваныч).

10. Некатегорический императив используется, чтобы смягчить просьбу или распоряжение. Очевидно, что данный семантический тип императива допускает возможность того, что просьба не будет выполнена [Гусев, 2005, с. 13]. Например: *Не могла бы ты позвать кого-нибудь на помощь?* (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью). В сопоставлении с данным семантическим классом основные формы императива воспринимаются как категорические: *И вообще, не мешай мне, иди отсюда, отойди от меня, не заслоняй мне солнце* (журнал «Волга»).

11. Инструкции как «повеления, обращённые к неограниченному кругу исполнителей» [Гусев, 2005, с. 14]. Например: *Рычаг, запирающий дверь, был автоматически связан с включающим рубильником, и над дверцей зажглось табло: Не входить!!!* (журнал «Волга»). Адресатом такого императива становится каждое лицо, которое услышит или прочтёт инструкцию.

12. Пропозитивные императивы (инклюзивные императивы, пропозитивы, гортативы), конструируя которые «говорящий предлагает слушающему дать своё согласие на осуществление действия» [Гусев, 2005, с. 14]. Например: *Обращаемся к ним с просьбой: пожалуйста, сообщите нам о таких людях, пришлите их точные адреса, обязательно с*

индексом. *Сделаем вместе доброе дело!* (журнал «Здоровье»). Выполнение действия, обозначенного пропозитивным императивом, может быть затруднено наличием нескольких промежуточных этапов, участием в исполнении действия нескольких субъектов и т. п. Например: *Но эти записи касаются его пребывания в Риме... Давай я его попрошу нам помочь!* (Н. Александрова. Последний ученик да Винчи). Адресант при этом одновременно является исполнителем действия (одним из исполнителей).

13. Десемантизированные императивы выражают побуждение, но не называют его. Понять, о чём идет речь, можно только из контекста или ситуации, то есть используются неполные предложения. Например, фраза «*Давай!*» может быть ответом на вопрос: «*Купить сыра?*» и, значит, выражает семантику 'Купи!'.

14. Юссив, или императив 3-го лица – это конструкция, в которой исполнителем действия является не адресат, а третье лицо, а «адресат выполняет роль посредника» [Добрушина, 2016, с. 161]. Например: *Товарищ Беляев сказал – пусть зайдёт до отъезда* (С. Довлатов. Заповедник).

Исследование семантики императива логичным образом привело учёных к необходимости выделения семантической категории императива. Данная категория является понятийной и представляет собой «замкнутую систему значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения» [Булыгина, Крылова, 1998, с. 216]. В семантической категории императива универсальным значением выступает императивная семантика. Представление о категориальном объединении компонентов языка, выражающих единую семантику, разрабатывается в русле функционально-семантического подхода к языку.

4. Понятие функционально-семантического поля императивности [The notion of the functional-semantic field of imperativeness]

Функционально-семантический подход к языку связан с движением в изучении языка от семантики к форме, а также с представлением о языке как системе, в которой единицы различных уровней разными способами связаны друг с другом.

Изучение императива в функционально-семантическом ключе стало очень перспективным, поскольку, во-первых, императив обладает «интуитивно ясной» [Храковский, Володин, 1986, с. 6] и устойчивой семантикой, во-вторых, ему свойственны разнообразные и разноуровневые формы выражения, в-третьих, он представляет собой универсальное явление и встречается в различных языках, в-четвёртых, широко употребляется, что указывает на его востребованность и важность для говорящего.

В рамках функционально-семантического подхода к языку сформировалось понятие функционально-семантического поля (ФСП). ФСП трактуется как «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определённой семантической категории» [Бондарко, 1998, с. 566–567]. Параллельным термином, выделяющим категориальный характер данного образования, стал термин «функционально-семантическая категория» (ФСК). Конституентами ФСП становятся единицы разных уровней: морфемы, лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции и т. д. Такое объединение языковых единиц, рассматриваемых в совокупности и анализируемых вместе, противоречит широко распространённому ранее системному подходу к языку, согласно которому единицы разных уровней анализировались обособленно.

Как отмечает А. В. Бондарко, «в основе каждого функционально-семантического поля лежит определённая семантическая категория – тот семантический инвариант, ко-

торый объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие» [Бондарко, 1998, с. 567]. Исходя из этого, в основе ФСП императивности (побудительности) лежит семантическая категория императивности.

В монографии В. С. Храковского и А. П. Володина было отмечено, что сходной императивной семантикой обладают языковые единицы в различных языках мира, то есть по сути было положено начало функционально-семантическому изучению категории императива [Храковский, Володин, 1986, с. 7–10].

В ходе анализа ФСП императивности, определяемого как «совокупность разнородных средств языка, выражающих различные виды волеизъявления субъекта» [Назари, 2012, с. 8], исследователи стремятся выявить конститuentы поля.

5. Структура функционально-семантического поля императивности [The structure of the functional-semantic field of imperativeness]

Структура ФСП разработана в общем виде А. В. Бондарко, который выделил в нём центр (ядро) и периферию. Для ядра характерно «сосредоточение, максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку», а для периферии – «разреженность таких признаков» [Бондарко, 1972, с. 22]. При этом явления, находящиеся в центре ФСП, играют регулирующую и консолидирующую роль по отношению к периферийным явлениям [Там же, с. 25]. В структуре ФСП А. В. Бондарко также выделяет микрополя, которые представляют собой минимальные элементы ФСП, относительно самостоятельные с точки зрения семантики и формы, но в то же время соотносимые с общей семантикой поля и находящиеся с ней в отношениях частного и общего [Бондарко, 1971, с. 68–69].

Структура ФСП императивности разрабатывается с опорой на исследования А. В. Бондарко целым рядом лингвистов [Изотов, 2005 ; Назари, 2012 ; Стешевич, 2015 ; Николенко, Захарчук, 2016 и др.]. При этом состав ФСП понимается учёными с разной степенью детализации. Приведём ниже перечень компонентов, которые включает в себя ФСП императивности в русском языке.

ФСП императивности грамматически базируется на повелительном наклонении глагола. Это элемент грамматической категории – сильный центр, или ядро, и поэтому ФСП, в соответствии с типологией А. В. Бондарко, является моноцентрическим (сильно центрированным) [Бондарко, 1984, с. 61]. В русском языке в ядро ФСП императивности входят «специализированные формы с морфологическим показателем императивности» [Стешевич, 2015, с. 8], то есть формы повелительного наклонения глагола (*иди, идите*). Единицы ядра обладают наиболее простой, ясной, прямой и общей семантикой. Факторами их отнесения к ядру ФСП являются «критерии употребительности и стилистической немаркированности» [Изотов, 2005, с. 21]. Формы повелительного наклонения конструировались как средства выражения побуждения, это их изначальная роль. Для носителей языка очевидна их важность (приоритетность) как средств выражения побуждения.

Синтаксическое средство, которое также относится к ядру ФСП императивности, – побудительные предложения, в которых сказуемое выражено глаголом в повелительном наклонении. Это определённо-личные предложения: *Командир, а ну-ка зайди ко мне, разговор есть!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова).

Выделяется также п р и я д е р н а я з о н а – элементы ФСП, которые наиболее близки к единицам ядра по семантике и форме. В русском языке приядерная зона включает аналитические формы 1-го лица мн. ч. [Стешевич, 2015, с. 8], например: *Могут движением глаз показать партнеру: «Давай сделаем это вместе!»* (журнал «Знание – сила»).

Единицы п е р и ф е р и и создавались в языке не для побуждения, а для иных целей, но затем они расширили свою семантику и обрели способность выражать импе-

ративность. Периферийные единицы обладают более слабой связью с повелительным наклонением, для их функционирования, в силу неспецифичности, большее значение имеет интонация побуждения [Иосифова, 2012 а, с. 346].

Периферия ФСП может быть ближней и дальней. В ближнюю периферию входят единицы с достаточно высокой частотностью. В. Ю. Стешевич относит сюда неспецифические формы 3-го лица глагола (*пусть войдёт, пускай говорят*) [Стешевич, 2015, с. 9]. Они выражают побуждение более мягко и «чаще употребляются со значением пожелания, а не собственно побуждения» [Иосифова, 2012 а, с. 347]. Например: *Пусть кричит кто угодно и что угодно* (В. Галактионова. Спящие от печали).

Дальняя периферия ФСП, по замечанию В. Ю. Стешевич, включает «императивные высказывания без императивных форм, в которых семантика императивности объективируется формами в переносных значениях и эллиптическими конструкциями» [Стешевич, 2015, с. 9]. Дальняя периферия ФСП императивности включает только те языковые единицы, которые выражают императивность непрямо. Изначально они являлись неимперативными, а затем приобрели переносное императивное значение и получили возможность становиться в определённых условиях косвенными средствами выражения императивности.

Дальняя периферия ФСП императивности в русском языке очень разнообразна. К ней относятся:

- вопросительные предложения: *Не мог бы ты поговорить с ним, чтобы согласиться на меньшую сумму?* (С. Спивакова. Не всё);
- инфинитивы и инфинитивные конструкции, в том числе инфинитив с частицей *бы*: *Съездить бы и разобраться на месте. Но как и когда???* (К. Серафимов. Экспедиция во мрак);
- формы сослагательного наклонения: *И остальных отпустил бы в луга высокогорий* (журнал «Волга»);
- формы прошедшего времени: *Закрыл рот и подошёл сюда!* (М. Трауб. Домик на Юге);
- формы настоящего времени: *Снова не дошло? Открываем огонь на поражение! Вот так!* (Б. Клетинич. Моё частное бессмертие);
- формы будущего времени: *Отойдём с дороги... На пару часов, всё равно уже...* (В. Быков. Болото);
- имя существительное, как правило, отглагольное: *Доверие! Только доверие!* (Психология: форум);
- модальные слова, передающие семантику необходимости действия (*должен, обязан, следует*), в том числе слова категории состояния (*надо, нужно, необходимо, надожно, потребно* и др.): *В контракте оговорим, что тебе необходимо время на экзамены* (Г. Артемьева. Фата на дереве);
- немодальные слова категории состояния (*пора, время*): *Вам пора отстраниться от всяческих историй* (А. Пайкес. Кансер);
- междометия: *Брысь!, Вон!, Ну!, Долой!*. Например: *Брысь отсюда, эсерка чёртова! Старуха ворчит, уходит* (А. Титов. Общежитие писателей);
- лексические средства побудительности – слова с императивной семантикой (*запрещать, запрет, разрешать, разрешение, просить, просьба* и др.): *Я вам не запрещаю пить, но я вам не запрещаю и закусывать...* (М. Куценогий. Прописка);
- неполные предложения императивной семантики, которые «обладают особой динамичностью, экспрессивностью и выразительностью по сравнению с полными императивными предложениями» [Катанцева, 2004, с. 7]. Например: *Возвращаюсь в зал ожидания и даю команду – до рассвета ни шагу за территорию вокзала* (Отчёт о велосипедном походе, рукопись);

– вокативные предложения, включающие в свой состав обращение: «*Володя!*» (побуждение оглянуться), «*Водитель!*» (побуждение остановить автобус).

О. В. Николенко и О. Е. Захарчук предлагают выделять в структуре ФСП императивности, помимо дальней периферии, ещё и крайнюю периферию. К ней можно отнести «скрытые речевые акты» с семантикой императивности [Николенко, Захарчук, 2016, с. 114]. В составе побудительных высказываний, относящихся к крайней периферии, нет ни лексических, ни морфологических элементов с императивным значением. Побудительный смысл высказывания реализуется только в контексте, с учётом факторов адресанта и адресата, а также ситуации общения и имеющегося у коммуникантов опыта взаимодействия. Например: «*На улице холодно!*» (скрытая императивная семантика 'Оденься потеплее!'). По данной логике, к крайней периферии ФСП императивности можно отнести также невербальные средства выражения побуждения, представленные «регулятивными жестами, мимикой» [Назари, 2012, с. 6].

Ядерный и периферийные компоненты ФСП императивности отличаются не только формально, но и семантически. Для ядерной части характерно выражение наиболее распространённых и прозрачных императивных значений: просьбы, приказа, мольбы. Для приядерных и периферийных компонентов ФСП характерен гораздо больший спектр императивных смыслов. Они могут выражать команду, запрет, совет, рекомендацию, предостережение и т.д. Так, «в вопросительно-побудительных предложениях обычно выражается косвенное побуждение к действию (чаще просьба или требование)» [Назари, 2012, с. 7]. Структура ФСП императивности представлена в виде схемы (рис. 1).

Как показывает проведённый обзор, ФСП императивности включает в себя разнообразные по форме и содержанию императивные лексемы, грамматические формы и конструкции. Это наделяет данное поле значительным потенциалом в выражении императивной семантики в русском языке.

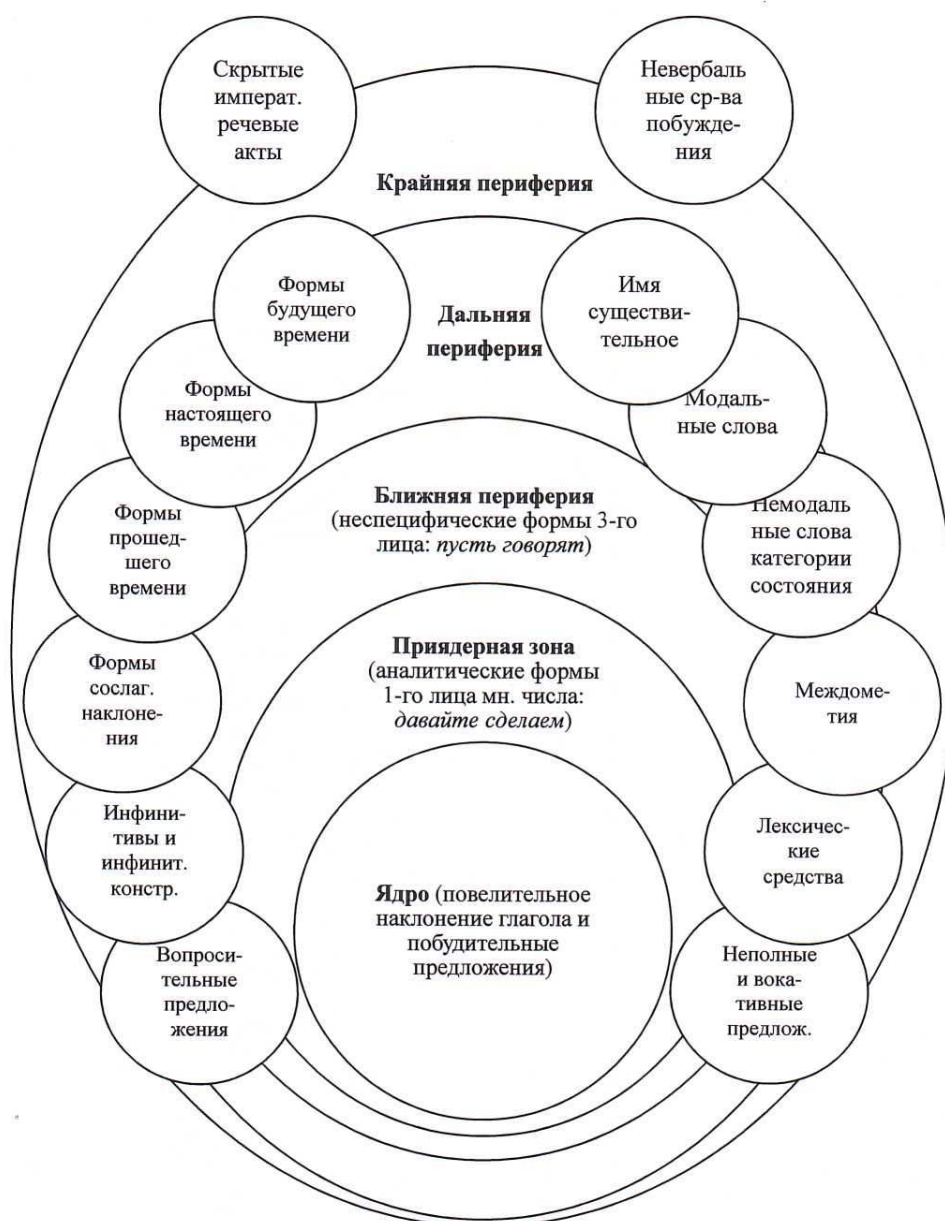
6. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволило продемонстрировать, что семантика императивных конструкций весьма разнообразна. В наиболее общем виде она состоит в выражении воли говорящего, побуждении адресата к действию. Данная семантика может иметь множество оттенков и разновидностей, которые, тем не менее, объединяются в организованные системные образования – семантическую (понятийную) категорию императивности и ФСП императивности.

ФСП императивности имеет сложную, многоуровневую структуру, каждый из компонентов которой (ядерные, приядерные, единицы ближней, дальней и крайней периферии) выражают императивную семантику особым образом, с выделением тех или иных оттенков побудительности, с прямым или косвенным, категоричным или некатегоричным, жёстким или мягким побуждением. Особенно разнообразны в структуре ФСП языковые средства дальней периферии (вопросительные предложения, инфинитивы и инфинитивные конструкции, формы сослагательного наклонения, формы прошедшего времени, формы настоящего времени, формы будущего времени, имена существительные, модальные слова, передающие семантику необходимости действия, немодальные слова категории состояния, междометия, лексические средства побудительности, неполные предложения императивной семантики, вокативные предложения). Имея возможность выбора из значительного перечня языковых средств, говорящий может наилучшим образом выполнить коммуникативную задачу и максимально эффективно воздействовать на адресата.

Перспективы данного исследования состоят в анализе функционирования различных конституентов ФСП императивности в различных жанрах в современном русском языке – художественной литературе, языке средств массовой информации, устной речи, а также языке интернет-коммуникации. Необходимо оценить зависимость частот-

ности ядерных и периферийных составляющих изучаемого ФСП и частотности отдельных способов выражения императивной семантики от речевого жанра.

Р и с у н о к 1. Структурные компоненты ФСП императивности русского языка
[F i g u r e 1. Structural components of the imperativeness FSF in Russian]

Библиографический список

- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, Восточная литература, 1995. 272 с.
- Ахманова, 1969 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. Энциклопедия, 1969. 608 с.
- Бирюлин, 1994 – Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki : Slavica Helsingiensia, 1994. 230 с.
- Бондарко, 1971 – Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л. : Наука, 1971. 115 с.
- Бондарко, 1972 – Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 20–35.

- Бондарко, 1984 – Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л. : Наука, 1984. 136 с.
- Бондарко, 1998 – Бондарко А. В. Функционально-семантическое поле // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Рос. энцикл., 1998. С. 566–567.
- Булыгина, Крылова, 1998 – Булыгина Т. В., Крылова С. А. Категория // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Рос. энцикл., 1998. С. 215–216.
- Головина, 1997 – Головина Н. В. Семантика императива и способы его выражения в современном английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.20. М., 1997. 20 с.
- Гусев, 2005 – Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива : автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.20. М., 2005. 22 с.
- Добрушина, 2016 – Добрушина Н. Р. Повелительное наклонение // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. I. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 161–210.
- Изотов, 2005 – Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским: монография. Brno : L. Marek, 2005. 274 с.
- Иосифова, 2012а – Иосифова В. Е. Императивные высказывания с особой формой побуждения «третьего лица» // Преподаватель XXI век. 2012. № 1–2. С. 342–347.
- Иосифова, 2012б – Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи : автореф. дис. ... докт. филол. наук; 10.02.01. М., 2012. 33 с.
- Катанцева, 2004 – Катанцева Н. В. Неполные предложения императивной семантики в русском языке: коммуникативно-функциональный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2004. 25 с.
- Назари, 2012 – Назари Ф. Способы выражения побуждения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.01. М., 2012. 19 с.
- Николенко, Захарчук, 2016 – Николенко О. В., Захарчук О. Е. Императивная направленность суггестивного текста // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 31. С. 110–115.
- Перцов, 2001 – Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М. : Языки русской культуры, 2001. 279 с.
- Порублева, 2015 – Порублева И. С. К вопросу о семантических классах императивных конструкций // Язык и культура (Новосибирск). 2015. – № 16. С. 27–30.
- Стешевич, 2015 – Стешевич В. Ю. Категория императивности и средства ее объективации в русском и сербском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.03. М., 2015. 30 с.
- Храковский, Володин, 1986 – Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л. : Наука, 1986. 272 с.
- Шанский, Тихонов, 1987 – Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 2 : Словообразование. Морфология. М. : Просвещение, 1987. 256 с.
- Charlow, 2014 – Charlow N. Logic and Semantics for Imperatives // Journal of Philosophical Logic. 2014. № 43. P. 617–664.
- Davies, 1986 – Davies E. The English Imperative. London : Croom Helm, 1986. 285 p.
- Kaufmann, 2012 – Kaufmann M. How to Handle Imperatives in Semantics // Interpreting Imperatives. Studies in Linguistics and Philosophy. 2012. Vol. 88. P. 29–72.

References

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press ; Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Sov. Entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Biryulin, L. A. (1994). *Semantika i pragmatika russkogo imperativa* [Semantics and pragmatics of the Russian imperative]. Helsinki : Slavica Helsingiensia Press. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1971). *Grammaticheskaya kategoriya i kontekst* [Grammatical category and context]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1972). К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) [On the field theory in grammar, voice and voice (On the material of the Russian language)]. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 20–35. (In Russ.).

- Bondarko, A. V. (1984). *Funktional'naya grammatika* [Functional grammar]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (1998). Funktsional'no-semanticheskoe pole [Functional-semantic field]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary] (pp. 566–567). Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Krylova, S. A. (1998). Kategoriya [Category]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary] (pp. 215–216). Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Golovina, N. V. (1997). *Semantika imperativa i sposoby ego vyrazheniya v sovremennom angliyskom i russkom yazykakh* [Semantics of the imperative and ways of its expression in modern English and Russian] : Abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Gusev, V. Yu. (2005). *Tipologiya spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa* [Typology of specialized verbal imperative forms]. Abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Dobrushina, N. R. (2016). Povelitel'noe naklonenie [Imperative]. In *Materialy k Korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Glagol* [Materials for Russian Corpus Grammar. Verb] (Ch. I., pp. 161–210). St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Izotov, A. I. (2005). *Funktional'no-semanticheskaya kategoriya imperativnosti v sovremennom cheshskom yazyke v sopostavlenii s russkim* [Functional-semantic category of imperativeness in modern Czech language in comparison with Russian: monograph]. Brno : L. Marek. (In Russ.).
- Iosifova, V. E. (2012 a). Imperativnye vyskazyvaniya s osoboy formoy pobuzhdeniya «tret'ego litsa» [Imperative sentences of special third person form]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 1–2, 342–347. (In Russ.).
- Iosifova, V. E. (2012 b). *Russkiy imperativ v grammaticheskoy sisteme i v razgovornoy rechi* [Russian imperative in the grammatical system and in colloquial speech]. Abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Katantseva, N. V. (2004). *Nepolnye predlozheniya imperativnoy semantiki v russkom yazyke: kommunikativno-funktional'nyy aspekt* [Incomplete sentences of imperative semantics in Russian: communicative-functional aspect]. Abstract of PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Nazari, F. (2012). *Sposoby vyrazheniya pobuzhdeniya v sovremennom russkom yazyke* [Ways of expressing motivation in modern Russian]. Abstract PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Nikolenko, O. V., Zaharchuk, O. E. (2016). Imperativnaya napravlenost' suggestivnogo teksta [Imperative orientation of the suggestive text]. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Research Priorities: From Theory to Practice], 31, 110–115. (In Russ.).
- Pertsov, N. V. (2001). *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in Russian inflection]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.).
- Porubleva, I. S. (2015). K voprosu o semanticheskikh klassakh imperativnykh konstruksiy [On the issue of semantic classes of imperative constructions]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)*, 16, 27–30. (In Russ.).
- Steshevich, V. Yu. (2015). *Kategoriya imperativnosti i sredstva ee ob"ektivatsii v russkom i serbskom yazykakh* [The category of imperativeness and the means of its objectification in the Russian and Serbian languages]. Abstract PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Khrakovskiy, V. S., Volodin, A. P. (1986). *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Shanskiy, N. M., Tihonov, A. N. (1987). *Sovremennyy russkiy yazyk: v 3 ch. Ch. 2 : Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Modern Russian language: In 3 parts. Part 2: Word formation. Morphology]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Charlow, N. (2014). Logic and Semantics for Imperatives. *Journal of Philosophical Logic*, 43, 617–664.
- Davies, E. (1986). *The English Imperative*. London : Croom Helm.
- Kaufmann, M. (2012) How to Handle Imperatives in Semantics. Interpreting Imperatives. *Studies in Linguistics and Philosophy*, 88, 29–72.

Лельхова Федосья Макаровна
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
lelhovafm@yandex.ru

Этнолингвистический анализ наименований ягодных растений в восточных диалектах хантыйского языка

Аннотация

В настоящей публикации представлен опыт классификации лексики – названия дикорастущих ягодных растений – в восточных диалектах хантыйского языка в этнолингвистическом аспекте. Цель исследования – описание мотивационных признаков и частотных способов формирования онимов растений. Источниками материала для анализа послужили словари двух хантыйских диалектов – ваховского и сургутского, а также сделанные в ходе экспедиций 2015 и 2022 годов полевые записи. Для обработки и интерпретации полученных данных использовались: метод описания, сравнительно-сопоставительный анализ качественных и количественных характеристик онимов для выявления типологических черт, а также метод компонентного анализа. Каждому фитониму давалась дефиниция и проводился словообразовательный анализ, в ряде случаев добавлялись элементы этимологического анализа. Всего выявлено и проанализировано более 50 лексических единиц исследуемой тематической группы. Обнаружены вариативные названия ягодных кустарников в хантыйском языке, выделены диалектные особенности номинаций. Систематизированы отражающие представления носителей языка о ягодных растениях мотивирующие признаки: 1) место произрастания растения; 2) потребитель растения в пищу (птица или зверь); 3) место обитания птицы / животного; 4) глаголы действия; 5) цвет плодов, листьев (цветовой признак); 6) семантический признак (хруст, хрустеть; переплетаться); 7) подобие формы плода другим плодам (внешнее сходство формы плода) и др. Самым частотным способом образования исследуемых номинаций оказалось сложение, семантический способ и суффиксация были менее частотны. В названиях ягодных растений заимствованные слова отсутствовали.

Ключевые слова: этнолингвистика, диалектная лексика, ягодные растения, способы образования, мотивационный анализ, хантыйский язык, восточные говоры

© Лельхова Ф. М. 2022

Для цитирования: Лельхова Ф. М. Этнолингвистический анализ наименований ягодных растений в восточных диалектах хантыйского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 65–73. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_65

Fedosia M. Lelkhova
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
Khanty-Mansiysk, Russian Federation
lelhovafm@yandex.ru

Ethnolinguistic analysis of berry plant names in the Eastern Khanty dialects

Abstract

This paper presents the experience of classifying vocabulary – the names of wild berry plants – in the Eastern dialects of the Khanty language in the ethnolinguistic aspect. The aim is to describe the motivational features and the main ways of nominating plants. The materials for this study were taken from the Vakhovsky and Surgut Khanty dialect dictionaries, field dialect records made by the author of this study during expeditions in 2015 and

2022. To process the data and interpret the results, a number of methods were applied: description, phytonyms' qualitative and quantitative features comparison, component analysis, definition analysis and word-building pattern analysis, in some cases elements of etymological analysis were used. The total of more than 50 lexical units were identified and analyzed. Variable names of berry bushes in the Khanty language were found, dialect features of the phytonyms were demonstrated. The motivating features reflecting native speakers' ideas about berry plants were systematized: 1) the place where the plant grows; 2) the name of a bird / beast feeding on the plant; 3) the habitat of the bird / animal; 4) action verbs; 5) the color of berries, leaves (color feature); 6) semantic feature (crunch, crunch, intertwine); 7) similarity of berry's shape to other berries' shape, etc. Compounding was discovered to be the most frequent word-building pattern, semantic and suffixation were less frequent. No borrowed words were used in the phytonyms under study.

Keywords: ethnolinguistics, dialect vocabulary, berry plants, word-building patterns, motivational analysis, Khanty language, Eastern dialects

© Lelkhova F. M. 2022

For citation: Lelkhova, F. M. (2022). Etnolingvisticheskiy analiz naimenovaniy yagodnykh rasteniy v vostochnykh dialektakh khantyyskogo yazyka [Ethnolinguistic analysis of berry plant names in the Eastern Khanty dialects]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 65–73. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_65

1. Введение [Introduction]

Проблемы манифестации диалектной картины мира уже не один год находятся в центре этнолингвистики. При этом особое внимание исследователей уделяется номинациям феноменов местной народной материальной культуры, а именно таким артефактам, как потребляемые в пищу продукты, предметы одежды, жилищные и хозяйственные постройки, орудия труда, растения, животные и т. д., ведь из этих номинаций мы черпаем сведения о повседневном жизненном укладе этноса [Лукьянова, 2014, с. 184].

Уникальность языковой картины мира носителей диалектов коренного малочисленного этноса хантов сибирского Севера состоит в многообразии фитонимов, а именно – названий ягодных растений, и мотивационных признаков этих названий, отражающих специфику мироощущения хантыйского народа. Изучение диалектных номинаций растений представляет большой интерес во многих аспектах. Народные обозначения фитонимов отличаются разнообразием названий, множественностью мотивационных признаков. Сопоставление указанных лексических единиц чрезвычайно важно для понимания ценностных приоритетов диалектоносителей.

Настоящая статья посвящена мотивационным признакам, лежащим в основе названий ягод в восточных диалектах хантыйского языка. Нами предложен целый ряд мотивационных признаков, основными из которых можно назвать: 1) место произрастания растения; 2) потребитель растения в пищу (птица или зверь); 3) место обитания птицы / животного; 4) глаголы действия; 5) цвет плодов, листьев (цветовой признак); 6) семантический признак (хруст, хрустеть; переплетаться); 7) подобие формы плода другим плодам (внешнее сходство формы плода); 8) мифологический мотив. Цель исследования – описание мотивационных признаков и частотных способов формирования фитонимов растений и их сопоставление в разных хантыйских диалектах.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для обработки и интерпретации полученных данных использовались: метод описания, сравнительно-сопоставительный анализ качественных и количественных харак-

теристик онимов для выявления типологических черт, а также метод компонентного анализа. Каждому фитониму давалась дефиниция и проводился словообразовательный анализ, в ряде случаев добавлялись элементы этимологического анализа.

Источниками материала для анализа послужили словари двух хантыйских диалектов – ваховского и сургутского, а также полученные нами во время экспедиций 2015 и 2022 годов полевые записи. В ходе экспедиций языковой материал собирался в процессе непосредственного общения с носителями ваховского диалекта. В результате была зафиксирована лексика живой народной речи сельских жителей п. Корлики Нижневартовского района ХМАО – Югры. Лингвистический материал по сургутскому диалекту методом сплошной выборки подобран из лексикографических источников, также была проведена работа с уроженцами д. Тайлаково Сургутского района.

В результате выявлено 50 наименований ягод и ягодных кустарников, растущих на территории проживания восточных ханты, которые оказались распределены следующим образом: общие названия – 5, голубика – 3, черника – 3, водяника – 5, брусника – 3, толокнянка – 2, клюква – 2, можжевельник – 3, вороний глаз – 1, красная смородина – 2, чёрная смородина – 2, морошка – 3, малина – 6, княженика, поленика, костяника, дикая земляника – 4, ежевика – 2, шиповник – 2, черемуха – 1, ягоды рябины – 1. Ниже представлены результаты этнолингвистического анализа, направленного на выявление их мотивационных признаков.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа найденных фитонимов было выявлено, что общими названиями ягод восточных ханты служат лексемы в. ул 'ягода' (фонетический вариант слова к. *вөл*, аз. *вул* 'ягода'), с. *канэк* 'ягода', в. *ваньтэм от* / с. *воньтэм ёт* / с. *ваньтэм ёт*; с. *воньчам* / *воньтэм* 'ягода (букв. собранное)'. Голубика, черника, брусника, водяника и др. ягодные кусты называют также в. *йахам ул* / с. *йохам воньтэм ёт* 'боровая сосновая ягода'. Что интересно, в рассматриваемых диалектах нами не зафиксировано сочетание болотная ягода, в северных же диалектах предостаточно сочетаний с семантикой болотная ягода. Возможно, нам это ещё предстоит узнать.

Голубика. В существующих словарях сургутского диалекта отмечается слово *лэник* 'голубика' [Покачева, Песикова, 2006, с. 28–30]. Наряду с формой *лэник* используется и лексема *лэник* (юг. О. Д. Тайлакова, Е. А. Нюгломкина (Курломкина) родом из д. Тайлаково). По словам уроженки п. Новоаганск Р. С. Сопочиной эти две формы слова *лэник* / *лэник* для обозначения ягоды голубики употребляются повсеместно. Произношение *лэник* характерно и для юганских ханты. Происхождение данных лексем *лэник* / *лэник* не ясно. На языке ханты реки Вах голубика, как и в говорах, относящихся к западному диалектному массиву, именуется *тахтау ул*. В настоящее время часто можно услышать, что слово *тахтау ул* связано с названием птицы гагара. В статье, посвящённой названиям ягод в северных диалектах хантыйского языка, мы отмечали, что ягода так называется потому, что лопается, когда созреет, кожица ягоды становится тонкой, к осени её уже трудно собрать целой, она пачкает руки, вытекает сок: *тохэл* 'лопается кожа ягоды, рвётся' [Лельхова, 2021, с. 80]. От какого слова происходит лексема *тахтау рых* 'голубика' знают носители сынского диалекта. Интерпретируя слова представителей хантыйского этноса, проживающих в районе реки Сыня, отметим, что мотивационным признаком является не потребитель ягоды в пищу (гагара), а семантический признак самой ягоды – её свойства: *тохэл* 'лопается, рвётся', *тахтау* 'лопающаяся / рвущаяся (ягода)'. Таким образом, основу номинации представляет глагол действия сын., к., ср.-об. *тохты* 'рваться, лопаться'; в ваховском диалекте есть редко употребляемый современными носителями языка глагол *тахта, төхи тахта* 'рваться, лопаться', 'отрываться'. Подтвердила наше предположение, что и в ваховском диалекте голубика – лопающаяся

ягода – Анна Константиновна Могульчина примером: *Ма ул ваньлом, төүи тахвалт* – 'Я ягоду собираю, они лопаются, так как переспелые' (А. К. Могульчина). По сообщению носителя ваховского диалекта Л. Е. Куниной, голубика – *йахам ул* 'боровая сосновая ягода', она растёт, в основном, в сосновом бору, название многолетника мотивировано местом произрастания растения.

Черника. Варианты этого фитонима функционируют в восточных диалектах: в. *сөйүл*, с. *сәвәмсә* / с. *сәвмәс*. По информации диалектоносителя Л. Е. Куниной, черника так называется, потому что похожа цветом на золу, сизоватого цвета: *сөй* 'зола', 'пепел', 'уголь', *ул* 'ягода'. По мнению Е. В. Прасиной, уроженки п. Корлики, ягода черника тёмная, почти чёрная по сравнению, например, с голубикой, как уголёк (одно из значений слова *сөй* 'уголь'), поэтому так называется черника (уголь-ягода). В северных диалектах название ягоды – *сэвәпса* / *сэвәмса*. Как считают носители сынского диалекта, ягода так называется, потому что листья и стебель кустарника растут переплетаясь, *сэваццлэт*, в названии заложен глагол действия *сэвты*, *сэваццты* (*сэв-* + суффикс глагольного действия =*эпсы* / =*әмсә*). Название растения в сургутском диалекте так же как и в северных диалектах образовано от глагола действия *сәвты* 'переплетаться', 'плести'. Чернику можно встретить и на сухих участках боров, и с болотистыми территориями, на просторных полянах и в чаще густого леса. Номинация кустарника мотивирована также и местом произрастания ягоды – её называют с. *йохәм воһтьәм өт*, в. *йахам ул* 'боровая ягода'.

Водяника. Для обозначения водяники ваховские ханты используют следующие лексемы: в. *ньёхусул* (букв. 'соболя ягода'), в. *мөһкәм ики ул* 'медведя старика ягода'. По мнению Л. Е. Куниной, существует также вариация *мөһкул*, семантика слова несколько иная – 'нечто страшного ягода'. Сургутские ханты именуют водянику производной единицей *мәкәл*, однако диалектоносители не смогли уточнить происхождение наименования ягоды. По представлениям северной группы ханты, ягоду водянику употребляют собаки: ш. *амп рых*, к. *ампвөл*, ср.-об. *амп вот*. Как известно, водяника утоляет жажду, поэтому в лесу в отсутствии воды, ханты едят вкусную ягоду, едят её также собаки и другие животные. *Ампем на йицук йиһцтыһа үратәл* 'Собака моя тоже пить хочет'. По устному сообщению уроженки п. Русскинской Р. С. Сопочиной медведь тоже есть водянику, наименование, присутствующее в ваховском диалекте, подтверждает это.

Эта лесная ягода относится к группе *йахам ул*, мотивационным признаком является место её произрастания. Большинство приведённых выше лексем появились в результате словосложения, однако среди них присутствует и производная единица.

Клюква. Для обозначения клюквы используются две лексемы: в. *тархул* 'журавлиная ягода', в. *пән* / с. *пан*. Наименования *тархул* образовано семантическим способом. Здесь очевидны два мотивировочных признака: а) «место обитания птицы журавля», так как жизнедеятельность этих пернатых связана с болотистыми участками; б) «название птицы, у которого ягода выступает источником пищи». Как известно, в качестве объектов пропитания растительного происхождения журавли с удовольствием поедают различные травы, саженцы, листья и корневую систему. Кроме этого, журавли могут питаться бобовыми, злаками и ягодами в том числе. Питаются журавли и животной пищей, с удовольствием едят рыб, насекомых, червей, улиток, особенно в период выращивания потомства.

Лексемы в. *пән* / с. *пан* характерны только для восточных диалектов хантыйского языка. Этимология слова неясна. В западных диалектах хантыйского языка этот фитоним явился результатом сложения, в качестве мотивирующего признака использовано место произрастания.

Брусника. Как и в западных диалектах хантыйского языка, в ваховском в основу названия кустарника положена характеристика, базирующаяся на установлении сходства растения по цвету (*вәртүл* 'красная ягода'). Мотивационным признаком номи-

нации является и место произрастания фитонима – бор. В работе И. В. Бродского, посвящённой фитонимам в финно-угорских языках, отмечается мотивационный признак – образование названия от слова *бор*: эрз. *пиче умарь*, мокш. *пиче* || *марь* 'сосновая ягода', мар. *пӧчыж* 'брусника' (луг.) / 'клюква' (гор.) букв. 'сосна', удм. *ляг* || *мульы* || *пуд*, *яг* || *мульы* || *пу(д)* букв. 'боровое ягодное дерево' [Бродский, 2014, с. 127–128]. В близкородственном мансийском языке брусника именуется также *суйтил* (*суй* 'бор', *пил* 'ягода') [Ромбандеева, 2005]. В отличие от других диалектов хантыйского языка только сургутские ханты именуют бруснику с. *канэк*, при этом этимологию слова носители диалекта не смогли пояснить.

Толокнянка (медвежья ягода). Толокнянка обыкновенная, или медвежье ушко (лат. *Arctostaphylos úva-úrís* (L.) Spreng.), относится к семейству вересковых (лат. *Ericaceae*). Предпочитает открытые, хорошо освещённые места. Толокнянка очень схожа с брусникой, как внешне (ярко-красные ягоды), так и по местам произрастания. Плоды толокнянки несъедобны, но и не опасны для здоровья. По свойствам плода ягоды значительно отличаются: при раздавливании в руках и раскусывании для брусники – сочность, а для толокнянки – мучнистость, суховатость и жёсткость, т. е. сходство с толокном (отсюда и мотивация названия).

В восточных диалектах хантыйского языка известны следующие номинации: в. *амп ул* (по сообщению Л. Е. Куниной), с. *амп канэк* 'толокнянка' (букв. 'собачья ягода'). В хантыйской культуре толокнянка – это почитаемая ягода, относится к священным – *йэмэу воьщэмӧт*. Поэтому её нельзя есть человеку, так как употребление ягоды в большом количестве может привести к отравлению. О том, что эта ягода почитаема, предназначена для птиц и животных, всегда напоминают детям в целях сохранения их здоровья. В нашей предыдущей работе мы отмечали, что «в сынском диалекте толокнянка – это *лӱк рых* 'глухарина ягода', *лӱк лэты рых* (букв. 'ягода, которой питаются глухари'), также известна сакральная номинация: *ин икев воьщӧт* 'медвежья ягода' (букв. 'собираемое стариком'), номинация *моми рых* (букв. 'лесных существ ягода'), здесь имели ввиду, что это ягода хищных лесных зверей, её нельзя собирать, *моми* – одно из сакральных имён животных [Лельхова, 2021, с. 84]. Разделявая глухаря, ханты обнаруживают в желудке птицы ягоды толокнянки, отсюда его название *лӱк лэты рых* (букв. 'ягода, которой питаются глухари'). Таким образом, в качестве мотивемы выступает признак растения «название животного, у которого ягода выступает источником питания».

Можжевельник. Наименование служит для обозначения вечнозеленого хвойного растения-долгожителя (до 300 лет) кустарника или небольшого деревца в форме узкой пирамиды; растение относится к семейству Кипарисовых (*Cupressaceae*), известно также под названием «верес».

Ягоды можжевельника ваховские и сургутские ханты именуют ягодой глухаря: в. *лӱк ул*, с. *лӱк канэк*. В словаре восточно-хантыйских диалектов приведена словоформа растения трюмьюганского говора сургутского диалекта *лӱк тӧхрӧн йуу* 'можжевельник' (букв. 'глухарь хвойный куст') [Терешкин, 1981, с. 240]. Ханты реки Сыня считают можжевельник *ме(н)к йӱх рых*, *ме(н)к рых* 'ягоды менка' (мифического существа). Можжевельник так же, как и толокнянка, относится к священным ягодам природы. Об этом кусте и его ягодах нельзя говорить громко, топтать или ломать кусты, нельзя употреблять в пищу. В воспитательных целях подрастающему поколению хантыйской семьи принято было о священных ягодах говорить вполголоса, негромко, чтобы не потревожить хозяина леса, особо подчёркивалась пригодность ягод для животных и их несъедобность для человека для того, чтобы предотвратить отравление.

Наименования ягод толокнянки и можжевельника в восточных диалектах хантыйского языка являются по форме сложными и в основном указывают на мотивему «название животного, у которого ягода выступает источником питания». В названии

ягоды отражается также мифологический мотив, что обусловлено запретом на поедание данных ягод людьми.

Вороний глаз. Хантыйское название ягоды помнит Кунина Любовь Егоровна – прекрасный носитель родного языка, автор единственного на ваховском диалекте фольклорного сборника «Ал'вы. Альвы», в котором представлены произведения устного народного творчества хантов реки Вах. Сказки, легенды и былины, песни и загадки Любовь Егоровна знает и помнит с детства, их рассказывали её родители, а также другие родственники, соплеменники. Умеет она их и рассказывать. На языке ваховских ханты вороний глаз – это *кынь ул* 'духа смерти ягода'. Любовь Егоровна говорит, что «у растения одна ягодка, и её нельзя есть. Ягода тёмно-синего цвета, почти чёрного, похожа внешне на чернику. Это ягода *Кынь ики*». Для сравнения, шурышкарские, а также ханты реки Сыня, также называют ягоду *моми рых* 'ягода лесных существ, хищных животных'. В русском языке у вороньего глаза много названий, среди них крест-трава, кукушкины слёзы, волчьи глазки, медвежьи ягоды. Ядовитый и токсичный вороний глаз растёт в Западной Сибири, на территории проживания ханты. Наименование *вороньего глаза* в лексикографических источниках хантыйского языка отсутствует, в основе мотивированного признака слова лежит мифологический мотив.

Смородина красная. В качестве наименования красной смородины у сургутских ханты используется лексема *вармаль*. На реке Вах отмечена номинация *тронь ул*. Семантику слова *тронь ул* диалектоносители объяснить затрудняются.

Чёрная смородина. Смородина чёрная – листопадный кустарник с душистыми ягодами, принадлежит к семейству крыжовниковых, представлена фонетическими вариациями номинаций в диалектах: в. *човчэж ул* 'смородина ягода', с. *чэпчэж*. В название ягоды, вероятно, положена форма плодов. Форма ягод смородины округлая, овальнопродольная или несколько сдавленная с полюсов. Так, существительное *човчэж*, возможно, произошло от слова *чов* 'часть, кусок, обрубок; половина' (ягоды приплюснутой формы, как бы немного половинчатые).

Морошка. Морошка – родственница малины, многолетнее растение семейства розовых. Произрастает эта удивительная ягода в Сибири, в европейской части России и на Дальнем Востоке. За границей морошка растёт в Белоруссии, скандинавских странах и Канаде. Морошка прекрасно переносит сильные морозы и очень хорошо себя чувствует в тундре, торфяных и болотистых местах. Растение цветёт с мая по июнь белыми цветами. На вкус созревшие ягоды кисло-сладкие, с ароматом малины. Внешне морошка очень похожа на малину и ежевику. Сбор плодов проводится в июле.

Наименований, обозначающих морошку в восточных диалектах хантыйского языка, три: в. *морэж*, с. *мёрэжк* и лексема с. *жанжи*. Диалектная единица *жанжи* 'морошка', состоящая из непроемной основы, характерна только для сургутских ханты. Ранее мы писали, что костянка неспелой морошки издаёт хруст, когда её едят, соответственно, в основе номинации лежит глагол действия сын. *мёрэжтты* 'издавать хруст при поедании', 'есть с хрустом'. Семантический способ образования наименования морошки можно объяснить мотивировочным признаком – морфологическое строение растения: в плодах ягоды морошки присутствуют косточки, которые при поедании издают звуки хруста [Лельхова, 2021, с. 82]. Интересным представляется замечание о происхождении общего названия морошки *лумь* в кильдинском саамском языке. Слово произошло, по мнению информанта, от глагола *лум*, что на саамском значит 'прятаться', так как 'когда собирали морошку, её приходилось искать, наклоняться, ведь сверху её сначала и не увидишь. Ягода как будто прячется' [Шалаева, 2020, с. 78]. Существуют у народа ханты и поверья, связанные с ягодой морошкой. Ваховские ханты считают, что сон про сбор морошки, а также кедровых шишек, предсказывает богатый улов рыбы [Яковлев, 2011, с. 216].

Малина. На территории проживания восточных ханты дикая малина именуется как ягода соболя: в. *ньёхэс морэу* / юг. *ньёвэс мёрэну* (букв. 'ягода соболя'). Проживающая в п. Ларьяк ХМАО-Югры Е. Г. Прасина утверждает, что наименование малины – в. *зотау морэу* (букв. 'ягода халея, чайки'), в словаре восточно-хантыйских диалектов даётся такой перевод: 'название какой-то ягоды, возможно малины' [Терешкин, 1981, с. 175]. Мама Е. Г. Прасиной родом из соседней деревни Сосновый бор, от неё она и знает это слово. Носители языка п. Корлики не знают названия *зотау морэу*. Любовь Егоровна Кунина утверждает, что малина у ваховских ханты – это *путьки морэу* 'птички ягода'. В современных словарях наименование *путьки морэу* для обозначения малины отсутствует, нет и лексемы *котау морэу*. Мотивировочным признаком номинации ягоды является «название животного, у которого ягода выступает источником пищи». Лексическая единица с. *мёрэук зяну* / с. *мёрэс зяну* 'малина' в дословном переводе представляется как 'морошковая ягода' – ягоды малины по форме похожи на морошку. Следовательно, мотивационным признаком образования в диалектных названиях данного растения является принцип внешней схожести плода малины с северной ягодой морошкой. Номинация образована способом сложения. Итак, от носителей языка нами зафиксированы два названия малины – *зотау морэу* и *путьки морэу*.

Княженика, поленика, костяника, дикая земляника. Обнаружены следующие наименования ягоды княженики (поленики, дикой земляники) в восточных диалектах: в. *путьки морэу* (букв. 'птички морошка'), тр.-юг. *ньёхэс мёрэну* 'княженика' (букв. 'соболя морошка'). В основе номинации лежит форма плода, так как ягоды княженики имеют внешнее сходство с ягодой морошки, что и явилось мотивировочным признаком. Семантический способ образования следующего названия ягоды можно объяснить двумя мотивировочными признаками: размер ягоды (ягоды княженики, костяники значительно меньше морошки) и форма ягоды (внешнее сходство княженики с морошкой): сург. *ай мёрэук* / к. *ай мэрэх* (букв. 'небольшая морошка').

Ежевика. Название ягоды ежевики присутствует в ваховском диалекте: в. *путьки морэу* 'птички морошка', в. *ньёхэс ул* 'соболя ягода'.

Шиповник. Названий шиповника у восточных ханты два: в. *ән'чэу пёук ул* и с. *анчэу*. В основе образования слова *ән'чэу пёук ул* лежит метафора. Семантический способ образования наименования шиповника в ваховском диалекте можно объяснить мотивировочным признаком, раскрывающим морфологическое строение растения: ствол и ветки шиповника колючие, колючки сравниваются с зубьями (*пёук* 'зуб'), *ән'чэу пёук ул* 'ягода шиповника с колючками' (букв. 'зубами').

Черёмуха. В восточных диалектах черёмуха имеет следующую номинацию: в. *йом ул* / с. *йом*. Значение слова носители восточных диалектов хантыйского языка не смогли уточнить.

Рябина. Для обозначения ягод рябины используются две лексемы – в. *лоэнь ул* 'рябины ягода' и с. *пэтар канкэт* 'рябины ягода'.

Особенностью названий ягодных растений в хантыйском языке является то, что одним и тем же словом в разных говорах и диалектах, называют разные ягоды: в. *путьки морэу* (букв. 'птичья морошка') – земляника, княженика, *ньёхэс мёрэну* 'княженика' (букв. 'ягода соболя'), юг. *ньёвэс мёрэну* 'малина' (букв. 'ягода соболя'), в. *ньёхэс морэу* 'малина' (букв. 'ягода соболя'), *ин икен воьцтот* 'малина' (букв. 'собираемое стариком-медведем'), в. *ньёхэсул* 'водяника' (букв. 'ягода соболя'), тр.-юг. *ньёхэс мёрэну* 'земляника' и т. д.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ хантыйских фитонимов, относящихся к ягодным растениям, в двух восточных говорах продемонстрировал разницу лежащих в их основе моти-

вационных признаков и позволил выявить уникальную специфику данной части языковой картины мира этого северного этноса. В хантыйском языке отмечена вариантность наименований одного и того же ягодного растения, что отражает вариантность актуальных для носителя языка признаков в значении слова.

Наименования ягод в восточных диалектах хантыйского языка образуют обширную лексико-семантическую группу, включающую 50 единиц. Многие названия ягод восточных диалектов являются общехантыйскими. Так, общехантыйские наименования в. *тахтау ул* / к. *тохтау вөл*, в. *йахэм ул* / к. *йохэм воньцэм ут*, с. *сэвэмсэ* / к. *сэвэпсы*, в. *а́мп ул* / к. *амп вөл*, *пўтьки морэ́нк* / ср.-об. *щипки вот* и др. также широко распространены в других диалектах хантыйского языка. В народной речи часто одно и то же растение имеет несколько наименований – в зависимости от того, какой именно признак положен в основу номинации. Некоторые названия ягод характерны только для сургутского диалекта, в других диалектах они не встречаются, не являются общехантыйскими словами (*канэк*, *каңки*, *мйкэл*, *лэ́ник* / *лэ́ник* и др.).

Выявлены диалектные номинации дикорастущих ягодных растений, в которых задействованы основосложение, словосложение и семантический способы. Впервые в научный оборот введены некоторые названия ягод, например, *кынь ул* 'духа болезней, смерти ягода', *пўтьки морэ́ж* 'малина' (букв. 'птички ягода'). Выявлены примеры, в основе мотивации которых лежит мифологический мотив: *кынь ул*, *моми рых*. Компонент «хищное животное» или «мифическое существо» в названии актуализирует предназначение ягоды для птиц и животных с целью предотвращения отравления данными ягодами. Многие ягоды для хантыйского этноса священны, их нельзя употреблять в пищу, это ягоды лесных, мифологических существ, диких животных. Для обозначения ягод можжевельника и жимолости употребляют также иносказательные слова. Наименования ягод представляют собой древнюю исконную лексику хантыйского языка, поэтому нет ничего удивительного в том, что при анализе не зафиксирован ни один заимствованный компонент.

Благодарности [Acknowledgments]

Автор благодарит информантов, носителей сургутского и ваховского диалекта хантыйского языка (Л. Е. Кунину, Е. Г. Прасину, А. К. Могульчину, Е. В. Прасину, А. С. Сопочину, О. Д. Тайлакову, Е. А. Курломкину, А. Г. Тайлакову, Р. С. Сопочину) за любовь к родному языку, за те знания, которые они сохранили и стараются передать молодому поколению.

Список сокращений и условных обозначений

аз. – азовский говор, в. – ваховский диалект, к. – казымский диалект, мар. – марийский язык, с. – сургутский диалект, сын. – сынский диалект, ср.-об. – среднеобской диалект, тр.-юг. – тром-юганский говор, удм. – удмуртский язык, ш. – шурьшкарский диалект, юг. – юганский говор

Библиографический список

- Бродский, 2014 – Бродский И. В. Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 124–139.
- Кунина, 2005 – Кунина Л. Е. Ал'вы. Альвы / сост. и пер. Л. Е. Куниной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 144 с.
- Лельхова, 2020 – Лельхова Ф. М. Номинации ягодной флоры в диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 6–11.
- Лельхова, 2021 – Лельхова Ф. М. Мотивационные признаки номинаций дикорастущих ягодных растений в хантыйском языке: этнолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 77–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85

- Лукьянова, 2014 – Лукьянова С. В. Этнолингвистическая специфика диалектной лексики // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 184–187.
- Покачева, Песикова, 2006, – Покачева Е. Р., Песикова А. С. Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. 124 с.
- Терешкин, 1981 – Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л. : Наука, 1981. 544 с.
- Шаламова, 2018 – Шаламова А. Ю. Фитонимическая лексика кильдинского саамского языка // Язык Севера : материалы Всероссийской науч. конф. 18 марта 2018 г. М. : Политическая энциклопедия, 2020. С. 75–81.
- Яковлев, 2011 – Яковлев Я. А. На столе и вокруг него [Сер. «Жизнь обских угров: взгляд изнутри». Т. 1]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 368 с.: ил.

References

- Brodsky, I. V. Vozvrashchayas' k drevneyshim nazvaniyam yagod v finno-ugorskikh yazykakh (brusnika i moroshka) [Returning to the oldest names of berries in the Finno-Ugric languages (lingonberry and cloudberry)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2014] (pp. 124–139). St Petersburg : NestorIstoriya Press. (In Russ).
- Kunina, L. E. (2005). *Äl 'va. Alva*. Compiling and translation by L. E. Kunina. Tomsk : Tomsk University Press. (In Khanty).
- Lelkhova, F. M. (2020). Nominatsii yagodnoy flory v dialektakh khantyyskogo yazyka [Nominations of berries in the dialects of the Khanty language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 12 (1), 6–11. (In Russ).
- Lelkhova, F. M. (2021). Motivatsionnye priznaki nominatsiy dikorastushchikh yagodnykh rasteniy v khantyyskom yazyke: etnolingvisticheskiy analiz [Motivational features of wild berry plant names in Khanty: Ethno-linguistic study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 77–85. (In Russ). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85
- Lukyanova, S. V. (2014). Etnolingvisticheskaya spetsifika dialektnoy leksiki [Ethnolinguistic specificity of dialect vocabulary]. *Vestnik Pskovskogo gos. un-ta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and humanitarian sciences], 5, 184–187.
- Pokacheva, E. R., Pesikova, A. S. (2006). *Russko-khantyyskiy razgovornik (surgutskiy dialekt)* [Russian-Khanty phrasebook (Surgut dialect)]. Khanty-Mansiysk : Polygraphist Press. (In Russ and Khanty).
- Tereshkin, N. I. (1981). *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ and Khanty).
- Shalamova, A. Y. (2020). Fitonimicheskaya leksika kil'dinskogo saamskogo yazyka [Phytonymic vocabulary of the Kilda Sami language]. *Yazyk Severa* [The Language of the North] : Proc. of the All-Russian Scientific Conference. March 18, 2018 (pp. 75–81). Moscow : Political Encyclopedia Press. (In Russ).
- Yakovlev, Ya. A. (2011). *Na stole i vokrug nego* [On the table and around it] (Ser. «Zhizn' obskikh ugrov: vzglyad iznutri» [Book Series “The life of the Ob Ugrians: An inside look”], Vol. 1). Tomsk : Tomsk University Press. (In Russ).

Мальнева Екатерина Юрьевна
Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Российская Федерация
ekaterinamalneva@gmail.com

Сон, мечта и кошмар: DREAM как когнитивная доминанта идиостиля Э. А. По

Аннотация

Осуществляемые в лингвистике последних десятилетий лингвокогнитивные исследования ментальных конструкций, формирующих архитектуру человеческого сознания, обладают несомненной релевантностью, поскольку позволяют пролить свет на механизмы концептуализации действительности, которые предшествуют собственно языковому воплощению мыслей и идей человека. Особую значимость приобретают концептуальные исследования художественных текстов, принадлежащих перу гениев словесности, новаторов и визионеров, к которым относится великий американский романтик Эдгар Аллан По, создатель нескольких литературных жанров и мыслитель-философ, переосмысливший и расширивший семантическое наполнение определённых абстрактных категорий, в частности DREAM, концепта, соотносимого со сложным антропологическим психофизиологическим феноменом. Цель исследования заключается в лингвокогнитивном описании специфики данного художественного концепта. В работе применены традиционные для лингвокогнитологии методики концептуального анализа и кластерное моделирование исследуемого когнитивного феномена. В результате установлено, что художественный концепт DREAM является одним из самых существенных спецификаторов идиостиля Э. А. По и чрезвычайно важным элементом концептосферы и ментального лексикона художественной культуры американского романтизма в целом. Он находит выражение в различных формах языковой реализации, при этом их лингвистический диапазон чрезвычайно широк, поскольку DREAM изначально являет собой родовой феномен, предполагающий многообразие видовых проявлений. Сопряжённые с DREAM номинации зачастую предполагают полярную оценку и являются семантически амбивалентными. DREAM предстаёт доминантой идиостиля, определяющей архитектуру авторской концептуальной системы.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, идиостиль, доминанта идиостиля, художественный концепт, кластерный анализ, DREAM, концептуальный признак, Э. А. По

© Мальнева Е. Ю. 2022

Для цитирования: Мальнева Е. Ю. Сон, мечта и кошмар: DREAM как когнитивная доминанта идиостиля Э. А. По // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 74–93. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_74

Ekaterina Y. Malneva
Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation
ekaterinamalneva@gmail.com

Sleep, reverie, and nightmare: DREAM qua cognitive individual style indicator in E. A. Poe's style

Abstract

Cognitive studies of mental constructs shaping the architectonics of the human mind that have been ongoing in linguistics for several decades appear most relevant, since they allow for the elucidation of the cognitive

mechanisms defining the categorisation of reality that precede the linguistic manifestation of thoughts and ideas of Homo sapiens. These days, special significance is attributed to the cognitive studies of the belles-lettres, texts created by literary geniuses, innovators and visionaries, among those, doubtless, is an outstanding American Romantic writer Edgar Allan Poe, the progenitor of new literary genres and a philosopher who happened to reconsider and expand the semantic boundaries of certain abstract categories, specifically DREAM correlated with a complex anthropological psychophysiological dream phenomenon. The present paper aims to scrutinise from the cognitive perspective the artistic concept DREAM manifested in Poe's works. The research incorporates both conceptual analysis traditional for cognitive science and the innovative method of cluster modeling. As a result, it was established that DREAM is one of the crucial elements underlying the authorial style of Edgar Allan Poe, being simultaneously an essential component of the conceptual system and mental lexicon of American Romantic culture at large. The concept is verbalized via various linguistic means, whose range is exceedingly extensive, since DREAM happens to be a generic notion displaying a multitude of specific manifestations. The nominations related to DREAM are diverse, often semantically ambivalent and even polarizing. DREAM is a defining Edgar Allan Poe's individual style indicator determining the architectonics of his unique conceptual system.

Keywords: anthropological linguistics, individual authorial style, individual style indicator, artistic concept, cluster analysis, DREAM, conceptual attribute, E. A. Poe

© Malneva E. Y. 2022

For citation: Malneva, E. Y. (2022). Son, mechta i koshmar: DREAM kak kognitivnaya dominanta idiostilya E. A. Po [Sleep, reverie, and nightmare: DREAM qua cognitive individual style indicator in E. A. Poe's style]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 74–93. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_74

1. Введение [Introduction]

Современный этап в становлении научной мысли на рубеже веков, в терминах проф. В. В. Красных, можно охарактеризовать как «новое *Возрождение* с его интересом к человеку и с его мировоззрением, в центре которого стоит человек» [Красных, 1998, с. 12] (курсив мой – Е. М.).

А к т у а л ь н о с т ь предпринятого исследования обусловлена статусом собственно объекта исследования, а именно концепта DREAM, который представляет собой один из самых значимых ментальных конструкторов, формирующих концептосферу американской лингвокультуры [Мальнева, 2011]. Актуальность также определяется выбором для лингвокогнитивного анализа корпуса текстов американского романтика-визионера Эдгара Аллана По – выдающегося поэта, новеллиста, философа и литературного критика, оказавшего эпохальное воздействие на судьбу мирового литературного процесса, на становление и развитие американской (и в целом англоязычной) литературы и культуры – и, по сути, значительного сегмента всей ноосферы *Homo sapiens* (именно великие поэты создают концептуальный базис реальности), творца ранее не осознаваемой в должной мере так называемой «сновидческой реальности», создателя внушительного пласта современной мифологии и культурного пространства. Научная новизна исследования заключается в аргументированном обосновании доминантного статуса когнитивного феномена Dream в рамках индивидуального стиля Эдгара Аллана По; она обусловлена, в равной степени, отсутствием опубликованных работ по данной теме, а именно лингвокогнитивных исследований способов вербализации DREAM как художественного концепта (соотносимого со сложным антропологическим психофизиологическим феноменом Dream) в рамках идиостиля Э. А. По.

З а д а ч и предопределяются сформулированной целью исследования и включают в себя следующие этапы:

- постулировать значимость антропоцентрических исследований в лингвистике;
- представить положения, позволяющие рассматривать категорию художественного концепта в качестве доминанты идиостиля писателя;
- установить роль Э. А. По в мировом литературно-художественном процессе и аргументировать значимость исследования его идиостиля в когнитивном аспекте;
- осуществить концептуальный анализ художественного концепта Dream в идиостиле По;
- произвести кластерное моделирование художественного концепта Dream как доминанты идиостиля писателя.

Художественный концепт DREAM, объективированный в текстах Э. А. По, принадлежит к группе концептов внутреннего мира человека, представляя собой не конкретную, но неосязаемую сущность, и, вследствие этого, является абстрактным концептом. Последние суть многокомпонентные «калейдоскопические» ментальные конструкты (то есть те, «за которыми не закреплен постоянный ментальный образ; всякий раз этот образ способен калейдоскопически меняться» [Бабушкин, 1996]), вследствие чего они бросают вызов исследователю, противясь однозначной категоризации и описанию, а также не всегда могут быть подвержены процессу моделирования. Данные соображения предопределяют необходимость обращения к комплексу исследовательских методов: как к проверенным временем методам исследования в русле семиологии, таким, как метод компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций, этимологический анализ, так и к собственно когнитивным – тому, что именуется в современной лингвистике концептуальным анализом, который предполагает, среди прочих, следующие методы: анализ сочетаемости лексем, вербализующих анализируемые ментальные конструкты, парадигматический метод и интерпретативный (иначе интерпретационный) анализ. Специфика исследуемого материала диктует необходимость обращения также к иному способу экспликации и конструирования художественного концепта, а именно к кластерному анализу.

Исследуемый материал включает в себя тексты новелл, поэм, романа, философских трактатов и эссе, критических статей Э. А. По (весь корпус опубликованных текстов автора [Пое, 1899 a, b ; Пое, 1838 ; Пое, 1910 ; Пое, 1966 ; Пое, 1984 a, b, c ; Пое, 1998 ; Пое, 2001 ; Пое, 2008]), а также данные толковых, этимологических и энциклопедических словарей, словарей синонимов и тезаурусов [Encyclopaedia Britannica, 1877 ; English Synonyms and Antonyms, 1897 ; Oxford Dictionary of English Etymology, 1996 ; Roget, 1856 ; Webster, 1840 ; Webster, 1847 ; Webster, 1872].

2. Антропологическая лингвистика, антропоцентризм и идиостиль: сопряжённость парадигмальных акцентов [Anthropological linguistics, anthropocentrism, and authorial style: The concurrence of paradigms]

Современная лингвистика суть лингвистика антропологическая [Иванов, 2004]; последняя представляет собой междисциплинарную область научного знания, в фокусе внимания которой место языка в широком социальном и культурном контексте, а также та роль, которую играет язык в создании и поддержании культурных традиций и социальных структур. Антропологическая лингвистика рассматривает язык сквозь призму ключевого понятия антропологии – культуры, и, таким образом, стремится раскрыть значение, смысл, стоящее за использованием (или *не использованием*) различных форм, регистров и стилей языка [Foley, 2001, p. 3].

Изначально истоки направления, именуемого антропоцентризмом, связывают с именем греческого философа Сократа и позднее – в период Нового Времени – с именем И. Канта и его трудом «Антропология с прагматической точки зрения». Этот трактат

знаменует собой зарождение того «антропологического поворота», который достиг своего апогея к началу третьего тысячелетия; при этом особенно значимо то, что в философии Канта человек во всех его измерениях представлен как существо познающее – в совокупности всех высших познавательных способностей (что существенно в контексте «Когнитивного поворота» второй половины XX века). «Все успехи в культуре... имеют своей целью применять к жизни приобретенные знания и навыки. Но самый главный предмет в мире, к которому эти знания могут быть применены, – это Человек, ибо он для себя своя последняя цель» [Кант, 1999, с. 131]. «Человек есть мера всех вещей» – известный греческий императив софиста Протагора может служить девизом современных лингвистических, антропологических и в целом социогуманитарных исследований.

Парадоксально, но в лингвистике, науке о языке *Homo sapiens*, были достаточно длительные периоды, когда антропоцентрический вектор представлялся чуждым и подлежал искоренению; на этом фоне академик Д. С. Лихачев, например, в свое время предупреждал об опасности «обезличивания» исследований гуманитарного цикла: «Человек, его личность – в центре изучения гуманитарных наук. Но, опасаясь преувеличения роли личности в истории, мы сделали наши исследования не только безличностными, но и безличными...» [Лихачев, 2000, с. 67–79], а ведь, по сути, «Антропология – это реализация гуманизма» (Е. Я. Бурлина) [цит. по : Тер-Минасова, 2008, с. 14].

Сложно переоценить значимость человеческого фактора, человеческого начала как объекта исследования в филологических изысканиях; помимо очевидных, проверенных временем соображений, *theoria recepta*, существуют также такие, что возникли в русле новых междисциплинарных отраслей знания, в частности, когнитивной лингвистики. С позиции последней, исследование Человека в рамках, например, художественной литературы имеет очень большой вес: как отмечает израильско-канадский филолог, профессор Е. У. Марголин, репрезентация когнитивных структур *Homo sapiens*, механизмов мышления в действии – в том виде, как они отображены в художественной реальности *belles-lettres*, – чрезвычайно иллюстративны, особенно если налицо дисторсия мыслительных процессов: *exempli gratia*, сложности восприятия и обработки информации у протагонистов (например, при изображении персонажей с различного рода психическими отклонениями, что определенным образом находит свое отражение в повествовании, как, в частности, у У. Фолкнера или Дж. Стейнбека). Данная психологическая интроспекция, возможность участвовать в которой дает нам, читателям, художественная литература, сама по себе предстает мощным когнитивным механизмом, стимулирующим читателей осмысленно посмотреть на собственные когнитивные процессы, которые в повседневной жизни от нас скрыты в силу кажущейся рутинности бытия и мышления [Margolin, 2003, p. 278].

Можно также упомянуть, что в современной эпистемологии существует гипотеза, в рамках которой виртуальная реальность отождествляется с одним из слоев человеческой психики и сознания; более того, данная субъективная реальность наделена способностью создавать объективную реальность (человек изначально воспринимает субъективную реальность как объективную); «практически, речь идет об объективности, реальности всей внутренней жизни субъекта» [Орехов, 2002, с. 16]). В результате этого, не удивительно, что художественный текст суть акт *создания мира* [Лютман, 1996, с. 330] (курсив мой – Е. М.).

Художественные тексты, порожденные сознанием писателя, в его субъективной виртуальной реальности, обретают статус объективной реальности и нередко воздействуют на эту реальность, изменяя окружающий мир. «... сущность художественного произведения определяется индивидуальной психикой его творца <...> психическое начало не порождение, а, наоборот, создатель жизни, постольку <...> литература представляет собой вовсе не <...> зеркало действительности <...>. Она творит жизнь, а не

отражает её. Литература упреждает действительность; слово раньше дела <...>. Словесность всегда впереди; она – вечное будущее» (Айхенвальд, 1914) [цит. по: Степанов, 2007, с. 102].

Все вышеозначенное свидетельствует о неослабевающей релевантности исследования художественных текстов, индивидуальных стилей писателей, значимых и насыщенных смыслами стилистических и когнитивных конструктов, определяющих своеобразие и уникальность их художественных вселенных. На настоящем междисциплинарном этапе представляется целесообразным подобные исследования осуществлять в русле когнитивной парадигмы.

3. Художественный концепт как доминанта идиостиля [Artistic Concept qua Authorial Style Indicator]

В рамках лингвокогнитивных исследований художественного текста представляется уместным исходить из представления, что «стиль писателя приходится рассматривать как единство многообразия, как своеобразную «систему систем» при наличии *единого стилеобразующего ядра или организационного центра*» [Виноградов, 1959, с. 86] (курсив мой – Е. М.).

Исследователи отмечают, что в работах по художественной речи так называемые спецификаторы – отличительные черты – идиостиля писателя обретают разные наименования: маркеры, идеологемы, константы, идиоглоссы, ключевые слова, *доминанты* [Тарасова, 2004, с. 299] (курсив мой – Е. М.), *personal / individual style indicators* [Short, 1996, p. 330].

Исторически закрепленным и, тем не менее, чрезвычайно актуальным представляется термин «доминанта идиостиля»; последний получил своё развитие в трудах Ю. Н. Тынянова, который писал, что признаками системы, которой является художественный текст, «выступают соотносённость элементов, а также их взаимодействие между собой». Однако система не «есть равноправное взаимодействие всех элементов». Всегда существует группа элементов, которая находится в стадии выдвижения (то, что именуется *Foregrounding*, – в терминах Пражской лингвистической школы, *Pražský lingvistický kroužek*), – то, что и называется доминантой. «Подобную соотносённость элементов внутри системы (произведения) обеспечивает определенная конструктивная функция, установка, именуемая творческим намерением автора» [Тынянов, 1977, с. 278].

Нам представляется возможным соотносить это определение с той категорией, что в современной лингвоконцептологии именуется художественным концептом. Художественный концепт, будучи доминантой идиостиля, реструктурирует определенное текстовое пространство, модифицирует его сегменты и определенным образом организует семантический континуум текстов и смыслов [Новиков, 2007].

Относительно того, каким образом взаимодействуют эти категории (доминанта и художественный концепт) в художественном тексте, следует привести мнение Л. О. Бутаковой: «Если среди ряда смыслов, присутствующих в концептуальной системе индивида (автора, читателя), есть *инвариантные*, неоднократно репрезентированные и акцентированные – *доминантные*, то наиболее значимы в эстетическом отношении именно они» [Бутакова, 2001, с. 73] (курсив мой – Е. М.). Этим кругообразным толкованием подчеркивается как эстетическая, так и доминантная природа художественного концепта, роль последнего в выполнении художественных задач и оформлении замысла художественного произведения.

Данное понимание феномена, по сути, соотносится с делением всех концептов как ментальных единиц на познавательные и художественные, представленное в известной работе философа С. А. Аскольдова-Алексеева, который утверждал, что художе-

ственные концепты включают в себе неопределенность возможностей; что им свойственна «ассоциативная запредельность» [Аскольдов, 1997]. Именно они, художественные концепты, формируют художественный мир писателя и могут быть расценены как когнитивные доминанты его идиостиля.

Предваряя практический анализ, отметим актуальность исследования художественных концептов как единиц художественного сознания автора (и доминант идиостиля). В исторической перспективе не вызывает сомнений, что произведения художественной литературы наделены способностью изменять объективную реальность (“Because what we think we know about the world – *the conceptual framework* in which we are brought to think about the world – *exercises great power*”). Иными словами, то, что мы знаем, как мы мыслим, концептуальный каркас, который определяет наше мировоззрение, – всё это обладает *огромной силой и мощью* [Culler, 2000, p. 8] (курсив мой – Е. М.). Известнейшим примером может послужить роман Г. Б. Стоу «Хижина дяди Тома», который самым непосредственным образом способствовал формированию общественных аболиционистских антирабовладельческих настроений в Северной Америке, что привело в итоге к Гражданской войне в США. М. Фуко утверждает, что определенные категории (и, соответственно, концепты) *создаются* «дискурсивными практиками» (discursive practices); «Литература – это место, где рождаются Идеи» (M. Foucault) [цит. по: Culler, 2000, p. 8].

4. Эдгар Аллан По: гений, пророк и «тайное возрождение Нового Света» [Edgar Allan Poe: Genius, Prophet, and “Clandestine Renaissance of the New World”]

«Мир, по большому счёту, создается гениями» (The world is essentially what men of genius make of it) (Josiah Royce) [цит. по: American Poetry and Prose, 1957, p. 267]. Обосновывая релевантность обращения к творчеству данного писателя, следует упомянуть, что индивидуально-авторский стиль Эдгара Аллана По, выдающегося американского поэта, новеллиста, философа и литературного критика, представляет собой уникальный и универсальный по своей значимости художественный, литературный и философский феномен, который в исторической перспективе способствовал трансформации национальных литератур (не только американской, но и европейской, – и в целом мировой), повлияв на аспекты идиостилей огромного числа писателей, мыслителей и художников, послужив вдохновением для многочисленных культурных и жанровых направлений, а также литературных школ. Представим лишь некоторые из легендарных имён: французские «проклятые поэты» Ш. Бодлер, С. Малларме, А. Рембо, П. Верлен; русские писатели Ф. М. Достоевский, В. Набоков и поэты-символисты В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок; А. Конан Дойл, Ж. Верн, Г. Уэллс, Р. Л. Стивенсон, О. Уайльд, Дж. Б. Шоу, А. Ч. Суинберн, Д. Г. Россетти, У. Уитмен, Г. Мелвилл, М. Твен, Дж. Лондон, У. Фолкнер, Ф. Кафка, Х. Л. Борхес, Х. Кортасар, Т. Манн, Р. Брэбери; композиторы С. Рахманинов, К. Дебюсси, М. Равель; современные рок-музыканты Б. Дилан, The Alan Parsons Project, The Beatles; художники Г. Доре, Э. Моне, Э. Мунк; режиссеры-визионеры А. Хичкок, Ф. Феллини, Д. Линч. Всё это позволяет рассматривать творчество Э. По как своего рода интертекст, вернее, источник интертекстуальных связей, пронизывающих современный лингвокультурный и социальный континуум.

Воздействие По на мировую культуру и развитие литературного процесса обусловлено его высоким профессионализмом как писателя, а также неоспоримым стилистическим и тематическим совершенством его работ.

Прерафаэлиты составили список *Бессмертных* в истории человеческой культуры, в который вошли: Иисус Христос, Уильям Шекспир, Гомер, Данте Алигьери, Леонардо да Винчи, И. В. Гёте, Рафаэль Санти, Христофор Колумб, Жанна д'Арк, Дж. Мильтон,

Ф. Бэкон, И. Ньютон и Эдгар По [Лихачев, 2000, с. 207] (курсив мой – Е. М.). В свою очередь, русский символист В. Брюсов сказал: «Ради того, чтобы читать в подлиннике *Эдгара По*, стоит и должно изучить английский язык» [цит. по: Нестерова, 1988, с. 386].

Не вызывает сомнений, что суггестивный потенциал текстов Э. А. По очень велик: созданные им уникальные тематические, ритмические, аллитерационные модели, инновационные внутренние ритмы (и ассонансы) и техника параллелизмов, удивительные метафоры и сложнейшие символы буквально захватили общественное воображение эпохи романтизма, не только американское, но и европейское. Томас С. Элиот в свое время заметил, что «ни одна поэма в мире не имела более широкого круга читателей и не осела столь прочно в людской памяти, нежели немногочисленные стихи По» (“He wrote very few poems, and of those few only half a dozen have had a great success: but those few are as well known to as large number of people, are as well remembered by everybody as any poems ever written <...> *one cannot be sure that one’s own writing has not been influenced by Poe*” [Eliot, 1992, p. 27] (курсив мой – Е. М.)).

Сообразно этому, не будет спекулятивным утверждение, что концепты, манифестированные в текстах Э. По, насыщенные смыслами, не всегда являющимися универсальными для культуры американского Романтизма, в результате осмоса постепенно проникали в концептуальную систему американской лингвокультуры и оказывали воздействие на возможные механизмы концептуализации носителями культуры того или иного ментального феномена, в том числе и категории Dream (философской, психофизиологической и лингвокультурной).

Гений априори опережает своё время, предвосхищая те культурные вехи, которыми руководствуется большинство, общество en masse, внедряя культурные и лингвистические инновации, оценить значимость которых не может практически никто из современников по той простой причине, что они не существуют в языковой и концептуальной картинах мира периода и не очевидны широкой публике и даже большинству собратьев по перу. При этом, Э. По, по большому счёту, не входил ни в одно литературное сообщество своего времени (ни в группу так называемых «никербокеров» (The ‘Knickerbocker’ Group), ни в среду «бостонцев», ни в литературно-философское общество трансценденталистов), стоя особняком: “Poe, apart from any group... like other talents not conforming to traditional literary paradigm – Cooper, Stevenson, Twain, and the Brontës” [Van Leer, 1998, с. vii] – это широко разделяемое убеждение свидетельствует о том, что творчество данного художника определяют в большей степени не условности литературной среды соответствующего периода; наоборот, именно он определил специфику литературного процесса своей и последующих эпох.

«В какой-то мере По стал предшественником декадентов, а также художников-бунтарей и аутсайдеров XX века, авангардистов, битников и хиппи» [История литературы США, 2000, с. 17].

Имя Эдгара Аллана По может представлять в различных модификациях, выступать в различных ипостасях: Эдгар По – великий визионер и романтик, творец уникальной сновидческой реальности и огромного пласта современной мифологии, «самый звездный из заблудившихся на земле трубадуров вечности» (К. Бальмонт); Эдгар По – эстет и «истинный аристократ литературы» (Дж. Б. Шоу), «тайное возрождение Нового Света» (А. Блок); холодный рационалист, незаурядный логик и гениальный аналитик (Поль Валери); Эдгар По – отец американской новеллы, новатор, создатель новых литературных жанров (детектива и научной фантастики) и нового «интеллектуального мира» (криминалистики как науки, криптографии, равно как и Теории Большого Взрыва (The Big Bang Theory) – “Astrophysicists very recently have commended Poe’s *Eureka* for predicting black holes, pulsar stars, and an expanding-contracting Universe, and for explaining the paradox of the dark sky at night” [Elder, 2005]); первый и последний прокля-

тый поэт и символист Нового Света; человек выдающегося интеллекта: “That Poe had a powerful intellect is undeniable” [Eliot, 1992, p. 35]; “Respect for Poe must begin with his *ideas* <...> Poe’s uniqueness rests with his *thought*...” [Van Leer, 1998, с. xi] (курсив мой – Е. М.).

«Эдгар По был, пожалуй, единственным систематическим мыслителем и первым оригинальным критиком в литературной истории Соединенных Штатов («Никогда проблема литературы не подвергалась до Эдгара По исследованию в своих предпосылках, не сводилась к проблеме психологии, не изучалась с помощью анализа» [Валери, 1993, с. 346]), выступившим с четкой эстетической и критической программой» [Ильин, 1981, с. 9], теоретические высказывания которого вошли в эстетику современного модернизма, экзистенциализма и постмодернизма, а также внесли неоценимый вклад в формирование теории искусства вообще и доктрины Романтизма в частности. «Он разработал раз и навсегда общую таблицу форм литературного воображения, подобно тому, как позже Менделеев – таблицу химических элементов» (Поль Валери) [цит. по: Женетт, 1998, с. 247].

Исследователи отмечают, что понять художественный феномен Э. По можно, только реконструировав его мировоззрение [Осипова, 1995]. Это связано с тем, что «По был романтиком не только в творчестве, он и как личность воплощал в себе характерные черты *романтического сознания*» [История литературы США, 2000, с. 185]. Данные предпосылки и определяют необходимость обращения к категории художественного концепта как основной ментальной доминанты, определяющей архитектуру всего творчества автора в совокупности всех его разноплановых составляющих.

Относительно правомерности поиска подобной доминанты можно судить на основании слов самого По, который говорил о *скрытом смысле* художественного произведения, который должен проходить под явным (“a strong under-current of *suggestion* runs continuously beneath the upper stream of the tranquil thesis” [Poe, 1899 (a) Criticisms, *Nathaniel Hawthorne*]; “there lies beneath the transparent upper current of meaning an under or *suggestive* one” [Poe, 2001 *Fancy and Imagination*]).

5. Концепт DREAM как когнитивная доминанта идиостиля Э. А. По [DREAM qua Cognitive Individual Style Indicator in E. A. Poe’s Authorial Style]

Изучение корпуса текстов американского писателя-романтика Эдгара Аллана По непреложно демонстрирует акценты, которые предстают частотными и актуализированными (*foregrounded*) в его творчестве. Характерными для художественного мышления писателя являются определенные когнитивные приоритеты в интерпретации действительности: в данном случае, не составляет труда выявить и отметить удельный вес и «выдвижение» определенного концепта (что, безусловно, свидетельствует об уникальном статусе, им занимаемом), который пронизывает весь художественный континуум Э. А. По, а именно концепта DREAM, который также является одним из ключевых элементов концептосферы художественной культуры американского романтизма.

В идиостиле Эдгара Аллана По художественный концепт DREAM (далее – ХК DREAM), несомненно, играет исключительную, ключевую роль. Анализ демонстрирует, что данный конструкт определяет сюжет его произведений, композицию и лексический состав новелл, стихотворений, статей и эссе. Несложно установить, что в них очевидным образом превалируют номинации вышеозначенного психофизиологического явления. Следовательно, когнитивный конструкт Dream можно позиционировать в качестве *доминанты* концептуальной системы Эдгара По. Феномен Dream можно именовать своеобразным ключом к пониманию эстетического замысла его произведений, воспринимать в качестве своеобразного *decretum*, опорного столба, структурообразующего когнитивного параметра, предлежащего иным аспектам, сугубо лингвистическим, и предопределяющего архитектуру художественной вселенной По.

Основанием для верификации доминантного статуса концепта DREAM служит гипотеза, в соответствии с которой наиболее частотные лексемы, наличествующие в текстах, – суть слова, обозначающие доминанты языковой картины мира, этноса, социальной группы или индивида. А. Вежбицкая отмечает, что «некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области литературы. Ключевые слова – подобно свободному концу, который можно найти в спутанном клубке шерсти, потянув за который, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный клубок установок, ценностей, ожиданий, воплощенных не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в грамматических конструкциях» [Вежбицкая, 1999, с. 282–284].

Более того, в случае, если определенная номинация, имеющая высокий удельный вес в текстовом пространстве писателя, обретает также своё место в заглавиях, названиях циклов произведений (как в случае с *Dream* в текстах По), то это свидетельствует об особом статусе ментального феномена, соотносимого с данной лексической единицей; последняя неминуемо демонстрирует приоритеты авторской концептуализации определённых объектов и явлений, и заглавие произведения часто выступает именем концепта, актуального для идиостиля художника слова.

В идиостиле По лексема *dream*, её дериваты *dreamy*, *dreaming*, *dreamland*, etc., а также её синонимы *fancy/phantasy* и *imagination* (и, соответственно, дериваты последних: *fanciful*, *fantastical* и *imaginative*, etc.) являются рекуррентными и частотными; в корпусе текстов писателя в ряде стихотворений размером не более 16 строк лексико-семантические варианты лексем *dream* и *fancy* встречаются не менее шести раз (при учёте полного спектра синонимов *dream*, таких, как *vision*, *trance*, *nightmare*, *reverie*, etc. картина становится ещё более наглядной); в известнейшей поэме *The Raven* в одной только строчке автор употребляет лексему *dream* 3 раза:

...*Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared to dream before...* (курсив мой – Е. М.)

Имя ХК DREAM вынесено в заглавие нескольких произведений: *A Dream*; *Dreams*; *Dream-Land*; в одном оно даже дублируется: *A Dream Within a Dream*. Продолжая линию данного рода рассуждений, отметим, что одна из серий новелл Эдгара По, например, озаглавлена *Tales of Imagination* (издание 1842 года), где апелляция к феномену воображения, уникальной творческой способности человека, порождающей различного рода образы, в частности *Dream*, также демонстрирует ценность данного мотива для творчества писателя, – сопряженного с постижением сущности вышеозначенной психодуховной, когнитивной способности человеческого мышления (академик Ю. С. Степанов применительно к специфике художественных концептов предлагает рассматривать тот или иной цикл любого автора как *единый концепт* [Степанов, 2007, с. 120]).

Иная коллекция новелл под названием *Flights and Fantasies*, в названии которой также наличествует синоним лексемы *dream*, заслуженно считается первым в своем роде литературным опусом, приведшим к формированию нового, до той поры не существовавшего литературного жанра – жанра научной фантастики, создателем которого является именно Э. По (“Poe had the genius to sketch out almost all later developments in science fiction, down to the present. Poe’s works differ from earlier science-themed fiction works, such as Shelley’s *Frankenstein* or Swift’s *Gulliver’s Travels*, in that Poe was the first to offer a *scientific rationale* for the extraordinary that was actually plausible and largely accurate, which aligned him with the rigid and precise ideologies of the Enlightenment scientists and philosophers” [Elder, 2005]).

Другая серия новелл, в свою очередь, в названии содержит указание на своеобразного антипода фантазии – Рассудок – *Tales of Ratiocination* (в переводе именуемые «логическими»), в которых Эдгаром По был впервые разработан новый художественный метод,

так называемый *дедуктивный*, столь прославленный впоследствии известным персонажем сэра Артура Конан Дойля, Шерлоком Холмсом. Данный интерес автора к проблеме дихотомий, выстраиваемых бинарными оппозициями *Dream / Reason; Dream / Wakefulness* находит своё отражение в серии философских эссе, так называемых *Marginalia*, посвящённых анализу природы антропологических психофизиологических феноменов, сопряженных с *Dream: Fancy and Imagination; Poetry and Imagination; Between Wakefulness and Sleep; On Intuition; The Poet's Vision; Genius and Madness; Logic vs. Truth, etc.*

Tales of Grotesque and Arabesque, изданные в 1840 г., представляют собой, по словам самого автора, коллекцию так называемых “phantasy-pieces” (Пое, 1840), в которых природа феномена *Dream* определяется посредством эпитетов *grotesque* и *arabesque*, которым автор даёт свои собственные дефиниции, насыщенные индивидуальными идиосинкретическими обертонами смысла [Мальнева, 2011].

Значимость концепта *Dream* per se косвенным образом подтверждают суждения, характеризующие самого писателя как личность. Э. А. По именовали «самым *фейным* из поэтов» (A Fairy Poet), человеком, наделённым «ангельским воображением» (The Angelic Imagination) – [см. Tate A. *The Angelic Imagination: The Recognition of E. A. Poe*, 1950].

Задавшись подобной целью, список несложно продолжить. Свидетельством этого могут послужить критические и биографические статьи, анализирующие жизнь и творчество писателя: Мэри Ньютон Стэнард [Stanard, 1909] озаглавила свою работу *The Dreamer: A Romantic Rendering of the Life-Story of Edgar Allan Poe*. Известный зарубежный литературовед Д. Джонсон, в свою очередь, назвала свою книгу, посвящённую исследованию творчества американского романтика, *Dreams of E. A. Poe* [Johnson, 2009]. Все эти *совпадения*, безусловно, *совпадениями не являются*.

Литературные критики неоднократно отмечали специфику уникальной иллюзорной, «призрачной», эфемерной тональности, которой исполнены произведения американского романтика – «сновидца»: «It was Poe <...> who carried the exploration of the inner self to its greatest depths. He created stories and poems that often resemble *dreams*, that set reason and normal reality aside, and that extend the irrational element of the mind to the point of madness» [Adventures in American Literature, 1980, p. 104] (курсив мой – Е. М.). Поэт У. Уитмен вполне обоснованно называл Эдгара По *визионером* («a visionary lost in the stormy chaos of mid-century culture»), утверждая, что его поэмы являют собой мрачные сновидения («...his poems – themselves all *lurid dreams*...») (Whitman, 1882) [цит. по: Van Leer, 1998, p. ix] (курсив мой – Е. М.).

На настоящий момент не подвергается сомнению значимость того существенного вклада, что внес Эдгар По – исследователь подсознательных механизмов человеческой когниции, мастер изображения сублиминальных иррациональных фобий – в становление жанра психологической прозы и – косвенным образом – в формирование психоаналитических доктрин (за пятьдесят лет до создания соответствующей концепции З. Фрейдом): “Long before Sigmund Freud mapped the “swamps” of the human psyche, Edgar Allan Poe roamed there, his tales and fables as odd and troubling as *dreams*” [Johnson, 2009] (курсив мой – Е. М.). А. Зверев провозглашал, что По смог «достичь такого могущества слов, когда они могут выразить даже неуловимую *грёзу*...» [Зверев, 1988, с. 32] (курсив мой – Е. М.). Таким образом, не может вызывать сомнений приоритетность исследования именно данного ментального конструкта – художественного концепта DREAM, как и его роль в творческом континууме великого американского визионера Эдгара Алана По.

Dream (сон / грёза / мечта) суть чрезвычайно сложный и многогранный психофизиологический процесс и антропологический феномен, который предполагает множество совершенно разноплановых проявлений (как образы, видимые в состоянии сна – сновидения, кошмары, либо мечтания, грёзы, фантомы, призраки, так и сами состояния, порождающие их, – сон как процесс; *воображение / фантазия* как творческая сила).

Следует отметить, что, как показывает проведённое исследование, в новеллах, эссе и поэмах Э. А. По Dream как *родовое* понятие (предполагающее множество разноплановых проявлений) представлено следующими лексическими манифестациями:

а) в первую очередь, посредством собственно *имени концепта* – Dream – и *соответствующих* дериватов / сложных слов и словосочетаний: существительных Dreamer, Dreaming, Dreaminess, Dream-land, Day-dream, Day-dreamer, After-dream, Waking dream, Opium dream, A Dream within a Dream, Dreaming-book; *прилагательных* dreamy, dream-like; *глаголов* to dream, to dream away, to dream of, to dream about, to dream a dream, to daydream; *наречия* dreamily.

б) Иные лексические средства объективации ХК Dream включают следующие номинации:

Глаголы: to fancy, to imagine, to image, to conjure up, to conceive, to apprehend, to slumber, to sleep, to swoon, to muse, to meditate, to speculate, to contemplate, to mesmerize, to contrive, to entrance, to fathom, to delude, to sleepwalk, to sleepwake, to rave, to feign.

Прилагательные / Причастия (ppr.): fancy, fanciful, fantastic, phantom, phantasmagoric(al), imaginary, imaginative, imaginable, slumbering, sleepy, sleep-producing, shadowy, spectral, chimerical, illusive, deluding, delirious, lethargic, imaginative, ideal, romantic, visionary, capricious, sublime, grotesque, arabesque, bizarre, fairy, mystical, ethereal, somnolent, cataleptic, mesmeric, mesmerizing, (in/un)conceivable, meditative, contemplative, monomaniac, rhapsodical (Rhapsodical, a. – pertaining to or consisting of rhapsody (from Gr. *ῥάψωδια* – to sew, unite (about song)); unconnected [Webster, 1840, p. 953]).

Наречия: fancifully, fantastically/phantastically, (un)imaginably, conceivably, ideally, romantically, deliriously, sleepily, contemplatively, grotesquely.

Причастия (pp): fancied, imagined, entranced, (pre)conceived, contrived, (un)conceived, feigned, conjured.

Существительные: Reverie, Phantasy (Fantasy), Fantasia, Fancy, Phantasm, Phantom, Phantasmagoria, Imagination, Imagining, Imaginativeness, Image, Idea, Ideality, Conception, Notion, Conjecture, Conjurer, Crotchet, Contrivance, Speculation, Meditation, Musing, Contemplation, Fiction, Impression, Apprehension, Psychal Impression, Mind's Eye (Eye of the Mind), Illusion, Vision, Visionary, Mental Vision, Spiritual Vision, Eidolon, Thule, Eldorado (El Dorado), Beyond, Vagary, Whim, Caprice, Freak, Hallucination, Trance (Trānce), Delusion, Fiction, Figment, Shadow (Shade), Spectrum (Specter), Apparition, Ghost, Chimæra, Incubus, Slumber, Half-slumber, Conscious Slumber, Slumberer, Ignis Fatuus, Nightmare, Lunacy, Raving, Stupor, Delirium, Lethargy, Sleep, Sleeper, Sleep-walking, Sleep-walker, Mesmerism, Mesmerist, Mesmeric trance, Mesmeric state, Mesmeric Process, Mesmeric sleep, Mesmeric Condition, Mesmeric Perception, Mesmeric Exaltation, Mesmeric Phenomenon, Sleep-waking, Sleep-waker, Somnolency (Somnolence), Morphine, Opium, Catalepsy, Cataleptic Trance, Swoon, Half-swoon, Syncope, Semi-syncope, Monomania, Bizarrie, Grotesqueness, Nepenthe, Romance, Romancer, Romanticist, Outré [Webster, 1840; Webster, 1847; Webster, 1872; Roget, 1856; English Synonyms and Antonyms, 1897].

В группе существительных в процессе концептуального анализа можно выделить несколько основных подгрупп: Dream как *состояние* (Mesmerism, Sleep-walking, Syncope и др.), Dream как *образы* (Phantasm, Incubus, Apparition и др.), *номинации людей*, подверженных различного рода состояниям, сопряженным с Dream (Sleep-waker, Romancer, Day-dreamer и др.), *наименования фармакологических препаратов/средств*, способствующих развитию состояний, сопряженных с Dream (Morphine, Opium, Nepenthe) и др.

Выделенные подчёркиванием слова и словосочетания представляют феномены и действия, свойства и качества, соотносимые с когнитивным феноменом Dream. Данные лексические единицы не являются узуальными средствами актуализации соответствующего ментального конструкта в лексической системе американского варианта англий-

ского языка эпохи Романтизма (как было установлено в процессе лексикографического анализа) [Webster, 1840 ; Webster, 1847 ; Webster, 1872 ; Roget, 1856]. Проведённый анализ позволяет эксплицировать лексическое и, соответственно, концептуальное многообразие способов отражения действительности (как объективной, так и иллюзорной реальности, мира абстракций и умозаключений), механизмов рефлексии и интроспекции, свойственных Эдгару Аллану По как художнику слова и мыслителю.

Представим некоторые из контекстов, содержащих манифестации ХК DREAM в произведениях автора:

- *Psychal Impressions*: ...I say the absoluteness – for in these fancies – let me now term them *psychal impressions* – there is really nothing even approximate in character to *impressions* ordinarily received... [*Between Wakefulness and Sleep*].

- *Waking Dream*: ...In *visions* of the dark night I have *dreamed* of joy departed – but a *waking dream* of life and light hath left me broken-hearted... [*A Dream*].

- *Delirium*: ...After some few days of pain, and many of *dreamy* delirium replete with ecstasy... [*The Colloquy of Monos and Una*].

- *Mesmeric Sleep*: ...A few passes threw Mr. Vankirk into the *mesmeric sleep*... [*Mesmeric Revelation*].

- *Stupor*: ...For the first flashing of the candles upon that canvas had seemed to dissipate the *dreamy stupor* which was stealing over my senses... [*The Oval Portrait*].

Как демонстрирует материал (в частности, вышеприведенные контексты), лексемы, объективирующие ХК DREAM в произведениях Э. А. По, помимо собственно отдельных, изолированных случаев употребления, имеют тенденцию формировать определённые семантические группы, или *кластеры*, что также конституирует специфику идиостиля американского писателя.

6. Кластерное моделирование художественного концепта Dream в идиостиле Э. А. По [Cluster Modeling of the Artistic Concept Dream in E. A. Poe's Authorial Style]

Кластерная организация различных языковых/концептуальных элементов суть теория семантической организации: «Под семантической организацией понимается разделение близких по значению элементов на кластеры, или группы» [Солсо, 1996, с. 214]. Согласно кластерной теории, понятия, представленные в человеческой памяти в виде лексем, хранятся не изолированно, но в виде определённой системы или структуры – в виде так называемых кластеров, или скоплений сходных элементов. Кластерный анализ позволяет пролить дополнительный свет на глубинные аспекты идиостиля писателя, не всегда очевидные при использовании иных семантических методов реконструкции художественного мира. Именно учёт семантических кластеров (лексических, концептуальных) позволяет избежать нежелательного атомизма при анализе манифестаций художественных концептов, поскольку, как было установлено ранее, им свойственна интерпретативная запредельность, семантика художественного слова бесконечно обогащена обертонами смысла, поэтому именно интерконцептуальные связи дают ключ к содержанию авторских смыслов, экспликации определённых концептуальных признаков, зачастую обскурых.

Данный семантический принцип организации языковых элементов по определённым понятийным группам представляется особенно релевантным в настоящем случае в силу того, что в исследуемом материале, корпусе текстов Э. По, лексемы, вербализующие ХК DREAM, часто представлены не обособленно, но в комплексе, формируя своего рода конгломерат; они как будто семантически «притягивают» друг друга, выступая своего рода аттракторами, позволяющими открыть новые смысловые грани в проецируемом данными лингвистическими средствами когнитивном феномене. Данная

кластерная агломерация, сопряжённость смыслов и лексем, проецирующих данные смыслы, составляет одну из идиостиловых особенностей По:

...These *ideas – conceptions* such as these – unthoughtlike thoughts – soul reveries... [Eureka by E. A. Poe, 1984, p. 1286].

... I sank, little by little, into a condition of *semi-syncope*, or *half swoon* <...> I sank into *slumber* <...> only to rush at once into a world of *phantasms*, above which, with vast, sable, overshadowed wings, hovered, predominant, the one sepulchral *Idea*... [The Premature Burial by E. A. Poe, 1966, p. 266].

Примеры данных кластеров (скоплений сходных лексических элементов) в текстах Э. А. По многочисленны и разнообразны, однако возможно выделить несколько определённых групп внутри этого семантического массива. Смоделируем структуру ХК DREAM в виде совокупности *групп кластеров*, которые можно систематизировать на основании определенных семантических критериев.

На данном этапе было эксплицировано пять групп: в первой группе лексемы, формирующие кластеры, представлены именем концепта – Dream – и его синонимом – Fancy; вторая группа содержит гипонимические номинации видовых разновидностей гиперонимического концепта, родового феномена Dream (таких, как Vision, Vagary, Opium-dream, Reverie, etc.); третья группа эксплицированных кластеров демонстрирует кросс-концептные связи DREAM с иными концептами, теми, что можно именовать *маргинальными* (i.e., Death, Mania, Madness); четвёртая группа включает манифестации дуальных концептов, бинарных оппозиций, членом которых является Dream (DREAM/REALITY, DREAM/WAKEFULNESS И DREAM/REASON); пятая группа демонстрирует наличие атрибутов, концептуальных свойств художественного концепта (в частности, Arabesque, Grottesque, Bizarre, etc.).

Проанализировать все вышепредставленные кластеры в рамках настоящей статьи не представляется возможным, поэтому ограничимся лишь некоторыми соображениями относительно первых двух из эксплицированных групп, их семантических особенностей и концептуальных признаков, которые возможно вычленил в процессе анализа.

Как было упомянуто выше, в первой группе кластеров формирующие их лексемы представлены собственно именем концепта и его самым явным и бесспорным (в рамках романтической картины мира США XIX века) синонимом *Fancy*:

...I found myself within a strange city, where all things might have served to blot from recollection the sweet *dreams* I had *dreamed* so long in the Valley of the many-colored grass... [Eleonora by E. A. Poe, 2003, p. 199] (здесь и далее в примерах курсив мой – Е. М.). ...*dreaming dreams* no mortal dared to *dream* before; <...> I betook myself to linking *fancy* unto *fancy*... [The Raven by E. A. Poe, 2004, p. 60].

Можно предположить, что данная «номинативная плотность» (Карасик, 2004) лексем, манифестирующих концепт DREAM, в первую очередь, – имени-репрезентанта данного концепта, а именно их соположение, сопряжённость, даже, казалось бы, на первый взгляд «нарочитая» частотность, служат сигналом не только ценности определённых лингвостилистических приёмов для поэтики произведений автора (полиптотона, эпаналепсиса, синонимических повторов), но и наглядно демонстрируют приоритеты идиостиля как *стиля мышления* (mind style) художника, те смысловые линии, сеть *концептуальных* соотношений, что характеризуют последний: «когда намечается согласованность..., навязчиво повторяющаяся фигура, ткань из наличных элементов, сеть сближений, эти формальные константы, в которых проявляется *психический мир* автора...» (Жан Руссе) [цит. по: Жетт, 1998, с. 168] (курсив мой – Е. М.). Иначе говоря, стилистическое обрамление произведений По – это не набор средств художественной выразительности, используемых ради «самих себя», ради демонстрации несомненной стилистической виртуозности поэта-романтика; тропы и фигуры – проекция мира ментального, лексические повторы, редупли-

кация призваны манифестировать превалирование определённых способов мирозерцания, в данном случае – романтической идеализации действительности, при которой мир грёз превосходит по значимости мир реальности и бодрствования.

Вторая группа кластеров, в свою очередь, содержит номинации *видовых* разновидностей родового феномена Dream, лексемы, объективирующие данный художественный концепт. Они репрезентируют сегмент определённого информационного пространства, отражающего специфику внутреннего мира человека, мира его грёз, фантазий и нередко *кошмаров*:

(1) ...It was the radiance of an *opium-dream* – an airy and spirit-lifting *vision* more wildly divine than the *phantasies* which hovered about the *slumbering* souls of the daughters of Delos... [Ligeia by E. A. Poe, 1998, p. 27].

(2) ...From the innumerable *images* of gloom which thus oppressed me in *dreams*, I select for record but a solitary *vision*... [The Premature Burial by E. A. Poe, 1966, p. 267].

(3) ...lest the incredible tale I have to tell should be considered rather the *raving* of a crude *imagination*, than the positive experience of a mind to which the *reveries* of *fancy* have been a dead letter and a nullity... [MS found in a Bottle by E. A. Poe, 2003, p. 51].

Данные кластеры позволяют сделать дополнительные выводы относительно семантики когнитивного конструкта Dream в идиостиле По. Кластерное расположение лексем, репрезентирующих разновидности ХК DREAM в группе 2, наглядно демонстрирует концептуальную неоднородность данных феноменов, их разноуровневую организацию: наличествуют как виды самих сновидений / грёз: *opium-dream*, *vision*, *phantasie* (sic), – так и операциональные единицы сно(видений) – *images*, *visions* (лексема *vision*, в частности, выступает как в роли первого, так и второго). Принимая во внимание сложную семантическую структуру лексических единиц *dream*, *phantasie*, *imagination* (что проявляется в сосуществовании в их семном составе комбинации сем, отражающих представление о Dream и как о *способности* (faculty) человеческого сознания, порождающей сно(видения) и мечты, так и о самих сновидческих *состояниях*: образах, грёзах, галлюцинациях [Мальнева, 2011, с. 130–156]), отметим, что в ряде контекстов, как, например, в примере (1) *phantasie* в интерпретации автора выступает в роли собственно видений, фантазий, порождаемых возбужденным опиумом мозгом, воспаленным воображением сновидца. Однако существуют и иные авторские трактовки *Fancy* (Phantasy) в рамках идиостиля Э. А. По: “I bring before mine eyes in *fancy* the *image* of her who is no more” [sic – ‘Ligeia’]. Анализ последнего примера демонстрирует, что в данном случае *Fancy* являет собой *способность* мысленного видения, внутренний взор, перед которым могут роиться различные *образы*. Существуют, тем не менее, и амбигуэнтные авторские интерпретации антропологического феномена *Fancy*, которые определяют статус последней (фантазии) как конструкта, занимающего промежуточное/неопределённое положение на шкале: образ (*image*) – способность (*fancy*): ...I still wondered to find how unfamiliar were the *fancies* which ordinary *images* were stirring up... [The Fall of the House of Usher by E. A. Poe, 1998, p. 110].

Что не менее актуально, автор дифференцированно употребляет лексемы *fancy/fantasy* и *imagination*; известно, что оба данных понятия (фантазия и воображение) могут являть собой способности (faculty) человеческой психики, и в толковых словарях они представлены синонимичными (кроме отдельно зафиксированных в энциклопедиях случаев идиосинкретического толкования понятий *Fancy* и *Imagination* философами, психологами и литераторами). Э. По также не считает их тождественными; разница в концептуализации данных манифестаций Dream становится очевидной при анализе следующего кластера: ...Between ingenuity and the analytic ability there exists a difference far greater, indeed, than that between the *Fancy* and the *Imagination*, but of a character very strictly analogous... [The Murders in the Rue Morgue by E. A. Poe, 2001, p. 37 – выделено мной].

Fancy и Imagination сопоставляются автором с лексемами *Ingenuity* и *the Analytic Ability*, которые, будучи сопоставлены с последними, но противопоставлены друг другу, наглядно демонстрируют ту «концептуальную пропасть», что, по мнению автора, отделяет *фантазию* от *воображения*: предположительно, в рамках концептуальной картины мира автора налицо включение когнитивного признака «аналитические способности» в категорию «Воображение», что, конечно же, уникально для романтической картины мира как таковой, но что, как показывает материал, составляет когнитивную особенность идиостиля Эдгара Аллана По, великого романтика-аналитика.

Роль, которую По приписывает Разуму, высшей мыслительной способности *Homo sapiens*, очевидна: ...And since by person we understand an *intelligent* essence having reason, and since there is a *consciousness* which always accompanies thinking... [Morella by E. A. Poe, 1966, p. 223].

Новеллы Э. По – при несомненном превалировании в них гротескных, фантасмагоричных, иллюзорных образов и ситуаций, тем не менее, чрезвычайно логичны и материальны. Рассудок и здравый смысл как антагонисты неумного воображения всегда незримо присутствуют в самом фантастичном повествовании: стараясь найти логичное объяснение происхождению фантомов, призраков, гротескных фантазмов (различных манифестаций феномена Dream), преследующих повествователя, разум последнего силится опровергнуть сверхъестественную природу испытываемых им ощущений и наблюдаемых образов: ...my reason struggled to reject them as fanciful... [The Black Cat, op.cit.]. Это, по сути, соотносится с современными суждениями относительно сущности фантазии: «Фантазия – это реальность, выраженная символически» [Джонсон, 1998, с. 60].

Роль, отводимая Разуму Эдгаром По, среди прочих когнитивных способностей человека, выделяет его из плеяды других романтиков, которые превыше всего ценили иные способности человеческой психики, в первую очередь, – именно *фантазию*; аналитичность и строгая логическая канва новелл По (в первую очередь, его *Tales of Ratiocination*) позволила некоторым исследователям его творчества (таким, как В. Брюсов [Брюсов, 1977, с. 99]), назвать его антагонистом Романтизма, а другим – позиционировать его как классика – прямого наследника эпохи Просвещения [Elder, 2005].

Подводя итог, ещё раз подчеркнём, что кластерная методика позволяет избежать атомарности в исследовании авторского слова (в данном случае, в исследовании идиостиля Э. А. По) и проанализировать смысловые связи аналогии/подобия и контраста между сопрягаемыми в художественном тексте лексемами, а именно исследовать не просто изолированный концепт – художественный концепт DREAM, – но в совокупности с другими концептами – членами бинарных оппозиций (Reality и Wakefulness), которые данный ментальный конструкт конституирует в идиостиле автора.

7. Заключение [Conclusion]

В ходе данного исследования было установлено, что художественный концепт Dream является когнитивной доминантой идиостиля американского романтика-визионера Э. А. По. Концепт DREAM предстаёт как один из структурообразующих ментальных принципов его поэтики, определяющих архитектуру его индивидуально-авторской концептуальной системы. Выявлено, что способы манифестации концепта DREAM в идиостиле Э. А. По включают как диапазон узуальных языковых средств, принятых для описания феномена Dream в рамках романтической концептуальной системы в более широком культурном контексте, так и индивидуально-авторские, идиосинкретические.

В свою очередь, кластерное моделирование ХК DREAM позволило объективировать и проанализировать определённую совокупность групп кластеров (скоплений в тексте семантически сходных лексических элементов), составляющих содержание

исследуемого конструкта, а именно пять групп, эксплицирующих специфику исследуемого материала, изначально сложного и амбигуентного, как семантически, так и концептуально. Данная методология была призвана продемонстрировать, что при исследовании художественной речи (и манифестируемых языковыми средствами художественных концептов) зачастую необходим учёт сопологаемых сущностей – лексем, бинарных оппозиций, дуальных феноменов, как минимум двух комплементарных противоположностей, которые сосуществуют диалектически. Кластерная методика представляется уместной, поскольку позволяет избежать атомарности в подходе к авторскому слову и анализировать связи между актуализируемыми различными лексемами смыслами. Кластерное моделирование позволило учесть концептуальные признаки, не эксплицируемые иными методиками. В результате, в исследовании сформулирован особый метаязык, который может быть использован для анализа идиостилей иных романтических художников американской лингвокультуры.

Соответственно, перспективы дальнейшего исследования заключаются в возможности применения разработанной методологии для анализа иных кластеров, формируемых номинациями других, сопряжённых с Dream концептов в идиостиле Э. А. По, а также для моделирования идиостилей других поэтов-романтиков.

Библиографический список

- Аскольдов, 1997 – Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
- Бабушкин, 1996 – Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. 104 с.
- Брюсов, 1977 – Брюсов В. Собрание сочинений. В 7 т. М., 1977, Т. 6, 656 с.
- Бутакова, 2001 – Бутакова Л. О. Авторское сознание в поэзии и прозе: Когнитивное моделирование. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. 283 с.
- Валери, 1993 – Валери П. Об искусстве; пер. с франц. 2-е изд. М. : Искусство, 1993. 507 с.
- Вежбицкая, 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т. В. Булыгиной; пер. с англ. А. Д. Шмелева. М. : «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
- Виноградов, 1959 – Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М. : Гос. изд. худ. лит-ры, 1959. 656 с.
- Джонсон, 1998 – Джонсон Р. Мы: Источник и предназначение романтической любви; пер. с англ. В. Мершавка. М. : Изд-во Гиль-Эстель, 1998. 160 с.
- Женетт, 1998 – Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике; пер. с фр. Е. Васильевой и др. В 2-х т. Т. 1. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
- Зверев, 1988 – Зверев А. М. Вдохновенная математика Эдгара По // Эдгар По. Избранное : сб. (на англ. яз.) / сост. Е. К. Нестерова. М. : Радуга, 1988. 414 с.
- Иванов, 2004 – Иванов В. В. Наука о человеке. Введение в современную антропологию. М. : РГГУ, 2004. URL: <http://www.kogni.narod.ru/izd.htm> (дата обращения : 05.09. 2012).
- Ильин, 1981 – Ильин И. П. Американский критический очерк (=American Literary Criticism) : сб. на англ. яз.; сост., авт. пред. И. П. Ильина. М. : Прогресс, 1981. 398 с.
- История литературы США: Литература середины XIX века (поздний Романтизм) / под. ред. Е. А. Стеценко. В 7 т. Т. 3. М. : ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 614 с.
- Кант, 1999 – Кант И. Антропология с прагматической точки зрения СПб : Наука, 1999. 471 с.
- Карасик, 2002 – Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград : Изд-во Перемена, 2002. 477 с.
- Красных, 1998 – Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М. : Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Лихачев, 2000 – Лихачев Д. С. Русская культура. М. : Искусство, 2000. 440 с.
- Лотман и др., 1996 – Лотман Ю. М., Эко У., Гаспаров М. Л. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семисфера – История ; предисловие В. В. Иванова. М. : Языки русской культуры, 1996. 447 с.

- Мальнева, 2011 – Мальнева Е. Ю. Концепт DREAM в идиостиле Эдгара Аллана По : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Хабаровск, 2011. 280 с.
- Нестерова, 1988 – Нестерова Е. К. Эдгар По в России // Эдгар Аллан По. Стихотворения: сб. (на англ. яз. с параллельным рус. текстом) / сост. Е. К. Нестерова. М. : Радуга, 1988. С. 371–391.
- Новиков, 2007 – Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой и др. М. : ИЯ РАН, 2007. 224 с.
- Орехов, 2002 – Орехов С. И. Виртуальная реальность: Исследование онтологических и коммуникационных основ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 09.00.01. Омск, 2002. 32 с.
- Осипова, 1995 – Осипова Э. Ф. Ральф Эмерсон и американский романтизм : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. 41 с.
- Солсо, 1996 – Солсо Р. Л. Когнитивная психология ; пер. с англ. М. : Тривола, 1996. 600 с.
- Степанов, 2007 – Степанов Ю. С. Концепты: Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур, 2007. 248 с.
- Тарасова, 2004 – Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2004. 484 с.
- Тер-Минасова, 2008 – Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М. : Слово / Slovo, 2008. 344 p.
- Тынянов, 1977 – Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы и кино М. : Наука, 1977. 572 с.
- Adventures in American Literature, 1980 – Adventures in American Literature. Ed. by Harcourt Brace Jovanovich, Inc. Orlando : Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1980. 910 p.
- American Poetry and Prose, 1957 – American Poetry and Prose. Ed. by Norman Foerster. 4th edn. Part I. Boston : The Riverside Press Cambridge, 1957. 861 p.
- Culler, 2000 – Culler J. Literary Theory: A Very Short Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2000. 149 p.
- Elder, 2005 – Elder M. S. “Never otherwise than Analytic”: Poe’s Science of the Divine. Raleigh : The North Carolina State University, 2005. 88 p.
- Eliot, 1992 – Eliot T. S. To Criticize the Critic and Other Writings. New York : Farrar, Straus and Giroux Inc., 1992. 193 p.
- Encyclopaedia Britannica, 1877 – Encyclopaedia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, and General Literature. 9th edn. Vol. VII. Edinburgh : Adam and Charles Black, 1877. 830 p.
- English Synonyms and Antonyms, 1897 – English Synonyms and Antonyms with Notes on the Correct Use of Prepositions. Ed. by J. C. Fernald. New York : Funk & Wagnalls Company, 1897. URL: <http://www.archive.org/stream/englishsynonymsa00fern#page/n3/mode/2up> (дата обращения : 20.12.2010).
- Foley, 1997 – Foley W. A. Anthropological Linguistics: An Introduction. Foreign Language Teaching and Research Press: Copyright. Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 1997. 504 p.
- Johnson, 2009 – Johnson D. Dreams of E. A. Poe. URL: <http://www.america.gov/publications/books/poe.html> (дата обращения : 13.01.2010).
- Margolin, 2003 – Margolin U. Cognitive Science, the Thinking Mind, and Literary Narrative // Narrative Theory and the Cognitive Sciences. Ed. by D. Herman. Stanford, Ca : Center for the Study of Language and Information, 2003. P. 271–294.
- Oxford Dictionary of English Etymology, 1996 – Oxford Dictionary of English Etymology. Ed. by C. T. Onions. Oxford : Oxford at the Clarendon Press, 1996. 1025 p.
- Poe, 1899 a – Poe E. A. Criticisms // The Works of Edgar Allan Poe. Ed. by J. H. Ingram. In 4 vol. Vol. IV: Autobiography, Criticisms, and Index. London : A. & C. Black, Soho Square, 1899. 574 p.
- Poe, 1899 b – Poe E. A. The Works of Edgar Allan Poe. Ed. by John H. Ingram. In IV vol. Vol. IV. London : A. & C. Black, Soho Square, 1899. 576 p.
- Poe, 1838 – Poe E. A. An Opinion on Dreams. Edgar Allan Poe Society of Baltimore. URL: <http://www.eapoe.org/works/essays/opindrms.htm> (дата обращения : 02.01.2007).
- Poe, 1910 – Poe E. A. The Works. In 10 vol. Vol. V: Essays, Philosophy, Criticism. With an Introduction by E. Markham. New York : Leslie-Judge Co., 1910. 204 p.
- Poe, 1966 – Poe E. A. Complete Stories of Edgar Allan Poe. Garden City, New York : Doubleday & Company, 1966. 737 p.

- Poe, 1984 a – Poe E. A. *Eureka: A Prose Poem // Poetry and Tales*. Notes by P. F. Quinn. New York : Literary Classics of the United States, 1984. 1408 p.
- Poe, 1984 b – Poe E. A. *Essays and Reviews*. Ed. by G. R. Thompson. New York : Literary Classics of the United States, 1984. 1544 p.
- Poe, 1984 c – Poe E. A. *The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket // Poetry and Tales; Notes by P. F. Quinn*. New York : Literary Classics of the United States, 1984. 1408 p.
- Poe, 1998 – Poe E. A. *Selected Tales*. Ed. with an Introduction and Notes by D. Van Leer. Oxford : Oxford University Press, 1998. 339 p.
- Poe, 2001 – Poe E. A. *Fancy and Imagination // The Mystery of Marie Roget and Other Stories*. Moscow : «Manager» Press, 2001. 288 c.
- Poe, 2003 – Poe E. A. *The Fall of the House of Usher and Other Writings : Poems, Tales, Essays and Reviews / ed. with an Introduction and Notes by D. Galloway*. London : Penguin Books, 2003. 548 p.
- Poe, 2008 – Poe E. A. *Tales of Mystery and Imagination*. Ed. by D. S. Davies. Introduction and Notes by J. S. Whitley. London : Wordsworth Editions Limited, 2008. 287 p.
- Roget, 1856 – Roget M. P. *Thesaurus of English Words and Phrases*. 4th edn., enlarged and improved. London : Longman, Brown, Green, and Longmans, 1856. 507 p.
- Short, 1996 – Short M. *Exploring the Language of Poems, Plays and Prose*. Ed. by G. Leech. London & New York : Addison Wesley Longman Ltd, 1996. 399 p.
- Stanard, 1909 – Stanard M. N. *The Dreamer: A Romantic Rendering of the Life-Story of Edgar Allan Poe*. Richmond, Virginia : The Bell Book and Stationery Company, 1909. 375 p.
- Tate, 1950 – Tate A. *The Angelic Imagination: The Recognition of E. A. Poe*. N.Y., 1950.
- Webster, 1840 – Webster N. *Webster's Revised and Unabridged Dictionary of the English Language*. Springfield, Mass. : G & C. Merriam, 1840. 1486 p.
- Webster, 1847 – Webster N. *An American Dictionary of the English Language*. Rev. and enlarged by Ch. A. Goodrich. Springfield, Mass. : G & C. Merriam, 1847. 1367 p.
- Webster, 1872 – Webster N. *Webster's Unabridged Dictionary*. State Street. Springfield, Mass : G. & C. Merriam, 1872. 1692 p.

References

- Askoldov, S. A. (1997). *Kontsept i slovo [The concept and the word]*. *Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya [Russuan literature. From theory to text structure]* (pp. 267–279). Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Babushkin, A. P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of a language]*. Voronezh : VSU Press. (In Russ.).
- Bryusov, V. (1977). *Sobranie sochineniy [The collection works]*. In 7 volumes. Vol. 6. Moscow. (In Russ.).
- Butakova, L. O. (2001). *Avtorskoe soznanie v poezii i proze: Kognitivnoe modelirovanie [Author's consciousness in poetry and prose: Cognitive modeling]*. Barnaul : Altai University Press. (In Russ.).
- Valeri, P. (1993). *Ob iskusstve [About art]*. Transl. from French. 2-nd edn. Moscow : Iskusstvo. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov [Semantic universals and the description of languages]*. Transl. from English by A. D. Shmeleva; ed. by T. V. Bulygina. Moscow : «Jazyki russkoj kul'tury» Press. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1959). *O yazyke khudozhestvennoy literatury [The language of fiction]*. Moscow : Gos. izd. hud. lit-ry Press. (In Russ.).
- Dzhonson, R. (1998). *My: Istochnik i prednaznachenie romanticheskoy lyubvi [We: The source and predestination of romantic love]*. Transl. from English by V. Mershavk. Moscow : Gil'-Jestel' Press. (In Russ.).
- Genette, G. (1998). *Figury. Raboty po poetike [Figures. Works on poetics]*. Transl. from French by E. Vasilieva et al. In 2 vol. Vol. 1. Moscow : Sabashnykov Press. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1988). *Vdokhnovennaya matematika Edgara Po [The sublime mathematics of Edgar Poe]*. In E. K. Nesterova (Ed.), *Edgar Po. Izbrannoe [Edgar Poe]: Collected works* (In English). Moscow : Raduga Press.

- Ivanov, V. V. (2004). *Nauka o cheloveke. Vvedenie v sovremennuyu antropologiyu* [The Science of Man. Introduction into Modern Anthropology]. Moscow : RSUH, 2004. Retrieved September 5, 2012 from <<http://www.kogni.narod.ru/izd.htm>>. (In Russ.)
- Iliin, I. P. (Ed.). (1981). *American Literary Criticism*. Moscow : Progress Press.
- Stetsenko, E. A. (Ed.). (2000). *Istoriya literatury SShA: Literatura serediny XIX veka (pozdnii Romantizm)* [The history of American literature in the middle of 19th century (Late Romanticism)]. In 7 volumes. Vol. 3. Moscow : IMLI RAN, Nasledie Press. (In Russ.).
- Kant, I. (1999). *Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya* [Anthropology from the pragmatic viewpoint]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoii krug: Lichnost, koncepty, diskurs* [Linguistic circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (1998). *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya)* [Virtual reality or real virtuality? (Person. Consciousness. Communication)]. Moscow : Dialog-MGU Press. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (2000). *Russkaya kultura* [Russian culture]. Moscow : Iskusstvo Press. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M., Eco, U., Gasparov, M. L. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriya* [Inside cognising worlds: Person – Text – Semiosphere – History]. Moscow : Yazyki russkoi kulury Press. (In Russ.).
- Malneva, E. Yu. (2011). *Kontsept DREAM v idiosstile Edgara Allana Po* [The Dream concept in Edgar Allan's Poe individual style]. PhD in Philological sci. diss. Khabarovsk. (In Russ.).
- Nesterova, E. K. (1998). *Edgar Po v Rossii* [Edgar Poe in Russia]. *Edgar Allan Poe. Poems* (pp. 371–391). Ed. by E. K. Nesterova. Moscow : Raduga Press. (In Russ.).
- Novikov, A. I. (2007). *Tekst i ego smyslovyie dominanty* [Text and Its Semantic Leitmotifs]. Ed. by N. V. Vasilieva. Moscow : Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Orekhov, S. I. (2002). *Virtualnyia realnost: Issledovanie ontologicheskikh i kommunikatsionnykh osnov* [Virtual reality: The study of ontological and communication foundations]. Author's abstract of PhD in Philosophy diss. Omsk. (In Russ.).
- Osipova, E. F. (1995). *Ralf Emerson i amerikanskiy romantizm* [Ralph Emerson and American Romanticism]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg. (In Russ.).
- Solso, R. L. (1996). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Transl. from English. Moscow : Trivola Press. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2007). *Kontsepty: Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts: A fine layer of civilization]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kultur Press. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2004). *Poeticheskiy idiosstil v kognitivnom aspekte (na materiale poezii G. Ivanova i I. Annenskogo)* [Poetic individual style from the cognitive perspective (Based on the poetry by G. Ivanov and I. Annensky)]. PhD in Philological sci. diss. Saratov. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S. G. (2008). *Voyna i mir yazykov i kultur: Voprosy teorii i praktiki mezhyazykovoy i mezhkulturnoi kommunikatsii* [War and peace of languages and cultures: The aspects of theory and practice of interlingual and intercultural communication]. Moscow : Slovo Press. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetika. Istoriya literatury i kino* [Poetics. History of literature and cinema]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Jovanovich, H. B. (Ed.). (1980). *Adventures in American literature* Orlando : Harcourt Brace Jovanovich Publishers.
- Foerster, N. (Ed.). (1957). *American poetry and prose*. 4th edn. Part 1. Boston : The Riverside Press Cambridge.
- Culler, J. (2000). *Literary theory: A very short introduction*. Oxford : Oxford University Press.
- Elder, M. S. (2005). *“Never otherwise than analytic”: Poe's science of the divine*. Raleigh : The North Carolina State University.
- Eliot, T. S. (1992). *To criticize the critic and other writings*. New York : Farrar, Straus and Giroux Inc..
- Encyclopaedia Britannica. A dictionary of arts, sciences, and general literature (1877). 9th edn. Vol. VII. Edinburgh : Adam and Charles Black.
- Fernald J. C. (Ed.). (1897). *English synonyms and antonyms with notes on the correct use of prepositions*. New York : Funk & Wagnalls Company. Retrieved December 20, 2010 from <<http://www.archive.org/stream/englishsynonymsa00fern#page/n3/mode/2up>>.

- Foley, W. A. (1997). *Anthropological linguistics: An introduction*. Foreign Language Teaching and Research Press: Copyright. Oxford : Blackwell Publishers Ltd.
- Johnson, D. (2009). *Dreams of E. A. Poe*. Retrieved January 13, 2010 from <<http://www.america.gov/publications/books/poe.html>>.
- Margolin, U. (2003). Cognitive science, the thinking mind, and literary narrative. In D. Herman (Ed.), *Narrative theory and the cognitive sciences* (pp. 271–294). Stanford, Ca : Center for the Study of Language and Information.
- Onions C. T. (Ed.). (1996). *Oxford dictionary of English etymology*. Oxford : Oxford at the Clarendon Press.
- Poe, E. A. (1899 a). Criticisms. In J. H. Ingram (Ed.), *The works of Edgar Allan Poe*. In 4 vol. Vol. IV : Autobiography, criticisms, and index. London : A. & C. Black, Soho Square.
- Poe, E. A. (1899 b). *The works of Edgar Allan Poe*. Ed. by John H. Ingram. In IV vol. Vol. IV. London : A. & C. Black, Soho Square.
- Poe, E. A. (1838). *An opinion on dreams*. Edgar Allan Poe Society of Baltimore. Retrieved January 2, 2007 from <<http://www.eapoe.org/works/essays/opindrms.htm>>.
- Poe, E. A. (1910). *The works*. In 10 vol. Vol. V : Essays, philosophy, criticism. With an introduction by E. Markham. New York : Leslie-Judge Co.
- Poe, E. A. (1966). *Complete stories of Edgar Allan Poe*. Garden City, New York : Doubleday & Company.
- Poe, E. A. (1984 a). Eureka : A prose poem. *Poetry and tales*; Notes by P. F. Quinn. New York : Literary Classics of the United States.
- Poe, E. A. (1984 b). *Essays and reviews*. Ed. by G. R. Thompson. New York : Literary Classics of the United States.
- Poe, E. A. (1984 c). The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket. *Poetry and Tales*; Notes by P. F. Quinn. New York : Literary Classics of the United States.
- Poe, E. A. (1998). *Selected Tales*; ed. with an introduction and notes by D. Van Leer. Oxford : Oxford University Press.
- Poe, E. A. (2001). Fancy and imagination. *The mystery of Marie Roget and other stories*. M. : Manager Press.
- Poe, E. A. (2003). *The fall of the house of Usher and other writings: Poems, tales, essays and reviews*; ed. with an introduction and notes by D. Galloway. London : Penguin Books.
- Poe, E. A. (2008). *Tales of mystery and imagination*. Ed. by D. S. Davies. Introduction and notes by J. S. Whitley. London : Wordsworth Editions Limited.
- Roget, P. M. (1856). *Thesaurus of English words and phrases*. 4th edn., enlarged and improved. London : Longman, Brown, Green, and Longmans.
- Short, M. (1996). *Exploring the language of poems, plays and prose*; ed. by G. Leech. London & New York : Addison Wesley Longman Ltd.
- Stanard, M. N. (1909). *The dreamer: A romantic rendering of the life-story of Edgar Allan Poe*. Richmond, Virginia : The Bell Book and Stationery Company.
- Tate, A. (1950). *The Angelic imagination: The recognition of E. A. Poe*. N.Y.
- Webster, N. (1840). *Webster's revised and unabridged dictionary of the English language*. Springfield, Mass : G & C. Merriam.
- Webster, N. (1847). *An American dictionary of the English language*; rev. and enlarged by Ch. A. Goodrich. Springfield, Mass. : G & C. Merriam.
- Webster's unabridged dictionary. (1872). State Street. Springfield, Mass : G. & C. Merriam.

Моисеева Ирина Юрьевна ✉, Климкина Елена Сергеевна
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Российская Федерация
desire2003@yandex.ru

Роль абзаца в семантической организации вторичного текста (на материале аудиовизуального текста)

Аннотация

Абзац как структурная единица текста является объектом исследования многих фундаментальных трудов, посвящённых проблемам лингвистики текста. Особый научный интерес вызывает абзац в семантической организации вторичного текста, который представляет собой текст, созданный на основе другого (первичного) текста. Целью настоящего исследования явилось изучение роли абзацного членения в семантической организации вторичных текстов, полученных в ходе лингвистического эксперимента. Это позволит выявить процессы ментальной обработки информации первичного текста реципиентами. Стимульным материалом эксперимента выбран аудиовизуальный текст, характеризующийся креолизацией семиотических систем, в структуре которого отсутствует словесный (лингвистический) компонент. Это определило выбор методов исследования: общенаучные (обобщение, синтез, наблюдение, классификация), лингвистические (интерпретация, группировка языковых единиц, структурный и синтаксический анализ, контент-анализ, метод автоматизированного анализа смысловой структуры вторичного текста), психолингвистический (эксперимент). В исследовании проанализирована структурная организация вторичного текста, определены семантические макрополя и их соотношение с абзацным членением. Результаты обработки вторичных текстов привели к выводу о том, что членение текста, дискретность и континуальность семантического пространства реализуются по универсальному закону формообразования, который заключается в том, что матрица текста воздействует на содержательную сторону, упорядочивает информацию, оптимизирует речемыслительную деятельность человека.

Ключевые слова: первичный текст, вторичный текст, абзац, лингвистический эксперимент, аудиовизуальный текст, семантическое пространство, макрополе, самоорганизация текста

© Моисеева И. Ю., Климкина Е. С. 2022

Для цитирования: Моисеева И. Ю., Климкина Е. С. Роль абзаца в семантической организации вторичного текста (на материале аудиовизуального текста) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 94–102. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_94

Irina Y. Moiseeva ✉, Elena S. Klimkina
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
desire2003@yandex.ru

The role of a paragraph in the semantic organization of a secondary text (Based on the audio-visual text)

Abstract

The paragraph as a structural unit of the text has been the object of many fundamental studies considering the issues of text linguistics. A particular research focus has been placed on paragraph in the semantic organization of a secondary text which is a text created on the basis of another (primary) text. This article aims to examine the

role of paragraph division in the semantic organization of secondary texts obtained during a linguistic experiment. It enables to identify the information processing mental patterns of the primary text by recipients. The material for the experiment was an audiovisual text characterized by creolization of semiotic systems, in the structure of which there is no verbal (linguistic) component. This determined the choice of research methods: general scientific (generalization, synthesis, observation, classification), linguistic (interpretation, linguistic units grouping, structural and syntactic analysis, content analysis, method of secondary text semantic structure automated analysis), psycholinguistic (experiment). We analyzed the structural arrangement of the secondary text, defined its semantic macro fields and their relationship with paragraph division. The results of secondary texts processing led to the conclusion that the division of the text substrate, the discreteness and continuity of the semantic space are realized in accordance with the universal law of pattern shaping, whose effect is that the matrix of the text affects its content, organizes information, optimizes human speech-thinking activity.

Keywords: primary text, secondary text, paragraph, linguistic experiment, audiovisual text, semantic space, macro field, text self-organization

© Moiseeva I. Y., Klimkina E. S. 2022

For citation: Moiseeva, I. Y., Klimkina, E. S. (2022). Rol' abzatsa v semanticheskoy organizatsii vtorichnogo teksta (na materiale audiovizual'nogo teksta) [The role of a paragraph in the semantic organization of a secondary text (Based on the audio-visual text)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 94–102. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_94

1. Введение [Introduction]

Проблема текста в лингвистической науке интересует многих учёных. Уникальность языкового феномена заключается в отражающей способности текста, информативности, многоплановости. Такие особенности представляют собой основу для развития различных научных лингвистических направлений в области теории текста. Явление интертекстуальности обусловило появление феномена «вторичный текст». Особую значимость представляет вторичный текст в прикладном аспекте. Создание вторичного текста является неотъемлемой частью образовательного процесса (пересказ, реферат, реферативный обзор и т. д.) и научной деятельности (аннотация).

В лингвистической науке накоплен определённый опыт в описании признаков вторичности образования текста (см. [Ионова, 2006 ; Матехина, 2016 ; Моисеева, Ноздрина, 2017 ; Лунькова, 2019]). В частности, выявлены когнитивные и психолингвистические механизмы порождения вторичного текста [Дьякова, 2020 ; Матвеева, 2020], а также стилистические особенности вторичного текста [Козлов, 2017].

Однако вопрос специфики вторичного текста, построенного на основе креолизованного первичного текста, освещён недостаточно. В таком аспекте научный интерес вызывают структурно-семантические особенности порождения текста, так как структура является ключевым элементом подражания, а креолизованный текст, в силу полисемiotичности, обладает иной структурой. В современной науке отмечается активный рост исследований текстов, обладающих полисемiotической спецификой [Ковалева, 2018 ; Маленова, 2018 ; Моисеева, Аргунеев, 2018 ; Максименко, 2020]. Между тем вопрос о роли абзаца в семантическом пространстве вторичного текста, основанного на аудиовизуальном первичном тексте, остаётся открытым.

В существующих исследованиях категорию абзаца рассматривают полиаспектно (см. [Лосева, 1980 ; Сенкевич, 1984 ; Серль, 1992]). Г. Г. Москальчук отмечает, что «абзацное членение текста является результатом осознаваемой деятельности субъекта по организации поверхностной графической упорядоченности письменного текста» [Москальчук, 2011, с. 342]. Такое понимание абзаца рассматривается с точки зрения самоорганизации текста. Исходя из данной точки зрения, актуализируется изучение

категории дискретности / членимости и континуальности на семантическом уровне текста. Визуальным членением текста является абзац, однако семантическое пространство текста не всегда может совпадать с членением субстрата текста. М. Я. Дымарский рассматривает дискретность в аспекте порождения и восприятия текста [Дымарский, 2001]. Континуальность рассматривается И. Р. Гальпериным [Гальперин, 2004] в рамках пространственно-временной организации текста. В призме синергетической природы текста И. Ю. Моисеева обращается к категориям дискретности и континуальности [Моисеева, 2007]. Указанные категории изучаются И. И. Бартеневой с точки зрения влияния на структурно-семантическую организацию текста [Бартенева, 2018]. В нашем исследовании в рамках семантической организации вторичного текста будет рассматриваться макрополе. А. В. Бондарко понимает поле как «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формирующееся грамматическими (морфологическими и синтаксическими) способами данного языка вместе со взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразующими элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко, 2005, с. 40].

Ц е л ь ю нашего исследования является определение роли абзаца в семантической организации вторичного текста. В соответствии с этим, в з а д а ч и входит, во-первых, рассмотрение абзаца как структурной единицы вторичного текста, во-вторых, определение специфики соотношения абзацного членения и организации семантического пространства вторичного текста.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Согласно поставленным цели и задачам определены м е т о д ы исследования: лингвистический эксперимент, в ходе которого получены вторичные тексты; контент-анализ, позволяющий определить семантическое пространство текста; метод автоматизированного анализа смысловой структуры текста, с помощью которого выделены макрополя. В лингвистическом эксперименте в качестве с т и м у л а был использован короткометражный мультипликационный фильм “Bridge” 'Мост' [Короткометражный фильм “Bridge”]. Особенности выбранного аудиовизуального текста являются небольшая продолжительность (2 минуты 31 секунда), отсутствие речи персонажей (немое кино), мультипликационный характер визуальной составляющей.

М а т е р и а л о м для анализа послужили 23 вторичных текста, полученных в качестве реакций на предъявленный стимул. Эксперимент проводился на базе Муниципального общеобразовательного автономного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 88». Респондентами выступили обучающиеся 4 класса (возрастной диапазон от 9 до 10 лет), среди них 12 мальчиков и 11 девочек. Развитие устной и письменной речи обучающихся протекает в пределах нормы, патологии в развитии слуха и речи нет. Согласно требованиями ФГОС НОО обучающиеся 4 класса способны воспринимать изложения объемом от 80 до 90 слов. Это связано с возрастными особенностями развития речи: в данном возрасте формируется осмысленная письменная речь, навык последовательного, структурированного составления письменного высказывания (теста). Психическими предпосылками развития речи являются формирование различных видов восприятия (эмоциональное, физическое), обогащение жизненного опыта и его проецирование через ощущения. Респондентам предложено написать изложение содержания просмотренного первичного аудиовизуального текста. Рассмотрим пример одного из таких вторичных текстов.

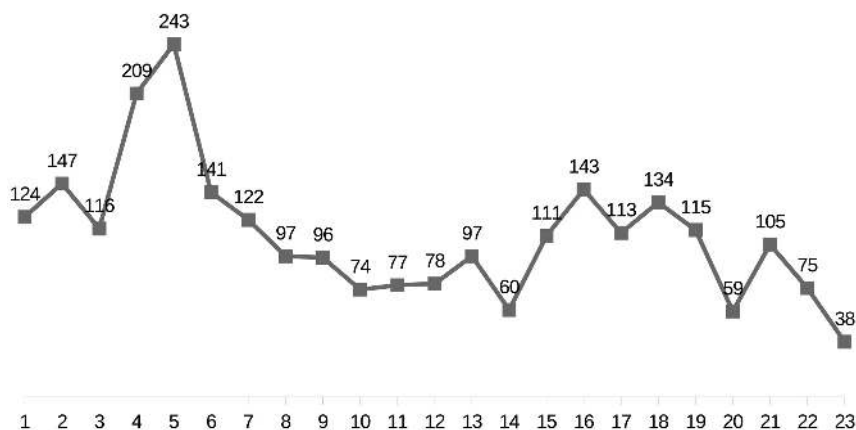
Однажды на мосту встретились лось и медведь. И Они не давали друг другу пройти они спорили и чуть не столкнули друг друга. Но тут к медведю подошёл енот и попросил пройти, но тот взял его за шею и кинул его в начало моста. И дальше продолжали спор, кто пойдёт назад. И к лосю подошёл заяц и попросил пройти. Но и ему не

разрешили пройти и взяли за уши и кинули точно также же. Но тут никто не ожидал, что заяц и енот договорились и оторвали мост. И медведь, и лось упали. А енот и заяц пошли и также встретились по середине. Но они смогли договориться, и заяц перепрыгнул через енота. И вот это называется настоящей дружбой! (Испытуемый № 3. Орфография и пунктуация сохранены).

Анализ экспериментальных данных проводился в несколько этапов. На первом этапе сопоставлено количество слов во вторичных текстах. На втором этапе рассмотрено абзацное членение вторичных текстов. На третьем этапе представлена семантическая организация вторичных текстов при помощи онлайн-сервиса автоматизированного анализа семантической структуры текста «Миратекст» [Миратекст]. Такая программа позволяет обработать слова текста с точки зрения частотности употребления. После механического распределения количества повторов словоформ проведена качественная обработка, а именно, формирование семантических полей при учёте реализованных лексических значений слов в текстовом пространстве. Для детального изучения семантической организации тексты рассмотрены отдельно (с абзацным членением и без него).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

На рисунке 1 представлено распределение количества слов в полученных вторичных текстах. Это количество значительно варьирует. Наиболее объёмный текст содержит 243 слова, наименее объёмный – 38 слов. Испытуемые, которым был представлен один и тот же аудиовизуальный текст, передали его с различным количеством слов, что говорит об индивидуальном восприятии качественного состава информации в тексте, а это влияет на формирование семантической организации текста.

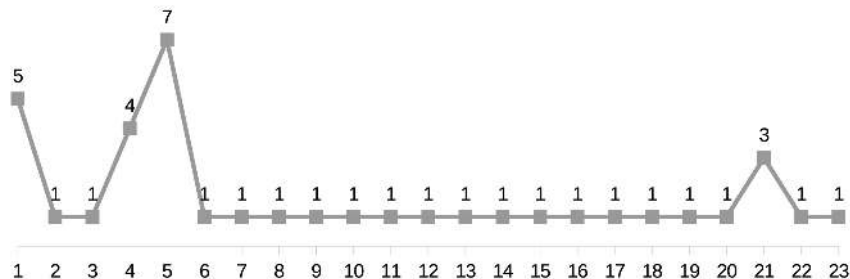

Р и с у н о к 1. **Количество слов во вторичных текстах**
[F i g u r e 1. **Number of words in secondary texts**]

В ходе эксперимента 19 испытуемых из 23 представили вторичные тексты без абзацного членения (количество абзацев – 1), оставшиеся четверо разделили свои тексты на абзацы, количество которых варьировало от 3 до 7 (см. рис. 2). Приведём пример автоматической и качественной семантической обработки одного из текстов:

Олень и медведь пошли по мосту друг на друга и из-за того, что они толстые, не смогли пройти на свою сторону. Медведь начал проходить сбоку, но он не мог пройти, так что медведь сказал: «Иди назад». Но олень не согласен и ответил: «Я никуда не пойду, иди сам назад». Медведь разозлился и начал на него рычать, но тут сзади пришел енот и сказал: «Пропустите меня пожалуйста на ту сторону». Но медведь

взял его за шею, два раза стукнул по голове и откинул его на землю. Дальше они начали опять ругаться, но за оленем пришёл заяц, олень взял его за голову и пнул на землю. Дальше они, заяц и енот, обгрызли верёвку, а олень и медведь упали в пропасть. Заяц и енот начали идти по мосту друг против друга, но енот уступил зайцу, лег и пропустил зайца. И потом они все разошлись. (Испытуемый № 16. Орфография и пунктуация сохранены).

Р и с у н о к 2. **Количество абзацев**
[F i g u r e 2. **Number of paragraphs**]

В текстах выделены макрополя, которые совпадают в равном количестве во всех вторичных текстах. Макрополе «Действующие лица» распадается на семантические поля «лось и медведь», «заяц и енот». Макрополе «Место действия» раскрывается в семантическом поле «Мост», которое встречается в 4 вторичных текстах. Макрополе «Действие» распадается на семантические поля, содержащие разные степени совершения одного действия – ходить (процессуальность, завершённое, неоконченное действие).

Во вторичных текстах семантическое пространство чаще состоит из двух макрополей, реже – из трёх. Каждое макрополе содержит разное количество семантических полей. Испытуемые передали сюжет аудиовизуального текста в полной мере: сохранены персонажи, их взаимодействие, а также порядок событий. Отсутствие абзацного членения указывает на континуальность вторичных текстов, поскольку семантическая организация характеризуется взаимодействием нескольких макрополей.

Рассмотрим пример вторичного текста с абзацным членением:

Через глубокое ущелье был мостик. По нему пошел лось ему надо было на другую сторону, а медведю на противоположенную сторону. Встретились они на середине и пройти не могли, потому что были они толстенькие.

Медведь начал проходить, но не смог и сказал лосю, чтобы он шел обратно. Лось посмотрел скользко, он прошел и наотрез отказался. И сказал, что медведь шел обратно, но и медведь сказал, что не пойдёт.

Начали они спор, медведь начал кричать и рычать на лося, но тут подошел енот, поприветствовал их и сказал, что ему нужно на ту сторону. Медведь взял его за шею побил лапой по голове и кинул на сторону откуда он и пришел, енот рассердился.

И медведь стал рычать на лося. Лось начал пятаться назад и чуть не задавил зайчика. Заяц начал ругаться, а потом сказал, что ему надо на ту сторону. Лось быстро охватил его за уши и кинул на сторону откуда и пришел, заяц рассердился.

Лось и медведь начали рычать друг на друга и столкнулись лбами. Но они что-то услышали и мост пошатнулся, они испугались и посмотрели по сторонам. Оказывается, что это заяц начал грызть нитку, на которой держался мост, а енот развязывать её.

И мост развернулся. Лось и медведь вцепились друг в друга, закричали и упали вниз.

Заяц и енот подошли по мосту, но на середине они встретились. Они посмотрели друг на друга, подумали как им перейти. И енот придумал. Он нагнулся, и зайка через него перепрыгнул. Они попрощались и пошли по своим делам. (Испытуемый № 5. Орфография и пунктуация сохранены).

При абзацном членении сохраняются макрополя «Действующие лица», «Место действия», «Действие». С целью подробного изучения соотношения абзацного членения и семантической организации текста рассмотрим каждую структурную единицу детально (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Семантическая организация вторичных текстов с абзацным членением
[T a b l e 1. Semantic organization of secondary texts with paragraph division]

№	1 абзац	2 абзац	3 абзац	4 абзац	5 абзац	6 абзац	7 абзац
1	Лось и медведь	Ссора	Ссора	Енот	Вежливость	-	-
2	Лось / мост	Медведь	-	-	-	-	-
3	Сторона	Медведь	Енот / Медведь	Заяц / Лось	Мост	-	Енот
4	Лось / Перейти	Медведь / Перейти	Енот / Заяц	-	-	-	-

В таблице 1 знак «-» используется для обозначения отсутствия семантических полей. Незаполненная ячейка означает отсутствие соответствующего абзаца (например, в тексте № 1, 6 и 7 абзацев нет). В данном случае наглядно представлено распределение семантических полей по абзацам в каждом вторичном тексте. Отмечены случаи частного выделения, например, семантическое поле «мост» встречается во втором и третьем текстах, случаи повтора в рамках одного текста, например, в первом тексте повторяет семантическое поле «ссора» во втором и третьем абзацах.

При сравнении вторичных текстов с абзацным членением и текстов без абзацного членения обнаруживается определённая общность. Выделенные ранее макрополя также реализуются в членимых вторичных текстах, однако отмечается другое распределение семантических полей, для которых характерна вариативность, переходность, исчезновение. Такая динамика показывает, что соотношение дискретности и континуальности семантического пространства текста относительно абзаца подчиняется закону золотого сечения, согласно которому соотношение частей текста между собой и каждой части к целому равны с точки зрения содержания.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование на материале 23 вторичных текстов, полученных в качестве реакций на аудиовизуальный невербальный стимул полисемиотической природы – немой мультфильм – позволило, во-первых, подтвердить ключевую роль абзаца в семантической организации текста, на что указывают количественные данные абзацного членения и реализация макрополей. Во-вторых, удалось показать, что абзацное членение представляется оптимальным для семантической организации вторичного текста, поскольку при делении такого текста на абзацы соотношение дискретности и континуальности семантического пространства реализуется согласно универсальному закону формообразования. В-третьих, результаты демонстрируют, что абзац позволяет отследить восприятие аудиовизуального текста, для которого характерна линейная передача информации. Дискретность и континуальность каждого вторичного текста индивидуальна, что обусловлено возрастными и психологическими особенностями экспериментальной группы. В силу жизненного опыта и знаниевого уровня реципиенты стремились с помощью абзаца передать важное событие, отражённое в аудиовизуальном тексте.

Полученные данные вносят вклад в изучении отдельных вопросов теории текста: абзац как структурная единица, соотношение абзацного членения и семантической организации текста. Перспектива исследования заключается в анализе полученных вторичных

текстов в лингвосинергетическом аспекте, что позволит выявить законы построения текста, отражающие мыслительные процессы реципиентов.

Библиографический список

- Бартенева, 2018 – Бартенева И. И. Структурно-семантическая организация художественного текста // Вестник Минского государственного лингвистического университета. 2018. № 4 (95). С. 7–12.
- Бондарко, 2005 – Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. Москва : Яз. славян. культур, 2005. 620 с.
- Гальперин, 2004 – Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Эдиториал УРСС, 2004. 137 с.
- Дымарский, 2001 – Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст : на материале русской прозы XIX–XX вв. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
- Дьякова, 2020 – Дьякова А. А. Средства реализации категории суггестивности при вторичной репрезентации содержания текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 7 (150). С. 125–131.
- Ионова, 2006 – Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.19 ; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2006. 37 с.
- Ковалева, 2018 – Ковалева К. А. Языковая структура русскоязычного рекламного видеOVERBально-го текста // Вестник современных исследований. 2018. № 6.1 (21). С. 592–595.
- Козлов, 2017 – Козлов А. Е. «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Двойник» Н. Д. Ахшарумова: к вопросу о лингвостилевой организации вторичного текста // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 36–45.
- Короткометражный фильм «Bridge», 2010. – Мульти мультсериалы. Короткометражный фильм «Bridge». URL: <https://youtu.be/J5tMo-HswJk> (дата обращения 29.11.2021).
- Лосева, 1980 – Лосева Л. М. Как строится текст. Москва : Просвещение, 1980. 96 с.
- Лунькова, 2019 – Лунькова Л. Н. Интертекстуальные свойства вторичного текста // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 2 (49). С. 20–34.
- Маленова, 2018 – Маленова Е. Д. О методике анализа аудиовизуального текста (на материале аудиовизуальных поликодовых текстов социальной рекламы) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. : Филология. 2018. 4. С. 166–175.
- Максименко, Подлегаева 2020 – Максименко О. И., Подлегаева Е. П. Интерпретация интертекста в мультисемиотичном анимационном дискурсе (переводческая проблема) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. : Лингвистика. 2020. № 1. С. 104–110.
- Матвеева, 2020 – Матвеева Н. В. Порождение вторичного текста подростками как когнитивный процесс: психолингвистический аспект // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 951–954.
- Матехина, 2016 – Матехина О. Г. Текст-конструктор как разновидность первично-вторичных текстов // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 5. С. 82–85.
- Миратекст, 2022 – Миратекст. Биржа копирайтеров. Полный семантический анализ текста. URL : https://miratext.ru/seo_analiz_text (дата обращения : 27.04.2022).
- Моисеева, 2007 – Моисеева И. Ю. Позиционный аспект дискретности и континуальность на уровне синтаксической организации текста // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13. С. 159–164.
- Моисеева, Ноздрин, 2017 – Моисеева И. Ю., Ноздрин Т. Г. Сравнительный анализ позиционного распределения ключевых слов в первичных и вторичных текстах: гендерный аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1. С. 34–40.
- Моисеева, Аргунеев, 2018 – Моисеева И. Ю., Аргунеев Э. П. Экспериментальное исследование сильной позиции креолизованного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7–1 (85). С. 146–150.
- Москальчук, 2011 – Москальчук Г. Г. Размер абзаца как единица графической репрезентации текста // Актуальные проблемы современного словообразования. Кемерово, 2011. С. 340–346.

- Сенкевич, 1984 – Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – Москва : Высшая школа, 1984. – 319 с.
- Серль, 1992 – Серль Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (Проблемы референции). 1992. № 13. С. 212–216.

References

- Barteneva, I. I. (2018). Strukturno-semanticheskaya organizatsiya khudozhestvennogo teksta [Semantic and structural organization of the literary text]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Minsk State Linguistic University Bulletin], 4 (95), 7–12. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (2005). *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya* [Theory of morphological categories and aspectological research]. Moskva : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Galperin, I. R. (2004). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moskva : URSS Press. (In Russ.).
- Dymarskiy, M. Ya. (2001). *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst : na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.* [Problems of text formation and artistic text : based on the material of Russian prose of the XIX–XX centuries]. Moskva : URSS Press. (In Russ.).
- D'yakova, A. A. (2020). Sredstva realizatsii kategorii suggestivnosti pri vtorichnoy reprezentatsii sodержaniya teksta [Means of implementation of suggestiveness category in the process of the secondary representation of text content]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 7 (150), 125–131. (In Russ.).
- Ionova, S. V. (2007). *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of secondary texts content]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd State Pedagogical University. Volgograd. (In Russ.).
- Kovaleva, K. A. (2018). Yazykovaya struktura russkoyazychnogo reklamnogo videoverbal'nogo teksta [The linguistic structure of the Russian-language advertising video verbal text]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Bulletin of Modern Research], 6.1(21), 592–595. (In Russ.).
- Kozlov, A. E. (2017). «Dvoynik» F. M. Dostoevskogo i «Dvoynik» N. D. Akhsharumova: k voprosu o lingvisticheskoy organizatsii vtorichnogo teksta [The "Double" of F. M. Dostoevsky and the "Double" of N. D. Akhsharumov: on the question of the linguistic and stylistic organization of the secondary text]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 36–45. (In Russ.).
- Korotkometrazhnyy fil'm «Bridge». (2010). Mul'ti mul'tserialy. Korotkometrazhnyy fil'm «Bridge» [Short film "Bridge". Retrieved November 29, 2021 from <youtu.be/J5tMo-HswJk>. (In Russ.).
- Loseva, L. M. (1980). *Kak stroitsya tekst* [How the text is constructed]. Moskva : Prosveshhenie Press. (In Russ.).
- Lunkova, L. N. (2019). Intertekstual'nye svoystva vtorichnogo teksta [Secondary text intertextuality]. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2 (49), 20–34. (In Russ.).
- Malenova, E. D. (2018). O metodike analiza audiovizual'nogo teksta (na materiale audiovizual'nykh polikodovykh tekstov sotsial'noy reklamy) [Methodology of audiovisual texts' analysis: A case study of polycode audiovisual text of public service announcement]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*. [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 4, 166–175. (In Russ.).
- Maksimenko, O. I., Podlegaeva E. P. (2020). Interpretatsiya interteksta v mul'tisemiotichnom animatsionnom diskurse (perevodcheskaya problema) [Interpretation of intertext in multysemiotic animation discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika*. [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 1, 104–110. (In Russ.).
- Matveeva, N. V. (2020). Porozhdenie vtorichnogo teksta podrostkami kak kognitivnyy protsess: psikholingvisticheskiy aspekt [Secondary text formation by teenagers as a cognitive process:

- psycholinguistic aspect]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2 (41), 951–954. (In Russ.).
- Matekhina, O. G. (2016). Tekst-konstruktor kak raznovidnost' pervichno-vtorichnykh tekstov [The text-constructor as a type of primary-secondary text]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 5, 82–85. (In Russ.).
- Miralex. Retrieved April 27, 2022 from <https://miralex.ru/seo_analiz_text>.
- Moiseeva, I. YU. (2007). Pozitsionnyy aspekt diskretnosti i kontinual'nost' na urovne sintaksicheskoy organizatsii teksta [Positional aspect of discreteness and continuity at the level of syntactic organization of the text]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 13, 159–164. (In Russ.).
- Moiseeva, I. YU., Nozdrina, T. G. (2017). Sravnitel'nyy analiz pozitsionnogo raspredeleniya klyuchevykh slov v pervichnykh i vtorichnykh tekstakh: gendernyy aspekt [The comparative analysis of keywords position distribution in primary and secondary texts: gender aspect]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 1, 34–40. (In Russ.).
- Moiseeva, I. YU., Arguneev, E. P. (2018). Eksperimental'noe issledovanie sil'noy pozitsii kreolizovannogo teksta [Experimental study of the strong position of creolized text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philology. Theory and practice], 7–1 (85), 146–150. (In Russ.).
- Moskalchuk, G. G. (2011). Razmer abzatsa kak edinitsa graficheskoy reprezentatsii teksta [Paragraph size as a unit of graphical representation of the text]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya* [Actual Problems of Modern Word Formation] (pp. 340–346). Kemerovo. (In Russ.).
- Senkevich, M. P. (1984). *Stilistika nauchnoy rechi i literaturnoe redaktirovanie nauchnykh proizvedeniy* [Stylistics of academic discourse and literary editing of scientific works]. Moscow: Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Searle, J. R. (1992) Referentsiya kak rechevoy akt [Reference as a speech act]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Logika i lingvistika (Problemy referentsii)* [New in Foreign Linguistics. Logic and Linguistics (Problems of Reference)], 13, 212–216. (In Russ.).

Мосина Наталия Владимировна, Михайлова Надежда Евгеньевна ✉

Российский государственный социальный университет

г. Москва, Российская Федерация

nadezhda.mikhailova97@yandex.ru

Семантические особенности паремических единиц с компонентом «работа и трудовая деятельность» в английском, немецком и русском языках

Аннотация

В данной статье рассмотрены особенности организации и функционирования паремических единиц с компонентом «работа и трудовая деятельность» в английском, немецком и русском языках. Интерес данного исследования обусловлен активным развитием международной коммуникации и взаимозаимствований, на фоне которых актуальным становится вопрос самоопределения наций и сохранения культурного наследия. В связи с тем, что язык является наиболее надежным способом передачи информации через поколения, но в то же время он является наиболее уязвимым звеном в цепи веков, так как высоко восприимчив к любому роду изменений и искажений, очевидной становится необходимость детального рассмотрения областей быта, в которых используются отдельные фразеологические обороты, содержащие в себе фольклорные отсылки к прошлому этноса. В статье также представлены данные о количестве существующих паремических единиц с компонентом «работа и трудовая деятельность» в различных словарях русского, немецкого и английского языков, что дает примерное представление о ситуации с данной областью языкознания в настоящее время. Благодаря материалам исследования можно в дальнейшем представить вектор развития фразеологии в выбранных языках, основываясь на текущей тенденции. Основу работы составил сравнительный анализ пословиц и поговорок английского, немецкого и русского языков, а также погружение в исторические предпосылки их семантической роли в жизни людей. Помимо этого, сделан акцент как на общечеловеческих качествах, так и на национальных особенностях представителей каждого этноса, что помогает увидеть картину как в общем, так и детально.

Ключевые слова: Концепт труда, паремии, пословица, работа, фразеологизм

© Мосина Н. В., Михайлова Н. Е. 2022

Для цитирования: Мосина Н. В., Михайлова Н. Е. Семантические особенности паремических единиц с компонентом «работа и трудовая деятельность» в английском, немецком и русском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 103–111. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_103

Natalia V. Mosina, Nadezhda E. Mikhailova ✉

Russian State Social University

Moscow, Russian Federation

mikhailova97@yandex.ru

Semantic features of paremic units with the component "work and work activity" in English, German and Russian

Abstract

This article discusses the features of the organization and functioning of paremic units with the component "work and work activity" in English, German and Russian. The interest of this study is due to the active development of international communication and interchanges, against the background of which the issue of self-determination of

nations and the preservation of cultural heritage becomes relevant. Due to the fact that language is the most reliable way of transmitting information through generations, but at the same time it is the most vulnerable link in the chain of centuries, since it is highly susceptible to any kind of changes and distortions, it becomes obvious that there is a need for a detailed consideration of areas of everyday life in which separate phraseological units, containing folklore references to the past of the ethnos, are used. The article also presents data on the number of existing paremic units with the component "work and work activity" in various dictionaries of Russian, German and English, which gives an approximate idea of the situation with this area of linguistics at the present time. Thanks to the research data, it is possible to imagine the vector of phraseology development in the selected languages, based on the current trend. The basis of the work was a comparative analysis of proverbs and sayings of English, German and Russian languages, as well as immersion in the historical background of their semantic role in people's lives. In addition, emphasis is placed on both universal human qualities and national characteristics of representatives of each ethnic group, which helps to see the picture both in general and detailed.

Keywords: Work concept, paremics, proverb, work, phraseologism

© Mosina N. V., Mikhaylova N. E. 2022

For citation: Mosina, N. V., Mikhaylova, N. E. (2022). Semanticheskie osobennosti paremicheskikh edinit s komponentom «rabota i trudovaya deyatel'nost'» v angliyskom, nemetskom i russkom yazykakh [Semantic features of paremic units with the component "work and work activity" in English, German and Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 103–111. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_103

1. Введение [Introduction]

Взаимодействие человека с языком и разными его аспектами происходит каждый день на протяжении всей жизни. От элементарных бытовых просьб до сложноорганизованных публичных высказываний и научных трактатов. Это взаимодействие есть у всех, даже у тех, кто не считает знание языка своей сильной стороной. Невозможно быть вне социума, вне культуры и вне коммуникации. Эти три столпа составляют основу человеческой жизни.

Причиной многочисленных философских споров является вопрос взаимоотношений языка и культуры. По сию пору крайне трудно точно и однозначно определить, что оказывает большее влияние друг на друга. Одно лишь известно наверняка – разорвать эти два понятия невозможно. О бесполезности языка без культуры говорят многочисленные попытки внедрения искусственно созданных языков, таких как эсперанто или универсаль, для утопического упрощения международной коммуникации.

Отражение культуры в языке наиболее ярко прослеживается в паремических и фразеологических единицах. Их использование характеризуется единством исторического наследия и преемственностью поколений. Они помогают ярче и выразительнее донести мысль до людей, объединённых общностью территории, языка и образа мышления.

Ц е л ь ю данной статьи является рассмотрение и сравнение особенностей формирования и функционирования паремических единиц с компонентом «трудовая деятельность» в английском, немецком и русском языках.

Паремии понимаются большинством современных исследователей как афоризмы народного происхождения, в первую очередь пословицы и поговорки. В филологии паремия определяется как устойчивое высказывание, представляющее собой целостное предложение дидактического или поучительного содержания. В лингвистике паремии – это особые единицы и знаки языка, необходимые элементы человеческого общения. Эти знаки передают конкретную информацию, обозначают типичные жизненные и психические ситуации или отношения между определёнными объектами.

Паремииология прошла долгий путь активного развития (уже в 15 веке существовали немалые коллекции паремий разных языков, которые с течением времени постоян-

но пополнялись, включая всё больше единиц и охватывая всё больше языков), а со второй трети 20 века паремии являются центральной точкой заинтересованности отечественных и зарубежных учёных (см. более подробно анализ степени изученности проблемы, напр., [Шустова, Яхьяпур, 2020]). Паремиологические единицы изучаются в разных аспектах: вербализации в русских паремиях ценностных представлений о земле и небе [Шустова, Яхьяпур, 2020], тематического распределения и частотности самых популярных стереотипных черт русского характера [Avagyan et al., 2021]; особенностей манифестации оптата в русских паремиях с точки зрения желательного (без дополнительных оттенков), единственно избранного желательного, желательного с точки зрения жизнеспособности и полезности [Shustova et al., 2021] и т. д.

Самым известным немецким паремиологом считается американский учёный немецкого происхождения Вольфганг Мидер. В списке его научного наследия множество книг, посвящённых изучению пословиц и поговорок [Mieder, Dundes, 1981 ; Mieder, 1977 ; Mieder, 2008]. Помимо этого, он является основателем журнала “Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship”, который ежегодно пополняется новыми паремическими единицами (см., напр., [Mieder, 1984]). Учёный ввёл такое понятие как «антипословицы», описывающее паремические единицы, образованные от общеизвестных пословиц или поговорок путём замены одних составляющих на другие для достижения юмористического эффекта [Mieder, 1982]. Широкое распространение понятие получило после публикации книги “Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs” [Mieder, Litovkina, 1999] – совместной работы Вольфганга Мидера и Анны Т. Литовкиной, венгерского лингвиста русского происхождения, чьи работы также включают изучение паремических единиц (напр., [Litovkina, 2004]. Вопросами немецкой фразеологии занимались такие известные германисты как И. И. Чернышёва, описавшая основные закономерности развития фразеологической системы современного немецкого языка [Чернышёва, 2004] и К. А. Левковская, чья работа была направлена на общую характеристику правил и особенностей образования фразеологизмов в немецком языке [Левковская, 2004]. Также изучены особенности функционирования шести немецких пословиц, их вариантов и трансформеров в немецкой прессе за более чем 20-летний период, начиная с 1996 года [Шитикова, 2018].

В трудах лингвистов анализируются паремии самой разной тематики. Одной из таких тематик является труд и трудовая деятельность. Изучена проблема описания концепта ТРУД в русских пословицах и поговорках путём анализа 29 лексикографических источника (среди которых словари, включая толковые, этимологические и словари синонимов и антонимов), 32 сборников и материалов региональных газет [Басова, 2004]. Представлен подробнейший анализ русских паремий, приведённых в лингвистических и литературных работах В. И. Даля, с помощью которых он виртуозно представил образ мастерового человека [Тамаев, 2020]. Выявлены способы образования антипословиц с компонентом «трудовая деятельность» в русском и английском языках и проведён их сравнительный анализ, показавший схожесть особенностей трансформации пословиц в антипословицы в рамках двух лингвокультур [Тимирашцева, 2021]. Рассмотрен концепт ТРУД в немецких и русских паремиях и выяснено, что в текстах сельской тематики преобладающими пословицами и поговорками являются те, которые связаны с крестьянским трудом, кроме того, в обоих языках отмечено примерно одинаковое присутствие фразеологизмов, не зафиксированных в словарях и являющихся окказионализмами [Серова, 2009]. Проведено сравнительное изучение репрезентации концепта ТРУД в паремиях английского и немецкого языков, результатом которого стало выявления преобладающего сходства над различиями в формировании, реализации и восприятии пословиц и поговорок о работе среди носителей немецкого и английского языков [Кочемасова, 2012]. Из анализа работ становится ясно, что компонент «труд и трудовая деятельность» является одним из преобладающих в

структуре фразеологических оборотов в связи с тем, что работа – это неотъемлемое условие выживания человека и показатель его положения в обществе.

Язык, служащий для коммуникации людей, ежедневно претерпевает трансформации в связи с тем, что сам человек ежедневно меняется, меняются его взгляды и мысли. Такой переход не является резким скачком из одного состояния в другое, а протекает медленно и может быть незаметен. В связи с этим интерес изучения «жизни» паремических единиц в языковых картинах мира представителей разных культур не гаснет, а напротив становится только сильнее. Более того, стирающиеся границы между людьми за счёт мировой открытости в эпоху глобализации диктует необходимость сопоставительного анализа между языками и культурами, а также не только выявление сходств и различий, но и объяснения их существования для выделения культурной самобытности каждого из народов.

Пословицы удовлетворяют человеческую потребность обобщать опыт и наблюдения в крупицы мудрости, которые предоставляют готовые комментарии о личных отношениях и общественных делах.

2. Сравнительно-сопоставительный анализ русских, немецких и английских паремий с компонентом «труд и трудовая деятельность» [Comparative study of Russian, German and English proverbs with the “labor” component]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материалов исследования были взяты пословицы и поговорки английского, немецкого и русского языков с компонентом «труд и трудовая деятельность». С помощью метода абстрагирования, заключающегося в отделении всех паремий, подразумевающих те или иные формы работы и труда, для анализа были отобраны лишь фразеологические единицы, в которых доминантой являются непосредственно слова *труд, трудиться, работа, работать, work, labour, arbeit, arbeiten* и их различные формы, к примеру *working* и т. п. Таким образом, методом направленной выборки были отобраны 184 паремические единицы. Основными источниками пословиц и поговорок были словари и сборники [Акинин, 1957, с. 31–424 ; sprichwoerter.net ; Preston, 2012, с. 58–102].

Главными методами исследования стали обобщение, благодаря которому стало возможным пронаблюдать наиболее характерные взгляды и отношение к трудовой деятельности людей, говорящих на английском, немецком и русском языках, без принципиальной привязки к региону проживания или социальному статусу, и сравнение, результат которого является непосредственной целью данной работы и позволяет выделить лингвокультурные сходства и различия между жителями стран.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Компонент «труд и трудовая деятельность» в русской языковой картине мира [“Labor” component in Russian language picture of the world]

В сборнике русских пословиц и поговорок под редакцией В. П. Аникина было найдено 74 выражения со словом «работа» и его формами и 32 фразеологических оборота с разными вариациями слова «труд». Однако, стоит обратить внимание, что некоторые пословицы, хоть и не содержат непосредственно слов «работа» или «труд» имеют непосредственное отношение к трудовой деятельности. Широко известна, например, пословица: «Авось да небось – хоть брось». Смысл этой пословицы заключается в осуждении плохой работы, беспхозяйственности: плохо, небрежно сработанным не дорожат, такая работа приводит в отчаяние и проч. [Селиванов, 1988, с. 128–303].

Помимо основного значения слов «работа» и «труд», как вида деятельности, встречаются так же пословицы, в которых отражён результат этой деятельности:

Каков мастер, такова и работа.

Какова работа, такова и плата.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что человек бедный, но работающий, больше ценится обществом, чем человек богатый и ленивый.

Без труда чести не получишь.

А также то, что честному человеку очень трудно или даже невозможно заработать больших денег и высоко статуса в обществе. В этом находит отражение классовая борьба людей неравных друг другу.

От трудов праведных не наживёшь палат каменных.

На барском поле хлеба не заработаешь.

В таких народных изречениях трудолюбие ценится и уважается, в них находят утешение те, кто вынужден прислуживать и преклоняться. Такие паремические единицы ясно демонстрируют не только физическую, но и эмоциональную тяжесть крестьянской жизни людей на русской земле.

2.2.2. Компонент «труд и трудовая деятельность» в немецкой языковой картине мира [*“Labor” component in German language picture of the world*]

Немцы видятся иностранцам сухими и расчётливыми. Немецкий язык – отражение строгости и собранности народа, на нём говорящего. Однако субъективное восприятие жёсткости или мягкости отдельно взятого языка не является непременно истинным отражением культурных мотивов появления паремических единиц.

Тема работы занимает не первое место среди любимых у жителей Германии, они охотнее расскажут о проведённом отпуске или выходном, однако это не означает, что немцы пренебрежительны к труду.

Так, можно отметить, что пословицы в русском и немецком языках имеют общую идею о силе работы над бездельем, о том, что простого крестьянина кормит его труд, и ему тяжелее приходится в жизни, чем представителям высших сословий.

Arbeit bringt Brot, Faulenzen – Hungersnot ('Работа приносит хлеб, безделье – голод').

Wenn Arbeiten so leicht wär, dann tät's der Bürgermeister selbst ('Если бы работа была лёгкой, то с этим справился бы и сам мэр').

Es gibt keinen Vorteil ohne Mühe ('Нет никакой пользы без усилий').

Для анализа были взяты поговорки со словами *Arbeit* 'работа' и *Mühe* 'труд'. В электронном источнике [sprichwoerter.net](http://www.sprichwoerter.net)¹ из общего количества контекстов употребления этих слов, найденных через поисковый запрос, было выделено 60 примеров, содержащих слово *Arbeit* и 6 выражений со словом *Mühe*. Их анализ показал, что, как и в русском языке, под словами *Arbeit* и *Mühe* понимается не только процесс, но и результат какой-либо деятельности:

Gebet ohne Innigkeit ist verlorne Arbeit ('Молитва без проникновенности – потерянный труд').

Guter Mut ist halbe Arbeit ('Хорошая смелость – половина работы').

Пословицы и поговорки прошли долгий путь от зарождения до наших дней, однако и по сию пору отражают трудолюбие и смиренность немецкого народа.

2.2.3. Компонент «труд и трудовая деятельность» в английской языковой картине мира [*“Labor” component in English language picture of the world*]

Жители Соединённого королевства по всему миру имеют славу чопорных и сдержанных людей, за улыбкой и внешней доброжелательностью которых может скрываться всё что угодно.

¹ <https://www.sprichwoerter.net> (дата обращения : 24.02.2022).

Менталитетом англичан в основном управляет классовый статус. Больше пространство, очевидно, имеет рабочий класс, соответственно становится заранее очевидным отношение общества к труду. Однако языкового отражения эта «очевидность» не находит. Для исследования брались непосредственно паремические единицы, включающие компонент 'труд' и 'трудова́я деятельность'. В английском языке таковых оказалось немного. В словаре английских пословиц и поговорок Томаса Престона [Preston, 2012, с. 58–102] было найдено 14 пословиц со словом *work*, 3 выражения со словом *labour* и 1 поговорка со словом *job*.

Является ли это показателем того, что жителей Великобритании можно назвать самыми ленивыми из всех? Маловероятно. В английском языке большее распространение имеют идиоматические нежели паремические единицы, вероятно из-за этого и был получен такой результат.

Кроме того, анализ показывает, что англичане представляют в своей языковой картине мира работу как процесс требующий не только усилий и смиренности, но и острого ума:

All work and no play makes Jack a dull boy ('Работа без отдыха сделала Джека дураком')

He works best who knows his trade ('Лучше всех работает тот, кто знает свое дело').

Many hands make light work ('Когда рук много, работать легче').

Так же, как и в примерах с русской и немецкой культурами, в английской культуре прослеживается противопоставление трудолюбия и лени с ярко выраженной моральной оценкой:

Labour warms, sloth harms ('Труд греет, лень вредит').

If a job is worth doing, it's worth doing well ('Если делать работу, то делать её надо хорошо').

They that will not work in heat, must hunger in frost. ('Кто не хочет работать в тепле, пусть голодает в мороз').

Помимо этого, в английском языке, как в русском и немецком, существуют пословицы, в которых отсутствует непосредственно слова *work*, *job*, *labour*, но сохраняется смысл, связанный с трудом:

You reap what you sow ('Ты пожинаешь то, что посеял').

The early bird gets a worm ('Кто рано встаёт, тому Бог даёт', букв. 'Ранняя птичка получает червяка').

И, подобно рассмотренным выше примерам с другими языками, в английских пословицах мы можем найти отражение понятий «труд» и «работа» не только с позиции процесса, но и как результат деятельности:

As is the workman, so is the work ('Каков работник, такова и работа').

3. Заключение [Conclusion]

Анализ представленных пословиц и поговорок, взятых из трёх языков, показал, что несмотря на известные культурные, ценностные и поведенческие отличия, люди разных народов объединены общечеловеческими началами: трудолюбием и желанием лучшей жизни. Человек ленивый, у которого нет определённого рода деятельности во многих культурах является изгоем. Его образ применяется для запугивания детей с целью поучения и подготовке к самостоятельной жизни.

Полученная разница взглядов на рабочий процесс может быть связана с тем, что в Германии и России сельское хозяйство и деревенская жизнь имеют большее распространение чем в Великобритании, так как Соединённое королевство сделало выбор в пользу импорта продуктов в связи с экономической выгодой такого шага. Отсюда выте-

кает и то, что английские пословицы призывают к работе относиться с умом, а русские и немецкие – со смиренностью и усердием, так как сёла предполагают буквально жизнь бок о бок со своей работой, то есть со своим хозяйством.

Паремические единицы выполняют роль отражения народной мудрости в языке. Они содержат в себе более глубокую мысль, выраженную обширнее, нежели фразеологические или идиоматические конструкции. Их можно отнести к более ранним проявлениям народного самовыражения и самоидентификации в языке. Несмотря на долгую историю развития таких единиц, они остаются интересными для изучения лингвистами и филологами. Язык – живая система, которая развивается ежечасно, а это значит, что исследование разных способов культурного проявления народов в речи будет продолжаться ещё долгие годы.

Библиографический список

- Басова, 2004 – Басова Л. В. Концепт труд в русском языке (на материале пословиц и поговорок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Уральский гос. пед. ун-т. Тюмень, 2004. 24 с.
- Кочемасова, 2012 – Кочемасова Д. Р. Языковая репрезентация концепта «труд» в паремиологических единицах английского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Набережночелнинский ин-т соц.-пед. технологий и ресурсов. Набережные Челны, 2012, 24 с.
- Левковская, 2004 – Левковская К. А. Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика. 2-е изд. М. : Академия, 2004. 367 с.
- Михайлова, 2019 – Михайлова Н. Е. Особенности перевода современных английских идиом на русский язык // Молодежь и системная модернизация страны : сб. науч. ст. 4-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Т. 3 / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т., 2019. С. 253–256.
- Ростов, Тамаев, 2020 – Ростов О. Р., Тамаев П. М. Пословица не на ветер молвится: народный рассказ В. И. Даля «Мастеровой человек нигде не пропадёт» в зеркале русских паремий и «Толкового словаря живого великорусского языка» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 3. С. 128–141. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_128_141
- Селиванов и др., 1988 – Селиванов Ф. М., Кирдан Б. П., Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки. М. : Художественная литература, 1988. С. 128–303.
- Серова, 2009 – Серова Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских паремиях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Тамбовский гос. техн. ун-т. Тамбов, 2009, 27 с.
- Тимирашцева, 2021 – Тимирашцева К. Р. Антипословичное представление о трудовой деятельности в английском и русском языках // Исследования молодых ученых: XXIII Международ. науч. конф. / отв. ред. И. Г. Ахметов. Казань : Молодой ученый, 2021. С. 38–39.
- Чернышёва, 1970 – Чернышёва И. И. Фразеология современного немецкого языка. М. : Высшая школа, 1970. 199 с.
- Шитикова. 2018 – Шитикова А. В. Узуальное и модифицированное бытование пословиц (на материале немецкой прессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Московский гос. ин-т международных отношений (ун-т) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2018. 196 с.
- Шустова, Яхьяцур, 2020 – Шустова С. В., Яхьяцур М. Ценностные представления о небе и земле: лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 3. С. 197–204. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_197_204
- Avagyan et al., 2021 – Avagyan A. A., Gazilov M. G., Gozalova M. R. Language as a form of expressing the national identity: A Russian national character in proverbs // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 5–12. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_5_12
- Litovkina, 2004 – Litovkina A. T. A Proverb a day keeps boredom away. Szekszárd–Pécs, 2004. 386 с.
- Mieder, 1977 – Mieder W. International bibliography of explanatory essays on individual proverbs and proverbial expressions. Bern, 1977. 150 p.

- Mieder, 1981 – Mieder W., Dundes A. The wisdom of many: Essays on the proverb. New York, 1981. 326 p.
- Mieder, 1982 – Mieder W. Antisprichwörter. (Anti-Proverbs.) Wiesbaden : Verlag für deutsche Sprache, 1982. 222 S.
- Mieder, 1984 – Mieder W. Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship. Ohio, 1984. 364 p.
- Mieder, 2008 – Mieder W. Proverbs speak louder than words: Folk wisdom in art, culture, folklore, history, literature and mass media. New York, 2008. 357 c.
- Mieder, Litovkina, 1999 – Mieder W., Litovkina A. T. Twisted wisdom: Modern anti-proverbs. Vermont, 1999. 254 p.
- Preston, 2012 – Preston P. Dictionary of English proverbs and proverbial phrases. Scotts Valley, 2012. URL : <https://www.gutenberg.org/ebooks/39281>
- Shustova, S., Pinyagin, Y., Komarova, Y., Abdulina, A., Androsova, S. Actualization of Optative Mood in Russian paroemias // Applied Linguistics Research Journal. 2021. Vol. 5, N 2. P. 200–204. <https://doi.org/https://doi.org/10.14744/alrj.2021.26097>
- sprichwoerter.net. URL : <https://www.sprichwoerter.net> (дата обращения : 24.02.2022).

References

- Basova, L. V. (2004). *Kontsept trud v russkom yazyke (na materiale poslovits i pogovorok)* [The concept of labor in the Russian language (Based on proverbs and sayings)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tyumen : Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
- Kochemasova, D. R. (2012). *Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta «trud» v paremiologicheskikh edinitsakh angliyskogo i nemetskogo yazykov* [Linguistic representation of the concept of “labour” in paremiological units of English and German]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. (In Russ.).
- Levkovskaya, K. A. (2004). *Nemetskiy yazyk. Fonetika, grammatika, leksika* [The German language. Phonetics, grammar, vocabulary]. 2nd edn. Moscow : Academiya Press (In Russ.).
- Mikhaylova, N. E. (2019). Osobennosti perevoda sovremennykh angliyskikh idiom na russkiy yazyk [Features of translation of modern English idioms into Russian]. In A. A. Gorokhov (Ed.), *Molodezh' i sistemnaya modernizatsiya strany* [Youth and systemic modernization of the country]: A collection of scientific papers of the 4th International Scientific Conference of Students and Young Scientists (pp. 253–256). Kursk : The Southwest State University Press. (In Russ.).
- Rostov, O. R., Tamaev, P. M. (2020) Poslovitsa ne na veter molvitsya: narodnyy rasskaz V. I. Dalya «Masterovoy chelovek nigde ne propadet» v zerkale russkikh paremiy i «Tolkovogo slovarya zhivogo velikorusskogo yazyka» [A proverb does not utter to the wind: Folk story by V. I. Dahl “A Skilled craftsman will not get lost anywhere” In the mirror of Russian paremias and the Explanatory dictionary of the living great Russian language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6(3), 128–141. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_128_141
- Selivanov, F. M., Kirdan, B. P., Anikin, V. P. (1988). *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow : Khudozhestvennaya literatura Press (In Russ.).
- Serova, L. A. (2009). *Kontsept "trud" v nemetskikh i russkikh paremiyakh* [The concept of “labor” in German and Russian paroemias]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Tambov : Tambov State Technical University. (In Russ.).
- Timiryashcheva, K. R. (2021). Antiposlovichnoe predstavlenie o trudovoy deyatelnosti v angliyskom i russkom yazykakh [Anti-proverbial view of work in English and Russian]. In I. G. Akhmetov (Ed.) *Issledovaniya molodykh uchenykh* [Research of young scientists]: Proc. XXIII International Scientific Conference] (pp. 38–39). Kazan'. (In Russ.).
- Chernysheva, I. I. (1970). *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Phraseology of the modern German]. Moscow : Vysshaya Shkola Press. (In Russ.).

- Shitikova, A. V. (2018). *Uzual'noe i modifitsirovannoe bytovanie poslovits (na materiale nemetskoy pressy)* [The usual and modified existence of proverbs (Based on the material of the German press)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Institute of International Relations. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Yahyapour, M. (2020). Tsennostnye predstavleniya o nebe i zemle: lingvokul'turologicheskiy analiz frazeologizmov i paremiy russkogo yazyka [Valuable representations about sky and earth: Linguocultural analysis of phraseological units and paremias of the Russian language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (3), 197–204. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_197_204
- Avagyan, A. A., Gazilov M. G., Gozalova M. R. (2021). Language as a form of expressing the national identity: A Russian national character in proverbs. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 5–12. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_5_12
- Litovkina, A. T. (2004). *A Proverb a Day Keeps Boredom Away*. Szekszárd–Pécs.
- Mieder, W. (1977). *International bibliography of explanatory essays on individual proverbs and proverbial expressions*. Bern.
- Mieder, W., Dundes, A. (1981). *The wisdom of many: Essays on the proverb*. New York.
- Mieder, W. (1982). *Antisprichwörter*. Wiesbaden: Verlag für deutsche Sprache.
- Mieder, W. (1984). *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*. Ohio.
- Mieder, W. (2008). *Proverbs Speak louder than words: Folk wisdom in art, culture, folklore, history, literature and mass media*. New York.
- Mieder, W., Litovkina, A. T. (2002). *Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs*. Vermont.
- Preston, P. (2012). *Dictionary of English Proverbs and Proverbial Phrases*. Scotts Valley. <https://www.gutenberg.org/ebooks/39281>
- Shustova, S., Pinyagin, Y., Komarova, Y., Abdulina, A., Androsova, S. (2021). Actualization of Optative Mood in Russian paroemias // *Applied Linguistics Research Journal*. 2021. Vol. 5, N 2. P. 200–204. <https://doi.org/https://doi.org/10.14744/alrj.2021.26097>
- 16.000+ deutsche, englische und lateinische Sprichwörter und Redewendungen sowie Bauernregeln, Wetterregeln und Zungenbrecher, 2022. Retrieved February 24, 2022 from <<https://www.sprichwoerter.net>>.

Передриенко Татьяна Юрьевна
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация
peredrienkoti@susu.ru

Семантика перцептивных глаголов

Аннотация

Поворот лингвистических исследований к вопросам восприятия вызван признанием того, что когнитивные процессы находят отражение в языке. Целью статьи является изучение семантики перцептивных глаголов для понимания возможностей концептуализации и языковой вербализации процессов восприятия. Материалом для исследования послужили перцептивные глаголы-гиперонимы и их дериваты, которые называют процесс восприятия без указания органа чувств, через который получена информация. В результате выявлено 5 глаголов-гиперонимов, 9 дериватов этих глаголов и 22 фразеологизма с указанными глаголами в своём составе. Анализ материала показал, что сема 'восприятие' может быть как первичным, так и дополнительным компонентом значения. Другими компонентами могут быть эмотивный, интероцептивный и экстрасенсорный, которые находятся в сложном взаимодействии. В значении перцептивных глаголов может быть выражен диапазон восприятия. Дериваты либо сохраняют перцептивное значение, либо теряют его. Значения глаголов в составе фразеологизмов в большинстве переосмысливается, и связь с перцепцией исчезает.

Ключевые слова: перцептивный глагол, семантика, гипероним, восприятие, русский язык, лексикография

© Передриенко Т. Ю. 2022

Для цитирования: Передриенко Т. Ю. Семантика перцептивных глаголов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 112–119. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_112

Tatiana Yu. Peredrienko
South Ural State University (national research university)
Chelyabinsk, Russian Federation
peredrienkoti@susu.ru

Semantics of perception verbs

Abstract

The turn of linguistics to the issues of perception is caused by the recognition of the fact that cognitive processes are reflected in language. This article aims to examine the semantics of perception verbs to understand the possibilities of conceptualization and linguistic verbalization of perception processes. Perception verb hypernyms and their derivatives were chosen for the study. These verbs name the process without specifying through which sense organs the information was perceived. As a results, 5 verb hypernyms, 9 derivatives of them and 22 phraseological units containing them were identified. The material analysis showed that the seme 'perception' could be either primary or secondary component of the meaning. Other components could be emotive, interoceptive and extracensory, all interacting in a complicated way. In the meaning of the verbs perception ranges might be expressed. The derivatives might either retain or lose the meaning of perception. Being a part of phraseological units, these verbs in most cases change their meaning losing any connection with perception.

Keywords: perception verb, semantics, hypernym, Russian language, lexicography

© Peredrienko T. Yu. 2022

For citation: Peredrienko, T. Yu. (2022). Semantika pertseptivnykh glagolov [Semantics of perception verbs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 112–119. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_112

1. Введение [Introduction]

Ориентация лингвистических исследований на антропоцентрическую парадигму выводит на первый план вопросы изучения восприятия мира человеком и вербализацию этого процесса. Восприятие, или перцепция, является основной когнитивной деятельностью, поскольку позволяет получать и обрабатывать информацию об окружающей среде. Восприятие – это «фундамент, на котором строятся все существующие системы знаний» [Кравченко, 1996, с. 27]. Человек не только получает при помощи органов чувств информацию о предметах и событиях, но и фиксирует её в языке при помощи перцептивной лексики.

Критериями выделения группы такой лексики, по мнению Е. В. Падучевой, является обязательность семы 'восприятие', которая должна не только присутствовать, но и быть основной в значении соответствующих лексических единиц [Падучева, 2004, с. 199]. Перцептивная лексика, таким образом, несёт в себе информацию о взаимодействии субъекта восприятия с миром и в силу своей значимости для вербализации познания действительности составляет значительный пласт словарного состава языка.

Целью статьи является изучение семантики перцептивных глаголов русского языка для глубокого понимания возможностей языковой вербализации процессов восприятия. С. А. Моисеева считает, что перцептивные глаголы являются «номинантами первой сигнальной системы человека», поскольку в их функции входит обозначение первого – произвольного и непроизвольного – контакта человека с окружающей действительностью [Моисеева, 2003, с. 106]. На основании произвольности или непроизвольности контакта выявляется активность или пассивность субъекта во время процесса восприятия.

А. В. Нагорная считает, что активность обычно показывает «намеренность и направленность», то есть возможность и желание субъекта сосредоточиться на каком-либо объекте восприятия, пассивность же определяется «ненамеренностью и ненаправленностью» процесса восприятия. Она уточняет, что «пассивное восприятие является сопутствующим какой-либо другой деятельности, возможно, случайным процессом, целиком зависимым от колебаний непроизвольного внимания» [Нагорная, 2017, с. 69].

На основании активности или пассивности субъекта восприятия выделяется такая характеристика перцептивных глаголов как целенаправленность / нецеленаправленность. С. А. Моисеева пишет, что способность воспринимать мир определённым органом чувств – это нецеленаправленный процесс, а глаголы с семой 'использовать способность восприятия' выявляют целенаправленный процесс [Моисеева, 2003, с. 70]. Этой же точки зрения придерживается А. В. Нагорная, которая считает, что глаголы нецеленаправленного результирующего восприятия выражают способность воспринимать (*видеть, слышать*), а глаголы целенаправленные, которые она также называет «целеустанавливающими» выражают проявление этой способности (*смотреть, слушать*) [Нагорная, 2017, с. 69]. Е. В. Падучева отмечает, что противопоставление данных характеристик характерно только для перцептивных глаголов, но не для глаголов других тематических групп [Падучева, 2004].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для анализа были выбраны перцептивные глаголы-гиперонимы, которые называют процесс без указания того, через какие именно органы чувств была получена информация. И. Г. Рузин определяет перцептивные гиперонимы как «слова, содержащие в

своей семантике указание на сферу чувственного восприятия в целом, без спецификации сенсорного канала» [Рузин, 1995, с. 138]. В эту группу глаголов входят *воспринимать, ощущать, чувствовать* и другие.

Лексикографический анализ позволил выделить 5 перцептивных глаголов-гиперонимов, в значении которых присутствует сема 'восприятие', но нет конкретизации органа чувств, через который информация была получена. Помимо этих глаголов для анализа было взято 9 их дериватов, а также 22 фразеологизма, содержащие указанные глаголы. Всего было отобрано 36 уникальных единиц. Для анализа были использованы толковые словари русского языка [Ефремова, 2000 ; Кузнецов, 2008 ; Ожегов, Шведова 2008 ; Ушаков, n. d.].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Данные по пяти глаголам-гиперонимам представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Перцептивные глаголы-гиперонимы
[Table 1. Perception verb hypernyms]

Глагол	Ушаков Д.Н.	Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.	Кузнецов С.А.	Ефремова Т.Ф.
воспринимать / воспринять	-	ощутить, распознать органами чувств	распознать, ощутить органами чувств	распознавать, ощущать органами чувств
ощущать / ощутить	распознать путем ощущения, вследствие раздражения внешних органов чувств	распознать путем ощущения	воспринять органами чувств	воспринимать органами чувств; чувствовать
различать / различить	распознать зрением или другими чувствами	распознать зрением	распознать, обнаружить зрением или с помощью других органов чувств.	воспринимать, распознавать органами чувств
чувствовать	воспринимать, замечать органами чувств, ощущать что-либо внешнее	уметь воспринимать	-	воспринимать что-либо органами чувств; ощущать
ловить	-	стараться воспринять	стараться воспринимать, различать (об органах зрения, слуха, обоняния)	-

В определениях представленных глаголов есть указания на процесс восприятия и на органы чувств, хотя в словарных статьях выбранных глаголов перцептивное значение не всегда является первым. Например, в глаголах *воспринимать / воспринять, ощущать / ощутить* это значение первично. Глагол *различать / различить* интересен тем, что в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в определении значения слова упоминается лишь одно из пяти внешних чувств – зрение, тогда как в других словарях, в определения добавлены и другие чувства. В словарных статьях глагола *чувствовать* перцептивное значение является вторым, следуя за значением 'испытывать какое-нибудь чувство', что позволяет сделать вывод о несколько отдалённом расположении глагола относительно ядра лексико-семантического поля «восприятие». В определениях глагола *ловить* компонент восприятия указан лишь в двух словарях из четырёх, что также свидетельствует о периферийном положении глагола в лексико-семантическом поле «восприятие».

Значения первых четырёх глаголов схожи, они даются через синонимичные лексические единицы, и в них вербализуется способность к восприятию, то есть глаголы являются нецеленаправленными. В определениях перцептивного глагола *ловить* через лексическую единицу *стараться* выражается активность субъекта восприятия, то есть глагол обладает характеристикой целенаправленности.

А. В. Нагорная отмечает, что во время процесса восприятия происходит не просто «регистрация впечатлений», а идёт извлечение информации, которое сопровождается

ся познавательным процессом. По её мнению, «перцептивный образ появляется на основе чувственных впечатлений, но окончательно формируется в комплексе с ментальной обработкой полученной информации» [Нагорная, 2017, с. 61]. Таким образом, можно говорить о том, что изучаемые глаголы являются полисемичными и содержат перцептивную и ментальную семы.

О. В. Барабаш определяет полисемию как наличие у лексической единицы двух и более значений, связанных друг с другом генетически и семантически [Барабаш, 2015, с. 89]. В нашем случае ключевой характеристикой изучаемых глаголов является перцептивный компонент, который актуализируется в значении глаголов через лексические единицы *ощущать*, *воспринимать*, *органы чувств*, а связанным с ним является ментальный компонент, который вербализуется через лексические единицы *понять*, *осмыслить*, *воспринять сознанием*, *отличить*.

Примерами глаголов-гиперонимов, содержащих перцептивную и ментальную семы являются *воспринимать/воспринять*, *ощущать/ощутить*, *различать/различить*. У этих глаголов в словарях фиксируется два значения, первое из которых указывает на получение информации с помощью органов чувств, а второе, связанное с ним, актуализирует ментальную деятельность по обработке полученной информации: [Кузнецов, 2008].

(1) Воспринимать –	1. Распознать, ощутить органами чувств. 2. Понять; оценить каким-л. образом.
(2) Ощущать –	1. Воспринять органами чувств. 2. Воспринять сознанием, понять.
(3) Различать –	1. Распознать, обнаружить зрением или с помощью других органов чувств. 2. Отличить от чего-л. по каким-л. признакам.

Глаголы *чувствовать* и *ловить* обладают более широкой семантикой и перцептивный компонент их значения не является первым: [Кузнецов, 2008].

(4) Чувствовать –	1. Испытывать какое-л. чувство. 2. Находиться в каком-л. состоянии здоровья. 3. Воспринимать интуицией, предчувствовать. 4. Уметь воспринимать. 5. Понимать, осознавать.
(5) Ловить –	1. Стараться схватить, подхватить то, что летит, падает. 2. Захватывать живьем каких-л. животных посредством особых приспособлений. 3. Искать, выслеживать кого-л., чтобы задержать (разг.). 4. Стараться застать, повидать кого-л. где-л. (разг.). 5. Прибегать к разным уловкам, ухищрениям, стараясь женить кого-л. на себе или на ком-л. (разг.). 6. Воспринимать, различать (об органах зрения, слуха). 7. Уличать, изобличать кого-л. в чём-л. (разг.). 8. Настраивая радиоприёмник (разг.).

В семантике глагола *чувствовать* также выделяются перцептивный и ментальный компоненты (5 и 6 значения), но на первый план выходят эмотивный (1 значение), выражающий эмоциональное состояние, интероцептивный (2 значение) и экстрасенсорный (3 значение). Как отмечает С. Э. Поляков, в гуманитарных науках под интероцептивными ощущениями понимают знаки и сигналы, поступающие из внутренней среды организма, которые характеризуют состояние тела, его здоровье. К таким сигналам, например, относятся колебания сердечного ритма, спазмы, ощущения усталости или бодрости и другое [Поляков, 2007]. Экстрасенсорный компонент выражает необъяснимые явления интуиции, предчувствия, которые пока не имеют валидных научных объяснений.

В семантике глагола *ловить* все значения развились метафорически из первого этимологического значения. Слово происходит от старославянского *ловъ*, означающего 'охота, добыча' [Этимологический онлайн-словарь]. Если первоначально ловить означало конкретный предмет, объект, как это происходит на охоте, то в последствии появились значения ловить жениха, провинившегося человека, радиосигнал и многое другое. Перцептивное значение (ловить звук, запах) также является метафорически развившимся, поскольку объект восприятия из вещественного становится невещественным и абстрактным.

Изучаемые глаголы способны образовывать дериваты, имеющие перцептивные и неперцептивные значения. Лексикографический анализ позволяет выделить девять таких лексических единиц. Данные представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Дериваты перцептивных глаголов-гиперонимов
[Table 2. Derivatives of perception verb hypernyms]

Глагол	Ушаков Д.Н.	Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.	Кузнецов С.А.	Ефремова Т.Ф.
почувствовать	воспринимать, замечать органами чувств, ощущать что-либо внешнее	начать испытывать какое-нибудь чувство	1 испытать какое-л. физическое или душевное состояние, чувство; 2 воспринять органами чувств, чутьём; 3 понять, осознать	1 воспринять органами чувств, ощутить что-либо внешнее; 2 испытать какое-либо чувство; 3 понять, осознать что-либо
предчувствовать	заранее, наперед чувствовать, ощущать	иметь предчувствие чего-нибудь	иметь предчувствие чего-либо	заранее чувствовать, ощущать то, что наступит
прочувствовать	1 понять чувством, проникнуть чувством в смысл; 2 испытать, пережить ряд чувств	глубоко понять, проникнуть чувством в смысл	проникнуть чувством в смысл чего-л	1 постигать что-либо чувством; 2 испытывать какое-либо чувство
расчувствоваться	растрогаться	прийти в умиление	растрогаться, прийти в сострадательное настроение	прийти в состояние умиления; растрогаться
сочувствовать	1 относиться к переживаниям с сочувствием; 2 быть идейно близким, поддерживать ч.-нибудь деятельность и идеологию	относиться сочувственно	1 относиться с участием, состраданием; 2 относиться благожелательно	1 сострадать чьему-либо горю; 2 одинаково с кем-либо чувствовать, мыслить
предошущать / предощутить	испытать предчувствие чего-нибудь	-	заранее ощутить, заранее почувствовать	предчувствовать
наловить	поймать в каком-н. количестве	поймать в каком-н. количестве	добыть, поймать в каком-л. количестве	-
переловить	поймать всех или многих	поймать много, многих	выловить всех, многих или всё	1 ловить на лету всё или многое, всех или многих; 2 схватывать всех или многих убегающих; 3 захватывать добычу
улавливать/уловить	1 поймать; 2 воспринять, постигнуть (слухом, зрением, рассудком); 3 воспользоваться чем-н. быстро проходящим	1 поймать на слух, принять; 2 воспринять мало-заметное, заметить, понять; 3 улучшить	1 воспринять органами чувств слабо проявляющееся; 2 понять, постичь что-л. в чьих-л. словах; 3 выждав, воспользоваться удобным моментом; 4 уличить, изобличить кого-л	1 схватывать; 2 воспринимать, замечать, постигать (слухом, зрением, рассудком); 3 пользоваться чем-либо, быстро проходящим

Перцептивный глагол, который образует больше всего дериватов, это глагол *чувствовать*. Но только один из пяти дериватов (*почувствовать*) имеет перцептивное значение,

остальные употребляются вне рассматриваемого семантического поля. *Почувствовать* имеет также эмотивный и ментальный компоненты значения. Глаголы *почувствовать*, *расчувствоваться*, *сочувствовать* выражают эмотивные значения с различными оттенками. В значении глагола *почувствовать* выражается глубина чувств, в словарных статьях она актуализируется лексическими единицами: *глубоко*, *проникнуть чувством в смысл*. Глаголы *расчувствоваться* и *сочувствовать* выражают разные виды чувств: одобрение (*сочувствовать*), умиление (*расчувствоваться*), сострадание (*расчувствоваться*, *сочувствовать*).

Глаголы *предчувствовать* и *предошущать / предошутить* имеют очень узкую область употребления и выражают только экстрасенсорное значение, которое вербализуется в определениях лексическими единицами *заранее*, *наперёд*, *предчувствие*.

Дериваты *наловить* и *переловить* сохраняют первоначальное этимологическое значение 'охота, получение добычи', однако у глаголов *уловить / улавливать* на первый план выходит перцептивное значение. Оно реализуется в определениях лексическими единицами *органы чувств*, *слух*, *зрение*, *воспринимать*. По мнению А. В. Петровой, во время процесса перцепции происходит активная деятельность сознания, определяющая диапазон восприятия, который может характеризоваться от «мгновенного схватывания» до глубокого «вчувствования» в признаки объекта [Петрова, 2018]. В глаголах *уловить / улавливать* выражается слабая, еле заметная степень восприятия через лексические единицы *малозаметное*, *быстро проходящее*, *слабо проявляющееся*.

На следующем этапе рассмотрим фразеологические единицы, в структуру которых входят изучаемые перцептивные глаголы. Фразеологические единицы, выявленные по лексикографическим источникам представлены в таблице 3. Всего было выявлено 22 фразеологизма с изучаемыми глаголами. Перцептивное значение выражается только в трех из них (нюхом чувствовать, кожей чувствовать и ловить каждое слово). Эти устойчивые выражения актуализируют обонятельное, тактильное и слуховое восприятие, то есть являются модусными перцептивными фразеологизмами, а не перцептивными гиперонимами.

Т а б л и ц а 3. **Фразеологизмы с перцептивными глаголами-гиперонимами**
[T a b l e 3. **Phraseological units with perception verb hypernyms**]

Глагол	Фразеологизм	Значение
чувствовать	не чувствовать (под собой) ног	быстро идти, бежать
	нюхом чувствовать	воспринимать что-либо чутьём, интуицией
	чувствовать локоть	иметь помощь, моральную поддержку друга
	чувствовать печенькой	внутренне ощущать что-либо
	чувствовать себя не в своей тарелке	быть в плохом расположении духа, не в настроении
	чувствовать кожей	испытывать сильные ощущения чего-либо
	чувствовать себя как дома	быть в привычной обстановке
почувствовать	дать почувствовать	намекать, наводить на мысль, обращая внимание на что-либо
ловить	ловить в свои сети	завлекать кого-либо, заинтересовывать собой
	ловить за руку	завлекать кого-либо, заинтересовывать собой
	ловить за хвост	стремиться получить, добыть что-либо трудно дающееся
	ловить каждое слово	жадно слушать, внимать, не упуская ничего
	ловить момент	не упускать возможности, пользоваться подходящим случаем

Глагол	Фразеологизм	Значение
ловить	ловить мух (ртом)	быть крайне рассеянным, невнимательным
	ловить на крючок	стараться женить кого-либо на себе
	ловить на лету (ходу)	быстро, легко понимать, усваивать что-либо
	ловить на слове	пытаться заставить кого-либо сделать обещанное или подтвердить сказанное
	ловить рыбу в мутной воде	извлекать для себя пользу из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться какими-либо неурядицами
	ловить рыбу на сухом берегу	воровать, красть
	ловить себя на мысли	неожиданно, внезапно убеждаться в чём-либо
	ворон ртом ловить	упускать благоприятный случай, момент.
уловить	уловить момент (случай)	воспользоваться благоприятными обстоятельствами для достижения какой-либо цели

3. Заключение [Conclusion]

Описание семантики перцептивных глаголов является актуальным вопросом современной лингвистики. Исследование показало, что сема 'восприятие' может быть как первичным, так и дополнительным компонентом значения. Глаголы могут развивать перцептивные значения на основе метафорических переносов (ловить). Процессы восприятия тесно связаны с ментальной обработкой, поэтому полисемичные перцептивные глаголы часто имеют наряду с перцептивным и ментальное значение. В семантике глаголов могут быть выделены и другие компоненты: эмотивный, интероцептивный, и экстра-сенсорный, которые находятся в сложном взаимодействии. В значении перцептивных глаголов может быть выражен диапазон восприятия от слабого, едва заметного (уловить) до глубокого и полного (прочувствовать). Перцептивные глаголы могут образовывать дериваты, которые сохраняют перцептивное значение или теряют его. Изучаемые лексические единицы активно участвуют в образовании фразеологических единиц, но их значения в большинстве своём переосмысливаются и связь с перцепцией исчезает.

Библиографический список

- Барабаш, 2015 – Барабаш О. В. Подходы к пониманию феномена полисемии // Вестник Пензенского гос. ун-та. 2015. № 1 (9). С. 88–92.
- Ефремова, 2000 – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL : <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения : 15.07.2022).
- Кравченко, 1996 – Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 160 с.
- Кузнецов, 2008 – Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. М. : Норинт, 2008. 1536 с.
- Моисеева, 2003 – Моисеева С. А. Глаголы восприятия и дейксис // Известия Российского гос. пед. ун-та. 2003. № 5. С. 106–115.
- Нагорная, 2017 – Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналитический обзор. М., 2017. 86 с.
- Ожегов, 2008 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : А ТЕМП, 2008. 944 с.
- Падучева, 2004 – Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

- Петрова, 2018 – Петрова А. В. Семантика и функционирование перцептивных глаголов в лирике Ф. И. Тютчева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Москва, 2018. 180 с.
- Поляков, 2007 – Поляков С. Э. Мифы и реальность современной психологии. М. : Эдиториал УРСС, 2007. 496 с.
- Ружин, 1995 – Ружин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 1995. 199 с.
- Ушаков, n. d. – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL : <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения : 15.07.2022).
- Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL : <https://lexicography.online/etymology> (дата обращения : 14.07.2022)

References

- Barabash, O. V. (2015). Podkhody k ponimaniyu fenomena polisemii [Approaches to understanding the phenomenon of polysemy]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Penza State University], 1 (9), 88–92. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2000). *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of Russian language]. Retrieved July 15, 2022 from <<https://gufo.me/dict/efremova>> (In Russ.).
- Kravchenko, A. V. (1996). *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoy kategorizatsii* [Language and perception: Cognitive aspects of language categorization]. Irkutsk : Irkutsk University Press. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. A. (2008). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Norint Press. (In Russ.).
- Moiseeva, S. A. (2003). Glagoly vospriyatiya i deysis [Verbs of perception and deixis]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 5, 106–115. (In Russ.).
- Nagornaya, A. V. (2017). *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: Analiticheskiy obzor* [Sensory linguistics as a promising area of modern linguistic research: Analytical review]. Moscow. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova N. Yu. (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, A TEMP Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Petrova, A. V. (2008). *Semantika i funktsionirovanie pertseptivnykh glagolov v lirike F. I. Tyutcheva* [Semantics and functioning of perception verbs in works of F. I. Tyutchev]. PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Polyakov, S. E. (2007). *Mify i real'nost' sovremennoy psikhologii* [Myths and reality of modern psychology]. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Ruzin, I. G. (1995). *Modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke* [Modes of perception (Sight, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language]. PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Ushakov, D. N. (n. d.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Retrieved July 15, 2022 from <<https://ushakovdictionary.ru>> (In Russ.).
- Etimologicheskii onlayn-slovar' russkogo yazyka [Etymological online dictionary of the Russian language]. Retrieved July 15, 2022 from <<https://lexicography.online/etymology>> (In Russ.).

Путина Ольга Николаевна✉, Сюткина Надежда Павловна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
onputina@mail.ru

Дискурсивные маркеры как интенсификаторы вербальной агрессии

Аннотация

В данной статье авторы обратились к исследованию дискурсивных маркеров и их прагматическому потенциалу в аспекте вербальной агрессии. Под дискурсивными маркерами понимаются единицы, чьё лексическое значение либо утрачено, либо значительно ослаблено, но в ситуациях общения они приобрели прагматическое значение. Подобные единицы отражают эмоциональную интенцию говорящего, обладают большим потенциалом и способны выражать широкий спектр эмоций, как положительных, так и отрицательных. В данной работе мы рассматриваем дискурсивные маркеры русского языка как средство интенсификации вербальной агрессии, анализируя те контексты, в которых эти единицы были связаны с негативными эмоциями. Анализ показал, что дискурсивные маркеры могут отражать разные оттенки отрицательных эмоций, поскольку это связано с размытием их лексического значения и переходу в класс прагматизированных единиц. Следовательно, их прагматический потенциал в качестве средств вербальной агрессии не подлежит сомнению. Из-за вербальной агрессии резко снижается эффективность выполнения коммуникативных задач полноценного обмена информацией, адекватного восприятия и взаимопонимания, выработки общей стратегии взаимодействия. Необходимость изучения вербальной агрессии очевидна для обеспечения коммуникативной безопасности индивидуума и социума. В связи с этим, формирование навыков эффективной речевой коммуникации, разработка стратегии и тактик ухода от речевой агрессии можно назвать важнейшими прикладными задачами современной лингвистики.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, интенсификатор, прагматизация, прагматическое значение, вербальная агрессия, функциональный потенциал, контекстуальный анализ

© Путина О. Н., Сюткина Н. П. 2022

Для цитирования: Путина О. Н., Сюткина Н. П. Дискурсивные маркеры как интенсификаторы вербальной агрессии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 120–129. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_120

Olga N. Putina✉, Nadezhda P. Syutkina
Perm State University,
Perm, Russian Federation
onputina@mail.ru

Discourse markers as intensifiers of verbal aggression

Abstract

The paper studies discourse markers and their pragmatic potential in the aspect of verbal aggression. Discourse markers are understood as units whose lexical meaning is either lost or significantly weakened, but in the situations of communication they have acquired pragmatic meaning. Such units reflect a certain emotional intention of the speaker, have a great potential and are able to express a wide range of emotions, both positive and negative. In this paper, we examine discourse markers in the Russian language as a means of intensifying verbal aggression, analyzing those contexts where these units were associated with negative emotions. The

analysis showed that discourse markers can reflect different shades of negative emotions, as a result of their lexical meaning loss and further transition to the class of pragmaticized units. Consequently, their pragmatic potential as means of verbal aggression is beyond doubt. Verbal aggression prevents performing the major tasks of effective speech communication as it thwarts full information exchange, discourages from adequate perception and mutual understanding and makes it impossible to develop a common interaction strategy. The study of verbal aggression is a necessary condition to ensure communicative security of an individual and society as a whole. Developing effective speech communication skills as well as strategies and tactics to prevent aggression in speech are the primary tasks of modern linguistics.

Keywords: discourse markers, intensifier, pragmaticalization, pragmatic meaning, verbal aggression, functional potential, contextual analysis

© Putina O. N., Syutkina N. P. 2022

For citation: Putina, O. N., Syutkina, N. P. (2022). Diskursivnye markery kak intensifikatory verbal'noy agressii [Discourse markers as intensifiers of verbal aggression]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 120–129. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_120

1. Введение [Introduction]

В фокусе нашего внимания находятся дискурсивные маркеры *ну, вообще, типа, в смысле, как хочешь, значит так* и их функциональный потенциал. Мы относим данные языковые единицы к дискурсивным словам, поскольку они не имеют статуса полноправных единиц. К. Л. Киселева и Д. Пайар указывают на их особую функцию придания дискурсивного статуса определённому речевому сегменту, входящему в область действия дискурсивных слов, отсюда вытекают и семантические особенности таких слов, обозначаемые как «дискурсивная семантика» [Киселева, Пайар, 2003, с. 8–9]. Дискурсивные маркеры объединяет отсутствие номинативной функции и лексическая опустошённость. Но подобные признаки имеют и обратную сторону – при употреблении дискурсивные маркеры обладают широким прагматическим потенциалом. Так, Н. В. Богданова-Бегларян называет дискурсивные единицы, подвергшиеся прагматикализации, то есть ослаблению или утрачиванию ими лексического значения в реальных ситуациях, на смену которому пришло прагматическое значение, или функция в речи, прагматемами [Богданова-Бегларян, 2014, с. 15]. В роли таких прагматем мы рассматриваем 1) модальные слова, 2) модальные частицы, 3) дискурсивные слова/маркеры. Первые представляют собой лексико-грамматический разряд, служащий говорящему для общей оценки собственного высказывания, а также его составляющих на предмет соотношения с объективной действительностью (ср. ранее у В. В. Виноградова: модальность всего высказывания и его компонентов [Виноградов, 2001, с. 594]). Эти единицы не выполняют номинативную функцию, не считаются членами предложения, не проявляют грамматической связи со словами – членами предложения [ССЛТ]. В потоке естественной речи модальные слова могут примыкать к разным словам, при этом не определяя и не расширяя слова, принадлежащие к одному либо нескольким грамматическим классам. Порой они определяют выбор и особенности употребления слов в условиях экспрессии. Вместе с частицами, модальные слова детерминируют точку зрения человека говорящего на отношении речи к действительности, на выбор отдельных выражений в речевом потоке и их функционал (см. об этом [Виноградов, 2001, с. 594]). Следует также отметить чрезвычайную многозначность модальных слов, обусловленную их природой и функцией – выражать субъективную модальную оценку [Калягина, 2014, с. 77].

Перейдём к модальным частицам, которые, как и модальные слова, лишены номинативной функции. Они «передают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношения говорящих и отношение говорящего к той системе «общего фон-

да знаний», которая объединяет адресанта и адресата. Это слова максимально ответственные за удачу общения» [Николаева, 1985, с. 14]. Частицы в высказывании имеют значительную коммуникативную нагрузку и обладают «дейктическими потенциями, то есть могут указывать на пресуппозиции, фокусируя тем самым внимание собеседника на конкретных, релевантных для данной ситуации имплицитных элементах смысла» [Соколова, 2011, с. 85] и, тем самым, служат оптимизации речевой коммуникации.

Дискурсивные маркеры имеют дело с тем, что традиционно называется описанием, диалогом, повествованием, внутренним монологом, косвенной речью. Данные единицы можно охарактеризовать как текстовый поток.

Своеобразие модальных слов, модальных частиц и дискурсивных маркеров состоит в их полисемичности и полифункциональности. В прагматическом аспекте их значение велико, несмотря на их «морфологическую невыразительность, семантическую непрозрачность и синтаксическую неоднородность» [Соколова, 2011, с. 84], они определяют иллюкутивную силу высказывания и, тем самым, успешность коммуникации.

2. Интенсификаторы вербальной агрессии [Intensifiers of verbal aggression]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Мы обратились к анализу дискурсивных маркеров с точки зрения их функционального потенциала. Под функциональным потенциалом мы понимаем комплекс потенций, возможных для той или иной единицы языка, к которым относятся семантические, валентностные, структурные, прагматические, эмоциональные, экспрессивные и стилистические. Владение таким потенциалом входит в языковую компетенцию говорящего и определяет выбор того или иного языкового средства [Бондарко, 2004 ; Шустова, 2013]. Каждая языковая единица наделена определённой функцией, назначением, целью. Функции языковой единицы выступают, с одной стороны, как потенциальные назначения, цели, обуславливающие определённые типы функционирования или способы поведения данной единицы, с другой – как процессы и результаты реализации этих потенций в речи [Бондарко 2004].

В рамках диалога в составе реплик дискурсивные маркеры способны реализовывать различные функции в русском языке. При выделении данных функций были использованы методы контекстуального и корпусного анализа. Функциональный потенциал анализируемых единиц изучался с помощью анализа лексикографических источников – толковых, этимологических словарей, словарей синонимов, служебных слов, эквивалентов слова и т. п., в которых выявляются значения, указанные в словарных статьях. Далее на основании контекстуального анализа примеров, выбранных из корпусов, последовательно методами сплошной и направленной выборки, были выделены прагматические функции дискурсивных маркеров. Затем словарные значения были сопоставлены с прагматическими функциями. Под актуализацией мы понимаем операцию, посредством которой языковая единица реализуется в определённом контексте. В результате возникающая прагматическая функция по-новому характеризует высказывание в целом.

В рамках данной работы мы изучаем дискурсивные маркеры как интенсификаторы вербальной агрессии, а именно те лексические средства, которые служат для усиления высказывания или его части. Термин «вербальная агрессия» не имеет однозначного толкования. Вербальная агрессия трактуется как эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику [Басовская, 2004]. Под вербальной агрессией понимается «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Культура русской речи, 2003, с. 562], либо «речевая грубость по отношению к собеседнику, проявляющаяся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецен-

зурных ругательств, насмешливых интонаций, повышенной громкости голоса, резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намёках, грубой иронии и др.» [Романова, Филиппов, 2009]. В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка под редакцией М. Н. Кожинной вербальная агрессия определяется как «использование языковых средств для выражения неприязненности, враждебности; манера речи, оскорбляющая чьё-либо самолюбие, достоинство» [Стилистический энциклопедический словарь..., 2006, с. 340]. В узком смысле вербальная агрессия представляет собой один из видов речевых актов, замещающих физическую агрессию. Примерами вербальной агрессии могут служить: оскорбление, брань, насмешка, угроза, враждебное замечание, пожелание зла, категоричное требование и подобные вербальные проявления. В широком смысле под вербальной агрессией понимаются все виды наступательного, доминирующего речевого поведения.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Мы проанализировали дискурсивные маркеры *ну*, *вообще*, *типа*, *в смысле*, *как хочешь*, *значит так* с точки зрения их функционального потенциала.

НУ

Проанализированные контексты с маркером *ну* из русскоязычных корпусов, форумов, чатов, мессенджеров позволили выделить прагматические функции дискурсивного маркера *ну*. Было установлено, что данный дискурсивный маркер, употребляясь в диалогической речи, актуализирует следующие функции:

1. **Возмущение, негодование.** Адресант выражает негативную эмоцию, демонстрируя крайнее недовольство, возмущение относительно действий / поступков адресата. Адресант находится с адресатом в иерархически подчинённых / соподчинённых отношениях. Адресат ограничен в своих действиях:

– *Ну и как нам попасть туда? Прыгать?* [RC].

– *Мам, ну зачем ты вызвала такси? Я бы добралась на метро* [RC].

– *Дитяtko стирку затеяло. Ну сколько раз я ей говорила, что белое отдельно, цветное отдельно? – Ага-угу, знаем, плавали. В результате стирки белые трусишки стали цвета хаки. Ну неужели нельзя на слово поверить в такой мелочи?* [НКРЯ].

2. **Возражение, обсуждение.** Адресант актуализирует обоснованные отрицание / отклонение какой-либо мысли, положения дел, утверждения:

– *А виден он становится, только когда эти часы снимаешь с руки и будто бы ненароком кладёшь на стол или прикроватный столик так, чтобы он (она? они?) полюбовались удивительным и завораживающим вращением мириадов шестерёнок. Ну разве не очевидно, что часы перестали быть только средством для ориентации во времени?* [НКРЯ].

Звоню своему психологу:

– *Здравствуйте, можно записаться на самое ближайшее время?*

– *Самое ближайшее — через месяц.*

– *Целый месяц? За месяц ведь и умереть от тоски можно.*

– *Ну тогда не придётся платить за сеанс* [Adme].

3. **Запрет.** Адресант находится с адресатом в иерархически подчинённых отношениях и отдаёт распоряжение, пресекающее или ограничивающее действие адресата. Адресат ограничен в своих действиях:

– *Ну, куда ты едешь? Стой! – вдруг изо всех сил закричала она. Я резко затормозил, но было уже поздно. Машину по инерции протащило вперёд, и мы стукнулись в левый бок бежевой иномарки* [НКРЯ].

– *Ну не читайте вы «советских» газет до обеда, аппетит испортите...* [НКРЯ].

4. **Ирония.** Адресант использует приём «ирония» с целью импликации противоречий, не относящихся к явному смыслу:

- *Мэри, ну ты сегодня просто жжжёшь, причём не оставляя улик [RC].*
- *Хочу ребёнка! – Дорогая, ну я же как раз ребёнок! [Adme].*
- *Привет.*
- *Привет.*
- *Я бы хотел с тобой познакомиться.*
- *Ну познакомься.*
- *Ну вот знакомлюсь.*
- *Ну молодец.*
- *Я знаю [Adme].*

5. **Категоричность.** Адресант находится с адресатом в подчинённых / соподчинённых отношениях и демонстрирует решительность, уверенность в суждениях, формулировках, не позволяя адресату выразить возражения:

- *Знаешь что... ну и пофиг [RC].*
- *И...ну и что, что мы несовместимы в теории? [RC].*

6. **Негатив, неодобрение, недовольство.** Адресант демонстрирует неудовлетворённость действиями, поступками, словами адресата, выражая при этом порицание:

– *Можно отнести деньги в банк, но кто может гарантировать, что он не лопнет? Ну не государство же! Остаётся одно, и самое простое: хранить деньги в доме – в кубышке ли, в трёхлитровой банке, в бачке унитаза, да мало ли потайных местечек можно отыскать даже в самой скромной квартире! [НКРЯ].*

– *Максуд знает, что ты едешь в Москву? – спросила Ирина. – Да ну его... – ответила Снежана. Так. Всё ясно [НКРЯ].*

– *Не особо мне это нравится. – Нравится, не нравится – ну и что? [RC].*

Одногруппники спорят насчёт своего этюда:

– *В данном сюжете отец не нужен.*

– *Нет, батя нужен!*

– *Нет, не нужен!*

– *Нужен.*

– *Я без него 19 лет прожил, ну и зачем он мне сейчас? [Adme].*

7. **Отрицание, отказ, несогласие.** Адресант демонстрирует функционирование механизма психологической защиты, отказываясь признавать существование нежелательного факта или отрицая существование такого факта. Адресант выражает несогласие относительно событий и информации, которые не может или не готов принять:

– *Когда свадьба? – Ну нет, больше я не буду устраивать никаких свадеб [RC].*

– *Так что любое обсуждение дома вновь приводит к стрессовой ситуации. Ну не получается оторваться от реальности и только наслаждаться семейной жизнью. Наверное, в нашем трудном XXI веке так ни у кого и быть не может [НКРЯ].*

– *Да не делал я ничего такого с вашей дочерью, ну? [Adme].*

– *Он ведь именно эмоций добивается, ну так не поможем ему в этом нелёгком деле [LCC].*

8. **Требование.** Адресант демонстрирует действие, выражающееся в настойчивой, категорической просьбе исполнения действия или изменения состояния:

– *Ну всё, уходи, раз ты так упёрся [RC].*

Вчера днём шёл через парк домой. Обгоняю семью из 3 человек: папа, мама, дочь 3–4 лет прогуливаются. Слышу диалог:

– *Папа, понеси меня на шее!*

– *Там занято.*

– *Ну папа! Там нет никого.*

– Там твоя мама уже пятый год сидит.

Мама: даёт смачную затрецину по лысине [Adme].

9. **Угроза, вызов.** Адресант демонстрирует запугивание, обещание причинения вреда адресату; акт угрозы рассматривается как экспликация умысла:

Он говорит: "Слушай, я стираю тебя, Клем" – и пытается не закрывать глаза, а я говорю: "Ну, попробуй!" [НКРЯ].

Ну? И он готов платить нам долларами? [Adme].

ВООБЩЕ

1. **Критика, осуждение.** Адресант реализует значение критики, анализируя, оценивая и осуждая положение дел, событий, явлений; адресант выявляет противоречия, ошибки, ошибочные представления адресата:

– Кто знает, как она **вообще** получила лицензию адвоката? [RC].

– Что это **вообще** за разговоры про любовь в рамках международной торговли? [RC].

2. **Отрицание, отказ, несогласие.** Адресант демонстрирует функционирование механизма психологической защиты, отказываясь признавать существование нежелательного факта или отрицая существование такого факта. Адресант выражает несогласие относительно событий и информации, которые не может или не готов принять:

– Когда я его спросила, зачем ты это сделал!?? Он ответил, что Линукс ему удобнее!! На самом деле же он это специально сделал, чтобы я не смогла **ВООБЩЕ** пользоваться его компьютером! [LCC].

– Михаил Борисович, почему вы галстук не носите, вы же олигарх?!

– Действительно... Да мне он не идёт, шею трёт и **вообще** не нравится [НКРЯ].

3. **Усиление.** Адресант / адресат реализует значение усиления путем выдвигания более ярких, сильных, действенных качественных и количественных признаков, свойств, характеристик объекта; фиксируется степень проявления интенсивности тех или иных признаков:

– Ты? Ты не просто один, ты **ВООБЩЕ** один [LCC].

– Хочешь услышать? Даже меня эти прыжки с высоты в то время продирали до мурашек... а уж про первый виденный мною буллет-тайм в кино – это **вообще** полный ... вынос мозга... [НКРЯ].

– Больше не по теме **вообще** писать не буду [RC].

ТИПА

1. **Ирония.** Адресант использует приём «ирония» с целью импликации противоречий, не относящихся к явному смыслу:

– Ууу, ты **типа** такой взрослый? С каких пор? [RC].

– Представляешь, встретила Ленку и Светку. Сейчас идём в тот грузинский ресторанчик.

– Здорово. А когда я тебе предлагала туда сходить, у тебя **типа** дела были. Понятно, а я думала, мы подружки [Adme].

– Добро, это **типа** хорошо, а зло, это **типа** плохо? [RC].

– Это, **типа**, бизнес, знаешь ли [RC].

В СМЫСЛЕ

1. **Возмущение, негодование.** Адресант выражает негативную эмоцию, демонстрируя крайнее недовольство, возмущение относительно действий или поступков адресата. Адресант находится с адресатом в иерархически подчинённых / соподчинённых отношениях. Адресат ограничен в своих действиях:

– Посмотри на часы: стрелки бегут только вперёд. А знаешь почему? Потому что прошлое уже не имеет значения. – **В смысле** не имеет? Ты мне когда долг вернёшь, дружище?! [AdMe].

– *Это в смысле одна упаковка, на месяц? Ты серьёзно?* [RC].

– *А все удобства, ну в смысле туалет, во дворе? Реально?* [RC].

КАК ХОЧЕШЬ

1. **Безразличие, утрата интереса.** Адресат демонстрирует равнодушие к сложившейся ситуации, обстоятельствам, положению дел, обусловленное запретом, нежеланием адресата поддерживать коммуникацию:

– *Ну, не знаю... Как хочешь... В глубине квартиры затрещал энергичный женский голос. – Кого? Она спит – сказал Феропонт и положил трубку* [НКРЯ].

– *Дух-то зато укрепляется... – с важностью заметил Кудиныч. – Нет, ты посмотри: лужайка-то, травка муравка-то какая, цветок к цветку... Я, как хочешь, прилягу... – вдруг переменял он разговор* [НКРЯ].

Лена пожала плечами. — Да как хочешь [НКРЯ].

2. **Возмущение, негодование.** Адресант выражает негативную эмоцию, демонстрируя крайнее недовольство, возмущение относительно действий или поступков адресата. Адресант находится с адресатом в иерархически подчинённых / соподчинённых отношениях. Адресат ограничен в своих действиях:

– *Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчина, а ты ещё ребёнок: рано тебе ездить верхом... Азамат вспыхнул* [НКРЯ].

– *Как хочешь, а не по-людски это, Аня* [RC].

3. **Возражение, обсуждение.** Адресант выражает обоснованное отрицание или отклонение какой-либо мысли, положения дел, утверждения:

– *Ну, как хочешь; а только мальчику было бы веселее; при нашей работе скучать не годится; сам знаешь: веселость придаёт силу и бодрость...* [НКРЯ].

– *Можно называть это как хочешь, но не нацией* [НКРЯ].

4. **Критика, осуждение.** Адресант реализует значение критики, анализируя, оценивая и осуждая положение дел, событий, явлений; адресант выявляет противоречия, ошибки, ошибочные представления адресата:

– *Вот и веду я блог этот полгода. Прибыльно. Как тебе? – Как хочешь, но ты делаешь деньги на заниженной самооценке сломленных женщин* [LCC].

5. **Негатив, недовольство, неодобрение.** Адресант выражает негативную эмоцию, актуализируя реакцию на ситуацию, не вписывающуюся в его понимание происходящего. Адресант демонстрирует неудовлетворённость действиями, поступками, словами адресата, выражая при этом порицание, осуждение:

– *Нет, – сказала Валентина Степановна. – Я не подхожу к завершению жизни. Ты – как хочешь, а я – нет. – Как хочешь? Ну, ты всегда была строга. Узнаю тебя, узнаю! – засмеялся Володя и на секунду показал высокие, узкие, всё ещё красивые зубы* [НКРЯ].

– *Считай как хочешь, но так и есть!* [RC].

6. **Сомнение, недоверие.** Адресант демонстрирует воздержание от окончательного определённого суждения в связи с невозможностью сделать однозначный вывод:

– *Слушай, мне платье купить или в ателье заказать? – Не знаю, как хочешь, – ответила Ольга, – но ты же его совсем не любишь. – Зато он меня любит. А я позволю ему себя любить* [НКРЯ].

ЗНАЧИТ ТАК

1. **Угроза.** Адресант демонстрирует категоричность своей позиции и вынуждает адресата подчиниться:

– *Значит так, щенок, если я узнаю, что у него хоть волос с головы упал, я тебя из-под земли достану, падла. Кровью подавишься, сучёныш!.. Чё ты истерил сразу, как тёлка, а?* [НКРЯ].

2. **Несогласие, возражение.** Адресант подчёркивает своё несогласие с мнением собеседника, при этом анализируемый дискурсивный маркер может актуализировать категоричность выражаемого несогласия:

Взгляд её стал осмысленным.

– Где-где... – передразнила Ирина. – У своего сына, где же ещё...

– Значит так, – трезво отрубил Людка. – Ваш сын к этой квартире не имеет никакого отношения. Эту квартиру купил мне мой папа. Они с матерью копили себе на старость, а отдали мне на кооператив [НКРЯ].

Либо, напротив, это может быть попыткой сгладить острые углы, при этом не отступив от своей точки зрения:

– Значит так, – дипломатично заявил Архангельский, Тасик ... То бишь Станислав, не обижайся, ты, значит, у нас молоток и все тут правильно говорил, только так дела не делаются [НКРЯ].

3. **Категоричность.** С помощью дискурсивного маркера адресант выражает непоколебимость своей позиции:

– Значит так, – Джек повернул видеодомофон в свою сторону, – я не собираюсь вести никаких переговоров. Сейчас вы оставляете мне номер, по которому я смогу с вами связаться, и через какое-то время – полчаса, час – я вам звоню и сообщаю место и ... [НКРЯ].

– Тогда Крылов несколько раз кивнул, качаясь вместе с табуреткой над какой-то сонной бездной и странно заходясь сердцем. Он бы многое отдал сейчас за предельную простоту жизни. Но отдавать ему, выходит, было совершенно нечего.

– Значит так, – угрюмо произнес потемневший Фарид, – теперь выполняй, что я скажу. Никого больше не ищи. Никого не выслеживай. Сиди тихо, жди Василия Петровича, только с ним говори и разбирайся [НКРЯ].

3. Заключение [Conclusion]

Нами было проанализировано шесть дискурсивных маркеров – ну, вообще, типа, в смысле, как хочешь, значит так – с точки зрения их функционального потенциала. В данной статье были исследованы их семантический и прагматический аспекты. Были отобраны контексты, свидетельствующие о том, что у этих единиц наблюдается динамика роста прагматического потенциала в аспекте вербальной агрессии. Дискурсивные маркеры способны демонстрировать широкий потенциал в роли интенсификаторов вербальной агрессии. Это обусловлено тем фактом, что они не обладают номинативной функцией, лексически опустошены, что позволяет им, в зависимости от ситуации, выполнять эмотивную функцию – то есть выражать эмоциональную интенцию адресанта. Поскольку именно отрицательные эмоции обладают более широким инструментарием для актуализации в языке, то многие прагматические единицы получают новые оттенки и значения в качестве средств выражения вербальной агрессии. В результате анализа были выявлены «агрессивные» интенсификаторы – дискурсивные маркеры как лексические средства, направленные на усиление категоричности высказывания, а также описаны их прагматические функции: возмущение, негодование, возражение, запрет, ирония, категоричность, негатив, неодобрение, неудовлетворение, отрицание, отказ, несогласие, требование, угроза, вызов, критика, осуждение, усиление, безразличие, утрата интереса, сомнение, недоверие. К перспективам исследования можно отнести анализ «толерантных» лексических средств, ориентированных, напротив, на понижение градуса агрессии, снижение категоричности высказывания, деперсонификацию и смягчение негативной тональности речи.

Библиографический список

- Басовская, 2012 – Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257–263.
- Богданова-Бегларян, 2014 – Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
- Бондарко, 2004 – Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2004. 208 с.
- Виноградов, 2001 – Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- Калягина, 2014 – Калягина И. Г. Модальное слово и контекст // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2014. № 83 (1). С. 77–80.
- Киселева, Пайар, 2003 – Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. статей. М.: Азбуковник, 2003. 207 с.
- Культура русской речи..., 2003 – Культура русской речи: энциклопедич. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 837 с.
- НКРЯ, 2022 – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 2022).
- Николаева, 1985 – Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.
- Романова, Филиппов, 2009 – Романова Н. Н., Филиппов А. В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта: Наука, 2009. 302 с.
- ССЛТ, 2022 – Словарь-справочник лингвистических терминов / сост. Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
- Соколова, 2011 – Соколова М. Е. Немецкие модальные частицы как средство оптимизации речевой коммуникации // Известия Волгоградского гос. соц.-пед. ун-та. 2011. № 2. С. 83–87.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- Шустова, 2013 – Шустова С. В. К вопросу о функциональном потенциале языковой единицы (на примере семантической и синтаксической валентности) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3 (19). С. 161–164.
- AdMe, 2022 – AdMe Творчество. Свобода. Жизнь. URL: <https://www.adme.ru/> (дата обращения: 2022).
- LCC, 2022 – Leipzig Corpora Collection. Корпусы языков. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/en> (дата обращения: 2022).
- RC, 2022 – Reverso Context. Контекстный словарь. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 2022).

References

- Basovskaya, E. N. (2004). *Tvortsy cherno-beloy real'nosti: o verbal'noy agreszii v sredstvakh massovoy informatsii* [Creators of black-and-white reality]. *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 7, 257–263. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2014). *Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya* [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 3 (27), 7–20. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (2004). *Teoreticheskie problemy russkoy grammatiki* [Theoretical problems of Russian Grammar]. St Petersburg: St Petersburg State University Press. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical theory of word)]. 4th edn. Moscow: Russkiy yazyk Press. (In Russ.).

- Kalyagina, I. G. (2014). Modal'noe slovo i kontekst []. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [], 83 (1), 77–80. (In Russ.).
- Kiseleva, K. L., Pajar, D. (2003). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discursive words in the Russian Language: Context variation and semantic unity]: A collection of works. Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).
- Ivanova, L. Yu., Skovorodnikova, A. P., Shiryaeva, E. N. et al. (Eds). (2003). Kul'tura russkoy rechi [The culture of Russian speech]: *Encyclopedia*. Moscow : Flinta Press: Nauka Press. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1985). *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [The functions of particles in an utterance (Based on Slavic languages)]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- NKRYA. (2022). *Nacional'nyy korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. Retrieved from <<http://www.ruscorpora.ru>>. (In Russ.).
- Romanova, N. N., Filippov, A. V. (2009). *Slovar'. Kul'tura rechevogo obshcheniya: etika, pragmatika, psihologiya* [Dictionary. The culture of speech communication]. Moscow : Flinta Press: Nauka Press. (In Russ.).
- Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (Eds). (1976). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [A handbook of linguistic terms]. 2nd edn. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Sokolova, M. E. (2011). Nemetskie modal'nye chastitsy kak sredstvo optimizatsii rechevoy kommunikatsii [German modal particles as the means of speech communication optimization]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2, 83–87. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (Ed.). (2006). *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Russian stylistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2013). K voprosu o funktsional'nom potentsiale yazykovoy edinitsy (na primere semanticheskoy i sintaksicheskoy valentnosti) [On the issue of functional potential of the linguistic unit (By the example of semantic and syntactic valencies)]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Idea], 3 (19), 161–164. (In Russ.).
- AdMe. (2022). *AdMe. Tvorchestvo. Svoboda. Zhizn'* [Creativity. Freedom. Life]. Retrieved from <<https://www.adme.ru>>. (In Russ.).
- LCC. (2022). *Leipzig Corpora Collection. Corpora*. Retrieved from <<http://wortschatz.uni-leipzig.de/en>>.
- RC. (2022). *Reverso Context. Kontekstnyy slovar'* [Contextual dictionary]. Retrieved from <<https://context.reverso.net>>. (In Russ.).

Сагайдачная Анна Олеговна
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
a_trofimova@mail.ru

Различия грамматических систем русского и удэгейского языков и их отражение при составлении русско-удэгейского словаря

Аннотация

Проблема отсутствия Русско-удэгейского словаря (далее – Словаря) назрела давно. Составление Словаря очень важно для сохранения культуры и языка малочисленного народа удэгейцев, воспитания уважения к удэгейским традициям. Грамматические системы русского и удэгейского языков различаются. Русский язык относится к флективным языкам, а удэгейский – к языкам агглютинативного типа. Различие грамматических систем неизбежно проявляется в средствах выражения лексических и грамматических значений и оказывает прямое влияние на подачу соответствий в Словаре. Во-первых, русским полувспомогательным глаголам, участвующим в образовании аналитической конструкции способа действия, поставлены в соответствие удэгейские синтетические каузативные глаголы, образованные суффиксацией. Во-вторых, русские причастия и деепричастия как глагольные формы помещены в вокабулу соответствующих глаголов; языковые пары с ними образуют эквивалентные прилагательные и наречия. В-третьих, удэгейские целевые и условные отглагольные формы (отглагольные существительные), отсутствующие в русском языке, переданы с помощью эквивалентных отглагольных или субстантивных словосочетаний. В-четвёртых, пространственные отношения в русском и удэгейском языках также выражаются разными средствами, поэтому русским пространственным предлогам поставлены в соответствие не только эквивалентные удэгейские послелого, но и суффиксы системы локативных падежей. Одним из результатов подобных манипуляций стала предложная и глагольная переводная полисемия.

Ключевые слова: русско-удэгейский словарь, разница грамматических систем, полувспомогательный глагол, причастие, деепричастие, суффиксация, предлог, послелог, полисемия

© Сагайдачная А. О. 2022

Для цитирования: Сагайдачная А. О. Различия грамматических систем русского и удэгейского языков и их отражение при составлении русско-удэгейского словаря // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 130–141. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_130

Anna O. Sagaydachnaya
Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
a_trofimova@mail.ru

Distinctions of Russian and Udihe grammatical systems and their reflection in the Russian-Udihe dictionary

Abstract

The absence of the Russian-Udihe Dictionary (further referred to as Dictionary) has been a problem for a long time. Compiling of the Dictionary is very important for preserving culture and language of the indigenous Udihe people and promoting respect to Udihe traditions. Grammatical systems of Russian and Udihe are different. Russian belongs to highly inflected synthetic type of languages, while Udihe represents agglutinative type. Grammatical systems distinction inevitably manifests itself in the ways to express lexical and grammatical

meaning which determines the way Russian-Udihe correspondences are introduced in the Dictionary. First, Russian semi-auxiliary verbs participating in analytical pattern of manner of action are paired with Udihe synthetic causative verbs formed by suffixation. Second, being considered verb forms, Russian participles and converbs are placed in corresponding verb entries and paired with Udihe adjectives and adverbs correspondingly. Third, Udihe verbal nouns expressing purpose and condition that are missing in Russian are expressed by verbal and substantive word groups. Fourth, spatial relations in Russian and Udihe are also expressed by different language means, therefore Russian prepositions of place are paired not only with corresponding Udihe postpositions but with suffixes representing the whole system of locative cases. One of the results of these translation manipulations is prepositional and verbal polysemy.

Keywords: Russian-Udihe dictionary, grammatical systems difference, semi-auxiliary verb, participle, converb, preposition, postposition, polysemy

© Sagaydachnaya A. O. 2022

For citation: Sagaydachnaya, A. O. (2022). Razlichiya grammaticheskikh sistem russkogo i udegeyskogo yazykov i ikh otrazhenie pri sostavlenii russko-udegeyskogo slovarya [Distinctions of Russian and Udihe grammatical systems and their reflection in the Russian-Udihe dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 130–141. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_130

1. Введение [Introduction]

Проблема составления русско-удэгейского словаря назрела давно. Её решение является тем более актуальным, что при наличии нескольких удэгейско-русских словарей до сих пор не существует ни одного русско-удэгейского словаря. В настоящее время издано два удэгейско-русских словаря [Simonov, Kjalundzjuga, 1998–1999; Гирфанова, 2001], в которых имеются небольшие русско-удэгейские списки слов (словники). Также изданы два учебных словаря [Гирфанова, 2002; Гирфанова, 2012], в одном из которых удэгейские слова разделены на тематические группы (что, безусловно, является неоспоримым достоинством). Грамматической информации в них не содержится, поскольку этого не предполагает формат изданий. Кроме того, опубликовано монографическое исследование, включающее удэгейский словарик небольшого объёма [Кормушин, 1998]. Материал удэгейского языка, конечно же, включен в Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [ССТМЯ, 1975, 1977]. Но, поскольку перед авторами-составителями Сравнительного словаря стояла задача наиболее полно отразить лексику всех тунгусо-маньчжурских языков, то, с учётом этой задачи, выборка из удэгейского языка оказалась небольшой.

Отсутствие Русско-удэгейского толкового словаря ведёт к тому, что удэгейский язык не очень удобно изучать (особенно не-лингвистам); и, в конечном счёте, способствует в определённой мере исчезновению удэгейского языка. Ведь для изучения таких языков, как английский, корейский, французский и многих других, наряду с англо-, французско-, корейско-русскими словарями, имеются и русско-английские, русско-корейские, русско-французские словари. В процессе изучения любого иностранного языка (в том числе и удэгейского) удобнее пользоваться словарём, в котором родной язык находится в левой части.

В последнее время (примерно с 2016 г., хотя некоторые исследования делались и ранее) наблюдается повышенный интерес к исчезающим языкам во всем мире. Период 2022–2032 гг. объявлен Международным десятилетием языков. Чтобы сохранить языки и культуры, необходимо создать условия и ситуацию, которая воспитывает уважение к различным языкам (напр., проводить читательские форумы, конкурсы на знание языков, составлять словари языков малочисленных народов). Поскольку язык сохраняется, если на нём разговаривают, то усилия лингвистов направлены прежде всего на фиксацию миноритарных языков. Обсуждаются принципы составления словарей (в том числе многоязычных) для языков, отличных от английского или русского, – языка басков,

африканских языков, эвенкийского, кетского языка и других [Connel, 1998 ; Kotorova, 2016 ; Булатова, Морозова, 2017 ; Lane et al., 2018 ; Uguru, Okeke, 2020].

Анализ международного опыта составления словарей языков миноритарных этносов, а также отсутствие для удэгейского языка словаря с русским языком в левой части мотивировали на создание русско-удэгейского словаря. Настоящее исследование представляет собой попытку впервые наглядно отразить различия грамматических систем русского и удэгейского языков в прикладном аспекте.

2. Организация Русско-удэгейского словаря и подача материала [Designing the Russian-Udihe dictionary and introducing the material]

Поскольку русский относится к флективному типу, а удэгейский – к агглютинативному, при составлении словарной статьи и подборе контекстов неизбежно возникают теоретические проблемы, связанные с организацией и подачей материала. Сложности вызывают русские полувспомогательные глаголы, причастия и деепричастия, способы выражения в русском языке удэгейских целевых и условных отглагольных форм, русские пространственные предлоги, а также предложная и глагольная полисемия.

2.1. Полувспомогательные глаголы [Semi-auxiliary verbs]

Интерес представляет подача таких полувспомогательных глаголов в русском языке, как *начинать, велеть, вызывать, заставлять, позволять, намереваться, хотеть*. Они участвуют в образовании способов глагольного действия: *начинать играть* (аналитическая конструкция) – 'гусили-' (выражается суффиксально), *намереваться убить* – 'вакча-'. Глаголам, которые в удэгейском относятся к каузативным, образуясь (синтетически) от глагольной основы с помощью суффикса *-вана-*, в русском часто соответствуют аналитические конструкции с глаголами *велеть, заставлять, позволять* или же (тоже нередко) синтетические глаголы с внутренне им присущей семантикой каузации: 'дигавана-' – *заставлять поест / кормить*, 'нэнэвэнэ-' – *направлять*. В Русско-удэгейском словаре подобные глаголы нужно искать в словарных статьях, посвящённых глаголам *начинать / начать, велеть, намереваться, хотеть* и т. п. Приведём примеры:

Велеть, велю, велит (что-л. сделать) – значение повеления выражается суффиксом *-вана-* ~ *-ва-* в составе смыслового глагола (См. тж. 'заставлять'): □ *велеть бить 'коңкосивана-'*; □ *велеть взять 'гажива- ~ гаживана-'* (См. □ *позволять взять*).

Заставить, заставлю, заставит и заставлять, -ю, -ет что-либо делать (сделать) – данное значение, как и значение повеления, выражается каузативным суффиксом *-вана-* ~ *-вэнэ-* в составе смыслового глагола: [...] □ *заставлять вращаться 'поңголивэнэ-'*; □ *заставлять вставить 'иливэнэ-'*; □ *заставлять втыкать 'багбандаванаи-'*; □ *заставлять выбирать 'саңувана-'*; [...] □ *заставлять засыпать, уложить спать 'нуавана-'* (о сне)¹:

(1) *Ветер, дую, заставляет вращаться деревянный ветряк, производит электричество – 'Эди эдинэми, поңголивэнэини мбма ветряк, чидэңэ багдилани'* [Симонов]².

эди-NOM	эдинэ-ми	поңголи-вэнэ-и-ни	мб-ма
ветер-NOM	дуть.ветру-CV	вращаться-CAUS-Pres-3SG	дерево-ADJ
ветряк	чидэңэ	багди-ла-ни	
ветряк	электричество	появиться-NPurp-POSS/3SG	

(2) *Вырыл молодец в тайге берлогу и там уложил спать (медвежат) – 'Йэгдигэ' буа хуандулани улэени агду, утала нуаваңкини'* [Кормушин 1998, с. 132].

¹ В Русско-удэгейском словаре контексты, иллюстрирующие употребление полувспомогательных глаголов, располагаются сразу после иллюстрируемого глагола – А.С.

² При составлении Русско-удэгейского словаря мы пользуемся неопубликованными полевыми материалами М. Д. Симонова по удэгейскому языку – А.С.

йэгдигэ'-NOM	буа хуан-дула-ни	улэ-э-ни	агду
молодец-NOM	тайга-LOC-POSS/3SG	вырыть-Past-3SG	берлога
ута-ла	нуа-ваңки-ни		
тот-LOC	спать-CAUS.Past-3SG		

Начинать, -ю, -em – данное значение выражается суффиксом -ли- ~ -ле- в составе смыслового глагола: [...] □ начинать варить еду 'олоктоли-'; □ начинать воспитывать 'игисили-'; □ начинать восходить в гору 'туктили-'; □ начинать восходить – о луне 'нюли-' 2)³; □ начинать вращаться 'поуголили-'; □ начинать грести 'геули- ~ гиэули-', 'сэу(н)дэли-' (вёслами); □ начинать делить 'обололи-'; □ начинать драться 'в'алили-'; [...] □ начинать прыгать 'гуганали-', 'хэтиг'эсили-':

(3) *Старушка-то начала готовить еду – 'Мама'-ла олоктолеани'* [Кормушин 1998, с. 110].

мама'-NOM=ла	олокто-ле-а-ни
старушка-NOM=Lim	варить.еду-INCH-Past-3SG

(4) *Если ветер подует, листья начинают кружиться вверх – 'Эди эдинэлисини, абдиā поуголилини үихи'* [Симонов].

эди эдинэ-лиси-ни	абдиā-NOM	поуголи-ли-ни	үихи
ветер дуть.ветру-NCond-POSS/3SG	листья-NOM	вращаться-INCH-3SG	вверх

(5) *Сейчас отец быстро начал грести, бат сразу разогнался – 'Сэбиэ абуга сята сэундэлиэни, ана хата юндаани'* [Kanchuga et al., 2002, p. 33].

сэбиэ абуга-NOM	сята	сэундэ-ли-э-ни	ана-NOM
сейчас отец-NOM	быстро	грести.вёслами-INCH-Past-3SG	бат-NOM
хата юнда=а=ни			
сразу разогнасться=Past=3SG			

(6) *Они начали делить добытых ленок – 'Жаунава вâфи оболелиэти'* [Симонов].

жауна-ва	вâ-фи	оболо-ли-э-ти
ленок-ACC	убить.PP-Refl.Poss/PL	делить-INCH-Past-3PL

(7) *Начали драться два медведя – 'Валилеати жу мафа'* [Кормушин 1998, с. 130].

вали-ле-а-ти	жу	мафа-NOM
драться-INCH-Past-3PL	два	медведь-NOM

(8) *С тех пор белка по деревьям начала (стала) прыгать – 'Утадиги олохи мб уи'эфэ хэтиг'эсилиэни'* [Фольклор удэгейцев 1998, с. 216].

утадиги	олохи-NOM	мб	уи'эфэ	хэтиг'эси-ли-э-ни
с.тех.пор	белка-NOM	дерево	сверху.по (POSTP)	прыгать-INCH-Past-3SG

Намереваться, намереваюсь, намеревается 1) в знач. вспом. глагола 'нэхэ- ~ н'эхэксэ- ~ нехэ-' 2);

2) значение намерения выражается суффиксом -кча- ~ -кца- или (реже) -вана- в составе смыслового глагола (См.т.ж. хотеть): □ намереваться бежать 'тукиакча-'; □ намереваться бросить 'эйикчэ-'; □ намереваться броситься 'хокчокчо-'; □ намереваться вздохнуть 'эйкпэсикчэ-'; □ намереваться взять 'жавага-'; □ намереваться (пытаться) встать 'иликчэ-' ~ 'илигикчэ-' 1) ~ 'иликчэлиги-'; □ намереваться выдернуть 'тагдиндакча-'; □ намереваться дать пощёчину 'сас'алавана-'; □ намереваться держать 'жавасикча-' 1); □ намереваться держаться 'жавасикча-' 2):

(9) *Человек, ты что, намерен уходить? – 'Нийэ, нэнилэми нэхэни?'* [Кормушин 1998, с. 165].

³ Нежирные цифры 1), 2), 3) и т.д. после слова на удэгейском языке указывают значение этого слова в удэгейских многозначных словах. Жирные цифры 1), 2), 3) и т.д., проставленные в словарных статьях русских слов, указывают значение (или способ выражения) для русского многозначного слова. – А.С.

ни-йэ үэни-лэ-ми **ньэхэ-һи**
 человек-Вос уходить-NPurp-INF намереваться.Pres-2SG
 (10) *А я хочу встать на бревно – 'Битэнэ ий-ий илигикицэйми таала'* [Kanchuga et al., 2002, p. 54].

би-NOM=тэнэ ий-ий **илиги-киэ-й-ми** таа-ла
 я-NOM=Contr вот-вот вставать-Intent-Pres-1SG коряга-LOC
Хотеть, хочу, хочет 1) 'гэлэ- ~ гала-' 2), 'гэлэги-' (снова хотеть), 'чала-' 2);
 □ хотеть пить 'кого- ~ коһөли- ~ когомухи-'; □ хотеть спать 'амактаси- ~ амали-';

2) часто значение выражается суффиксом *-кча- ~ -кца- ~ -кцэ-* в составе смыслового глагола (См. тж. 'намереваться'): □ хотеть заколоть 'акиндакча- ~ акиндакца-'; □ хотеть играть 'гусикчэ- ~ гусикцэ-':

(11) *Подальше от земли кита хочу, говорил-он – 'Һа тагихула калима гэлэм гуукини'* [Кормушин 1998, с. 114].

һа тагиху-ла калима **гэлэ-м** гууки-ни
 ещё далеко-LOC кит хотеть.Pres-1SG говорить.Past-3SG
 (12) *Я хочу пить, пойду попить воды – 'Би когоми, уливэ уминажаму'* [Симонов].

би-NOM **кого-ми** ули-вэ уми-на-жа-ми
 я-NOM хотеть.пить.Pres-1SG вода-ACC пить-идти-FUT-1SG
 (13) *Он сидел, сидел и захотел спать, стал сильно зевать, и глаза начали закрываться – 'Тэми, тэми, амалиани, лиâси жбнилиэни, йâни-да џифулиэни'* [Симонов].
 тэ-ми тэ-ми **амали-а-ни** лиâси жбни-ли-э-ни
 сидеть-CV (Redupl) хотеть.спать-Past-3SG сильно зевать-INCH-Past-3SG
 йâ-NOM-ни=да џифу-ли-э-ни
 глаза-NOM-POSS/3SG=Conn закрыть.глаза-INCH-Past-3SG

(14) *Он хотел заколоть Комо (барсука), себе в ногу попал – 'Акиндакцаани Комово, мэнэ бэгдилэ нагдаани'* [Кормушин 1998, с. 149].

акинда-кца-а-ни Комо-во мэнэ бэгди-лэ нагда-а-ни
 колоть.острой-Intent-Past-3SG Комо-ACC REFL нога-LOC попасть-Past-3SG

(15) *«На улице хотите поиграть?» – спрашивает мама. «Очень хотим», – говорим мы – '«Буала гусикицэу?» – хаунтасини эниэ. «Аси гааламу», – бу дианау'* [Kanchuga et al., 2002, p. 50].

буала **гуси-киэ-у** хаунтаси-ни эниэ-NOM
 снаружи играть-Intent-2PL спрашивать.Pres-3SG мама-NOM
 аси **гаала-му** бу-NOM диана-у
 очень хотеть.Pres-1PL мы-NOM говорить.Pres-1PL

Поскольку русский глагол *начинать* плотно задействован при описании удэгейского начинательного залога, то в вокабулу, посвящённую русскому возвратному глаголу *начинаться*, попали в основном глаголы, обозначающие природные явления и смену времён года:

Начинаться, -юсь, -ется 'нэкигили-' (о весне), 'туэли- 1) ~ туэгили-' (о зиме), 'магали-' (о непогоде), 'амбули-' (о паводке), 'иманали-' (о снеге); 'силэнэли-' (о мелком снеге):

(17) *Началась зима. Хунхузы не приходили – 'Туэгилиэ. Хунхузэдигэ эситидэ эмэ'* [Kanchuga et al., 2002, p. 17].

туэги-лиэ хунхузэ-дигэ-NOM э-си-ти=дэ эмэ
 наступить.зиме-INCH хунхуз-COLL-NOM NEG-Past-3PL=Conn приходиться-INF

(18) *Он утром встал, черноту на улице увидев, а там началась непогода – 'Тимадила тэги, пали буаихи исэсиси, буа магалиани'* [Симонов].

тимадила тэги пали буаихи исэси-си буа-NOM
 утром встать чёрный снаружи видеть-CV погода-NOM
мага-ли-а-ни

быть.непогоде-INCH-Past-3SG

2.2. Подача русских причастий и деепричастий [Introducing Russian participles and converbs]

В силу различия грамматических систем русского и удэгейского языков, причастия и деепричастия помещаются в вокабулу, описывающую глагол, поскольку в русском языке они являются глагольными формами. В удэгейском языке первые классифицируются как прилагательные, а вторые – как глаголы. Приведём в пример три словарные статьи для глаголов *брать*, *делаться* и *играть*, сопроводив каждое характерными контекстами:

Брать, беру, берёт 'га- ~ гада-' 1), 'газуги-', 'гаи-', 'гамаси-' (в жёны – этн. устар.), 'зёлэ-' (в долг); 'йондо- ~ ёондо-' (под мышку), 'идума- ~ игдума-' (в долг), 'нанда- ~ нандаса- ~ нанза- ~ нанна-' , 'зава-' 1), 'пиаула-' (брать билет), 'сэнгитэмэси-' (жён друг у друга – о родах), 'хэбу- ~ хэбуси- ~ хабу- ~ хэ-' 1) (с собой), 'этэ- I. ~ этэвэнэ-' 3) (о режущих инструментах), 'эугэси-' 1),2) (клещами или клешнями) (См. тж. 'взять'):

(19) *Таймень на крючок молодца попался (букв.: «взял») – 'Хойо йэгдигэ' ума 'лани хэй хэй гāне'* [Кормушин 1998, с. 143].

хойо-NOM йэгдигэ' ума'-ла-ни хэй хэй гā-не
таймень-NOM молодец крючок=LOC=POSS/3SG INTJ брать.Past-3SG

(20) *Беря смолу, я отколола (её) на сухом кедре – 'Ог'оу џапта мблани коктолиами, џутэвэ гадами'* [Симонов].

ог'оу џапта мб-ла-ни коктоли-а-ми џутэ-вэ гада-ми
сухой хвойное.дерево-LOC-POSS/3SG отколоть-Past-1SG смола-ACC брать-CV

Делаться, -юсь, -ется 'о- ~ ъ- I. ~ yo-' I. 2), 'осиги- ~ эсиги' 2):

(21) *Станем (~делаемся) друзьями – 'Андамулэ оџофи'* [Кормушин 1998, с. 165].
анда-мулэ о-џо-фи
друг-COMM делаться-PFUT-Refл.Poss/PL

(22) *Обе (собаки), сделавшись красавицами, унты сушат, видно вроде бы – 'Зуңати бэлэ осо'с уңта вагисиме-е бийти, гунэй-бэбу'* [Кормушин 1998, с. 109].

зуңати бэлэ осо-'с уңта вагиси-ме-е би-й-ти гунэй=бэбу
оба красавица делаться-CV унты сушить-CV быть-Pres-3PL EV1=EV2

Играть, -ю, -ет 'анакула-' (в шашки), 'гилимэдэ-' (о рыбе), 'гуси-' (также на музыкальных инструментах), 'гусиси-' (постоянно играть), □ 'диг'эсинзи гуси-' (в прятки), 'дэхэниси-' (в дочки-матери), 'заунамаси-' (в ловлю рыбы), 'зафаси- ~ заф'аси-' (в куклы), 'зелиг'эси-' (в тайменя), 'кёңку-' (на дудке), 'ко'аси-' (в мяч), 'комоктоси-' (в колокольчики), 'мафаг'аси-' (в охоту на медведя), 'накт'аси-' (в кабана), 'ологоси- ~ ол'оси- ~ улугэси- ~ улэгэси-' (о животных), 'чаңала- ~ цаңала- ~ цаңгала-' (на музыкальных инструментах), 'чоколо-' (с заячьим черепом):

(23) *Дети играли возле балагана – 'Ситэзигэ кава киалани гусиэти'* [Симонов].
ситэ-зигэ-NOM ава киалани гуси-э-ти
ребёнок-COLL-NOMBалаган около (POSTP) играть-Past-3PL

(24) *Дети, играя в прятки, считают шесть раз, а на седьмой идут искать – 'Ъаулазига, диг'эсинзи гусими, џуңумиэ таңити, надиати галактанаити'* [Симонов].

ъаула-зига-NOM диг'эсин-зи гуси-ми џуңумиэ
подросток-COLL-NOM прятаться.PrP-INSTR играть-CV до.шести
таңи-ти нади-ати галакта-на-и-ти
считать.Pres-3PL семь-NumOrd искать-идти-Pres-3PL

(25) *Играя в рыбную ловлю, (дети) делают «рыбу» из сухой травы – 'Зэлиг'эсинзи, ъктози сугзава ъти'* [Симонов].

зэлиг'эсин-зи ъкто-зи сугза-ва ъ-ти
играть.в.тайменя.PrP-INSTRсено-INSTR рыба-ACC делать.Pres-3PL

(26) *Один человек бьёт в бубен, другой человек **играет** колокольчиком – 'Омос'о нй унутдэини, гагда нй комоктози гусини'* [Симонов].

омос'о	нй-NOM	унутдэ-и-ни	гагда нй-NOM
один	человек-NOM	бить.в.бубен-Pres-3SG	другой человек-NOM
комокто-зи		гуси-ни	
колокольчик-INSTR		играть.Pres-3SG	

2.3. Отражение грамматических форм, характерных только для удэгейского языка [Reflecting grammatical forms typical only for Udihe]

Поскольку русский язык и удэгейский относятся к разным системам, то в русском языке отсутствуют целевая отглагольная форма (герундий) и условная отглагольная форма (кондициональ), характерные для удэгейского языка. В удэгейском отглагольная целевая форма образуется с помощью суффикса *-лага-* ~ *-ла-*) и рассматривается как связанное отглагольное существительное. Условная отглагольная форма образуется посредством суффикса *-лиси-* и также рассматривается как связанное отглагольное существительное. В русском языке целевое значение передаётся словосочетанием, например, *для помощи* или *чтобы пойти*; условное значение передаётся также словосочетанием, например, *если своруете / в случае воровства*. В Русско-удэгейском словаре подобные формы подаются в рамках соответствующей вокабулы, посвящённой глаголу:

Белить, белю, белит 'белила-', □ чтобы белить 'белилалага= ~ белилала=' (с притяж. афф.):

(27) *Из травы, (растущей) на болотной кочке, делают щётку, чтобы белить дом (для побелки дома) – 'Симб'о октожини щёткава бити жугдифэи белилалафай'* [Симонов].

симб'о	окто-жи-ни	щётка-ва	б-и-ти	жугди-фэй
кочка	травы-INSTR-POSS/3SG	щётка-ACC	делать-Pres-3PL	дом-Refl.Poss/PL
белила-ла-фай				
белить-NPurp-Refl.Poss/PL				

Хулиганить, хулиганю, хулиганит 'зохулэ- ~ зухэлэ- ~ жэхулэ-'; □ чтобы хулиганить 'жэхулэ=' (с притяж. афф); □ в случае хулиганства (если хулиганить) 'жэхулэлиси=' (с притяж. афф.) (См. тж. 'баловаться', 'шалить'):

(28) *Больше не балуйся, утонешь – 'Ня эди зухэлэ, тямалаи'* [Kanchuga et al., 2002, p. 55].

ня	э-ди	зухэлэ	тямала-и
опять	NEG-FUT.2SG	хулиганить.INF	утонуть-2SG

(29) *Если дети балуются, (их) за оттопыренные уши рукой тянули, чтобы перестали хулиганить – 'Һаулазига жэхулэлисити, ку'аини кондор бивэни Һалази татамасиати, жэхулэми вадилати'* [Симонов].

Һаула-зиґа-NOM	жэхулэ-лиси-ти	ку'аи-ни	кондор
дети-COLL-NOM	хулиганить-NCond-POSS/3SG	ухо=POSS/3SG	оттопыренный
би-вэ-ни	Һала-зи	татамаси-а-ти	жэху-лэ-ми
быть.PrP-ACC-POSS/3SG	рука-INSTR	тянуть-Past-3PL	хулиганить-Purp-INF
вади-ла-ти			
кончить-NPurp-POSS/3PL			

2.4. Русские пространственные предлоги [Russian prepositions of place]

Также возникает проблема отражения и передачи служебных значений и слов в словаре. Как известно, одним из разрядов служебных слов в русском языке являются предлоги, а в удэгейском – послелого. Предлоги русского языка часто передают пространственные отношения, являясь частью зависимого от глагола обстоятельства

места (предлог+существительное). В удэгейском языке пространственные отношения передаются не только послелогоми, но и с помощью аффиксов локативных падежей, чего не наблюдается в русском языке. Ввиду отсутствия полного параллелизма в данной точке грамматической системы и более широкого спектра значений и способов их вербализации в языке перевода (в нашем случае – удэгейском) возникает то, что можно назвать переводной полисемией. Проиллюстрируем на примере трёх способов передачи в удэгейском языке русского предлога по в предлагаемом авторском словаре:

по предлог 1) значение передается аффиксом местного падежа *-ла-* ~ *-лэ-*; 2) значение передается аффиксом продольного падежа *-ли-* (в знач. «по реке, по дороге (вдоль)»); 3) передается послелогоми 'д'офа', 'огд'офа', 'ои'офа', 'уи'эфэ' в сочетании с беспадежной формой существительного; □ по тайге □ 'буа ху'эфэ'⁴:

(30) *Его ударило веткой по лицу, когда он шёл по тайге – 'Мб гәни дэгдилэни пактанани, буа ху'эфэ хулисини'* [Симонов].

мб	гә-NOM-ни	<i>дэгди-лэ-ни</i>	
дерево	ветка-NOM-POSS/3SG	лицо-LOC-POSS/3SG	
пактана-ни		<i>буа ху'эфэ</i>	хули-си-ни
ударять.предметом.Past-3SG	по.тайге	бродить-DUR.Past-3SG	

(31) *Дальше поднимается по Амуру; после этого по Уссури вверх – 'Гоо солойни Маңмули; ути амялани Уссурили солойни'* [Kanchuga et al., 2002, p. 16].

гоо	соло-й-ни	<i>Маңму-ли</i>	ути
дальше	плыть.вверх.по.реке-Pres-3SG	Амур-PROLAT	этот
амялани	<i>Уссури-ли</i>	соло-й-ни	
после (POSTP)	Уссури-PROLAT	плыть.вверх.по.реке-Pres-3SG	

(32) *Летом, плавая по реке, всегда ночуют на косе – 'Зуа хулими би'аса д'офа, ту-ту битала аңасити'* [Симонов].

зуа	хули-ми	<i>би'аса</i>	<i>д'офа</i>	ту-ту	бита-ла	аңаси-ти
летом	бродить-CV	речка	по (POSTP)	всегда	коса-LOC	ночевать.Pres-3PL

(33) *Ягода кишими растёт по склонам сопки – 'Гэгбэңку кианца амуни вэ огд'офа багдини'* [Симонов].

гэгбэңку-NOM	кианца амуни	<i>вэ</i>	<i>огд'офа</i>	багди-ни
ягода-NOM	дикий.виноград	сопка	по.склонам (POSTP)	расти.Pres-3SG

(34) *Селезень по воде хлопать крыльями начал – 'Томиэ ули ои'офа тактасилиани'* [Симонов].

томиэ-NOM	<i>ули</i>	<i>ои'офа</i>	тактаси-ли-а-ни
селезень=NOM	вода	по.поверхности (POSTP)	бить.крыльями-INCH-Past-3SG

2.5. Полисемия глаголов [Polysemy of verbs]

В предлагаемом авторском Русско-удэгейском словаре сделана попытка отразить максимальное количество значений и оттенков удэгейских глаголов. Многие глаголы русского языка по этой причине становятся многозначными. Продемонстрируем полисемию на примере глагола дуть.

Дуть, дую, дует 'пундэ- ~ пӯндэ-' 1) (ртом), 'пү-' 1) (ртом), 'сеги-' (о ветерке), 'сәнэ-' (о ветерке – утром и вечером), 'силэнэ- ~ силэмэ-' 3) (о ветре), 'эдинэ-' (о ветре) (См.тж. 'надуть')

Надуть, -ю, -ет 'пундэ- ~ пӯндэ-' 1):

35) *Поставлена рваная палатка. Если ветер дует, (так всю) насквозь продувает – 'Гуз'ау аңа гигдэсэ. Эди эдинэлисини, сам эдинэини'* [Симонов].

⁴ В Словаре контексты, иллюстрирующие каждое из значений предлогов, располагаются под соответствующими цифрами, так как приходится учитывать не только собственно удэгейский послелог, но и семантику удэгейских локативных падежей – А.С.

гуž'ау	аҗа-NOM	гигдэсэ	эди-NOM
рваный	шалаш-NOM	устанавливать	ветер-NOM
эдинэ-лиси-ни		сам	эдинэ-и-ни
дуть.ветру-NCond-POSS/3SG		насквозь	дуть.ветру-Pres-3SG

(36) *Зоб рябчика надуваем, надуваем, а он потом – хлоп! – лопается – 'Сумухи пукани пундэму, пундэму, утадиги пуакчик кактага'* [Симонов].

сумухи	пука-ни	пундэ-му пундэ-му	утадиғи
рябчик	зоб-POSS/3SG	надуть.Pres-1PL (Redupl)	потом
пуакчик	кактага		
хлоп	расколоться.вдоль		

В отношении полисемии, по нашему мнению, особо показателен русский глагол идти. Фиксируя данный глагол в словаре, мы описываем под цифрой **1**) различные способы хождения (по снегу, вдоль берега, о собаке), в том числе явления природы (осадки); под цифрой **2**) оказываются слова с общим значением 'идти что-либо делать', образующиеся в удэгейском языке от соответствующих смысловых глаголов с помощью маркера *-на-*:

Идти, иду, идёт 1) 'аи- ~ аиваси- ~ аюна-' (по снегу), 'агдигаси-' (о грозе), 'анамала-' (на лыжах по льду), 'аҗанаги-' (обратно), 'бодо-' (вдоль берега), 'боно-' (о граде), 'бэгдиғи-' (пешком), 'дуэ-' (берегом), 'имана-' (о снеге), 'кафактала- ~ киафактала- ~ кяфактала- ~ кяфактада-' (собирать валежник), 'лада- ~ лафи- ~ лафя-' (о мокром снеге), 'мбло-' (по дрова), 'нё- ~ нёхоло-' (впереди), 'нэнэ-', 'оло- ~ ологоси- ~ олоси- ~ олон-' (по воде, по реке), 'олохимо-' (белковать), 'силэнэ-' (о мелком снеге), 'суалада- ~ сугалада-' (на лыжах), 'сугзьяма-' (рыбачить), 'тигдэ-' (о дожде), 'тукти-' (от берега), 'уза-' (по следу), 'эу-' (к берегу);

2) кроме того, значение 'идти (что-л. делать)' выражается суффиксом *-на-* ~ *-нэ-* в составе смыслового глагола: □ идти бродить 'хулинэ-' (бродить); □ идти воевать 'в'алина-', □ идти воровать 'жомосино- ~ жомосина-', □ идти доить 'си'на-', □ идти есть 'зекпунэ-', □ зачем идти? (вопросительная форма) 'йаҗна- ~ яҗна- ~ яҗнаса-', □ идти бороться, драться 'в'алина-', □ идти вешать 'л'оно-', □ идти за чем-либо 'гэнэ-' **2**), □ идти забирать 'жавана-', □ идти здороваться 'б'агдинаи-', □ идти играть 'гусинэ-', □ идти прогонять 'игбэнэ-', □ идти рыбачить сетью 'адилисина-', □ идти убивать 'ваҗна-' [...]

(37) *Шурин, пойдём по следу медведя – 'Бэнэ, мафа хоктовони узаҗафи'* [Кормушин 1998, с. 130].

бэнэ	мафа	хокто-во-ни
шурин.Voc	медведь	путь-ACC-POSS/3SG
уза-җа-фи		

идти.по.следу-PFUT-Refl.Poss/PL

(38) *Наступила зима. Пошёл снег – Туэгиэни. Иманаани'* [Kanchuga et al., 2002, p. 15].

туэги-э-ни	имана-а-ни
наступать.зиме-Past-3SG	идти.снегу-Past-3SG

(39) *И море, где град идёт, есть ведь – 'Боноғи бонойе наму-да бё-лэ'* [Кормушин 1998, с. 180]. Букв. 'И море с градом идущим есть ведь'.

боно-ғи	боно-йе	наму-NOM=да	бё=лэ
град-INSTR	идти.граду-PrP	море-NOM=Conn	быть=Lim

(40) *Там, где растут кедровые шишки, хорошо охотиться на белку – 'Сэутиғи багдила олохимэму айа'* [Симонов].

сэутиғи-NOM	багди-ла	олохимэ-му	айа
кедр.орех-NOM	расти.PrP-LOC	белковать-INF	хороший

(41) *Мальчик-вор пошёл в пекарню украсть хлеба – 'Жомиғи ба́та пекарня хлебава жомосинани'* [Симонов].

двоеточием рядом с гласной, удвоением гласной), а также передачу некоторых одних и тех же согласных разными графемами (напр., носового заднеязычного сонанта, аффрикаты). В перспективе задача унификации транскрипционной записи должна быть решена.

Сейчас в Институте филологии СО РАН в г. Новосибирске мною проводится работа по составлению толкового Русско-удэгейского словаря. Его наличие позволит всесторонне описать исчезающий удэгейский язык, что будет способствовать не столь быстрому его исчезновению и внесёт вклад в создание возможностей для его ревитализации.

Благодарности [Acknowledgments]

Работа выполнена в рамках гос. задания Ин-та филологии СО РАН (тема № 0263-2021-0004).

Грамматические обозначения

Беспадёжная форма не маркируется; ACC – Винительный падеж; ADJ – Прилагательное; CAUS – Казуативный залог; COLL – Собираемость; COMM – Форма совместности; Conn – Формант -дэ в соединительной функции; Contr – Формант -тэнэ в противительной функции; CV – Деепричастие; DEST – Назначительный падеж; DUR – Длительность; EV1 – Эвиденциальная частица гуно; EV2 – Эвиденциальная частица бэбу; FUT – Будущее время; IMPER – Императив; INCH – Начинательность; INF – Инфинитив; Intent – Намерение; INTJ – Междометие; INSTR – Творительный падеж; Lim – Дискурс. морфема -лэ (~ла) в выделительной функции; LOC – Местный падеж; NCond – Связанное отглагол. сущ. условия; NEG – Отрицательный вспомогательный глагол э-; NOM – Именительный падеж; NPup – Связанное отглагол. сущ. цели; NumOrd – Порядковое числительное; Past – Прошедшее время; PFUT – Причастие будущего времени; PL – Множественное число; POSS – Личная притяжательность; POSTP – Послелог; PP – Причастие прошедшего времени; Pres – Настоящее время; PrP – Причастие настоящего времени; PROLAT – Пролодольный падеж; Redupl – Редупликация; REFL – Возвратное местоимение мэнэ; Refl.Poss – Возвратная притяжательность; SG – Единственное число; Voc – Звательная форма.

Библиографический список

- Булатова, Морозова, 2017 – Булатова Н. Я., Морозова О. Н. Задачи и принципы составления звукового эвенкийско-русско-английского тематического словаря // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 4. С. 5–12. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_5_12
- Гирфанова, 2001 – Гирфанова А. Х. Словарь удэгейского языка. СПб.: Наука, 2001. 476 с.
- Гирфанова, 2002 – Гирфанова А. Х. Словарь удэгейско-русский и русско-удэгейский : пособие для уч-ся нач. шк. СПб. : Дрофа, 2002. 176 с.
- Гирфанова, 2012 – Гирфанова А. Х. Учебный тематический словарь удэгейского языка. СПб. : Изд-во Филол. факультета СПбГУ, 2012. 96 с.
- Кормушин 1998 – Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык: материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М. : Наука, 1998. 320 с.
- Кялундзюга, 1999 – Кялундзюга В. Т. Удиэ кэйэвэни оёоити (=Удэгейский букварь). Хабаровск : Хабаровское книжное Изд-во. 1999. 160 с.
- Симонов – Полевые материалы М. Д. Симонова по удэгейскому языку: рукопись.
- ССТМЯ, 1975, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука. Т. 1. 1975. 672 с. ; Т. 2. 1977. 992 с.
- Фольклор удэгейцев, 1998 – Фольклор удэгейцев. Ниманку. Тэлунгу. Ехэ // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / под ред. В. Т. Кялундзюги, М. Д. Симонова, М. М. Хасановой. Т. 18. Новосибирск : Наука, 1998. 561 с.
- Connel V. Lexicography, linguistics, and minority languages // JASO. 1998. Vol. 29, Iss. 3. P. 231–242.
- Lane et al., 2018 – Lane P., Costa J., De Korne H. Standardizing Minority Languages. Competing Ideologies of Authority and Authenticity in the Global Periphery. New York and London : Routledge, 2018. 258 p.
- Kotorova, 2016 – Kotorova E. Dictionary for a Minority Language: the Case of Ket // Proc. of the XVII EURALEX International Congress. Lexicography and Linguistic Diversity (6–10 September, 2016) / Ed. by T. Margalitadze, G. Meladze. Tbilisi : Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, 2016. P. 129–137.

- Simonov M., Kjalundzjuga, 1998–1999 – Simonov M., Kjalundzjuga V. A dictionary of the Udeghe (Udihe) language. Khor River Region Dialect. Vol. 1–3. Steszew : International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1998–1999.
- Uguru, Okeke, 2020 – Uguru J. O., Okeke Ch. O. On pronunciation in a multilingual dictionary: The case of Lukumi, Olukumi and Yoruba dictionary // *Lexikos* [online]. 2020. Vol. 30. P. 1–21. <http://dx.doi.org/10.5788/30-1-1591>
- Kanchuga et al., 2002 – Kanchuga, A.A., 敏郎, 津., & ツマガリ, ト. (2002). ウデへ語自伝テキスト / アレクサンドル カンチュガ著 ; 津曲敏郎編訳 = An Udehe autobiographical text with a Russian translation / by Aleksandr Kanchuga ; edited with a Japanese translation by Toshiro Tsumagari // Publications on Tungus Languages and Cultures 17. Nakanishi Printing Co, Ltd. 2002. 378 p.

References

- Bulatova, N. Ya., Morozova, O. N. (2017). Zadachi i printsipy sostavleniya zvukovogo evenkiysko-russko-angliyskogo tematicheskogo slovarya [Goals and principles of compiling sound Evenki-Russian-English subject dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (4), 5–12. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_5_12
- Girfanova, A. H. (2001). *Slovar' udegeyskogo yazyka* [The Udeghe dictionary]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Girfanova, A. H. (2002). *Slovar' udegeysko-russkiy i russko-udegeyskiy* [The Udeghe-Russian & Russian-Udeghe dictionary]. St Petersburg : Drofa Press. (In Russ.).
- Girfanova, A. H. (2012). *Uchebnyy tematicheskii slovar' udegeyskogo yazyka* [Tutorial thematic dictionary of the Udeghe language]. St Petersburg : St Petersburg State Univ. Press. (In Russ.).
- Kormushin, I. V. (1998). *Udyheyskiy (Udegheyskiy) yazyk. Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i prirvodny. Slovar'* [Udyhe (Udeghe) Language. Materials on the Ethnic Culture. Phonetics and Grammar. Texts and Translations. Glossary]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kyalundzuga, V. T. (1999). *Udie keieveni oŋoiti* [Udihe ABC book]. Khabarovsk : Khabarovskoe knizhnoe Press. (In Russ.).
- Simonov, M. D. (n. d.). *Polevye materialy M. D. Simonova po udegeyskomu yazyku* [Udihe Field Materials by M. D. Simonov (Manuscript)].
- Tsintsius, V. I. (1975, 1977). *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-manzhurskiykh yazykov* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungusic Languages] (Vol. 1–2). (SSTMYa). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Kyalundzuga, V. T., Simonov, M. D., Khasanova, M. M. (Eds.). (1998). Folklor udegeytssev. Nimanku. Telungu. Ehe [Udihe Folklore. Nimanku. Telungu. Ekhe]. *Pamytniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore memorials of aboriginal peoples of Siberia and the Far East]. (Vol. 18). Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Connel, B. (1998). Lexicography, linguistics, and minority languages. *JASO*, 29 (3), 231–242.
- Lane, P., Costa, J., De Korne, H. (2018). *Standardizing Minority Languages. Competing Ideologies of Authority and Authenticity in the Global Periphery*. New York and London : Routledge.
- Kotorova, E. (2016). Dictionary for a Minority Language: the Case of Ket. In T. Margalitadze, G. Meladze (Eds), *Proc. of the XVII EURALEX International Congress. Lexicography and Linguistic Diversity (6–10 September, 2016)* (pp. 129–137). Tbilisi : Ivane Javakhishvili Tbilisi State University Press.
- Simonov, M., Kjalundzjuga, V. (1998–1999). *A dictionary of the Udeghe (Udihe) language. Khor River Region Dialect*. Vol. 1–3. Steszew : International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies.
- Uguru, J. O., Okeke, Ch. O. (2020). On pronunciation in a multilingual dictionary: The case of Lukumi, Olukumi and Yoruba dictionary. *Lexikos* [online], 30, 1–21. <http://dx.doi.org/10.5788/30-1-1591>
- Kanchuga, A.A., 敏郎, 津., & ツマガリ, ト. (2002). ウデへ語自伝テキスト / アレクサンドル カンチュガ著 ; 津曲敏郎編訳 = An Udehe autobiographical text with a Russian translation by Aleksandr Kanchuga. Edited with a Japanese translation by T. Tsumagari. Publications on Tungus languages and cultures. Vol. 17. Nakanishi Printing Co, Ltd.

Солодилова Ирина Анатольевна
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
solodilovaira16@gmail.com

Семантика предлогов: когнитивный подход к изучению проблемы и поискам её решения

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты исследования, целью которого является определение принципа и механизма развития семантики немецкого предлога *an* на основе анализа всех вариантов его значений, фиксируемых в лексикографических источниках. Предлоги, представляя собой лексико-грамматическую категорию языка, понимаются как смешанный тип, проявляющий, с одной стороны, характеристики лексических категорий языка, отражающих онтологию мира (в случае предлогов – отношения между его объектами), а с другой, – грамматических, представляющих в совокупности онтологию языка. Исследование опирается на одно из центральных положений когнитивного подхода к пониманию языка и его единиц, заключающееся в признании мотивированности семантики последних на всех этапах своего употребления двумя основными факторами: когнитивным, т. е. способностью языковых единиц фиксировать полученное человеком знание об объекте номинации и задавать тем самым границы своего дальнейшего развития, и коммуникативным – её предназначением в коммуникативной деятельности человека. В основу анализа семантики предлогов был положен метод наложения (проекции) первичного значения, определяемого в исследовании как прототипическое, на все последующие варианты. Анализ показал, что каждый из вариантов значения предлога *an* является результатом концептуальной деривации, т. е. развитием первичного значения с помощью механизма семантической производности. Первичное значение приобретает, таким образом, в каждом последующем семантическом варианте статус внутренней формы, которая без единого исключения позволяет объяснить использование предлога в новой функции, в том числе семантические и грамматические характеристики релятума и референта.

Ключевые слова: предлог, значение, семантика, когнитивный подход, деривация

© Солодилова И. А. 2022

Для цитирования: Солодилова И. А. Семантика предлогов: когнитивный подход к изучению проблемы и поискам её решения // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 142–157. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_142

Irina A. Solodilova
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
solodilovaira16@gmail.com

Meaning of prepositions: Cognitive approach to the problem and its solutions

Abstract

The paper contains the results of the research aimed at determining the principle and mechanism of the development of meaning in German preposition *an* on the basis of the analysis of all semantic variants listed in dictionaries. Prepositions as a lexico-grammatical language category are treated as a mixed type characterized both by features of lexical language categories reflecting the world ontology (in case of prepositions this is the

relationship between its objects) and features of grammatical language categories collectively representing language ontology. The study dwells upon one of the fundamental principles of the cognitive approach to language and its units, i.e. the recognition of their semantic motivation through their usage by the following key factors: cognitive presupposing the language unit ability to record the knowledge obtained by a human about the object of nomination and thus set the limits to its own development, and communicative postulating its usage in human communication. The analysis of prepositions' meaning was performed with the method of primary meaning projection defined as prototypical on all the other variants. The study has proved that every semantic variant of the prepositions under analysis is the product of conceptual derivation, i.e. the primary meaning development through the mechanism of semantic derivation. Thus the primary meaning acquires the status of inner form in every subsequent semantic variant which ensures explicability of a preposition being used in another function with no exception, including semantic and grammatical features of the relatum and referent.

Keywords: preposition, meaning, semantics, cognitive approach, derivation

© Solodilova I. A. 2022

For citation: Solodilova, I. A. (2022). Semantika predlogov: kognitivnyy podkhod k izucheniyu problemy i poiskam ee resheniya [Meaning of prepositions: Cognitive approach to the problem and its solutions]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 142–157. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_142

1. Введение [Introduction]

Развитие двух ведущих научных парадигм – когнитивной и коммуникативной, логично объединившихся в когнитивно-дискурсивную, предопределило переосмысление не только лексических категорий (лексического формата языкового знания в терминологии и понимании Н. Н. Болдырева [Болдырев, 2006, 2014]), но и понятийных, таких как категория времени, оценки, персональности и др., а также категорий грамматики, в частности морфологии.

Рассмотрение морфологических категорий с позиций когнитивно-дискурсивного подхода к пониманию языка, занимающее все большее место в научном пространстве лингвистической науки (см. работы [Беседина, 2007, 2013 ; Кубрякова, 2006 ; Толмачева, 2016 и др.]), оправдано их сущностью – являть собой формат представления языкового знания, которое, отражая онтологию языка, тем не менее всегда связано со спецификой национально обусловленного знания о мире. В этом смысле роль грамматических категорий в формировании языковой картины мира не менее значима, чем роль лексических концептов, ибо они вместе со словообразовательными категориями и моделями задают своего рода каркас языковой картины мира, а все вместе – национально обусловленный способ смыслообразования и смысловыражения. Обращаясь к словам Е. С. Кубряковой, можно сказать, что грамматические и словообразовательные категории «обеспечивают языку выход за пределы непосредственного наблюдаемого и отражают воистину беспредельные возможности языка» [Кубрякова, 2006, с. 13].

Понимание морфологических категорий и, в частности, лексико-грамматической категории предлога в когнитивном аспекте определяется основополагающими установками когнитивной лингвистики, а именно возможностью понять механизмы человеческого мышления с помощью механизмов функционирования языка. Будучи тесно привязанным к когнитивному опыту и знанию человека, язык в точности не копирует ни ментальную реальность, ни внеязыковой мир, однако в нём фиксируется тот ракурс, который сформирован в культуре и мышлении людей в отношении познаваемого ими мира.

Использование когнитивного подхода к изучению категории предлога позволяет рассмотреть проблему реализации единицами языка служебных функций с точки зрения

изучения их когнитивных оснований. Функционирование служебного слова в языке, как справедливо утверждает И. Н. Толмачева, обусловлено его способностью не только концептуализировать языковую систему, выстраивая связи между её элементами, но также служить средством концептуализации действительности в аспекте структурной организации, устанавливая связи между объектами, их свойствами, отношениями и т. п. [Толмачева, 2015]. Данное понимание предопределяет возможность выявления когнитивных и языковых механизмов, обуславливающих формирование служебного значения и влияющих на процесс его реализации и дальнейшего развития.

Наш исследовательский интерес был направлен на изучение семантики предлогов немецкого языка *an* и *auf* в её (семантики) развитии с целью выявления когнитивных механизмов и языковых закономерностей происходящих изменений [Солодилова, Гуляева, 2018, 2019 ; Солодилова и др., 2019, 2020]). В результате проведённого исследования было выявлено, что в основе развития предложной семантики лежит механизм когнитивной деривации, предопределяющий выводимость и «объяснимость» каждого нового значения от первоначального (прототипического), что делает излишним выделение (прежде всего современными лексикографическими источниками) «особых» случаев употребления, не вписывающихся в общее «правило».

Ц е л ь ю настоящей статьи стало описание результатов, полученных в ходе изучения семантики предлога *an*.

1.1. Предлоги: ключевые позиции понимания категории [Prepositions: The keys to understanding the category]

Определение количественного и качественного состава класса предлогов связано с дискуссионностью вопроса о критериях выделения частей речи вообще и отбора языковых единиц в данный класс, в частности. Основными классификационными критериями являются синтаксический, морфологический и семантический, которые лингвисты используют по отдельности или комбинируют между собой. Несмотря на широкую палитру лингвистических теорий частей речи, большинство лингвистов 20 века (см. [Адмони, 1988 ; Зиндер, Строева, 1957 ; Москальская, 2004 ; Шендельс, 1954 ; Erben, 1983 ; Helbig, 2001]) причисляли предлоги к служебным или функциональным словам, основываясь на отсутствии у них признаков самостоятельных частей речи – самостоятельной синтаксической функции, грамматических категорий, собственного абстрактно-обобщённого назывного значения. В то же время падежное управление предлогов, а также характер синтаксической связи между референтом и релятумом, которую предлоги осуществляют, позволяет, на наш взгляд, выделить их в особую группу внутри класса служебных слов.

Изучение семантики предлогов в последние десятилетия 20 века строилось большей частью в рамках функционального подхода (в узком понимании этого термина), исходя из утверждаемой исследователями основной функции предлогов – устанавливать отношения между полнозначными словами.

Смена подхода и перспективы рассмотрения произошла в лингвистической науке с утверждением функционализма в качестве магистрального направления, определяющего научную мысль и пути решения многих спорных и нерешённых проблем. Функционализм (в широком понимании термина – более подробно см. [Солодилова, 2015, с. 103–115]) позволил лингвистам взглянуть на язык как на интегративную систему, обусловленную с одной стороны когнитивной способностью человека познавать мир и фиксировать это знание в языке, а с другой – его потребностью в социальной интеграции и, таким образом, сформулировать свою ключевую идею о мотивированности языковой формы главными функциями языка – когнитивной и коммуникативной. Функция языковой единицы в этом контексте может быть определена как её потенциальная способ-

ность к выполнению определённого назначения, а также как непосредственная реализация этой способности. Это понимание ведёт к необходимости рассмотрения семантики любой языковой единицы исходя, во-первых, из её внутренней формы (этимологического значения), задающей её «назначение» в языке и определяющей границы её дальнейшего развития и, во-вторых, из имеющегося в данный момент спектра употребления.

Исходным пунктом в исследовании предлогов немецкого языка стало для нас положение о языковом формате знания, разработанное Н. Н. Болдыревым в его интегративной теории репрезентации знаний в языке [Болдырев, 2006, 2014], согласно которой лексические категории (лексический формат знания), являясь аналоговыми по отношению к категориям естественных объектов и представляя в языке онтологическую модель мира, противопоставляются грамматическим категориям (грамматическому формату знания), представляющим онтологическую модель языка и обеспечивающим его коммуникативную функцию, и модусным (интерпретативным), позволяющим фиксировать в языке результаты оценки уже имеющегося знания о мире. Использование данной теории для определения лексико-грамматической категории предлога приводит нас к следующему утверждению: являясь языковым средством обозначения отношений и связей между естественными объектами и реализуя тем самым свой лексический статус, предлог воспроизводит в языке определённую часть онтологической картины мира, сохраняя при этом национально-культурную специфику восприятия этого мира (именно поэтому не существует полного совпадения объёма значений предлогов в разных языках). Выполняя в то же время грамматическую функцию – функцию обозначения подчинительной связи между знаменательными словами, категория предлога представляет определённый фрагмент онтологии языка, формируясь согласно закономерностям его внутреннего устройства.

1.2. Методы и модели описания предложной семантики [Prepositional semantics: Methods and models of description]

Анализ когнитивной сущности или когнитивных оснований языковой единицы предопределяет необходимость обращения к интерпретативному методу, имеющему двухвекторную направленность: с одной стороны, на функциональную заданность языковой единицы и её функциональное поле, формирующих её актуальное значение, а с другой – на мотивы создания языковой единицы, выводимые из её внутренней формы (этимологического значения). Внутренняя форма в отношении предлогов есть их первоначальное значение, определяющие границы развития предложной семантики. Это значение определяется нами как прототипическое, т. е. представляющее по отношению ко всем остальным значениям когнитивную модель, сохраняющую в каждом новом значении свои интегральные и дифференциальные признаки. Первичным у всех предлогов, образовавшихся от наречий места (так называемых древних предлогов), является их пространственное значение.

Следуя выше представленной логике, в основу описания семантики предлога немецкого языка *an* и объяснения его семантико-грамматических вариантов был положен принцип прототипичности. Новое значение предлога рассматривалось нами как мотивированное его прототипичным значением и теми признаками, которые оно фиксирует. Соблюдение данных принципов описания позволило дать единое, непротиворечивое описание семантического развития указанных предлогов немецкого языка без необходимости выделения «особых» случаев употребления как исключений из общего правила.

Выдвинутая в настоящей статье исследовательская гипотеза обусловила необходимость обращения к теории концептуальной деривации, описывающей механизм семантического развития языковых единиц в лингво-когнитивном аспекте. Под когнитивной деривацией здесь понимается «когнитивный процесс, обеспечивающий по-

явление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [Бабина, Шепелева, 2008, с. 47].

Обращение к данной теории оправдано, по нашему мнению, тем, что пространственные предлоги, отражая в языке взаимосвязи предметов реального мира и реализуя тем самым свой лексический статус, коррелируют с концептуальным уровнем, находя своё место в концептуальной картине мира в виде концепта, содержательное ядро которого составляет пространственная семантика. Закрепление данного концептуального содержания за определённой языковой формой и интенсивное её употребление становятся условием возможности вторичного использования языковой единицы для «упаковки» иного содержания, потребность в которой (в упаковке) возникает каждый раз в связи с необходимостью выражения новых отношений между объектами мира.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили минимальные контексты (предложения), содержащие предлог *an*, отобранные методом сплошной выборки из Корпуса текстов немецкого языка Берлинско-Бранденбургской Академии наук (DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache 'Цифровой словарь немецкого языка'), а именно из корпуса текстов газеты *Die Zeit* за последние пять лет. В общей сложности было отобрано 250 предложений как единиц анализа.

На основе данных лексикографических источников (словари DWDS и Duden) были выявлены зафиксированные к настоящему времени в немецком языке лексико-семантические варианты исследуемого предлога. Предложения, составившие исследовательский корпус, были сгруппированы соответственно выделенным значениям предлога *an*.

Анализ каждого значения предлога *an* осуществлялся, исходя из указанных выше принципов прототипичности и мотивируемости языковой семантики с помощью метода наложения (проецирования). Прототипическое (первичное) значение предлога, понимаемое как когнитивная модель, проецировалось на его актуальное значение, реализуемое в конкретном контексте. На основании этого выявлялось соответствие / отклонение актуального значения от прототипического и определялся механизм семантической трансформации.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В DWDS и Duden зафиксировано четыре типизированных значения предлога *an*. DWDS обозначает их как I) пространственное (1 – прямое, 2 – переносное), II) временное, III) употребление в разговорной речи в значении 'около, примерно', IV) употребление предлога исключительно в его грамматической функции в устойчивых конструкциях с глаголами, именами прилагательными, существительными и числительными [<https://www.dwds.de/wb/an>].

Словарь Дуден указывает те же значения, но в несколько иной последовательности и интерпретации: 1) пространственное (а) указание направления, б) указание положения, близости, прикосновения к чему-либо, с) в сочетании с существительными для обозначения множества или регулярности некоторого ряда объектов), 2) временное, 3) вне зависимости от пространственных или временных представлений установление связи с объектом или признаком, 4) обозначение пространственного или временного простираения (вместе с предлогом *bis*) [https://www.duden.de/rechtschreibung/an_Praeposition].

В своём прямом пространственном значении (см. 1a и 1b в DWDS, 1a) и 1b) в Duden) предлог *an* выражает отношение 'плотное соприкосновение, непосредственная близость' и является предлогом, который управляет несколькими падежа-

ми, т. к. может указывать как на расположение объектов в пространстве, употребляясь в этом случае с дополнениями в дательном падеже, так и на движение одного объекта (референта) в направлении другого (релятума), требуя дополнения в винительном падеже. Приведём примеры употребления в этом значении в современной прессе.

(1) *In dem Stammesgebiet an der Grenze zu Afghanistan führt das pakistanische Militär seit Mitte Oktober ein Großoffensive gegen Taliban-Kämpfer und Al-Qaida-Terroristen* (Die Zeit, 01.01.2010, Nr. 53 [<https://www.dwds.de/r/?corpus=zeit&q=an>]) – 'В племенной области на границе Афганистана пакистанские военные силы ведут наступательные действия против бойцов Талибана и террористов Аль-Каиды' (Здесь и далее перевод мой – И. С.).

(2) *Er zeigt uns das Mädchen <...> zusammengekauert trauernd auf dem Fußboden an Emils leeres Bett gelehnt* (Die Zeit, 13.03.2018, Nr. 19 [<https://www.dwds.de/r/?corpus=zeit&q=an>]) – 'Он показывает нам девочку <...> сжавшуюся печально в комочек и прислонившуюся к кровати Эмиля'.

В рамках пространственного значения, а именно 'обозначение положения в непосредственном соприкосновении', DWDS выделяет в отдельную группу употребление предлога *an* с существительными в дательном падеже в функции обстоятельства места действия и приставками: «Grammatik: in Verbindung mit Ortsadverbien, Präfixen» [<https://www.dwds.de/wb/an>]. Рассмотрим реализацию этих значений на конкретных примерах.

(3) *Wenn ich am Computer sitze, versucht sie, mit ausgefahrenen Krallen an meinem nackten Bein hochzuklettern, als ob mein Bein ein Baumstamm wäre* (Zeit Magazin, 10.09.2009, Nr. 38 [<https://www.dwds.de/r/?corpus=zeit&q=an>]) – 'Когда я сижу за компьютером, она пытается, выпустив когти, вскарабкаться по моей голый ноге, словно моя нога – ствол дерева'.

В данном предложении *an* управляет существительным *Bein*, являющимся обстоятельством места действия и употреблённом, несмотря на наличие действия, в дательном падеже. Этот случай не является, однако, исключением из общего правила. Объяснение данного употребления находим в особенностях пропозиции данного (и подобного им) предложения. Действие, обозначаемое глаголом *hochklettern*, и субъект действия локализируются на определённой вертикальной плоскости, чем и обусловлено употребление предлога *an*. Отличие от прототипического значения ('указание на расположение объекта'), заключается лишь в том, что локализация некоторого объекта (референта) на некоторой плоскости (релятуме) и действие, выполняемое этим референтом, совмещены в одной пропозиции. При этом эксплицитно выражено лишь действие, хотя не оно, а именно локализация его и субъекта (референта) на некоторой плоскости предопределяет дательный падеж, имея, однако, имплицитный (выводной) статус.

К этой же группе DWDS относит и случаи согласования с помощью предлога *an* существительных с глаголами, имеющими приставки *vorbei-*, *entlang-*, *vorüber-*, требующих дательного падежа: «er geht an mir vorbei» [<https://www.dwds.de/wb/an#d-1-1-4>]. Рассмотрим этот случай на примерах.

(4) *Als der Kommandeur Go! brüllt, laufen die Freiwilligen los und marschieren dicht nebeneinander, vorbei an Wohnhäusern und kleinen Geschäften* (Die Zeit, 01.01.2017, Nr. 52 [<https://www.dwds.de/r/?q=vorbei+an>]) – 'Командир кричит Давай!, добровольцы двигаются с места и маршируют плечо к плечу мимо жилых домов и магазинов'.

(5) *Alle vier spazieren an der Alster entlang, kaufen gebrannte Mandeln, <...>* (Die Zeit 09.04.2017, Nr. 15 [<https://www.dwds.de/r/?q=spaziert+an>]) – 'Все четыре гуляют вдоль Альстера, покупают жареный миндаль <...>'.

Пропозициональная структура обоих высказываний содержит предикат и два актанта: субъект действия и место действия. Предлог *an* реализует прототипическое по своей сути значение, указывая на расположение объекта в пространстве (чем и объясняется дательный падеж), несмотря на то, что предикат выражен глаголом движения, и ситуация могла бы быть описана как «движение одного объекта в направлении другого».

Этого не происходит, т. к. в языковой картине мира немцев эта ситуация мыслится как движение в некотором пространстве, ограниченном другим объектом (в 3 – жилыми домами, в 4 – рекой Альстер). Направление движения выражено приставками *vorbei-*, *entlang-*, требующими в свою очередь дательного падежа. Собственно, эти случаи ничем не отличаются от описанного выше, т. к. и здесь речь идёт о локализации некоторого действия, выполняемого субъектом в непосредственной близости некоторого объекта.

В группе прямого пространственного значения 1а) 'обозначение соприкосновения, непосредственной близости' отдельным случаем DWDS рассматривает употребления предлога *an* с существительными, обозначающими место профессиональной (образовательной) деятельности. Данное значение фиксируется как „tätig in“ [<https://www.dwds.de/wb/an>]. В высказываниях этого типа (см. 6–8), как и в приведённых выше, существительное, управляемое предлогом *an* (*britische Universität, die Jugendschule, deutsche Opernhäuser*), выражает обстоятельство места действия, предлог указывает на расположение объекта в пространстве, требуя дательного падежа. Отличие заключается в том, что предикат в пропозиции высказывания выражает не действие само по себе, а отношение между актантами (субъектом действия и местом действия) как отношение локализации, указывая своей семантикой на причину локализации – профессиональную деятельность (*unterrichten, arbeiten*), что может быть выражено лексически (7, 8) или подразумеваться (6).

(6) *Ursprünglich sei der 800-Meter-Turm gedacht gewesen als Wahrzeichen <...>, sagt Christopher Davidson, Politologe an der britischen Universität Durham* (Die Zeit, 03.01.2010, Nr. 53 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Первоначально 800-метровая башня задумывалась как символ площади <...>, говорит политолог британского университета Дурхам'.

(7) *Seit Kurzem unterrichtet er allerdings nicht mehr an der Jungenschule in Stellenbosch <...>* (Die Zeit, 26.01.2018, Nr. 02 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Во всяком случае с недавнего времени он больше не преподаёт в молодежной школе Штеллебош <...>'.

(8) *Im Jahr 2016 waren 4820 Sängerinnen und Sänger an deutschen Opernhäusern angestellt, davon 38,5 Prozent Ausländer* (Die Zeit, 18.01.2018, Nr. 01 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'В 2016 году в немецких оперных театрах работали 4820 певцов, среди которых 38,5% составляли иностранцы'.

Употребление предлога *an* с глаголами движения в ситуациях, описывающих направление к определённому пункту или прибытие в определённый пункт, также выделяется в DWDS как особый случай употребления в группе прямого пространственного значения и объясняется именно как тематически обусловленное [<https://www.dwds.de/wb/an>].

В логике нашего описания употребление предлога *an* и в этих случаях ничем не отличается от общего правила и всецело укладывается в рамки прототипического значения. Так, в примере (9) и во всех аналогичных предлог *an* указывает на движение одного объекта по направлению к другому.

(9) *In der heißen Stille dieses Vormittags verlassen wir sie – und fahren an den See* (Die Zeit, 29.08. Nr. 36 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'В горячей тишине этого утра мы её покинули и поехали к озеру'.

Отдельной группой представлены случаи переносного употребления предлога *an*. Пространственное значение служит в этом случае основой для метафоризации и обозначения с его помощью пространственных отношений между субъектом и некоторым абстрактным понятием, мыслимым предметно. В качестве таковых выступают продукты мыслительной деятельности (идеи, представления, мысли, слова, позиция и т. п.). При этом метафоризации подвергается и управляемый предлогом глагол, что позволяет говорить о семантической трансформации всей предложной группы.

(10) *Er hängt an der Idee fixe so mancher Literaturwissenschaftler, die unbewusst meinen, Autoren wären im Grunde doch nur praktizierende Literaturtheoretiker* (Die Zeit, 25.11.1994. № 48 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Он заиклен на идее-фикс, как неко-

торые литературоведы, которые неосознанно считают, что авторы в основе своей – это практикующие теоретики литературы'.

С метафоризацией пространственного значения предлога *an* мы имеем дело и в следующем примере, иллюстрирующим широко распространённые в языке случаи различного представления отношений между двумя объектами – референтом (правительство США), который мыслится как находящийся в тесной близости с другим – релятумом (правительство Пакистана).

(11) *Clinton versprach in seiner Erklärung vom Freitag, Washington werde weiter an der Seite Pakistans stehen* (Die Zeit, 02.01.2010, Nr. 53 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Клинтон обещал в своём заявлении, что Вашингтон и дальше будет стоять на стороне Пакистана'.

В р е м е н н ы е значение предлога *an* реализуется в немецком языке в конструкциях с именами существительными, обозначающими дни недели, выходные, праздничные дни и время суток (кроме ночи). DWDS выделяет 3 случая: с определёнными днями и временем суток, с обобщённым указанием времени и в сочетании с предлогом *bis* [<https://www.dwds.de/wb/an>], Duden – только одно – с определёнными днями и временем суток.

Анализ семантики и её интерпретация исходя из первичного значения предлога позволяют говорить, что и в данном случае речь идёт о полисемии на основе процесса метафоризации. Семантическая деривация является в данном случае результатом метафорического представления дней недели, выходных и времени суток как вертикальных плоскостей (словно дней календаря), в отличие, например, от русскоязычного сознания, в котором данные объекты мыслятся как замкнутые пространства.

(12) *In der Johanneskathedrale in der Warschauer Altstadt haben sich an einem Donnerstagabend im November so viele Gläubige versammelt, dass kein Platz mehr frei bleibt* (Die Zeit, 01.01.2017, Nr. 52 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'В один из вечеров ноября в Кафедральном соборе святого Иона Крестителя в центре Варшавы собралось так много верующих, что не осталось ни одного свободного места'.

Та же самая ситуация наблюдается и при употреблении предлога *an* с существительными *Zeit, Anfang, Schluss, Ende*, употребляемыми во временном значении и указывающими на начало или конец какого-л. действия или события (значение в DWDS – 'обобщённое указание времени'). Следующий пример иллюстрирует это: начало профессиональной жизни (релятум) мыслится здесь метафорически как некая плоскость, в непосредственной близости к которой находятся женщины (референт).

(13) *Alle drei Frauen waren, als sie auf Wedel trafen, junge Schauspielerinnen, die noch am Anfang ihres Berufslebens standen* (Zeit Magazin, 03.01.2018, Nr. 02 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Все три женщины, столкнувшись с Веделем, были молодыми актрисами, стоявшими еще в начале профессиональной карьеры'.

Как второй тип временных отношений DWDS фиксирует употребление предлога *an* вместе с предлогом *bis* (*bis an*) [<https://www.dwds.de/wb/an#d-1-1-2>], где вся конструкция приобретает значение 'вплоть до' и требует после себя имени существительного в винительном падеже: «die Feier dauerte bis an den frühen Morgen» [Там же]. Словарь Duden рассматривает это значение как одно из четырёх основных [https://www.duden.de/rechtschreibung/an_Praeposition]. Рассмотрим употребление исследуемого предлога в этом значении на нескольких примерах.

(14) *Diese Sache wird mich bis an mein Lebensende verfolgen, das ist klar* (Die Zeit, 02.01.2010, Nr. 53 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Это ситуация будет преследовать меня до конца моей жизни, это ясно'.

(15) *Die Grünen seien dafür; so sagen sie es zumindest von sich selbst, "bis an ihre Schmerzgrenze gegangen* (Die Zeit, 20.11.2017 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Зелёные, по крайней мере так они говорят о себе, достигли болевого порога'.

Интерпретация деривационных процессов в логике «от прототипичного» позволяет полностью объяснить появление и данного значения предлога *an*, который указывает на движение (в (14) – через *verfolgen* 'преследовать', в (15) – через *gehen* 'идти'), в некотором – временном – пространстве одного объекта по отношению к другому, а предлог *bis* привносит в эту семантику значение предельности. Иными словами, выражение временных отношений как новое значение сочетания *bis an* возникает в результате метафорической концептуализации категории времени в языковой картине мира немцев (время = пространство).

Все проанализированные нами примеры иллюстрируют, собственно говоря, случаи выражения пространственных отношений референта и релятума, которые или есть действительно отношения в пространстве, или мыслятся как таковые. Так, в (14) релятум обозначает некий момент (конец жизни), который метафорически переосмысливается в пространственный объект (вертикальную плоскость), ограничивающий движение референта в этом пространстве. В (15) метафоризации подвергается концепт SCHMERZEN, который мыслится как пространство, имеющее свои границы, что приводит к образованию лексической единицы *Schmerzgrenze* 'граница боли'.

Следует заметить, что если в описании семантики сочетания *bis an* DWDS указывает лишь на временное значение, то Duden и на временное, и на пространственное [https://www.duden.de/rechtschreibung/an_Praeposition], иллюстрируя эти значения следующими примерами: «– das Wasser reichte ihm bis an die Knie» – 'вода достигала ему до колен', «Er war gesund bis an sein Lebensende» – 'Он был здоров до конца жизни' [Там же].

В пользу логики Duden говорят множественные примеры употребления *bis an* в пространственном значении. Приведём один из них.

(16) *Komplett verschwinden wird die Lieferung bis an die Haustür wohl nicht* (Die Zeit, 11.12.2017 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Полностью доставка до двери, вероятнее всего, не исчезнет'.

В данном примере движение референта до границы релятума выражается существительным *Lieferung* 'доставка' и мыслится как некий процесс.

Следующее зафиксированное DWDS самостоятельное значение предлога *an* (обозначенное римской цифрой III), описывается как реализующееся в разговорной речи – 'ungefähr, gegen, etwa' (= 'примерно, около') [<https://www.dwds.de/wb/an>]:

sie ist an die dreißig (Jahre alt) – 'ей около тридцати лет';

er brachte an (die) 200 Euro nach Hause – 'он принес домой около 200 евро';

ich habe die Oper an (die) fünfmal gesehen – 'я видела эту оперу около пяти раз';

das ist wohl an die vier Wochen her – 'уже где-то четыре недели прошло'.

Словарь Duden это значение не выделяет и не указывает на него.

Исходная позиция когнитивного подхода в исследовании языковой семантики, которой мы придерживаемся в настоящем исследовании, есть признание мотивированности языкового знака: семантика любой языковой единицы есть результат её развития от первичного значения до момента описания, вследствие чего омонимия в языке (в её чистом виде) есть результат лишь случайного совпадения форм или слов родного языка и заимствований. Во всех остальных случаях речь идёт о потере очевидной связи (мотивированности) на конкретном этапе развития языка, которая может быть восстановлена на основе уже имеющейся языковой логики.

Основываясь на данном положении и принимая за первичное значение предлога *an* выражение пространственных отношений между двумя горизонтально расположенными объектами, один из которых стремится к другому или находится на его поверхности или вблизи неё, а также имея примеры переосмысления других отношений в категориях пространства, мы можем объяснить значение *пр и б л и з и т е л ь н о с т и* исходя из данной логики. Моделирование семантики на основе описанного принципа не

наталкивается ни на какие трудности, напротив, абсолютно укладывается в общую логику развития семантики исследуемого предлога. Языковая семантика приблизительности в силу своей абстрактности ищет конкретные образы для своего представления и получает в языковой картине мира немцев в данном случае образ пространства, т. е. мыслиться как пространство, своего рода, пространство вариантов. Релятум (в (17) – 60 миллиардов) выступает объектом, ограничивающим это пространство, к которому (объекту) приближается референт – реальная величина, не названная, однако, а лишь предполагаемая.

(17) *Hahn: Laut Schätzungen bis an die 60 Milliarden, wobei viel von dem Geld in Firmen und Immobilien angelegt ist* (Die Zeit, 24.11.2017 Nr. 34 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Хан: Согласно оценкам, где-то до 60 миллиардов, при этом большая часть денег была вложена в фирмы и недвижимость'.

Четвёртой отдельной группой DWDS выделяет употребление предлога *an* в устойчивых конструкциях с глаголами, именами прилагательными, существительными и числительными, указывая в данном случае на «исключительно грамматическую природу этой функции» [<https://www.dwds.de/wb/an>]:

an einer Krankheit leiden, sterben – 'страдать, умереть от болезни';
sich freuen, ärgern an jmdm. – 'радоваться кому-то, злиться на кого-то';
gut, übel an jmdm. handeln – 'обращаться с кем-либо хорошо, плохо';
jung an Jahren – 'молодой по годам';
reich an Erfahrung(en) – 'богат опытом';
arm an Freuden – 'беден радостью'.

Стёртость внутренней формы предлога *an* в употреблении с такими глаголами как *leiden, sterben, sich freuen, liegen*, а также не указанных в DWDS, таких как *arbeiten, teilnehmen, sich interessieren, scheitern* и многих других, не означает никоим образом произвольности рождения новой (на определённом этапе развития языка) семантики. Наличие уже имеющейся в языке модели описания отношений двух объектов с помощью предлога *an* позволило носителям языка использовать эту модель для описания аналогичных, похожих (с их как представителей определённой лингвокультуры точки зрения) отношений. На этом, как известно, основана вся метафорически обусловленная семантическая деривация. Следуя этому утверждению, в любом варианте употребления предлога *an* речь будет идти об отношениях (реальных или переосмысленных) между некоторым референтом, который находится на вертикальной поверхности некоторого другого объекта (релятума) или в его непосредственной близости, или стремится к нему. При этом данные объекты могут быть как конкретными, так и абстрактными, но получающими в языке образное переосмысление.

Таким образом, употребление предлога *an* в словосочетании *leiden an einer Krankheit* должно быть мотивировано ничем иным, как представлением болезни как некоторой вертикальной плоскости, на которой находится (к которой прикреплен) человек. Глагол *sterben (an einer Krankheit)* ничего, собственно, не меняет в этом образном представлении, внося лишь семантику 'завершение страдания смертью', глагол *scheitern* в этом ряду объясняется общностью типизированной семантики, что можно было бы описать, как 'нежелательное прекращение некоторого процесса в результате действия негативных факторов'.

(18) *Vor zwei Jahren starb ihr Mann mit nur 30 Jahren an Krebs* (Die Zeit, 18.01.2018, Nr. 01 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Два года назад её муж в возрасте 30 лет умер от рака'.

(19) *Der gemeinsame Staat scheiterte letztlich am Unvermögen und fehlenden Willen der beteiligten politischen Eliten, eine Verfassung oder einen Staatsvertrag über das Verhältnis der beiden Republiken zustande zu bringen* (Die Zeit, 06.01.2018 (online) [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Всё государство рухнуло в конце концов от невозможности и отсутствия воли политической элиты принять конституцию или государственный договор об отношении между обеими республиками'.

Следует признать, что принцип объяснения многозначности предлогов исходя из их первичного значения, не нов. Так, В. Н. Съедин предпринимает такую попытку ещё в 60-х годах прошлого столетия и представляет её результаты в своём пособии «Предлоги немецкого языка» [Съедин, 1963]. По отношению к вышеуказанным глаголам, а также глаголу *erkranken* он даёт такое объяснение: «предмет, совершающий многократно повторяющееся действие и входящий при этом в соприкосновение с другими предметами, может претерпеть всевозможные изменения – изменить направление движения, свое качество, состояние» [Там же, с. 37].

Мы не берёмся подтверждать или опровергать описанные В.Н. Съединым нюансы лексической мотивированности употребления предлога *an* с указанными глаголами, поскольку с одной стороны, в языке нет тому прямых доказательств, а с другой – от них не зависит объяснение наличия предлога *an*: его употребление может объясняться лишь общей логикой развития первичного значения и её вполне достаточно, чтобы подвести все глаголы, употребляемые с предлогом *an*, к одной модели описания.

Составители DWDS указывают отдельным пунктом употребление предлога *an* с глаголом *liegen* 'лежать', не объясняя, однако, причину этого выделения и не давая описания самого значения. Несмотря на противоречие (*liegen* в прямом значении обозначает горизонтальное положение предмета) мотивированность употребления предлога *an* с *liegen* в значении 'durch jemanden, etwas verschuldet, begründet, verursacht sein; auf etwas zurückzuführen sein', а также 'von jemandem abhängen, in jemandes Macht, Entscheidung[sfreiheit] stehen' [<https://www.duden.de/rechtschreibung/liegen>] (= 'быть причиной, виной чего-либо; зависеть от кого-либо, находится в чей-либо власти') вполне понятна: определённые обстоятельства мыслятся как объекты (референты), находящиеся (соприкасающиеся вертикальными плоскостями) на некотором другом объекте (релятуме), который есть причина, основание, определяющий фактор названного обстоятельства, глагол *liegen* обозначает не горизонтальное положение, а указывает на локализацию объекта.

(20) *Dass Ungerechtigkeit entsteht, liegt an den Menschen* (Die Zeit, 08.01.2018, Nr. 02 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Несправедливость возникает, лежит на людях'.

Высказанное В. Н. Съединым предположение [Съедин, 1963] о мотивированности употребления предлога *an* с глаголом *liegen* в значении 'durch jemanden, etwas verschuldet sein' имеющимся в языке синонимичным выражением *an etw. Schuld haben* 'быть виноватым' не противоречит нашему объяснению, поскольку оно мотивировано первичным – пространственным значением предлога. В этой же логике объясняется употребление *an* в словосочетаниях *an etw. Teil nehmen / haben* 'участвовать': часть или вина, которую некто имеет, мыслится расположенной на некотором – вертикальном целом. В пользу принципа объяснения развития нового значения от первоначального, т. е. пространственного, а не как производного именно от выражения *an etw. Schuld haben* говорит и тот факт, что глагол *liegen* в сочетании с предлогом *an* также реализует значение 'durch jemanden, etwas begründet, verursacht sein', 'von jemandem abhängen, in jemandes Macht, Entscheidung [sfreiheit] stehen'.

По тому же принципу, на наш взгляд, должно объясняться и употребление предлога *an* с глаголами *arbeiten* 'работать', *sich interessieren* 'интересоваться', в словосочетаниях с существительными *Interesse / Spaß / Freude haben* ('иметь интерес/ удовольствие / радость'), *Kritik üben* 'критиковать'.

Концептуально семантика каждого из этих выражений укладывается в некоторое представление – с х е м а т и ч н у ю с и т у а ц и ю. Так, представители немецкой лингвокультуры, описывая некую ситуацию выражением *arbeiten an Dat.*, мыслят её как приложение своих усилий по отношению к некоторому объекту, который находится вертикально к субъекту (аналогично тому, как рисовать что-либо на холсте / стене и т. п.), тогда как для представителей русской лингвокультуры объект приложения усилий мыслится под субъектом, а он, соответственно, над ним (работать над чем-л.).

Точно так же интерес, удовольствие, радость, критика субъекта мыслятся как объекты, расположенные вертикально на некотором другом объекте, этот в реальности и является объектом интереса, радости, критики, удовольствия.

(21) *Sie tragen keine Masken, sie **haben** keinen **Spaß an der Dekonstruktion der gesellschaftlichen Strukturen, in denen sie leben*** (Die Zeit, 25.12.2017 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Они носят маски, у них нет желания в разрушении общественных структур, в которых они живут'.

Синонимические конструкции, основанные на замене глагола *haben* другими глаголами или на его опущении, добавляют лишь детали, не меняя суть ситуации: в (22) *das Interesse am Jazz verlieren* 'потерять интерес к джазу' описывает ту же самую ситуацию, что и выражение *das Interesse am Jazz nicht mehr haben* 'не иметь больше никакого интереса к джазу', глагол *verlieren* 'терять' актуализирует процесс овеществления абстрактного понятия (интерес получает статус предмета, который можно потерять), хотя и очень слабо в силу уже стёршегося характера метафоры и добавляет семантику длящегося процесса.

(22) *Die Platten erscheinen erst viel später, als Verve den Vertrag Petersons aussetzt, weil die Musikindustrie **das Interesse am Jazz verliert*** (Die Zeit, 03.01.2018, Nr. 01 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Пластинки появляются много позже, когда Верве приостанавливает действие контракта, т. к. музыкальная индустрия теряет интерес к джазу'.

В (23) выражение *Kritik an etw./j-m üben* также соответствует описанной выше типизированной ситуации с глаголом *arbeiten an*. Отличие состоит лишь в том, что если глагол *arbeiten* не уточняет вид прикладываемого усилия (умственное, физическое, творческое), то существительное *Kritik* его чётко определяет.

(23) *Er hat in studentisch organisierten Marx-Lesekreisen **Das Kapital** gelesen, hat zusammen mit anderen sozialistische **Kritik an der Islamischen Republik geübt*** (Die Zeit, 05.01.2018 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Он читал Капитал в организованных студентами кружках чтения Маркса, критиковал вместе с другими Исламскую Республику'.

В этом отношении мы вправе говорить о концептуальном сходстве ситуаций, описываемых рядом выражений, не являющихся в языке синонимичными. Это сходство основано именно на совпадении пропозиции. Такими выражениями являются *an etw. / j-m arbeiten*, *Kritik an etw. / j-m*, *Vergeltung an etw. / j-m üben* 'мстить', *Taten an j-m begehen* 'совершать злодеяния' и т. п.

(24) *Die Eroberer **begingen Greuel**taten wie die sexuelle Versklavung von Frauen oder Massaker **an der Zivilbevölkerung*** (Die Zeit, 25.12.2017, Nr. 53 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Завоеватели совершали злодеяния по отношению к мирному населению такие, как сексуальное насилие над женщинами и массовые убийства'.

Употребление предлога *an* с глаголами (*sich*) *anpassen* 'подстраиваться, приспособливаться', *sich gewöhnen* 'привыкать' абсолютно логично с точки зрения описываемой типизированной ситуации: один объект (референт) подстраивается, соприкасаясь (в реальности или в воображении субъекта речи) с другим (релятумом) своей поверхностью в вертикальной плоскости. В этом отношении указанные глаголы также описывают концептуально схожие ситуации:

(25) *Als Meister der Genügsamkeit halten es Kamele lange Zeit ohne Nahrung und Wasser aus und sind deshalb perfekt **an Halbwüsten angepasst*** (Die Zeit, 22.12.2017, Nr. 53 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Как мастера непритязательности верблюды долго выдерживают без еды и воды и поэтому прекрасно приспособливаются к полупустыне'.

Группу, объединённую концептуальным сходством описываемой ситуации, представляют собой глаголы *sich (etw.) wenden* 'обращать(ся)' / *sich (etw.) richten* 'направлять(ся)' / *etw. senden* 'отправлять, посылать' / *etw. schreiben* 'писать' / *(Geld) zahlen* 'выплачивать деньги' и т. п., которые употребляются с предлогом *an*, указывающим в данном случае на адресата (в прямом значении слова):

(26) *Ndovelas Tod sendete ein deutliches Signal an andere potenzielle Zeugen* (Die Zeit, 16.12.2017, Nr. 52) – 'Смерть Ндовела послала отчётливый сигнал другим потенциальным свидетелям'.

(27) *Vor einigen Monaten setzte Brockmann sich an seinen Computer und schrieb eine Mail an die ZEIT* (Die Zeit, 04.01.2018, Nr. 01 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Несколько месяцев назад Брокман сел за компьютер и написал письмо в «ди Цайт»'.

Адресат может при этом находиться как в непосредственной близости, так и мыслиться удалённо, логика использования в данных выражениях предлога *an*, тем не менее, полностью объяснима: некоторый объект (референт) движется / приближается (в результате действий субъекта) к некоторому другому объекту (реляту).

Меньшей прозрачностью внутренней формы обладают, на наш взгляд, сочетания с предлогом *an* глаголов *denken, sich erinnern, zurückdenken, glauben*. Объяснение данного сочетания осуществляется в общей логике уже имеющихся типизированных ситуаций. Употребление предлога *an* с глаголами, описывающими процесс мысленного представления некоторых объектов, свидетельствует о том, что в немецком языковом сознании эти объекты мыслятся как расположенные вертикально перед внутренним взором субъекта и его мысль (референт) направляется (движется) к этому объекту. Например:

(28) *Ich bin sprachlos vor Entsetzen, ich denke an dich* (Die Zeit, 04.01.2018 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Я не могу говорить от ужаса, я думаю о тебе'.

Наибольшей непроницаемостью внутренней формы отличаются, на наш взгляд, сочетания предлога *an* с лексическими единицами *reich, arm, mangeln, Mangel haben, an Bedeutung / Wert verlieren / gewinnen* и др., описывающими ситуации достаточности или недостаточности чего-либо.

(29) *Eine Untersuchung der Stiftung Warentest hat etwa ergeben, dass selbst natürliches Mineralwasser mitunter arm an diesen Stoffen sein kann* (Die Zeit, 18.06.2017 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Исследование фонда Варентест (тестирование товаров) показало, что даже естественная минеральная вода может быть бедна этими веществами'.

(30) *Fast jedes Kapitel des Taschen-Bandes ist reich an Zitaten* (Die Zeit, 05.12.2017 [<https://www.dwds.de/r/?q=an>]) – 'Почти каждая глава карманного тома богата цитатами'.

Обращение к прототипическому значению предлога *an*, а именно к значению, которое он реализует в дательном падеже – 'плотное соприкосновение, непосредственная близость одного объекта к другому' – позволяет схематично восстановить типизированную ситуацию. В отличие от выражений типа *Das Kind hängt noch sehr an seiner Mutter*, описывающих метафорически ситуацию нахождения одного объекта целиком на вертикальной плоскости другого, выражения, представленные в (29) и (30) описывают нахождение (через глагол *sein*) одного объекта (референта) на плоскости другого (релятума) не целиком, а лишь в одном его свойстве – *arm* или *reich*. Иными словами, на поверхности релятума референт находится, проявляя свойство бедности или богатства.

Выражения *an Bedeutung / Wert verlieren / gewinnen* являются синонимичными выражениям *reich / arm sein an*. Отличие состоит в том, что релятум в ситуации, описываемой данными выражениями, является постоянной величиной, представленной абстрактными понятиями – значения (*Bedeutung*) и ценности (*Wert*), а референт – некий субъект действия (в (31) – это конкретный объект *iPod*, в (32) – факт участия) – увеличивает или уменьшает свою площадь на поверхности релятума.

(31) *Wie sehr der iPod an Bedeutung verloren hat, wurde schon deutlich, als Apple aufhörte, die Verkaufszahlen auszuweisen* (Die Zeit, 28.07.2017 (online) – 'Насколько сильно iPod потерял своё значение стало понятно уже после того, как Apple прекратил предоставлять данные продаж'.

(32) *Die Teilnahme hat für mich an Wert gewonnen* (Die Zeit, 23.02.16 (online) – 'Участие приобрело для меня значение'.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ семантики предлога *an* на основе принципа прототипичности позволяет констатировать в качестве основного и единственного механизма её развития механизм концептуальной деривации. Во-первых, все значения предлога, зафиксированные в лексикографических источниках, получают своё объяснение как производные от первоначального – пространственного значения предлога, являющегося прототипичным по отношению ко всем остальным и выполняющим тем самым роль внутренней формы. Таким образом, семантика предлога *an* на сегодняшнем этапе его функционирования в языке есть результат развития его пространственного значения по модели концептуальной деривации, т. е. образования нового значения на основе уже имеющегося представления, образа, схемы и т. п. Во-вторых, фиксируемое как временное значение предлога *an* есть результат концептуализации категории времени в образах пространства, что свойственно многим языкам и объясняется понятием концептуальной метафоры ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО, которая находит в языке различные формы реализации, в том числе и на уровне предложной семантики. В-третьих, значение приблизительности, также выделяемое в отдельную группу, представляет собой, как и временное значение, результат метафорического переосмысления абстрактной семантики и придания ей конкретных образов, в данном случае – образа некоторого пространства, имеющего фиксированную границу – некую максимальную величину, к которой движется референт. Все значения предлога *an*, обозначаемые в DWDS как грамматические, являются также результатом переосмысления семантики релятума в образах вертикальной плоскости. Иными словами, лексическая единица, употребляемая с предлогом *an*, обозначает некий объект, мыслимый в языковой картине мира немцев как вертикальная плоскость, в непосредственной близости к которой или непосредственно на которой находится (приближается к ней) некий другой объект.

Таким образом, пространственное значение предлога *an* является прототипом по отношению ко всем остальным значениям, развившимся в ходе языкового употребления, что позволяет говорить об их производности и трактовать общий процесс развития семантики как полисемию. Многообразие вариантов употребления предлога *an* с существительными, глаголами и прилагательными, которые описываются в словарях как отдельные случаи употребления, беспрепятственно сводится при использовании данного метода описания семантики к небольшому числу типизированных ситуаций (пропозиций), имеющих определённый набор вакантных позиций, которые заполняются в речи конкретными языковыми единицами.

Проведённое исследование даёт достаточно оснований утверждать неправомерность отказа предлогам как служебным словам в наличии семантики, что широко постулировалось в традиционной лингвистике как результат процесса десемантизации языковой единицы при переходе её из категории полнозначных слов в служебные. Будучи образованным от наречия места, предлог *an* не потерял своей семантики ни во одном из вариантов употребления (ни в одном из своих грамматических значений, фиксируемых как таковых лексикографическими источниками). Служа в своём пространственном значении основой для множественной метафоризации и вторичной номинации (и в этом отношении встраиваясь в широко распространённую в языке практику концептуализации абстрактных сущностей через категории пространства), предлог *an* развил свой грамматический статус как результат «увеличения степени условности и обобщения в отражении и интерпретации реальных и мыслимых объектов и отношений между ними <.>» [Толмачева, 2015, с. 609]. Используемый в исследовании метод описания может, с нашей точки зрения, применяться для изучения семантики всех остальных предлогов немецкого и других европейских языков, а также в практике преподавания для логичного и последовательного объяснения предложного употребления.

Библиографический список

- Адмони, 1988 – Адмони В. Г., Павлов В. М. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1988. 238 с.
- Бабина, Шепелева, 2008 – Бабина Л. В., Шепелева Д. А. Когнитивные основы формирования окказиональных значений сложных слов, образованных по модели N+N // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (015). С. 39–50.
- Беседина, 2007 – Беседина Н. А. Языковое знание и морфология как способ его репрезентации // Типы знаний и их репрезентация в языке : сб. науч. тр. под ред. Н. Н. Болдырева. Тамбов, 2007. С. 29–37.
- Беседина, 2013 – Беседина Н. А. Интерпретативный потенциал морфологии : факторы и механизмы // Когнитивные исследования языка. Вып. XV : Механизмы языковой когниции : сб. науч. тр. / отв. ред. В. З. Демьянков. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2013. С. 428–435.
- Болдырев, 2006 – Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 5–22.
- Болдырев, 2014 – Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Тамбов : Издательский дом ТГУ. 2014. 236 с.
- Зиндер, Строева, 1957 – Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М. : Изд-во лит. на иностр. яз, 1957. 419 с.
- Кубрякова, 2006 – Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия АН. Сер. лит-ра и язык. 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
- Москальская, 2004 – Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка : учебник. М. : Академия, 2004. 352 с.
- Солодилова, 2015 – Солодилова И. А. Оценка: концептуальные и языковые особенности реализации. Оренбург : ОГУ. 2015. 482 с.
- Солодилова, Гуляева, 2018 – Солодилова И. А., Гуляева И. В. Концептуализация и категоризация как естественные свойства человеческого мышления // Филологические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14–15 дек. 2017 г., Оренбург / под ред. И. А. Солодиловой [и др.]. Оренбург : ОГУ. 2018. С. 64–69.
- Солодилова, Гуляева, 2019 – Солодилова И. А., Гуляева И. В. Категория предлога в когнитивном аспекте изучения // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 115–123.
- Солодилова и др., 2019 – Солодилова И. А., Гуляева И. В., Иванова Л. В. Проблемы грамматики в когнитивном аспекте изучения // Вестник Башкирского ун-та. 2019. Т. 24, № 2. С. 526–530.
- Съедин, 1963 – Съедин В. Н. Предлоги немецкого языка. М. : Высшая школа. 1963. 286 с.
- Толмачева, 2015 – Толмачева И. Н. Категория служебных слов как модусная категория // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI : Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике, 30 сентября – 2 октября 2015 г. М. : Ин-т языкознания РАН. 2015. С. 608–610.
- Erben, 1983 – Erben J. Deutsche Grammatik: ein Leitfaden. Frankfurt am Main, 1983. 190 S.
- Helbig, 2001 – Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin und München : Langenscheidt KG. 2001. 654 S.
- Schendels, 1954 – Schendels E. I. Deutsche Grammatik. Moskau, 1954. 367 S.
- Solodilova et al., 2020 – Solodilova I. A., Gulyayeva I. V., Ivanova L. V. Lexico-grammatical and derivational language units in linguo-cognitive aspect of study // Philological Readings. Proc. of the Philological Readings (PHR 2019), 19–20 September, 2019, Orenburg State University, Russia. Orenburg : Orenburg State University Press. P. 591–599.

References

- Admoni, V. G., Pavlov, V. M. (1988). *Grammaticheskiiy stoy kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki* [Grammatical structure as a system and the general theory of grammar]. Leningrad : Nauka Press (In Russ.).
- Babina, L. V. Shepeleva, D. A. (2008). Kognitivnyye osnovy formirovaniya okkazionalnykh znacheniy slozhnykh slov, obrazovannykh po modeli N+N [Cognitive bases of formation of nonce meanings of

- N+N compounds]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiky* [Issues of Cognitive Linguistics], 2 (015), 39–50. (In Russ.).
- Besedina, N. A. (2007). Yazykovoe znanie i morfologiya kak sposob ego representatsii [Language knowledge and morphology as a way of its representation]. In N. N. Boldyrev (Ed.), *Tipy znaniy i ikh representatsiya v yazyke* [Types of knowledge and their representation in language]: A collection of papers (pp. 29–37). Tambov. (In Russ.).
- Besedina, N. A. (2013). Interpretativnyy potentsial morfologii: faktory i mekhanizm [Interpretive potential of morphology: Factors and mechanisms]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XV: Mekhanizmy yazykovoy kognitsii* [Cognitive studies of language. Vol. XV: Mechanisms of language cognition] (, pp. 428–435). Tambov : Tambov State University Press. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2006). Yazykovyye kategorii kak format znaniya [Linguistic Categories as a format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiky* [Issues of Cognitive Linguistics], 2 (008), 5–22. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2014). *Kognitivnaya semantika. vvedenie v kognitivnyuyu lingvistikuyu* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]: A course of lectures. Tambov : Tambov State University Press. (In Russ.).
- Zinder, L. R., Stroeva, T. V. (1967). *Sovremennyy nemetskiy yazyk* [Modern German]. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press. (In Russ. and German).
- Kubryakova, E. S. (2006). Obrasy mira v soznanii tseloveka i slovoobrasovatelnyye kategorii kak ikh sostavlyajushchie [World representations in the human mind and categories of word-formation as their constituents]. *Izvestiya AN. Seriya literatura i yazyk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 65 (2), 3–13. (In Russ.).
- Moskal'skaya, O. I. (2004). *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern German]: A coursebook. Moscow : Akademiya Press. (In Russ. and German).
- Solodilova, I. A. (2015). *Otsenka: kontseptualnye i yazykovyye osobennosti realizatsii* [Evaluation: Cognitive and linguistic features of realization]. Orenburg : Orenburg State University Press. (In Russ.).
- Solodilova, I. A., Gulyayeva, I. V. (2018). Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya kak yestestvennyye svoystva tselovecheskogo myshleniya [Conceptualization and categorization as natural attributes of human's thinking]. *Filologicheskie tschteniya* [The Orenburg University Philological Conference], 64–69. (In Russ.).
- Solodilova, I. A., Guliaeva, I. V. (2019). Kategoriya predloga v kognitivnom aspekte isycheniya [Category of preposition in the cognitive aspect of the study]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 1, 115–123. (In Russ.).
- Solodilova, I. A., Guliaeva, I. V., Ivanova, L. V. (2019). Problemy grammatiki v kognitivnom aspekte izucheniya [Problems of grammar in the cognitive aspect of study]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2, 526–530. (In Russ.).
- Syedin, V. N. (1963). *Predlogi nemetskogo yazyka* [Prepositions of German]. Moscow : Vysshaya shkola Press (In Russ.).
- Tolmatchova, I. N. (2015). Kategoriya sluzhebnykh slov kak modusnaya kategoriya [The category of function words as an interpretative one]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vypusk XXII: Yazyk i sosnanie v mezhdisciplinarnoy paradigm issledovaniy* [Cognitive Studies of Language] (Vol. XXII : Language and cognition in the interdisciplinary paradigm, pp. 608–610). (In Russ.).
- Erben, J. (1983). *Deutsche Grammatik: ein Leitfaden*. Frankfurt am Main.
- Helbig, G., Buscha, J. (2001). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin und München : Langenscheidt KG.
- Schendels, E. I. (1954). *Deutsche Grammatik*. Moskau.
- Solodilova, I. A., Gulyayeva, I. V., Ivanova, L. V. (2020). Lexico-grammatical and derivational language units in linguo-cognitive aspect of study. In A. Pavlova (Ed.), *Philological Readings. Proc. of the Philological Readings (PHR 2019)* (pp. 591–599). Orenburg : Orenburg State University Press.

Тазранова Алена Робертовна
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
atazranova@mail.ru

Лексема *mal* 'скот' в алтайском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками

Аннотация

Лексико-семантическая группа терминов скотоводства по происхождению очень разнообразна – в ней наблюдаются тюркские и монгольские параллели, что доказывает исторический контакт данных этносов. В настоящей статье рассмотрены этимологический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический аспекты названий скота в тюркских языках Сибири и монгольских языках. Описано употребление и функционирование лексем *mal* и *kenje* в исследуемых языках. На примере алтайской лексемы *mal* 'скот' в сопоставлении с данными других тюркских и монгольских языков показано расширение или сужение семантики этого слова. Обнаружено, что в алтайском литературном языке, в частности в диалекте алтайкижи, лексема *mal* употребляется в большинстве случаев по отношению к лошади, тогда как в теленгитском диалекте алтайского языка она имеет более широкое значение, которое применяется как по отношению к общему понятию «скот», «скотина», так и по отношению к крупному и мелкому рогатому скоту. Лексема *kenje* в разных фонетических вариантах (*kenjā* ~ *kenche* ~ *xenche* ~ *xenz*) во всех рассматриваемых языках употребляется для наименования «скота, родившегося позже положенного срока», но в некоторых языках на ассоциативной базе произошло развитие вторичного номинативного значения. В современном алтайском языке слово выходит из активного употребления, сохраняется лишь в теленгитском диалекте. Лексема *mal* восходит к монгольскому заимствованию, а *kenje* считается тюркизмом.

Ключевые слова: лексика, тюркские языки Сибири, алтайский язык, монгольские языки, лексика скотоводства, лексические параллели

© Тазранова А. Р. 2022

Для цитирования: Тазранова А. Р. Лексема *mal* 'скот' в алтайском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 158–165. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_158

Alena R. Tazranova
Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
atazranova@mail.ru

The token *mal* 'cattle' in the Altai language in comparison with other Turkic and Mongolian languages

Abstract

The lexical and semantic group of cattle breeding terms is very diverse in its origin with Turkic and Mongolian parallels observed in it proving the historical contact of these ethnic groups. This article examines the etymological, comparative and lexical-semantic aspects of cattle names in the Turkic languages of Siberia and Mongolia. The functioning patterns of the lexemes *mal* and *kenje* in these languages are described. Using the example of the Altai lexeme *mal* 'cattle' in comparison with the data from other Turkic and Mongolian languages, the expansion or narrowing of the word meaning is shown. Thus, in the Altai literary language, particularly in the

Altai-Kizhi dialect, *mal* is used in most cases in relation to a horse, whereas in the Telengit dialect of the Altai language it has a broader meaning applied both to the general notion of cattle, and in relation to big and small cattle. The lexeme *kenje* in its different phonetic variants (*kenjä ~ kenchē ~ henchē ~ henz*) in all the languages under consideration is used to name cattle born later than the due date, but in some languages, a secondary nominative meaning has developed on an associative basis. In the modern Altai language, this word goes out of active use, it is preserved only in the Telengit dialect. The lexeme *mal* goes back to the Mongolian borrowing, and *kenje* is considered a Turkism.

Keywords: vocabulary, Turkic languages of Siberia, Altai language, Mongolian languages, vocabulary of cattle breeding, lexical parallels

© Tazranova A. R. 2022

For citation: Tazranova, A. R. (2022). Leksema *mal* 'skot' v altayskom yazyke v сопоставлении s drugimi tyurkskimi i mongol'skimi yazykami [The token *mal* 'cattle' in the Altai language in comparison with other Turkic and Mongolian languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 158–165. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_158

1. Введение [Introduction]

Наименование домашних животных подразделяется в алтайском языке, как и во многих тюркских и монгольских языках, по половым и возрастным признакам, в зависимости от многих факторов (от времени рождения, по гужевому использованию, по каким-то внешним качествам). Актуальность исследования лексики животноводства определяется, с одной стороны, её недостаточной изученностью, с другой стороны, тем обстоятельством, что многие лексические единицы в силу определённых социолингвистических обстоятельств архаизируются или полностью выходят из употребления, заменяясь заимствованиями из русского языка.

Лексика, связанная с животноводством, с наименованиями домашних и диких животных в алтайском языкознании как специальный предмет исследования ещё не становилась предметом отдельного исследования. На фоне других тюркских языков в Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков приводятся некоторые названия мелкого и крупного рогатого скота алтайского языка [Кормушин, 1997, с. 426–440]. Они также представлены в работе «Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке» [Яимова, 1990]. Скотоводческая лексика алтайского языка, например, названия мелкого и крупного рогатого скота, в сопоставлении с северными диалектами содержится в небольшом словнике «Тематический словарь северных диалектов алтайского языка» [Тыбыкова и др., 2004, с. 117–121]. Имеются отдельные статьи, отражающие данную проблематику. Так, на материале теленгитского языка в связи с изучением диалектной лексики алтайского языка рассматриваются названия крупного и мелкого рогатого скота в тёлёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта в сопоставлении с алтайским литературным языком [Алмадакова, 2018]. Половозрастные названия верблюдов изучались на материале чуйского говора теленгитского диалекта [Дарыджы, 2021]. К. М. Мусаев подчёркивал, что именно в лексике диалектов можно отметить множество разнообразных схождений и расхождений, которые при внимательном их изучении раскроют многие загадки взаимоотношений тюркских языков между собой и с неродственными языками [Мусаев, 1984, с. 43].

Скотоводческая лексика богато представлена и в алтайском языке, как и во всех тюркских языках Сибири, что объясняется удельным весом животноводства в хозяйственно-экономическом быту этих народов. Сфера скотоводческой лексики пополняется с развитием социально-экономического положения региона. С появлением новых пород

в язык внедряются новые лексемы: *меринос кой* 'порода тонкорунных овец', *аргымак* 'порода беговых и быстрых лошадей', заимствованные слова, например, из русского языка: *тепляр* 'помещение с печкой для новорождённых животных (телят, ягнят, козлят)' и др.

Ц е л ь настоящей статьи состоит в лексикографическом описании и сравнительно-сопоставительном анализе животноводческой лексики на примере лексем *мал* и *кенје* в тюркских языках Сибири и монгольских языках.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м исследования послужили 1) имеющиеся словари алтайского языка Ойротско-русский словарь [ОРС, 1947]; Алтайско-русский словарь [АРС, 2018]; Русско-алтайский словарь [РАС, 2017] 2) полевые записи, сделанные автором настоящего исследования в 2022 г. (основной фактологический материал) в населённых пунктах Усть-Канского и Улаганского районов Республики Алтай. В результате бесед с представителями различных социальных и возрастных групп, проживающих в данных населённых пунктах, записаны на диктофон 5 связных текстов, отдельные фразы, выражения, слова, связанные со скотоводческой лексикой. Материал по двум лексемам и их соответствиям в тюркских языках Сибири и монгольских языках также отбирался из словарей вручную методом направленной выборки.

В ходе обработки полученных результатов использовались описательный, лексико-семантический и сравнительно-сопоставительный методы, в некоторых случаях – этимологический анализ, а также метод словарных дефиниций.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В Древнетюркском словаре, составленном на базе лексики тюркских письменных памятников VII–XIII вв., мы находим большое количество наименований домашних животных, которые употребляются в современных тюркских языках: *адгыр* 'жеребец', ср. алт. *айгыр*, *тай* 'жеребёнок', ср. алт. *тай* 'жеребёнок двух лет', *бука* 'бык', *ингек* 'корова', ср. теленг. *ийнэк*, *кой* 'овца' и др.

Названия домашних животных были известны тюркским племенам с древнейших времён. А. М. Щербак, проанализировав этимологию названий домашних и диких животных, приходит к выводу о том, что прародиной тюрков была территория, на которой обитали лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы и многочисленные дикие животные [Щербак, 1961, с. 160]. Автор считает по происхождению тюркскими такие названия животных, как *ат* 'лошадь', *инек* или *сийир* 'корова', *кой* (*ун*) 'овца', *эчки*, *кэчи* 'коза', *сийин* 'олень' и др. [Там же, с. 160].

В названиях домашних животных в алтайском языке, как и во многих тюркских языках, имеется дифференциация по возрастному и половому признаку. Половой признак может выражаться в алтайском языке как лексическим, так и синтаксическим способами. Лексический способ отражается разными парными лексемами: *эчки* 'коза' – *теке* 'козёл'; *кой* 'овца' – *куча* 'баран', *бее* 'кобыла' – *айгыр* 'жеребец' и т. д.

Синтаксический способ выражается посредством слов *тижи* 'женский пол, самка' – *эркек* 'мужской пол, самец': *тижи кураган* 'самка-ягнёнок' – *эркек кураган* 'самец-ягнёнок'; *тижи улак* 'самка-козлёнок' – *эркек улак* 'самец-козлёнок'; *тижи бозу* 'телёнок-самка' – *эркек бозу* 'телёнок-самец', *тижи кулун* 'самка-жеребёнок' – *эркек кулун* 'самец-жеребёнок' и т. д.

Лексема *мал* широко употребляется в значении 'скот' как в тюркских, так и в монгольских языках, но в каждом современном языке, в зависимости от многих факторов, например исторических, сформировалась своя система терминов животноводства.

У некоторых лексем расширилась семантика, у некоторых, наоборот, сузилась. Нередко происходило семантическое переосмысление. Такие процессы протекают во многих языках. Их можно проследить на примере лексемы *мал*. Так, в алтайском литературном языке, в частности в диалекте алтай-кижи, лексема *мал* употребляется в большинстве случаев по отношению к лошади, тогда как в теленгитском диалекте алтайского языка она имеет более широкое значение, которое применяется как по отношению к общему понятию «скот», «скотина», так и по отношению к крупному рогатому скоту, мелкому рогатому скоту. Например, в алтайском предложении *Мал сойор керек* – 'Надо забить лошадь' лексема *мал* обозначает лошадь, а в теленгитском аналогичное предложение понимается как 'заколоть барана' или 'заколоть козу'. Фраза *Мал көрөр керек* для носителей алтайского литературного языка означала бы 'Надо присмотреть за лошадьми', а для теленгитов она употребляется более широко: в первую очередь по отношению к мелкому скоту в значении 'присмотреть за овцами или козами', а также в общем значении 'присмотреть за скотом'. По отношению к лошади используется само слово *ат* 'лошадь': *Аттарды бар көрөр керек* – 'Надо пойти и присмотреть за лошадьми'.

Лексема *мал* считается арабским или арабо-персидским заимствованием, хотя С. Е. Малов выражал сомнение в том, что слово *мал* связано с арабским влиянием (см. подробнее [Татаринцев, 2008, с. 54]). Б. И. Татаринцев предполагает, что слово *мал* в некоторые тюркские языки, в частности южно-сибирские, попало через монгольский язык [Там же]. В «Древнетюркском словаре» оно имеет значения 'имущество, достояние, товар' [ДТС, 1969, с. 335]. Такое значение отмечено во многих несибирских тюркских языках, например, чув. *мул* 'имущество, богатство; добро, деньги; приданное невесты' [Татаринцев, 2008, с. 54]; баш. *һау буһна, мал табылыр* 'Лишь бы голова была цела, а богатство (имущество) найдётся' [Надергулов, 2000, с. 20]. В сибирских тюркских языках в основном фиксируется значение 'скот', а значение 'имущество, богатство' данное слово приобретает в собирательном употреблении типа *мал-аш* (букв. 'скот-зерно'). В давние времена и в настоящее время богатство и имущество отождествлялось у тюркских народов со скотом [Мусаев, 1975, с. 69]. Отголоски данного значения в алтайском языке сохранились в благопожеланиях: фолькл. *Бала-барка, мал-ажар көп болзын!* – 'Пусть у вас будет много детей, много скота'.

Хотя в ойротско-русском словаре 1941 г. у слова *мал* приведено оба значения: скот, имущество [ОРС, 1941, с. 108], в современном алтайско-русском словаре 2018 г. имеется только значение – 'скот, лошадь' [АРС, 2018, с. 459], а значение 'имущество' уже не зафиксировано. В тюркских языках слово *мал* является компонентом парных слов: *мал-аш* (букв. 'скот-зерно') в собирательном значении 'скот, скотина'. Данное парное слово широко применяется и при речевом этикете: при приветствии у алтайцев принято спрашивать: алт. *Бала-барка, мал-аш кандый?* – 'Как дети, как скот?' В тувинском языке употребляется парное слово *мал-маган* в значении 'скот', где маган самостоятельного значения не имеет и функционирует в составе этого парного сочетания, будучи, скорее всего, заимствованным из монгольского (ср.: монг. *мах(ан)* 'мясо') [Баярсайхан, 2009, с. 15].

В хакасском языке данное слово имеет значение 'скот', употребляется в собирательном значении 'скотина' применительно к домашним животным. Для наименования крупного рогатого скота используется сочетание *чоон мал* 'крупный рогатый скот', для наименования мелкого скота – *хой мал* (букв. 'овцы скот'). Лексема *мал* употребляется не только по отношению к лошади, как в алтайском литературном языке, но и по отношению к разным видам скота, как в теленгитском: *мал азырирга* 'держат скот', *мал согарга* 'забить скотину' [ХРС, 2006, с. 230]. В хакасском языке на основе данного слова образовано множество устойчивых сочетаний, пословиц, поговорок: *арыг мал* 'священная (чистая) скотина (о лошадях)'; *Малы чох нүүрдең хорыхпас* – 'У кого нет скота, тому и волк не страшен'; разг. *мал адирга / мал поларга* 'терять человеческий облик' [ХРС, 2006, с. 230].

На основе слова *мал* образуются сложные имена существительные путём сложения компонентов с атрибутивным отношением: а) существительное+существительное: алт. *жылкы мал* (*жылкы* 'лошадь, конь' + *мал* 'скот'), тув. *чылгы мал* 'лошадь как вид скота'; тув. *теве мал* (*теве* 'верблюды' + *мал* 'скот') 'верблюды как вид скота'; теленг. *кунан кой* (*кунан* 'двухлетнее животное' + *кой* 'овца') 'двухлетняя овца'; хак. *хой мал* 'овца как вид скота'; б) прилагательное+существительное: алт. *жоон мал* (*жоон* 'толстый' + *мал* 'скот') 'крупный скот', тув. *бода мал* (*бода* 'крупный' + *мал* 'скот'), 'крупный рогатый скот' и *шыыра мал* – лит. *шээр мал* 'мелкий рогатый скот', теленг. *оок мал* 'мелкий скот' (*оок* 'мелкий' + *мал* 'скот'); хак. *чоон мал* 'крупный рогатый скот'. В алтайском языке, в отличие от тувинского, крупный и рогатый скот дифференцируются отдельными словами: *жоон мал* 'крупный скот', *мүүстү мал* 'рогатый скот'. Слово *мал* употребляется и по отношению к экзотическим животным: алт. *Слон деп мал жүрүмүндө көргөн бө сен?* – 'Такое животное, как слон, ты в жизни видел?'

Кроме приведённых выше номинаций, имеются наименования домашних животных, связанные с различными обрядами, с предназначением животных в хозяйстве. Так, в алтайском языке имеется понятие скота, предназначенного на убой, которое объективируется словом *согум*. Этим словом алтайцы в основном называют 3 вида домашнего скота (овец, годовалых телят и жеребят), которые делятся по физиологическим признакам на две группы: 1) *соок тумчукту мал* (букв. 'скот с холодным носом') – это козы, телята, коровы; 2) *жылу тумчукту мал* (букв. 'скот с тёплым носом') – это овцы, годовалые телята, жеребята. Лексема *согум* восходит к древнетюркскому глаголу *сок* 'бить, забивать скот' [ДТС, 1969, с. 153].

Домашний скот дифференцировался и по их внешним физиологическим признакам. Например, словом *арык мал* 'худой' или *төрт сөөк мал* букв. 'четыре кости' называли исхудалых, костлявых. Слабых, истощённых, тощих животных именовали словом *ыргак мал*, теленг. *сырсак мал*; мясистых, жирных называли словом *семис мал* 'жирный', *үзе жуу* букв. 'целиком жир, сплошной жир'. Ср. хак. *талбах мал* 'слабый истощённый скот' [ХРС, 2006, с. 231].

Для скота, родившегося позже положенного срока (осенью или летом, а не весной), в теленгитском, тувинском, хакасском и монгольском языках применяется общее слово в разных фонетических вариантах: *кенjä* ~ *кенче* ~ *хенче* ~ *хенз*. В тувинском языке лексема *хенче* употребляется для молодняка мелкого скота, рождённого осенью [ТРС, 1968, с. 474], тогда как в теленгитском и у цэнгэльских тувинцев (по данным Баярсайхана) семантика данного слова шире: в теленгитском это поздно родившийся детёныш любого скота, а в цэнгэльском *кенче* это детёныш, родившийся поздней осенью, а также самый последний ребёнок в семье [Баярсайхан, 2009, с. 14]. В этом отношении цэнгэльскому близок хакасский: *кинче хураган* 'ягнёнок осеннего, позднего окота'; *кинче пала* 'поздний ребёнок' (ребёнок, родившийся от женщины в пожилом возрасте) [ХРС, 2006, с. 166]. Теленг. *Кенjä немälärди тайгалатпас керäk* 'Детёнышей скота, родившихся не весной, не надо гнать в тайгу'. Слово *кенjä* в имеющихся словарях алтайского языка отсутствует, но информантам старшего поколения Усть-Канского района это слово знакомо, хотя в современном литературном языке оно не употребляется.

Лексема *кенç* зафиксирована в древнетюркском словаре в значении 'детёныш животных' [ДТС, 1969, с. 298]. За пределами Сибири оно функционирует в казахском языке в виде *кенже* в значении 'новорождённый скот' [МОТ, 1954, с. 313]; 'младший, последний ребёнок в семье' [КРС, 1967, с. 234]. В. И. Рассадин, приводя данную лексему для калмыцкого, бурятского и монгольского языков отмечает тюркский характер этого слова. Калм. *кенз* 1) родившийся осенью, поздно (о молодняке скота); 2) отава, вторая трава, ср. староп.-монг. *кене*, х.-монг. *хэнз*, бур. *хэнзэ*, восходит к др.-тюрк. *кенç* 'детёныш животных, ребёнок' (< пратюрк. *kenç~*ken* е 'младший из детей'; подробнее о тюркском ха-

рактуре этого слова см. [ЭСТЯ, 1997, с. 44 ; Севортян, 1980, с. 20–21]) [Рассадин, 2011, с. 86]. С аналогичным значением лексема *хэнз* употребляется в современном монгольском – 'скот, родившийся поздно, больше положенного срока' [ММХТТТ, 1963, с. 762]. В рассматриваемых языках у лексем *кенје* в разных фонетических вариантах произошло развитие вторичного номинативного значения на ассоциативной базе: хак., цэнгэл. 'поздний ребёнок', калм. 'отава, вторая трава', каз. 'последний ребёнок'.

3. Заключение [Conclusion]

В настоящей статье были рассмотрены этимологический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический аспекты названий скота в тюркских языках Сибири и монгольских языках. Описано употребление и функционирование лексем *мал* и *кенје* в исследуемых языках. На примере алтайской лексем *мал* 'скот' в сопоставлении с данными других тюркских и монгольских языков показано расширение или сужение семантики этого слова. Обнаружено, что в алтайском литературном языке, в частности в диалекте алтай-кижи, лексема *мал* употребляется в большинстве случаев по отношению к лошади, тогда как в теленгитском диалекте алтайского языка она имеет более широкое значение, которое применяется как по отношению к общему понятию «скот», «скотина», так и по отношению к крупному и мелкому рогатому скоту. Выявлено, что лексема *кенје* в разных фонетических вариантах (*кенjä* ~ *кенче* ~ *хенче* ~ *хэнз*) во всех рассматриваемых языках употребляется для наименования «скота, родившегося позже положенного срока», но в некоторых языках на ассоциативной базе произошло развитие вторичного номинативного значения. В современном алтайском языке слово выходит из активного употребления, сохраняется лишь в теленгитском диалекте. Лексема *мал* восходит к монгольскому заимствованию, а *кенје* считается тюркизмом.

Выявленные сходства объясняется одинаковым укладом жизни кочевых народов и территориальной близостью, что не могло не отразиться в языках. Тюрки Сибири всегда тесно контактировали с монголами, а некоторые народы, например тувинцы и алтайцы, на протяжении долгих лет входили в состав монгольского государства, тувинцы и тофалары жили и живут в постоянном контакте с монголыязычными племенами, что не могло не оставить следы в животноводческой лексике этих народов.

Благодарности [Acknowledgments]

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ согласно проекту № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Список сокращений и условных обозначений языков и диалектов

алт. – алтайский, теленг. – теленгитский диалект алтайского языка, баш. – башкирский язык; др.-тюрк. – древнетюркский, каз. – казахский, монг. – монгольский, тув. – тувинский, хак. – хакасский, цэнг. – цэнгэльский говор тувинского языка, чув. – чувашский язык.

Библиографический список

- Алмадакова, 2018 – Алмадакова Н. Д. Названия крупного и мелкого рогатого скота в телёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 7–15.
- АРС, 2018 – Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.
- Баярсайхан, 2009 – Баярсайхан Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Новосибирск, 2009. 26 с.

- Дарыджы, 2021 – Дарыджы А. К. Говоры теленгитского диалекта алтайского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Новосибирск, 2021. 304 с.
- ДТС, 1969 – Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, 1969. 676 с.
- Кормушин, 1997 – Кормушин И. В. Животноводство // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 1997. С. 424–448.
- КРС, 1967 – Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1967.
- МКС, 1954 – Монголша-казакша сөздiк (Монгольско-казахский словарь). Улаанбаатар, 1954. 396 с.
- МХТТТ, 1963 – Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь (Краткий толковый словарь монгольского языка). Улаанбаатар, 1963.
- Мусаев, 1975 – Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М. : Наука, 1975. 357 с.
- Мусаев, 1984 – Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М. : Наука, 1984. 226 с.
- Надергулов, 2000 – Надергулов У. Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа, 2000. 185 с.
- ОРС, 1947 – Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М. : ОГИЗ, 1947.
- РАС, 2017 – Русско-алтайский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2017.
- Рассадин, 2011 – Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник бурятского гос. ун-та. Сер. Философия. 2011. № 8. С. 83–90.
- Севортян, 1980 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М. : Наука, 1980.
- СИГТЯ, 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / под ред. Э. Р. Тенишева Л. : Наука, 1997. 798 с.
- Татаринцев, 2008 – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. V. Новосибирск, 2008.
- ТРС, 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Сов. Энцикл., 1968. 648 с.
- Тыбыкова и др., 2004 – Тыбыкова А. Т., Тыбыкова Л. Н., Тыдыкова Н. Н., Дьайым Н. А. Тематический словарь северных диалектов алтайского языка. Горно-Алтайск, 2004. 148 с.
- ХРС, 2006 – Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
- Щербак, 1961 – Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 82–172.
- Яимова, 1990 – Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1990. 169 с.

References

- Almadakova, N. D. (2018). Nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v tyolyoskom (cholushmanskoy) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Names of cattle and livestock in the Tyolos (Cholushman) voice of the Ulagan dialect in the Telengit language (in the comparative aspect)]. *Voprosy dialektologii* [Problems of Dialectology], 1–2, 7–15. (In Russ.).
- Chumakaev, A. E. (Ed.). (2018). *Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian dictionary] (ARS). Gorno-Altaysk. (In Russ.).
- Bayarsayhan, B. (2009). *Leksika zhivotnovodstva v tsengel'skom dialekte tuvinskogo yazyka: v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte* [Cattle-breeding vocabulary in the Tsengel dialect of the Tuvan language: A comparative aspect]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Novosibirsk. (In Russ.).
- Darydzhy, A. K. (2021). *Govory telengitskogo dialekta altayskogo yazyka (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri)* [Dialects of the Telengit dialect of the Altai language (In comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)]. PhD in Philological sci. diss. Novosibirsk. (In Russ.).

- Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (Eds.). (1969). *Drevnyeturkskiy slovar'* [Old Turkic dictionary] (DTS). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Mahmudov, H., Musabaev, G. (1967). *Kazahsko-russkiy slovar'* [Kazakh-Russian dictionary] (KRS). Alma-Ata. (In Russ.).
- Kormushin, I. V. (1997). Zhivotnovodstvo [Cattle breeding]. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskix yazykov. Leksika* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] (pp. 424–448). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Luvsandende, A. (Ed.). (1957). *Mongol oros tol'* [Mongolian-Russian dictionary] (MOT). Moscow. (In Mongolian).
- Mongol helniy tovch taylbar tol' (Kratkiy tolkovyy slovar' mongol'skogo yazyka) [A short explanatory dictionary of the Mongolian language]. (1963). (MHTTT). Ulaanbaatar. (In Mongolian).
- Musaev, K. M. (1975). *Leksika tyurkskix yazykov v sravnitel'nom osveshchenii* [Vocabulary of Turkic languages in comparative perspective]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Musaev, K. M. (1984). *Leksikologiya tyurkskix yazykov* [Lexicology of the Turkic languages]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Nadergulov, U. F. (2000). *Zhivotnovodcheskaya leksika bashkir* [Animal husbandry vocabulary of the Bashkir]. Ufa. (In Russ.).
- Baskakov, N. A., Toshchakova, T. M. (1947). *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oirat-Russian dictionary] (ORS). Moscow. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (2011). Skotovodcheskaya leksika kalmytskogo yazyka v sravnenii s turetsko-meshketinskoy [Nomadic lexis of Kalmyk language in comparison with Turkish-Meshetin language]. *Vestnik buryatskogo gosuniversiteta. Ser. Filosofiya* [BSU bulletin. Philosophy], (8), 83–90. (In Russ.).
- Chumakaev, A. E. (Ed.). (2017). *Russko-altayskiy slovar'* [Russian-Altai dictionary] (RAS). Gorno-Altaysk. (In Russ.).
- Sevortyan, E. V. (1980). *Etimologicheskii slovar' tyurkskix yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «V», «G» i «D»* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters “B”, “G” and “D”]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1997). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskix yazykov. Leksika* [Comparative grammar of Turkic languages. Lexis] (SIGTYA). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Tatarincev, B. I. (2008). *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Tuvan language]. Vol. V. Novosibirsk. (In Russ.).
- Tybykova, A. T., Tybykova, L. N., Tydykova, N. N., D'ayym, N. A. (2004). *Tematicheskii slovar' severnykh dialektov altayskogo yazyka* [Thematic dictionary of the northern dialects of the Altai language]. Gorno-Altaysk. (In Russ.).
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1968). *Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary] (TRS). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Tuvan and Russ.).
- Subrakova, O. V. (Ed.). (2006). *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary] (HRS). Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Shcherbak, A. M. (1961). Nazvaniya domashnikh i dikikh zhivotnykh v tyurkskix yazykakh [Names of domesticated and wild animals in Turkic languages]. *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskix yazykov* [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages] (82–172). Moscow : USSR Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Yaimova, N. A. (1990). *Tabuirovannaya leksika i yvfemizmy v altayskom yazyke* [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk. (In Russ.).

Хабибуллина Лениза Газинуровна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан
г. Казань, Российская Федерация
valievalg@mail.ru

Уступительные отношения в татарском языке

Аннотация

В данной статье представлены структурные и семантические особенности конструкций, выражающих уступительные отношения в татарском языке. Исследование проводится на материале примеров из текстов художественной литературы и фольклора с применением метода лингвистического описания, структурно-семантического метода. Уступительные отношения и формально, и семантически связаны с каузальными, кондициональными, темпоральными отношениями, обладают комплексной семантикой, поэтому являются наиболее сложными в системе обстоятельственных отношений. В ходе анализа материала установлено, что в семантической структуре уступительности содержится предполагаемое следствие, выражается отсутствие ожидаемого следствия. Таким образом, по своему смысловому содержанию уступительная конструкция является трёхкомпонентной. Одной из особенностей уступительных отношений является наличие в их семантике модальности, так как они, наряду с описанием действительности, передают и позицию говорящего.

Ключевые слова: уступительные отношения, семантическая структура, каузальность, кондициональность, темпоральность, поле, микрополе

© Хабибуллина Л. Г. 2022

Для цитирования: Хабибуллина Л. Г. Уступительные отношения в татарском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С.166–174. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_166

Leniza G. Habibullina
G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
valievalg@mail.ru

Concession relations in Tatar

Abstract

This article presents the structural and semantic features of constructions expressing concession relations in the Tatar language. The research is carried out on the material of examples from the texts of literature and folklore using the methods of linguistic description, modeling and transformation analysis. Concession relations are both formally and semantically related to causal, conditional, temporal relations, have complex semantics, therefore they are the most complex in the system of adverbial relations. The results obtained from the material analysis indicate that the semantic structure of concession contains the expected consequence at the same time expressing the absence of the expected consequence. Thus, according to its semantic content, the concession construction is three-component. One of the features of concessory relations is the presence of modality in their semantics, since they, along with the description of reality, convey the position of the speaker.

Keywords: concession relations, semantic structure, causality, conditionality, temporality, field, microfield

© Habibullina L. G. 2022

For citation: Habibullina, L. G. (2022). Ustupitel'nye otnosheniya v tatarskom yazyke [Concession relations in Tatar]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 166–174. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_166

1. Введение [Introduction]

На современном этапе развития синтаксиса наибольшую актуальность приобретают исследования, посвящённые структурно-семантическому анализу языковых категорий. Уступительность занимает особое место в системе обстоятельственных отношений, является наиболее сложной и семантически многоступенчатой. Неудивительно, что этой тематике посвящены многие работы на материале разных языков мира: славянских, например, русского [Ляпон, 1986 ; Храковский, 1999 ; Падучева, 2004 ; Урысон, 2012 ; Апресян, 2015], германских, например, немецкого [Ковальчук, Цыбенко, 2020] и, разумеется, тюркских (напр., [Азизова, 1957 ; Исхакова и др., 2004 ; Арнаутова, 2012 ; Ганиев, 2015 ; Гращенков, 2015 ; Ефремов, 2015 ; Озонова, 2015, 2019 ; Самситова, Сагынбек, 2020], а также в сравнительно-сопоставительном аспекте двух языков, например, русского и чувашского [Губанов, Рец, 2014], трёх языков, например, русского, английского и немецкого [Архипова, Шустова, 2012, с. 148–164].

Уступительность формируется из двух компонентов: действия, которое препятствует осуществлению другого события, и действия, которое совершается вопреки существовавшему препятствию. Между компонентами такой смысловой конструкции устанавливается противоречие: событие, данное в зависимой части, не выступает основанием для того, чтобы отменить названную в главной части ситуацию.

Одни лингвисты рассматривают уступительность как модификацию причинно-следственных отношений, а именно причина / каузальность + отрицание / противительность [Ляпон, 1986, с. 137 ; Падучева, 2004, с. 344 ; Урысон, 2012]; в трудах других исследователей уступительность сближается с кондициональностью [Храковский, 1999] или они противопоставляются как реальное и предполагаемое / ирреальное [Азизова, 1952 ; Кононов, 1960, 1980]. М. В. Ляпон рассматривает уступительность как нереализованную обусловленность: «сообщаемое в одной части предстаёт как потенциальная причина, отвергнутое основание (неблагоприятное условие, препятствующее обстоятельство и т. п.), т. е. так или иначе как фактор, оказывающийся недостаточным основанием для того, чтобы отменить ситуацию, о которой сообщается в другой части» [Ляпон, 1986, с. 137]. Е. В. Урысон считает, что в уступительных конструкциях содержится идея обманутого ожидания, а «основанием ожидания является наше знание о мире, о причинно-следственных связях между разными ситуациями» [Урысон, 2012, с. 50]. А. А. Озонова, изучив сослагательное наклонение в алтайском языке, определяет, что это наклонение функционирует как в условных, так и в условно-уступительных конструкциях [Озонова, 2019]. Цель настоящей статьи состоит в установлении особенностей семантики и репрезентации уступительных отношений в татарском языке.

2. Структура и семантика уступительных конструкций [Structure and semantics of concession constructions]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материал исследования был извлечён из текстов татарской художественной литературы и малых жанров татарского фольклора. Языковые факты были получены методом сплошной выборки из эстетически значимых произведений татарских писателей I половины (из прозы Г. Ибрагимова, М. Галау) и преимущественно II половины XX века (из произведений И. Салахова, Г. Минского, М. Хусаина, М. Хасанова, Г. Галиева, М. Магдеева, М. Хабибуллина, Р. Зайдуллы). Всего было проанализировано 10 художе-

ственных и 7 фольклорных произведений. По этим произведениям была получена выборка из 76 фраз, содержащих уступительные конструкции. Для анализа собранных данных были применены метод лингвистического описания и структурно-семантический метод. Подстрочный перевод примеров на русский язык выполнен автором статьи.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Особенностью уступительных конструкций является присутствие в их семантике модальности, позиции говорящего. В отличие от причины, времени, уступительность нельзя отнести к базовым языковым значениям. «В типовых уступительных ситуациях сохраняются противоречия между основным (событие должно было бы препятствовать совершению определённого действия) и второстепенным событием (событие произошло вопреки этому препятствию). На этом основании уступительность квалифицируют как обратную обусловленность или инкаузальность – отсутствие ожидаемого следствия» [Губанов, 2016, с. 29].

Предложения типа *Дарескэ соңга калуына Алиянең кәефе кырылмады* – 'Из-за того, что опоздала на урок, у Алии не испортилось настроение' и *Дарескэ соңга калуына карамастан, Алиянең кәефе кырылмады* – 'Несмотря на то, что опоздала на урок, у Алии не испортилось настроение', на первый взгляд, синонимичны. Оба примера передают одинаковую информацию: Алия опоздала на урок, у Алии не испортилось настроение. Однако в конструкции с *карамастан* содержится субъективное мнение говорящего, для которого данная ситуация кажется неестественной: раз опоздала на урок, настроение Алии должно было испортиться, а этого не случилось (это предположение передаёт «обманутое ожидание»), ожидаемое следствие не осуществилось (у Алии не испортилось настроение). Таким образом, с помощью уступительной семантики фиксируется противоречие (несоответствие) не двух конкретных фактов, а типового представления говорящего о данных фактах.

Анализ языкового материала показал, что семантическая структура уступительных конструкций содержит невыраженный компонент – предполагаемое следствие. Уступительность по смысловому содержанию состоит из трёх частей, совмещает отношения основания-следствия и противопоставления. В противоречие между собой вступают при этом не условие (причина) и результат, а ожидаемое и неожиданное следствие, которые вытекают из одного и того же условия. Например:

Инде жәй житсә дә, көннәр салкын тора – 'Хотя уже лето, стоят холодные дни'.

Инде жәй житкәнгә, көннәр жылы тора – 'Так как уже лето, стоят тёплые дни' (Как известно, летом обычно дни бывают тёплыми).

Әле жәй житмәгәнгә, көннәр салкын тора – 'Так как ещё не лето, стоят холодные дни'.

Инде жәй житсә, көннәр жылы тора – 'Если уже лето, стоят тёплые дни'.

Әле жәй житмәсә, көннәр салкын тора – 'Если ещё не лето, стоят холодные дни'.

И, несмотря на всё вышесказанное:

Инде жәй житсә дә, көннәр салкын тора – 'Хотя уже лето, стоят холодные дни'.

Как видим, в уступительной конструкции присутствует имплицитное, невербализуемое логическое (ожидаемое) следствие (Уже наступило лето, следовательно, есть все основания, чтобы потеплело, но стоят холодные дни).

Уступительность передаёт семантику отсутствия ожидаемого следствия, несмотря на имеющиеся необходимые условия для его осуществления:

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп – 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

Бик салкын булганга, урамда йөрүчеләр юк – 'Так как очень холодно, на улице никого нет' (Как правило, когда бывает очень холодно, обычно на улице мало народа либо вообще улицы пустеют).

Жылы булганга, урамда йөрүчеләр күп – 'Так как тепло, на улице много народа' (Когда тепло, на улице бывает много народа).

И, вопреки вышесказанному:

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп – 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

В этом случае одно явление, закономерно стимулирующее другое явление, не препятствует осуществлению третьего явления. В рассмотренном выше примере холодная погода, как правило, стимулирующая опустение улицы, не привела к ожидаемому следствию и не стала препятствием для явления 'на улице много народа'.

Как видим, в языковой структуре категория уступительности реализуется с помощью уступительной ситуации. Основу уступительного значения составляет обратная обусловленность, которая состоит из события-уступки, предполагаемого следствия, действенной причины и противоположного предполагаемому фактического следствия.

Уступительная конструкция имеет сложную семантическую организацию, для которой характерно несоответствие планов содержания и выражения: по структуре двухкомпонентная конструкция семантически является трёхкомпонентной. В предложениях типа *Буран булса да, алар ерак юлга чыкты* – 'Несмотря на буран, они вышли в дальний путь' выражается неестественность сосуществования событий, которые, как правило, несовместимы друг с другом.

В качестве средств связи в уступительных конструкциях в татарском языке преобладающей является форма *-са да* (*-са* – аффикс условного наклонения глагола, *да* – частица). Следует отметить, что в этом случае, как правило, выражается реально-уступительная семантика. То есть в уступительном компоненте содержится представляющее собой реальное событие отвергнутое препятствующее основание. Например: *Кайтыр вакыт житсә дә, Илгизәрне ниндидер көч монда тотып торды* (М. Хәсанов) – 'Несмотря на то что пришло время возвращаться, какая-то сила удерживала Ильгизара здесь'.

Интересно отметить, что в редких случаях уступительная семантика образуется лишь при помощи *да/дә*. Например: *Бакыр зур да казан ямыйлар, алтын кечкенә дә түшкә кадыйлар* – 'Мал золотник, да дорог' (Пословица). Букв. 'Хотя медяк большой, им латают котёл, хотя золотой мал, его носят на груди'.

Уступительная семантика представляется и пословичными высказываниями. Таким конструкциям характерна темпоральная обобщённость, для реализации которой наиболее употребительны формы настоящего и неопределённого будущего времени. Например: *Буре баласын бүреккә салсаң да, урманга карый* – 'Сколько волка не корми, он всё в лес смотрит' (Пословица). Букв. 'Даже если положишь волчонка в шапку, он смотрит в лес'.

Уступительные отношения выражаются послелогом *карамастан*, *карамый* 'несмотря на...', 'невзирая на...'. В подобных конструкциях выражается категорическое несоответствие между событиями. При этом зависимая часть не может находиться в постпозиции и завершить предложение, как правило, занимает препозицию. Например: *Ара-тирә яшенле явымнарга карамастан, һавалар бeryюлы рәхәтләнеп, жылынып киттеләр* (Г. Ибраһимов) – 'Несмотря на периодические грозные дожди, дни стали тёплыми'; *Төннең бик вакытсыз чагы булуга карамый, бала югалу турындагы хәбәр бөтен авылга таралып өлгергән иде* (Г. Галиев) – 'Несмотря на ночное время, весть о пропаже ребёнка успела распространиться по всей деревне'.

Сочетание *бернигә дә карамастан* 'несмотря ни на что' указывает на твёрдую уверенность, глубокое убеждение говорящего в том, что вопреки препятствующим обстоятельствам, событие осуществится, также в таких конструкциях присутствует оттенок сознательного допущения. Например: *Никадәр генә көчле булмасын, бернигә дә карамастан, сүзләр безне барыбер шушы канәфер чәчәкләренә китереп житкерергә*

тиеш иде (Г. Минский) – 'Какими бы ни были сильными, несмотря ни на что, наши слова всё равно должны были дойти до цветков гвоздики'.

При выражении уступительной семантики сочетанием *шулай да* 'всё же' подчёркивается существование одной ситуации, несмотря на другую препятствующую ситуацию: *Куңелемдә ике катлау, ике дулкын туды, шулай да тыштан сер бирмәскә тырыштым* (Г. Ибраһимов) – 'В моей душе родились два чувства, две волны, всё же снаружи я старался не подать вида'.

При репрезентации уступительных отношений формой побудительного наклонения, значения частей предложения противопоставляются, присутствует оттенок допущения. Недейственное препятствующее основание выступает в качестве предполагаемого факта, поэтому подобные примеры могут рассматриваться как выражающие уступительно-предположительную семантику: *Аның бүгенге көне нинди генә авыр булмасын, ул әле иртәгә якты сибеләсенә ышана* (И. Сәлахов) – 'Каким бы тяжёлым ни был его сегодняшний день, он ещё верит в светлость завтрашнего дня'.

В некоторых предложениях сообщается о совершении действия вопреки повторяемости, продолжительности действий. В таких случаях, как правило, безуспешность попытки реализации события связывается с мерой и степенью проявления предикативного признака, выражается количественно-уступительная семантика. Например: *Суны күпме кайнатсаң да куермас* – 'Из одной воды суп не сварить' (Пословица). Букв. 'Сколько не кипятить воду, она не загустеет'; *Ничә чәйнәсәң дә, бер балык башы* – 'Сколько ни говори, всё одно и то же' (Пословица). Букв. 'Сколько ни жуй – всё голова той же рыбы'.

Сочетание *ничек кенә булмасын* 'как бы то ни было' употребляется, если достоверность факта, который противоречит другому факту, не отрицается говорящим, он осознаёт возможность наличия и других мнений против второго факта. В таких случаях воздействующая сила препятствующих факторов на следствие может быть связана с обобщением. Тем не менее препятствующие обстоятельства являются недейственными для осуществления события-следствия. Подобные примеры можно классифицировать как выражающие усилительно-уступительную семантику, в них также присутствует намерение во что бы то ни стало, наперекор всем трудностям осуществить задуманное: *Ләкин бу вакыйга үзә ничек кенә шатлыклы булмасын, Сафалардан аерылу кайгысы Хәтирәне борчый иде* (М. Галәү) – 'Однако каким бы радостным ни было само это событие, печаль от разлуки с Сафой тревожила Хатиру'.

При использовании в уступительной конструкции слова *барыбер* 'всё равно' либо подчёркивается значение неизбежности осуществления тех или иных событий, процессов, явлений, либо указывается на возможность одной ситуации, так как субъект действия прикладывает усилия для нейтрализации возникающих препятствий. Например: *Тиздән ун яшь тула үзәнә, барыбер ераккарак барырга курка, ташибаш малай* (Р. Зәйдүлла) – 'Самому скоро исполняется десять лет, а он, мальчик-сорванец, всё равно боится уйти далеко'.

Отрицательная форма глагола, выраженная аффиксом *-ма/-мә*, может передавать уступительное значение. Например: *Күпме какма, ничек тикләмә, тайпылмадым туры юлдан мин* (М. Хәсәен) – 'Сколько ни притесняй, как ни пинай, я не сошёл с прямого пути'.

Уступительные отношения могут складываться и между компонентами, связанными между собой при помощи вопросительной частицы *-мы/-ме*. Важная роль в подобных конструкциях принадлежит лексическому наполнению компонентов, соотносённости значений составляющих частей: *Яңгыр яваммы, кармы, кояшмы-болытмы, сез шул көнне Сабантуй уздырыгыз!* (М. Мәһдиев) – 'Дождь ли идёт, снег ли, солнечно ли, облачно ли – вы проведите в этот день Сабантуй!'

Уступительная семантика может быть выражена с помощью деепричастной формы *-п* с частицей *да/дә* и без. Например: *Койма биегәүгә карап, ут күриеләр арасына*

куләгә ятмады (М. Хәсәнов) – 'Несмотря на то, что забор стал выше, между соседями не пролегла тень'.

Как отмечает Г. А. Мусатова, центральное место в семантической структуре поля уступительности занимает микрополе реально-уступительного значения. «Ближе к центру располагается микрополе уступительно-предположительного значения, на периферии находится микрополе усилительно-уступительного значения» [Мусатова, 2008, с. 12].

В составе уступительных конструкций могут употребляться противительные союзы, которые служат для усиления значения несоответствия, противоположности результата ожидаемому следствию. Сочетание противительного союза и уступительной формы выражает резкое противопоставление явлений: *Халык аның сүзләреннән эчен тотып кәлә, аларга карап Приск та кәлә, гәрчә шамакайның ни турыда сөйләгәннен аңла-маса да* (М. Хәбибуллин) – 'От его слов народ падает со смеху, смеётся и Приск, хотя и не понимает, о чём говорит шут'.

При этом необходимо отметить факультативность противительных коррелятов в подобных предложениях, так как они могут быть опущены без ущерба для смыслового содержания конструкций и не входят в состав структурно обязательных элементов предложения.

Уступительные отношения отличаются от противительных тем, что при выражении уступительности противопоставляющиеся факты логически взаимосвязаны, тогда как при противительности противопоставление фактов имеет свободный характер.

Бессоюзные сложносочинённые предложения могут передавать уступительную семантику. В первом компоненте подобных конструкций содержится сообщение об условии, во втором – сообщается о том, что осуществляется вопреки названному условию: *Эт өрер – бүре йөрер*. Букв. 'Собака лает – волк гуляет' (Пословица). Семантика уступки в подобных предложениях передаётся соотношением сказуемых, специфическим строением компонентов предложения.

Интересным представляется следующий пример, в котором нет каких-либо специализированных средств формального выражения уступительных отношений, содержится аффикс кондициональности, тем не менее, в предложении передаётся семантика уступительности: (1) *...Ашлык белән шылап тулган кузов брезент белән нык капланган*, (2) *яңгыр-фәлән яуса*, (3) *тамчысы да үтәрлек түгел* (Р. Зәйдулла) – 'Кузов, заполненный зерном, очень прочно покрыт брезентом, если будут дожди, и капелька не сможет попасть'.

Между вторым и третьим предложениями устанавливается эксплицитно выраженная кондициональная связь, однако между первым и третьим предложениями каузальная связь эксплицитно не выражена. Вся конструкция понимается как *ашлык белән шылап тулган кузов брезент белән нык каплангандыктан, тамчысы да үтәрлек түгел* – 'так как кузов, заполненный зерном, очень прочно покрыт брезентом, и капелька не сможет попасть'. Сказуемое предложения (2) выражено условной формой глагола, которая связывает данное предложение с главным (3). Однако, несмотря на наличие формального показателя условности, предложение понимается как *яңгыр-фәлән яуса да, тамчысы да үтәрлек түгел* – 'даже если (хотя) и будут дожди, и капелька не сможет попасть'. Данная семантика выводится из общего содержания сложного целого.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование, выполненное на материале примеров из текстов художественной литературы и фольклора татарского языка с применением метода лингвистического описания и структурно-семантического метода, позволило сделать следующие выводы. Во-первых, как правило, в уступительных конструкциях выражаются хронологические отношения одновременности и следования. Между тем, отношения следования формально

часто выражаются одним временным планом. В уступительных конструкциях присутствует дополнительная причинная сема, которая логически отменила бы вытекающее следствие, тем не менее, этого не произошло. Таким образом, следствие выступает полной противоположностью ожидаемого.

Во-вторых, проведённое исследование позволило выявить, что уступительность базируется на противопоставлении, формируется на основе каузальных, кондициональных, противительных значений. Семантическая связь, возникающая между ожидаемым следствием и фактическим результатом, порождает уступительность. При выражении уступительной семантики присутствует и промежуточное звено, которое, в отличие от исходного и результативного, находится в поле имплицитного. Такими образом, в ходе исследования, в соответствии с поставленной целью, были установлены особенности семантики и репрезентации уступительных отношений в татарском языке.

Библиографический список

- Азизова А. Г. Условный период в современном узбекском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952. 14 с.
- Апресян, 2015 – Апресян В. Ю. Уступительность : механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М. : Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
- Арнаутова, 2012 – Арнаутова А. Р. Крымскотатарские сложноподчинённые предложения с признаками противительности и уступки // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Т. 25 (64), № 2, Ч. 2. 2012. С. 97–101.
- Архипова, Шустова, 2021 – Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике. Пермь, 2021. 252 с. URL : <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/arhipova-shustova-mezhkatégorialnoe-vzaimodejstvie-v-funkcionalnoj-grammatike.pdf>
- Ганиев, 2015 – Ганиев Ф. А. Функциональная грамматика татарского языка. Казань : Пропаганда, 2015. 272 с.
- Гращенко, 2015 – Гращенко П. В. Тюркские конвербы и сериализация : синтаксис, семантика, грамматикализация. М. : ЯСК, 2015. 264 с.
- Губанов, Рец, 2014 – Губанов А. Р., Рец Н. И. Категория уступительности в русском и чувашском языках // Чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 125–128.
- Губанов, Рец, 2016 – Губанов А. Р., Рец Н. И. Каузальность в ментальной организации национальной картины мира (на материале русского и чувашского языков). Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 136 с.
- Ефремов, 2015 – Ефремов Н. Н. Уступительные конструкции в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 173–180.
- Исхакова и др., 2004 – Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций. СПб. : Наука, 2004. С. 425–452.
- Ковальчук, Цыбенко, 2020 – Ковальчук Н. В., Цыбенко Э. О. Уступительная семантика в текстах интервью современных средств массовой информации (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Выпуск 1. С. 250–253. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.50>
- Кононов, 1960 – Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
- Кононов, 1980 – Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л. : Наука, 1980. 255 с.
- Ляпон, 1986 – Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М. : Наука, 1986. 447 с.
- Мусатова, 2008 – Мусатова Г. А. Семантика уступки : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Моск. гос. обл. ун-т. М., 2008. 21 с.

- Озонова, 2015 – Озонова А. А. Уступительные конструкции в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 62–70.
- Озонова, 2019 – Озонова А. А. Сослагательное наклонение в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1. Вып. 37. С. 74–83. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2019-1-74-83>
- Падучева, 2004 – Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Самситова, Сагынбек, 2020 – Самситова Л. Х., Сагынбек И. Ж. Сложноподчинённые предложения в башкирском и казахском языках // Российская тюркология. 2020. № 1–2 (26–27). С. 36–46.
- Урысон, 2012 – Урысон Е. В. Союз хотя и обманутое ожидание // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 1. С. 44–51.
- Храковский, 1999 – Храковский В. С. Универсальные уступительные конструкции // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 103–122.

References

- Azizova, A. G. (1952). *Uslovnyy period v sovremennom uzbekskom literaturnom yazyke* [Expressing condition in modern standard Uzbek]. PhD in Philological sci. diss. Leningrad. (In Russ.).
- Apresyan, V. Yu. (2015). *Ustupitel'nost': mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke* [Cocession: Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury Press. (In Russ.).
- Arnautova, A. R. (2012). Krymskotatarskie slozhnopodchinennye predlozheniya s priznakami protivitel'nosti i ustupki [Crimean Tatar complex sentences with adversative signs and concessions]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social communication], 25 (64), 2 (2), 97–101. (In Russ.).
- Arhipova, I. V., Shustova, S. V. (2021). *Mezhkategorial'noe vzaimodeystvie v funktsional'noy Grammatike* [Inter-categorical interaction in functional grammar]. Perm. Retrieved from <<http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/arhipova-shustova-mezhkategorialnoe-vzaimodeystvie-v-funkcionalnoj-grammatike.pdf>>. (In Russ.).
- Ganiev, F. A. (2015). *Funktsional'naya grammatika tatarskogo yazyka* [Functional grammar of the Tatar language]. Kazan : Propaganda Press. (In Russ.).
- Grashchenkov, P. V. (2015). *Tyurkskie konverby i serializatsiya : sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization]. Moscow : YaSK Press. (In Russ.).
- Gubanov, A. R., Rets, N. I. (2014). Kategoriya ustupitel'nosti v russkom i chuvashskom yazykakh [Category of concession in Russian and Chuvash]. *Chteniya, posvyashchennye dnyam slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury* [Readings dedicated to the Days of Slavic Writing and Culture] (pp. 125–128). Cheboksary : Chuvash State University Press. (In Russ.).
- Gubanov, A. R., Rets, N. I. (2016). *Kauzal'nost' v mental'noy organizatsii natsional'noy kartiny mira (na materiale russkogo i chuvashskogo yazykov)* [Causality in the mental organization of the national picture of the world (Based on Russian and Chuvash)]. Cheboksary : Chuvash State University Press. (In Russ.).
- Efremov, N. N. (2015). Ustupitel'nye konstruksii v yakutskom yazyke [Concessive constructions in the Yakut language]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 173–180. (In Russ.).
- Iskhakova, Kh. F., Nasilov, D. M., Nevskaya, I. A. (2004). Ustupitel'nye konstruksii v tyurkskikh yazykakh [Patterns expressing concession in Turkic languages]. *Tipologiya ustupitel'nykh konstruksiy* [Typology of patterns expressing concession] (pp. 425–452). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Koval'chuk, N. V., Tsybenko, E. O. (2020). Ustupitel'naya semantika v tekstakh interv'yu sovremennykh sredstv massovoy informatsii (na materiale nemetskogo yazyka) [Concessive semantics in modern media texts of interview genre (By the material of the German language)]. *Filologicheskie nauki*.

- Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (1), 250–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.50>
- Kononov, A. N. (1960). *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Modern Uzbek standard grammar]. Moscow – Leningrad : Soviet Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Kononov, A. N. (1980). *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII–IX vv.* [The grammar of Turkic VII–IX century rune monuments] Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Lyapon, M. V. (1986). *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: k tipologii vnutri tekstovykh otnosheniy* [Semantic structure of a complex sentence and text: Towards the typology of intra-textual relations]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Musatova, G. A. (2008). *Semantika ustupki* [Concessive semantics]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Region State University. (In Russ.).
- Ozonova, A. A. (2015). Ustupitel'nye konstruktsii v altayskom yazyke [Concessive constructions in the Altai language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2, 62–70. (In Russ.).
- Ozonova, A. A. (2019). Soslagatel'noe naklonenie v altayskom yazyke [Subjunctive mood in the Altai language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 1, 74–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2019-1-74-83>
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Samsitova, L. Kh., Sagynbek, I. Zh. (2020). Slozhnopodchinennye predlozheniya v bashkirskom i kazakhskom yazykakh [Complex sentences in the Bashkir and Kazakh languages]. *Rossiyskaya tyurkologiya* [Russian Turkology], 1–2 (26–27), 36–46. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2012). Soyuz khotya i obmanutoe ozhidanie [Conjunction though and defeated expectancy effect]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences : Studies in Literature and Language], 1, 44–51. (In Russ.).
- Xrakovskij, V. S. (1999). Universal'nye ustupitel'nye konstruktsii [Universal concessive constructions]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1, 103–122. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 12.10.2022.
The article was submitted 25.03.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 12.10.2022.

Чжан Тун, Сюй Хун✉
Харбинский политехнический университет
г. Харбин, Китайская Народная республика
yuqilihit@126.com

Построение и применение лингвистического корпуса в аннотационном переводе с русского на китайский язык

Аннотация

Развитие современных компьютерных технологий корпусной лингвистики даёт возможность глубже проанализировать проблему аннотационного перевода с русского языка на китайский. Лингвистический корпус может быть использован для описания и анализа большого количества существующих переведённых языковых материалов. С помощью статистических данных по корпусу о различных типах аннотационной информации можно проанализировать частоту обращения разных переводчиков к тому или иному типу информации о произведении на исходном языке, отражаемой переводчиком в комментариях. Моделирование параллельного корпуса, включающего три знаковых произведения-оригинала трёх русских классиков – «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Воскресение» Л. Н. Толстого, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, – анализ трёх переводов к каждому оригиналу и аннотаций к этим переводам позволили выявить общее и отличное в аннотационных переводах. Общим оказалось преобладание комментариев, связанных с культурной информацией оригинального произведения, при этом количество актуализированных категорий переводческих комментариев и наполняемость категорий варьировали. Выявлены три основные проблемы имеющихся аннотаций: избыточность информации, неточность информации, вольный подход к переводу.

Ключевые слова: техника аннотационного перевода, лингвистический корпус, категория информации, статистический анализ

© Чжан Т., Сюй Х. 2022

Для цитирования: Чжан Т., Сюй Х. Построение и применение лингвистического корпуса в аннотационном переводе с русского на китайский язык // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 175–186. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_175

Zhang Tong, Xu Hong✉
Harbin Institute of Technology
Harbin, China
yuqilihit@126.com

Designing and applying language corpus for annotating translation

Abstract

Modern computer technology of corpus linguistics enables to perform deeper analysis of annotating translation techniques while translating from Russian into Chinese. Language corpus can be used to describe and analyze a considerable amount of translations. Using corpus statistics on various types of annotated information, we can determine the frequency of occurrence for each category of information about an original literary work reflected by a translator in comments. We designed our own parallel corpus composed of (i) three iconic novels by three famous Russian classical writers – “Crime and punishment” by F. M. Dostoevski, “Resurrection” by L. N. Tolstoy, “Master and Margarita” by M. Bulgakov, (ii) three translations to each original novel, (iii) annotations to these translations. Statistical analysis enabled to identify common and varying patterns in the annotating techniques. The common feature was the highest frequency of comments providing cultural information included in the

original text, however the number of actualized categories of comments as well as the number of comments in each category turned out variable. We also discovered three basic challenges of the existing annotations: excessive details, inaccuracy of information, free approach to translation.

Keywords: annotating translation technique, language corpus, information category, statistic analysis

© Zhang Tong, Xu Hong 2022

For citation: Zhang, T., Xu, H. (2022). Postroenie i primenenie lingvisticheskogo korpusa v annotatsionnom perevode s russkogo na kitayskiy yazyk [Designing and applying language corpus for annotating translation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 175–186. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_175

1. Введение [Introduction]

Используя лингвистический корпус, можно описать и проанализировать уже переведённый материал, поскольку «с одной стороны, это включает в себя отбор, классификацию, маркировку и хранение большого объёма текстов» [Ли, 2012, с. 43], с другой стороны, это предполагает применение лингвистического корпуса в области переводоведения, что по сути сформировало новое направление в лингвистических исследованиях – корпусное переводоведение, возникшее на основе корпусной лингвистики.

Изучение корпусного переводоведения в основном сосредоточено на определении характеристик языка перевода, стиля перевода, стратегии перевода и т. д. на основе параллельного корпуса моно-перевода или поли-переводов [Ху, Чжу, 2018, с. 3–13]. В Китае существует мало научных трудов, посвящённых изучению проблем параллельного корпуса русского и китайского языков. Фундаментальные исследования корпуса упомянутых языков отсутствуют. Имеющиеся исследования посвящены отдельным аспектам, в частности, идеям создания русско-китайского / китайско-русского параллельного корпуса, процессу построения корпуса с точки зрения сбора, классификации, обработки, хранения данных [Цуй, Ли, 2014, с. 1–2]; в некоторых работах излагаются проблемы построения новостного русско-китайского корпуса, даётся его оценка и обозначаются перспективы [Юань, 2017, с. 113], обсуждаются возможности применения авторских корпусов для решения прикладных задач, в частности, в области обучения [Чжан Лупэн, Чжан Чаоцин, 2012, с. 62], однако изучение двуязычного корпуса в основном остаётся на теоретическом уровне. С течением времени возрастает интерес учёных к практическому применению корпуса в области перевода, благодаря развитию технологий появляются научные работы, посвящённые изучению особенностей переводов одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками [Лю, Шао, 2015 и 2016] или особенностей перевода содержания специфической тематической группы в определённом произведении [Лю, Чэнь, 2018, с. 38–51]. Несмотря на то, что вышеупомянутые работы несомненно создали теоретическую базу для нашего исследования (как и работы русских авторов [Добровольский, 2003 ; Орехов, 2009 ; Михайлов, 2003]), в них в качестве материала исследования используются только произведения одного и того же писателя или даже только одно произведение отдельно взятого автора. Применение таких, несомненно, важных, результатов довольно узкое в силу ограниченности материала и высокой степени индивидуальности художественного стиля автора.

Ц е л ь настоящего исследования заключается в описании собственного (авторского) параллельного корпуса русского и китайского языков, созданного на материале трёх произведений русской литературы разных писателей, трёх разных переводов на китайский язык этих произведений и аннотаций на выполненные переводы. Особое внимание уделено выявлению разного типа аннотаций к переводам с помощью стати-

стической обработки результатов, представленных в корпусе, а также анализу существующих проблем аннотационного перевода.

Включение аннотаций к переводам в лингвистический корпус позволило бы одновременно генерировать и анализировать статистические данные для научных исследований. Программа, позволяющая это осуществить, могла бы способствовать созданию соответствующего онлайн сервиса, что полностью согласуется с быстро развивающейся цифровизацией современной лингвистики.

2. Разработка лингвистического корпуса [Language corpus design]

Итак, о б ъ е к т о м данного исследования является 1) аннотационный перевод вне переводного текста, выполненный переводчиком в форме примечаний или концевых сносок), и 2) аннотационный перевод внутри самого перевода, непосредственно включающий в переводный текст комментарии, объясняющие какой-то элемент в тексте, не добавляя отдельно примечаний и сносок. В процессе сбора материала для корпуса было обнаружено, что большинство переводчиков предпочитают использовать первое, и что «Содержание комментариев» (注释内容) не может быть введено отдельно в колонку комментариев. Таким образом, комментарии, добавленные в базу данных, не включают в себя аннотационный перевод.

Кроме того, наши статистические подсчёты показывают только степень внимания, уделяемого переводчиком в целом типе информации, содержащей комментарии, и не показывает, что это является лучшим способом для перевода.

Весь корпус разделен на 6 разделов, доступ к которым осуществляется с помощью следующих экранных кнопок: «Добавить категорию» (添加类别), «Добавить произведение» (添加作品), «Добавить переводчика» (添加译者), «Добавить текст» (添加语料), «Статистический корпус» (统计语料), «Статистический процент» (统计百分比). Статистический корпус представляет собой реляционную базу данных, построенную в виде обзорной таблицы всех содержащихся в корпусе материалов. Статистический процент даёт результат по каждой категории материалов от общего числа материалов, либо по какому-то объекту из категории от общего числа объектов в данной категории. По наличию действия «Добавить» (添加) можно увидеть, что задуманный нами корпус может быть обновлён в любое время с автоматической корректировкой статистики.

Первые три раздела, помимо присвоенных номеров, включают соответствующие темы разделов, функции изменение столбцов, удаление столбцов и добавление ключей, которые, соответственно, можно изменять, удалять и добавлять категории, произведения и темы в разделе «Переводчик» (译者). При нажатии на кнопку «Изменить ключ и добавить ключ» (修改语料), появится окно, в которое необходимо внести изменения, после завершения действия изменения отразятся в интерфейсе. Для удаления содержимого предусмотрена соответствующая кнопка «Удалить» (删除). Кнопка «Добавить текст» (添加语料), помимо ввода оригинала, перевода и комментариев в соответствующую колонку, одновременно предназначена для добавления примечания к языковому материалу. Раздел «Статистический корпус» (统计语料) (см. рис. 1) обновляется сразу после каждого ввода информации и завершения аннотации, и это позволяет увидеть всю сводку по корпусу в любое время. Не считая нумерационной колонки, всего предложено 9 колонок, в том числе 7 колонок для примечаний, изменения и удаления. В заключительном разделе «Статистический процент» автор настоящего исследования предполагает, что весь собранный корпус примечаний будет представлен в виде данных, показывающих количественное соотношение различных типов аннотационной информации в различных текстах оригинала и различных переводах, которое будет использоваться для иллюстрации степени предпочтения каждым переводчиком различных типов аннотационной информации.

统计语料									
语料ID	俄文	中文	注释	类别	译者	作品名	年份	修改语料	删除语料
1	В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С — м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К — ну мосту.	七月初,“酷暑逼人,傍晚,有个青年走出自己的斗室——这是他在C胡同的二房东租住的。他来到街上,然后慢慢腾腾地,仿佛犹犹豫豫不决地朝K桥方向走去。	“据作者说,小说中的故事发生在1865年,这年的夏天炎热异常。	曹恩艺,朱永生	曹恩艺,朱永生	2011			
2	А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в последний месяц выучился болтать, лежа на целом суткам в углу и думая... о царе Горохе.	“我说得太多了。这是因为我只会空口说白话。或者也许是因为我什么也不做,才会变得尽说一堆空话。上个月我学会了先说个不停,整天躺在我的小屋里想着“巨人杀手杰克”之类的无聊事。”	“英国神话故事《巨人杀手杰克》中的同名人物。	陈逸	曹恩艺,朱永生	2015			
	Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное	不过在这一街区,衣着如何是不会让人惊奇的。因为这里紧挨“千草广场,妓院密布,而且毗邻于彼得堡中心区这些大街小巷的	“千草广场禁为馆	曹恩艺					

Р и с у н о к 1. Интерфейс раздела «Статистический корпус»
[F i g u r e 1. Statistic corpus interface]

Существующие компьютерные технологии обеспечивают возможность построения параллельного корпуса, а также открывают новый путь для изучения китайского перевода и аннотации русской литературы. Поскольку параллельный корпус может суммировать и хранить большое количество реальных корпусов, сформированных по принципу «оригинал-перевод-комментарий», исследование, основанное на данных такого корпуса, выявит не только частные особенности перевода отдельно взятого произведения или произведений конкретного автора, но и поможет прийти к объективным выводам более общего характера, касающихся стратегий, тактик и приёмов перевода художественного произведения.

3. Отбор и обработка материалов [Selecting and processing the material]

«При выборе писателей и конкретных литературных произведений необходимо учитывать такие факторы, как известность писателей, разнообразие переводов, богатство содержания произведения, нормативный характер и богатство языка произведения и писателя» [Лю, Шао, 2016, с. 155]. Произведения, написанные такими русскими классиками с мировым именем, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и М. А. Булгаков, передаются из поколения в поколение и в настоящее время находятся в списке самых популярных в Китае иностранных литературных произведений.

«Преступление и наказание», «Воскресение» и «Мастер и Маргарита» являются репрезентативными работами этих трёх писателей. Все три имеют общий содержательный компонент «религия», но отличаются вторым содержательным компонентом: для первого произведения это психологическая реальность, для второго – критическая реальность, а для третьего – магическая реальность. Произведения представляют три разных писательских стиля, поэтому сопоставление переводов этих произведений позволит выявить общее и отличное и вывести определённые универсальные закономерности. Переводы этих произведений выполнялись несколькими китайскими переводчиками, а значит мы неизбежно имеем дело с тем, что переводчики могут по-разному воспринимать язык авторов, русскую национальную культуру и выбирать методы перевода. Опираясь на такие факторы, как время перевода, стиль переводчика, читаемость (популярность) перевода, мы решили из всего многообразия опубликованных переводов этих произведений выбрать по три перевода в качестве материала для данного исследования (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. **Информация о переводах, выбранных в этом исследовании**
 [Table 1. **Information about translations chosen for this study**]

Название произведения	«Преступление и наказание»	«Воскресение»	«Мастер и Маргарита»
Перевод 1	Издательство народной литературы, 2016 г. Перевод Чжу Хайгуань, Ван Вэнь	Шанхайский книжный магазин Sanlian, 2014 г. Перевод Цао Ин	Издательство народной литературы, 2016 г. Перевод Цянь Чэн
Перевод 2	Издательство литературы и искусства Чанцзян, 2011 г. Перевод Цзэн Сьин, Чжу Сяньшэн	Издательство народной литературы, 1979 г. Перевод Жу Лун	Центральное издательство составления сборников для перевода, 2017 г. Перевод Бай Хуасюн
Перевод 3	Шанхайское издательство литературы и искусства, 2015 г. Первоначальный перевод Гэн Цзичжи; повторный перевод Чэнь И	Тяньцзиньское народное издательство, 2016 г. Перевод Ли Ган	Шанхайское бюро переводов, 2012 г. Перевод Гао Хуэйцюнь

В созданный корпус, мы включили 1463 обработанных фрагмента общим объёмом 245231 слов. Обработка материалов осуществляется, как правило, в два этапа.

Первый шаг – сбор корпуса и определение типа информации. Здесь мы рассматриваем не само оригинальное литературное произведение, а только перевод с комментариями. Поскольку эту информацию невозможно получить автоматически с помощью компьютера, она собирается вручную. Сначала в печатном экземпляре переводной книги производится маркировка. В связи с этим в первую очередь выделен переведённый фрагмент, имеющий примечание в переводе, и тот фрагмент оригинального текста, который этому переводу соответствует. Примечание также определяет тип информации, к которой относится содержание комментариев (напр., информация о персонажах или известных персоналиях, упоминаемых в произведении), для каждого примечания вводится соответствующая запись.

Второй шаг: после работы по маркировке в бумажной книге создаётся документ Word в соответствии с работой для резервного копирования. Перевод выделяется жирным курсивом, перед ним добавляется знак «*». После выполнения описанных выше действий вы можете ввести исходный текст (оригинал), перевод сноски и соответствующий комментарий в библиотеку. После сохранения текста курсив и полужирный шрифт не отображаются на заполнении, только знак «*».

4. Аннотация корпуса [Annotation of the Corpus]

После подготовки и ввода материала в корпус необходимо дать описание всех свойств материала, иными словами, сделать разметку корпуса. Эта разметка позволяет унифицировать данные и успешно выполнять поиск и отбор материала по корпусу. «Аннотация обеспечивает единый стандарт для обозначения характеристик текстов, входящих в корпус. Данные логически выражаются в двумерной структуре таблицы, характер и объём информации строго фиксированы, что позволяет достичь структурного единообразия данных и использовать фильтры корпуса, соответствующие конкретным потребностям в конкретных условиях» [Лю, Шао, 2016, с. 155].

Добавление в интерфейс текста оригинального русского произведения и текста, переведённого на китайский язык с примечаниями, не может быть выполнено в рамках одного действия. Оригинал и перевод вводятся отдельными действиями в полном соответствии со свойствами контента. Далее заполняются категории комментариев, информация о переводчике, взятом для перевода произведения, годе выпуска перевода и т. д. Эти атрибуты заполняются для каждого сегмента и поэтому являются способом стандартизации и «выравнивания» корпуса, а конкретные данные ячеек таблицы отличают сегменты друг от

друга. Эти данные можно использовать в качестве поисковых запросов путём их ввода в строку поиска в верхней части интерфейса «Статистический корпус».

При аннотировании корпусной информации этот текстовый корпус имеет доступное положение (см. рис. 2), в поле «Выбрать категорию» (选择类别) в правом конце есть стрелка, нажмите на поле, чтобы выбрать категорию, которую мы установили в блоке передней панели, без необходимости вводить. «Выбрать переводчика» (选择译者), «выбрать произведение» (选择作品) – это одна и та же операция. Когда информационная аннотация будет завершена, для её отправки используется кнопка «Добавить» (添加) в нижней части интерфейса, после чего добавленный сегмент появится в конечной позиции интерфейса статистического корпуса и будет сразу учтён в общей статистике корпуса. Если информация введена с ошибкой, к сожалению, возможность вручную удалить или исправить ошибочный вариант отсутствует. Поэтому необходимо использовать кнопку сброса введённых данных – «Сбросить» (重置.) – и повторно ввести требуемую информацию.

Рисунок 2. Интерфейс раздела «Добавить материал»
[Figure 2. “Add the material” interface]

5. Применение корпуса [Applying the Corpus]

5.1. Статистический анализ аннотаций к переводам [Statistical analysis of annotations to translations]

Основываясь на количественных параметрах, автоматически вычисляемых и обновляемых в построенном нами авторском параллельном корпусе, мы можем получить объективную картину, показывающую частоту использования разными переводчиками того или иного типа аннотированной информации.

В горизонтальном ракурсе трёх переводов произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (табл. 2–4), в переводе Чжу и Вана (табл. 2) больше внимания уделяется культурной, справочной и справочной аннотированной информации. Среди них особое внимание уделяется религиозной информации в культурных аннотациях, а «указать собственное имя» является наиболее заметной в ссылочных аннотациях. Аннотации к репликам произведения-оригинала на иностранном языке (напр., реплики на немецком языке в «Преступлении и наказании») обрабатываются вольным переводом на китайский язык. Перевод Цзэна и Чжу (табл. 3) характеризуется наибольшим количеством аннотаций, из которых культурные аннотации по-прежнему являются основными, а особое внимание уделяется «религиозной культуре». Оба переводчика не уделили

много внимания объяснению преобразования имён, поэтому соответствующих примечаний относительно мало. Тем не менее, аннотации на использование иностранного языка в оригинале занимают определённую долю, и здесь для придания переводу оттенка иностранной культуры использован метод транслитерации в переводе с отдельной аннотацией на такой случай. Наименьшим количеством аннотаций характеризуется перевод Чэнь (табл. 4), при этом переводчик чаще использует аннотативный метод. Среди аннотаций по-прежнему преобладают культурные аннотации, а аннотации на реплики оригинала на иностранном языке путём сохранения использованного в оригинале иностранного языка в переводе и отдельно аннотирования отступает на второе место, при этом другие четыре типа аннотационной информации (фондовая аннотация, референтная аннотация, аннотация о средствах выразительности, аннотация об анализе переводчика) встречаются реже. Сопоставляя три перевода, можно сказать, что хотя количество и стиль аннотаций в трёх переводах различаются, культурные аннотации всегда составляют наибольшую долю в каждом переводе, что свидетельствует о том, что переводчики больше всего внимания уделяют передаче культурного содержания художественного произведения. В рамках изученных переводных версий «Преступления и наказания» большой разницы между тремя переводами с точки зрения техники написания и переводческого анализа не отмечено. Однако переводчики использовали разные методы обработки референтных аннотаций и аннотаций на иностранный язык, демонстрируя разные характеристики перевода (конкретные показатели см. в табл. 2).

Из трёх переводов произведения Л. Н. Толстого «Воскресение» переводы Цао и Жу (табл. 2) показывают нам два разных стиля: первый стремится к простоте, второй фокусируется на верности. В какой-то степени это отражает и количество комментариев в двух переводах. Данные показывают, что три перевода «Воскресения» (так же, как и три перевода «Преступления и наказания») уделяют наибольшее внимание типам информации, содержащей культурные сведения. Общее количество культурных, референтных и фоновых комментариев составило более 90%; частотность комментариев, содержащих информацию на иностранном языке, в целом одинакова; комментариев с информацией о средствах выразительности меньше. Например, существует разница в комментариях анализа переводчика. Так, фондовая информация, содержащая предысторию событий, отражённых в произведении, и особые причины этих событий (напр., причины эпохи, общества), не обязательно попадает в центр внимания каждого переводчика. Возможно, именно эти несоответствия означают, что переводчики воспринимают потребности читателей по-разному. Конкретные статистические данные приведены в таблице 2.

В трёх переводах произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита», как и в переводах двух проанализированных выше произведений, в центре внимания переводчиков находится культурная информация. Среди них перевод Бай Хуасюна отличается наибольшим количеством комментариев, представленностью всех категорий, при этом большую долю составляют аннотации о средствах выразительности и аннотация об анализе переводчика, что отражает внимание переводчика к большому количеству аспектов перевода. Между тем, чрезмерно подробная аннотация может привести к избыточным либо слишком длинным комментариям, что будет иметь отрицательным эффект – читатели не пожелают ознакомиться с такими комментариями. В отличие от двух предыдущих переводов, перевод Гао Хуэйцуня более лаконичен: комментарии сосредоточены на культурных и референтных категориях; другим же типам информации переводчиком уделяется небольшое внимание. Конкретные статистические данные приведены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Статистика аннотаций в переводах
[Table 2. Statistics on the Information from annotations in translations]

Переводчик (译者)	Культурная аннотация (文化类)	Референтная аннотация (指代类)	Фоновая аннотация (背景类)	Аннотация на иностранный язык (外语类)	Аннотация о средствах выразительности (写作手法类)	Аннотация об анализе переводчика (译者分析类)	Общее кол. (总计)
<i>Ф. М. Достоевский “Преступление и наказание”</i>							
Чжу Хайгуан, Ван Вэнь	83 (48,3%)	40 (23,3%)	27 (15,7%)	6 (3,5%)	5 (2,9%)	11 (6,4%)	172
Цзэн Сьи, Чжу Сяньшэн	111 (56,6%)	23 (11,7%)	27 (13,8%)	21 (10,7%)	6 (3,1%)	8 (4,1%)	196
Чэнь И	42 (64,6%)	4 (6,2%)	4 (6,2%)	13 (20,0%)	2 (3,1%)	0 (0,0%)	65
<i>Л. Н. Толстой “Воскресение”</i>							
Цао Ин	55 (62,5%)	20 (22,7%)	7 (8,0%)	1 (1,1%)	0 (0,0%)	5 (5,7%)	88
Жу Лун	100 (52,6%)	59 (31,1%)	14 (7,4%)	4 (2,1%)	2 (1,1%)	11 (5,8%)	190
Ли Ган	36 (61,0%)	17 (28,8%)	2 (3,4%)	1 (1,7%)	0 (0,0%)	3 (5,1%)	59
<i>М. А. Булгаков “Мастер и Маргарита”</i>							
Цянь Чэн	129 (71,3%)	25 (13,8%)	9 (5,0%)	8 (4,4%)	7 (3,9%)	3 (1,7%)	181
Бай Хуасюн	237 (58,1%)	43 (10,5%)	17 (4,2%)	8 (2,0%)	42 (10,3%)	61 (15,0%)	408
Гао Хуэйцюнь	84 (80,8%)	11 (10,6%)	0 (0,0%)	5 (4,8%)	1 (1,0%)	3 (2,9%)	104

5.2. Проблемы аннотационного перевода [Challenges of annotating translation techniques]

5.2.1. Избыток аннотационной информации [Excessive information in annotations]

Корпусная статистика показывает, что все переводы имеют общую черту – акцент на аннотации культурной информации, что также показывает, что аннотации незаменимы в художественном переводе. С их помощью можно дополнить культурные знания, уточнить смысл содержания, прояснить культурные различия, помочь читателю лучше понять контекст и оригинальное произведение в целом. Однако существует проблема выбора оптимального объёма аннотации: виды переводческих комментариев и их количество в каждой категории должны определяться потребностями понимания оригинального произведения. Анализ корпуса показал, что первая проблема заключается в избытке аннотированной информации, что отрицательно влияет на результат прочтения произведения. Сравним два комментария об известной персоналии Иммануила Канта, упоминаемого в «Мастере и Маргарите».

(1) *Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу* [М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита] – ‘您的这种论调简直就是那个悲天悯人的老家伙伊曼努尔再世’ [译者 (переводчик): 白桦熊 (Бай Хуасюн)].

Бай Хуасюн перевёл имя Канта *Иммануил* как ‘伊曼努尔’, а затем сделал выноску, где комментарий на «Иммануил» охватывает информацию о персонажах и включает большой раздел теории Канта, состоящий из 459 слов. Такие пространственные комментарии прерывают мышление читателя, отнимая время, заставляя потерять терпение и даже интерес к чтению произведения. Поэтому слишком большой объём аннотации может сни-

зять степень оценки произведения читателями. Напротив, аннотации перевода Цянь Чэна и перевода Гао Хуэйцуня более уместны. Их комментарии к имени *Иммануил* выглядят так: «немецкий философ-идеалист Иммануил Кант (1724–1804)» и «относящиеся к основателю немецкой классической философии Канту (1724–1804)» (соответственно). Такие комментарии более уместны, поскольку в них передаётся только необходимая краткая информация о персонажах и известных персоналиях.

5.2.2. Неточность содержания комментариев [*Inaccuracy of commentaries*]

Вторая проблема заключается в том, что комментарии порой содержат личное отношение переводчика, и в этом случае эквивалентность передачи информации оригинального произведения трудно гарантировать. , например:

(2) *Я люблю, – моляще говорила женщина и вдруг механически стала повторять: – Фрида, Фрида, Фрида! Меня зовут Фрида, о королева* [М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита]–“我喜欢, ” 那女子分明是哀求的语气, 但她突然机械式地重复说道: “弗丽达, 弗丽达, 弗丽达! 我叫弗丽达, 噢, 女王!” [译者 (переводчик): 白桦熊 (Бай Хуасюн)].

Примечание Бай Хуасюна к имени *Фрида*: «Образ Фриды мог быть взят из двух глав из книги «Проблемы сексологии» швейцарского нейроанатома, энтомолога и психиатра Августа-Анри Фаулера (1848–1931). Возможно и, что автор ссылаясь на Гретхен, возлюбленную Фауста, убившую его биологического сына в романе Гёте «Фауст». Из формулировки видно, что переводчик не уверен в достоверности информации этого комментария и, следуя автору оригинального произведения, излагает два предположения, оставляя за читателем право выбрать самому. Однако не каждый читатель пожелает это сделать.

5.2.3. Неправильный подход к комментариям [*Wrong approach to commentaries*]

История переводов прошла путь, на котором было две крайности: буквализм средневековья и вольный перевод эпохи Возрождения. Обе крайности в настоящее время признаются неправильными подходами. Современная теория и практика перевода накопили достаточно средств для обеспечения эквивалентности текста перевода тексту оригинала. Между тем, некоторые переводчики подходят к составлению аннотаций излишне произвольно. Для сравнения приведём два перевода сегмента из «Преступления и наказания».

(3) *А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно* [Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание].

Перевод 1: '先生, 不值钱的东西您都拿来了, 这块表也值不了几个钱。上次那只戒指我给了您两张票子, 可是在珠宝商那里, 花一个半卢布就可以买个新的 (注释: 指两卢布纸币)' [译者 (переводчики): 曾思艺和朱宪生 (Цзэн Сыи, Чжу Сяньшэн)].

Перевод 2: '你这种乱七八糟的小东西能值多少钱? 上回你拿来的戒指, 我付给你两个卢布已经很吃亏了。人家一个半卢布就可以在珠宝店里买到一个差不多新的' [译者 (переводчик): 陈逸 (Чэнь И)].

В Перевод 1 сочетание слов *два билетика* дословно переводится как 'две купюры', и, учитывая информацию исходного текста, одновременно добавляется комментарий «два билетика». Строго говоря, к этому сочетанию слов не требуется отдельного примечания. В Перевод 2 сочетание слов переводится прямо – как 'два рубля', и это лучшее решение, чем в Перевод 1. «Роман предназначен для читателя, но читателя нельзя учить. Поэтому примечания должны быть краткими. По возможности нужно стараться при переводе использовать технику пояснения ненавязчиво, чтобы читатель мог прочитать переводное произведение на одном дыхании» [Цзинь, 1988, с. 47].

Использование аннотированного перевода (внутритекстовых аннотаций) позволяет избежать слишком вольных действий переводчика по созданию аннотаций, а чита-

телю – получить необходимую информацию непосредственно при чтении текста, не отвлекаясь. Однако аннотированный перевод – не панацея, иначе внетекстовые аннотации потеряют смысл. Продемонстрируем на примере из того же произведения.

(4) *Да и вообще Пётр Петрович принадлежал к разряду людей, по-видимому чрезвычайно любезных в обществе и особенно претендующих на любезность, но которые, чуть что не по ним, тотчас же теряют все свои средства и становятся похожими скорее на **мешки с мукой*** [Ф. М. Достоевский, Преступление и наказание].

Перевод 1: '彼得·彼得洛维奇属于那一种人, 表面在社会上十分有礼貌, 小心翼翼, 但是一旦他们在什么事情上直接遇到抵抗, 便会变得惊慌不安, 从一个文雅的、活生生的人变成了一**袋面粉**。(注释: “一袋面粉”在这里“意指举止笨拙”。)' [译者 (переводчик): 陈逸 (Чэнь И)].

Перевод 2: '彼得·彼得洛维奇属于这样一种人, 在交际场合表面上殷勤有礼, 也特别希望别人对他殷勤有礼, 但只要有什么事稍不如意, 就会变得一筹莫展, 顷刻间便不再是风流倜傥、谈笑风生地活跃于交际场合的绅士了, 而活像个**泥塑木雕**。(注释: 原文为“像一袋面粉”, 意即呆头呆脑, 举止笨拙。)' [译者 (переводчики): 曾思艺和朱宪生 (Цзэн Сыи, Чжу Сяньшэн)].

В Переводe 1 используется метод отчуждения от добавления аннотации, но переводчик не учитывает, что в китайской культуре такой метафоры нет, и даже с аннотациями желаемый эффект не достигается. В Переводe 2 найден способ эффективно преодолеть это препятствие, использовав методы адаптации и добавления аннотации. Это повышает эквивалентность перевода и позволяет читателям лучше понять смысл исходного текста.

6. Заключение [Conclusion]

На основе изучения предыдущего опыта, используя возможности лингвистического параллельного корпуса, мы пытались воплотить некоторые новые идеи и предложить технические решения: обновление корпуса и данных в режиме реального времени, изменение ключей, удаление ключей, дизайн окна поиска, экспорт данных в Excel и так далее. Целью создания параллельного корпуса был анализ сходств и различий в методах аннотирования и содержании аннотаций переводчиков путём статистической обработки данных.

Нами был создан авторский параллельный корпус, в который вошли три знаковых произведения-оригинала трёх русских классиков («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Воскресение» Л. Н. Толстого, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова), по три перевода к каждому оригиналу и аннотации к этим переводам, включающие разное количество переводческих комментариев разных категорий. Общим для разных переводчиков оказалось преобладание комментариев, связанных с культурной информацией оригинального художественного произведения, при этом количество используемых категорий переводческих комментариев и наполняемость категорий варьировали.

В результате анализа корпусных данных были выявлены три основные проблемы в аннотациях к переводу с русского на китайский: 1) слишком много аннотационной информации, что делает эффект аннотации отрицательным; 2) неточности передачи информации в аннотации, что делает такую аннотацию недостоверной; 3) неправильный подход к выполнению аннотации, заключающийся в субъективизме и допущении излишней вольности перевода, что отрицательно влияет на понимание и оценку произведения читателями.

Таким образом, аннотации – это своего рода «компенсация» информации о культурных реалиях оригинала, отсутствующих в культуре носителей языка-перевода. Только когда переводчики следуют унифицированным принципам составления аннотаций к переводам, вспомогательная роль аннотаций максимизируется, а читателю гарантируется, что он/она получит положительный опыт чтения переводного произведения схожий с тем, который получают носители языка, читающие художественное произведение в оригинале.

Благодарности [Acknowledgments]

Исследование поддержано грантом программы философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян «Исследование комментариев перевода русских литературных произведений и построение параллельного корпуса» (19YUD221), грантом программы по развитию философии и социальных наук ХПУ «Исследование комментариев перевода на основе корпуса» (НПТ.НСС.201867), грантами программы реформы образования ХПУ «Механизм подготовки высококвалифицированных кадров технического перевода в условиях Новых гуманитарных наук» (21НХ0304) и «Построение курса «Научнотехнический перевод» для магистрантов вузов в новую эпоху» (JPPY2021054).

Библиографический список

- Добровольский, 2003 – Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов как инструмент анализа литературного перевода. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, труды Международной конференции Диалог-2003. Российский НИИ искусственного интеллекта 2003. М. : Наука, 2003. С. 126–131.
- Михайлов, 2003 – Михайлов М. Параллельные корпуса художественных текстов принципы составления и возможности применения в лингвистических и переводоведческих исследованиях на примере русско-финского параллельного корпуса художественных текстов : Academic dissertation. University of Tampere. Tampere, 2003. 348 с.
- Орехов, 2009 – Орехов Б. В. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 462–473.
- Ли, 2012 – 李绍哲. 俄语语料库和基于语料库的语法研究. 哈尔滨: 黑龙江大学博士学位论文, 2012年, 254页。[Ли Ш. Лингвистический корпус русского языка и основанные на его исследованиях грамматика : дис. ... д-ра наук ; Хэйлунцзянский ун-т. Харбин, 2012. 254 с.]
- Лю, Шао, 2016 – 刘淼, 邵青. 俄汉文学翻译语料库的创建——基于契诃夫小说平行语料库的设计与建构. 外语学刊, 2016年第1期, 第154–158页 [Лю М., Шао Ц. Создание корпуса русско-китайских литературных переводов: на основе дизайна и построения параллельного корпуса романов Чехова // Журнал иностранных языков. 2016. № 1. С. 154–158].
- Лю, Шао, 2015 – 刘淼, 邵青. 基于多译本平行语料库的翻译语言特征研究——对契诃夫小说三译本的对比分析. 解放军外国语学院学报, 2015年第5期, 第126–133页。[Лю М., Шао Ц. Исследование характеристик языка перевода на основе параллельного корпуса нескольких версий: сравнительный анализ трех версий романов Чехова // Журнал Ин-та иностранных языков НОАК, 2015. № 5. С. 126–133.]
- Лю, Чэнь, 2018 – 刘玉宝, 陈娟. 基于平行语料库的<生死疲劳>俄译本中国文化负载词翻译策略与方法研究. 中国俄语教学, 2018年第1期, 第38–51页。[Лю Ю., Чэнь Ц. Исследование стратегий и методов перевода слов, нагруженных китайской культурой, в русском переводе на основе параллельного корпуса // Преподавание русского языка в Китае. 2018. № 1. С. 38–51].
- Ху и др., 2018 – 胡开宝, 朱一凡, 李晓倩. 语料库翻译学. 上海: 上海交通大学出版社, 2018年, 251页 [Ху К., Чжу И., Ли С. Корпусное переводоведение. Шанхай : Изд-во Шанхайского ун-та транспорта, 2018. 251 с.]
- Цзинь и др., 1988 – 金圣华等. 困难见巧: 名家翻译经验谈. 北京: 中国对外翻译出版社, 1988年, 199页 [Цзинь Ш. и др. Высокая степень сложности отражает мастерство: из опыта известных переводчиков. Пекин : Изд-во переводов Китая, 1988. 199 с.]
- Цуй, Ли, 2014 – 崔卫, 李峰. 俄汉-汉俄平行语料库的构建设想与应用展望. 中国俄语教学, 2014年第1期, 第1–5页 [Цуй В., Ли Ф. Построение и перспективы применения русско-китайско-китайско-русского параллельного корпуса // Преподавание русского языка в Китае. 2014. № 1. С. 1–5].
- Чжан Лупэн, Чжан Чаоцин, 2012 – 张禄彭, 张超静. 自建语料库在俄语教学研究中的应用. 中国俄语教学, 2012年第3期, 第62–69页。[Чжан Лупэн, Чжан Чаоцин. Применение самостоятельно построенного корпуса в преподавании и исследованиях русского языка // Преподавание русского языка в Китае. 2012. № 3. С. 62–69].
- Юань, 2017 – 原伟. 俄汉新闻可比语料库的构建、评估及应用展望. 解放军外国语学院学报, 2017年第6期, 第113–120页。[Юань В. Построение, оценка и перспективы применения русско-китайского параллельного корпуса новостей // Журнал Ин-та иностр. языков НОАК. 2017. № 6. С. 113–120].

References

- Dobrovolskiy, D. O. (2003). Korpus paralel'nykh tekstov kak instrument analiza literaturnogo perevoda [Parallel texts corpus as an instrument to analyze the translation of fiction]. *International Conf. Proc. "Dialog-2003. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii"* ["Dialog-2003. Computer linguistics and intellectual technologies"] (pp. 126–131). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Mikhaylov, M. (2003). *Paralel'nye korpusa khudozhestvennykh tekstov printsipy sostavleniya i vozmozhnosti primeneniya v lingvisticheskikh i perevodovedcheskikh issledovaniyakh na primere russko-finskogo paralel'nogo korpusa khudozhestvennykh tekstov* [Parallel corpora of literary texts: principles of compilation and possible uses in linguistics and translation studies (As applied to a Russian-Finnish parallel corpus of literary texts)]. Academic dissertation. Tampere : University of Tampere. (In Russ.).
- Orekhov, B. V. (2009). Paralel'nyy korpus perevodov «Slova o polku Igoreve»: itogi i perspektivy [Parallel corpus of translations of "Lay of Igor's Warfare"]: itogi i perspektivy [Parallel corpus of translations of "Lay of Igor's Warfare"]. In V. A. Plungyan (Ed.), *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and perspectives] (pp. 462–473). St Petersburg, Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Lǐ Shàozhé. É yǔ yǔ liào kù hé jī yú yǔ liào kù de yǔ fǎ yán jiū . Hā ěr bīn : hēi lóng jiāng dà xué bó shì xué wèi lùn wén, 2012 nián, 254 yè [Li, Sh. (2012). *The Russian corpus and corpus-based grammar studies*. PhD in Philological sci. diss. Harbin : Heilongjian University]. (In Chinese).
- Liú Miǎo, Shào Qīng. É hàn wén xué fān yì yǔ liào kù de chuàng jiàn – jī yú qì hē fū xiǎo shuō píng xíng yǔ liào kù de shè jì yǔ jiàn gòu. Wài yǔ xué kān, 2016 nián dì 1 qī, dì 154–158 yè [Liu, M., Shao, Q. (2016). Designing Russian-Chinese corpus of literary works translations: Based on Chekhov's novels. *The Journal of Foreign Languages*, 1, 154–158]. (In Chinese).
- Liú Miǎo, Shào Qīng. Jī yú duō yì běn píng xíng yǔ liào kù de fān yì yǔ yán tè zhēng yán jiū – duì qì hē fū xiǎo shuō sān yì běn de duì bǐ fēn xī. Jiě fàng jūn wài guó yǔ xué yuán xué bào, 2015 nián dì 5 qī, dì 126–133 yè [Liu, M., Shao, Q. (2015). Studying translation language features based on parallel corpus of several translation versions: comparing three translation versions of Chekhov's novels. *Journal of the PLA University of Foreign Languages*, 5, 126–133]. (In Chinese).
- Liú Yùbǎo, Chén Juān. Jī yú píng xíng yǔ liào kù de <shēng sǐ pí láo> é yì běn zhōng guó wén huà fù zài cí fān yì cè l kūn jīn kǎo è yǔ fāng fǎ yán jiū. Zhōng guó é yǔ jiào xué, 2018 nián dì 1 qī, dì 38–51 yè [Liu, Y., Chen, J. (2018). Strategies and methods of translating the words related to Chinese culture into Russian: Based on parallel corpus. *Teaching Russian in China*, 1, 38–51]. (In Chinese).
- Hú Kāibǎo, Zhū Yīfán, Lǐ Xiǎoqiàn. Yǔ liào kù fān yì xué. Shàng hǎi: Shàng hǎi Jiāotōng dà xué chū bǎn shè, 2018 nián, 251 yè [Hu, K., Zhu, Y., Li, X. (2018). *Corpus-based translation*. Shanghai : Shanghai Jiaotong University Press]. (In Chinese).
- Jīn Shèng huá dēng. Yīn nán jiàn qiǎo: míng jiā fān yì jīng yàn tán. Běijīng: zhōng guó duì wài fān yì chū bǎn shè, 1988 nián, 199 yè [Jin, Sh. et al. (1988). *Высокая степень сложности отражает мастерство: из опыта известных переводчиков*. Beijing : Zhong guo duì wai fan yì chu ban she Press]. (In Chinese).
- Cuī Wèi, Lǐ Fēng. É hàn – hàn é píng xíng yǔ liào kù de gòu jiàn shè xiǎng yǔ yīng yòng zhǎn wàng. Zhōng guó é yǔ jiào xué, 2014 nián dì 1 qī, dì 1–5 yè [Cui, W., Li, F. (2014). Designing Russian-Chinese and Chinese-Russian parallel corpus and the perspectives of its use. *Teaching Russian in China*, 1, 1–5]. (In Chinese).
- Zhāng Lùpéng, Zhāng Chāojìng. Zì jiàn yǔ liào kù zài é yǔ jiào xué yán jiū zhōng de yīng yòng. Zhōng guó é yǔ jiào xué, 2012 nián dì 3 qī, dì 62–69 yè [Zhang, L., Zhang, Ch. (2012). Designing an original corpus and using it in teaching Russian and in Russian studies. *Teaching Russian in China*, 3, 62–69]. (In Chinese).
- Yuán Wěi. É hàn xīn wén kě bǐ yǔ liào kù de gòu jiàn 、 píng gū jí yīng yòng zhǎn wàng. Jiě fàng jūn wài guó yǔ xué yuán xué bào, 2017 nián dì 6 qī, dì 113–120 yè [Yuan, W. (2017). Designing, testing and defining perspectives of applying Russian-Chinese parallel news corpus. *Journal of the PLA University of Foreign Languages*, 6, 113–120]. (In Chinese).

Штеба Алексей Андреевич
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
г. Волгоград, Российская Федерация
alexchteba@yandex.ru

Языковая категоризация смешанных эмоций в аспекте принципа Поллианны

Аннотация

В статье рассматривается проблема языковой категоризации смешанных эмоций, под манифестацией которых предложено понимать такие случаи вербализации эмоционального переживания, когда в единое линейное целое объединяются две и более номинации как моно-, так и поли-, амбивалентных эмоциональных состояний / переживаний. В аспекте анализа доминанты смешанной эмоции лежит принцип Поллианны, объясняющий причину асимметрии отрицательной и положительной оценки в языке и речи. Проведённый анализ картотеки, состоящей из более 500 примеров выражения смешанных эмоций в текстах художественной литературы, подтвердил, что, во-первых, отрицательно оценочные смешанные эмоции количественно более частотны. Во-вторых, сделан предварительный вывод о том, что ситуативной доминантой смешанной эмоции, несмотря на её суммативную природу, является постпозитивный элемент. Препозитивный элемент смешанной эмоции соответствует позиции темы, а постпозитивный – ремы. На когнитивном уровне в смешанной эмоции совмещается собственно эмоциональная и рациональная оценка некоего события, действия, поступка. Наконец, на примере перевода фрагментов текстов, содержащих случаи языкового выражения смешанных эмоций, удалось подтвердить тезис о том, что смешанные эмоции относятся к пространству неопределённой эмотивности, когда неизменной при переводе остаётся только оценка, а конституирующие смешанную эмоцию элементы варьируют.

Ключевые слова: смешанные эмоции, эмотивность, языковая категоризация эмоций, принцип Поллианны, доминанта, флуктуативность, эмоционально-смысловой потенциал

© Штеба А. А. 2022

Для цитирования: Штеба А. А. Языковая категоризация смешанных эмоций в аспекте принципа Поллианны // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С.187–196. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_187

Alexey A. Shteba
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Volgograd, Russian Federation
alexchteba@yandex.ru

Linguistic categorization of mixed emotions based on Pollyanna Principle

Abstract

The article considers the problem of language categorization of mixed emotions whose manifestation includes such cases of emotional experience verbalization when two or more nominations of both mono- and poly-, ambivalent emotional states / experiences are combined into a single linear whole. The analysis of the dominant in a mixed emotion is based on the Pollyanna principle that explains the cause of the asymmetry of negative and positive evaluation in language and speech. Component, distributive and contextual analysis of more than 500 lexical units expressing mixed emotions selected from fiction, firstly, proved the hypothesis that negatively

assessed mixed emotions occur more frequently. Secondly, the conclusion was made that the situational dominant of a mixed emotion, despite its summative nature, is a postpositive element. The prepositive element of a mixed emotion corresponds to the position of the Theme while the postpositive element corresponds to the Rheme. At the cognitive level, the emotional and rational assessment of a certain event, action, act is combined in a mixed emotion. Finally, the examples of translating the tokens from texts that contain linguistic expression of mixed emotions enabled to confirm that mixed emotions belong to the space of indefinite emotivity when only the evaluation remains unchanged during translation, and the elements constituting the mixed emotion vary.

Keywords: mixed emotions, emotivity, language categorization of emotions, the Pollyanna principle, dominant, fluctuation, emotional and semantic potential

© Shteba A. A. 2022

For citation: Shteba, A. A. (2022). Yazykovaya kategorizatsiya smeshannykh emotsiy v aspekte printsipa Pollianny [Linguistic categorization of mixed emotions based on Pollyanna Principle]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 187–196. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_187

1. Введение [Introduction]

Смешанные эмоции как один из способов экспликации эмоциональных переживаний имеют достаточно разнообразные формы языкового воплощения. В первую очередь, сущностной характеристикой любой эмоции выступает её потенциальная амбивалентность. Положение о двойственности и амбивалентности любой эмоции является базовым в психологии. Данная категориальная особенность эмоции совмещается с безграничным эмоционально-смысловым потенциалом любого слова. Под языковой манифестацией смешанных эмоций в данной работе понимаются такие случаи вербализации эмоционального переживания, когда в единое линейное целое объединяются две и более номинации как моно-, так и поли-, амбивалентных эмоциональных состояний / переживаний.

В компонентном составе слова имеются обязательные семы 'эмоция' и 'оценка', которые либо относятся к ядерной, либо к периферийной зонам. При этом расположение сем 'эмоция' и 'оценка' в ядерной зоне семантики слова (к примеру, когда речь идёт об эмоциях в статусе аффектива или коннотатива) не исключает возможности актуализации у данного слова дополнительной скрытой эмотивности на основе аналогичных сем 'эмоция' и 'оценка', относящихся к периферии. Данное положение обуславливает безграничные эмоционально-смысловые модуляции слова.

Проблема языковой категоризации смешанных эмоций ещё не становилась предметом отдельных исследований. Исключения составляют единичные работы [Могутова, 2002 ; Борисова, 2003 ; Карловская, 2009 ; Орлова, 2009 ; Варзаева, 2012, 2013 и др.], затрагивающие проблему множественности, двойственности, амбивалентности эмоционального, а также способы выражения данных характеристик. Между тем, смешанные эмоции следует рассматривать как новый предмет исследования эмотивной лингвистики, поскольку по своим формальным и содержательным признакам языковая категоризация смешанных эмоций отличается от устоявшейся в современной лингвистике парадигмы эмотивности (разделение эмотивов на аффективы, коннотативы и потенциативы) и средств её экспликации (номинация, дескрипция, экспликация).

Согласно Принципу Поллианны [Boucher, Osgood, 1969], отрицательно оценочные высказывания воспринимаются как более сильные, экспрессивные, воздействующие, чем положительные. Данный принцип заключается в том, что человек на подсознательном уровне активнее реагирует на положительные события, однако на сознательном уровне акцентирует внимание преимущественно на негативных событиях (вероятно, по причине связи отрицательно-оценочных ситуаций со страхом, незащищённостью, опасностью). В статье [Vaumeister, et al., 2001] приводятся аргументы в доказательство гипотезы о пре-

валировании отрицательно-оценочного на примере реакций на информацию, память, социальные отношения, развитие ребёнка, учёбу, эмоции и прочее. У человека развита бóльшая адаптивность к отрицательному, чем к положительному. Люди, которые ведут себя неприятно, вызывают активные отрицательные реакции окружающих, когда реализация позитивной модели коммуникации необязательно приводит к положительной реакции. Поскольку отрицательные эмоции сильнее и важнее (в частности, для выживания), они должны быть более репрезентативными в языке. Как следствие, в языке содержится больше слов для отрицательных эмоций, чем для положительных [id., p. 331].

Ц е л ь настоящего исследования заключается в формулировании теоретического подхода к определению эмоциональной доминанты смешанных эмоций с опорой на структурно-функциональный принцип. Г и п о т е з о й служит предположение о том, что смешанные эмоции с отрицательной эмоциональной доминантой количественно более частотны, что отражает асимметрия языковой категоризации положительных и отрицательных эмоций. Для проверки данной гипотезы был проведён эксперимент.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Методология исследования [Research methodology]

Поскольку эмотивность являет собой семантическую категорию, в работе значимы достижения в области лексической семантики, в частности, постулируется тезис о том, что в компонентном составе любой лексической единицы представлены семы 'эмоция' и 'оценка'. Последние могут быть ингерентными и адгерентными, когда ингерентный (внутренний) статус эмотивности может быть изменён посредством наведения в семантику слова внешних эмосем (адгерентных) [Арнольд, 1999 ; Филимонова, 2007 ; Шаховский, 2008, 2016, 2019 ; Смирнова, 2013 ; Вольф, 2019]. В качестве специальных методов, используемых при проведении исследования, следует выделить компонентный, дистрибутивный, контекстуальный анализ, а также элементы разговорного анализа в ситуации наблюдения за эмоциональным реагированием коммуникативных партнёров при анализе диалогических единств. Известно, что аффективы (подробнее о классификации эмотивов см.: [Шаховский, 1988]), к которым относятся бранные слова и междометия, могут терять свою воздействующую составляющую, что вынуждает говорящего использовать иные более экспрессивные способы выражения эмоционального состояния / переживания / отношения. А. А. Потеня указывал, что «междометие уничтожается обращённой на него мыслью» [Потеня, 1999, с. 83], реакцией на подобную привычность и осознанность использования междометия становится появление новых междометий, расширяющих парадигму обозначения одной и той же эмоции.

2.2. Материал [Material]

Основным источником иллюстративного материала послужила личная картотека примеров, отобранная из художественных произведений. Выбор пал на художественный дискурс поскольку он моделирует ситуации реального коммуникативного взаимодействия. Общий объём практического материала составил более 500 лексических единиц, эксплицирующих смешанные эмоции, среди которых были выделены амбивалентные, поливалентные и моновалентные смешанные эмоции.

Поиск примеров осуществлялся с использованием приёмов как сплошной, так и направленной выборки по ключевым словам (напр., *смешанные эмоции*). Поскольку мы исходим из положения о том, что смешанные эмоции первичны и представляют собой экспликацию процесса категоризации эмоций человеком, диахронический срез отбираемой картотеки примеров не являлся значимым. Отдельное внимание уделено проблеме перевода средств языкового выражения смешанных эмоций. С этой целью анализирова-

лись оригинальные художественные произведения и их переводы на иностранные языки. В ходе сбора примеров усилия концентрировались на привлечении разноструктурных языков одной языковой семьи (в частности, языки славянской, германской, романской групп). Из оригинальных произведений было отобрано 50 лексических единиц, эксплицирующих смешанные эмоции, для которых выбрано около 200 переводных единиц.

2.3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Результаты анализа примеров картотеки подтвердили тезис о том, что любое слово потенциально является эмотивом, эмоционально-оценочная составляющая которого вариативна, множественна. Любое слово, как следствие, является скрытой смешанной эмоцией, не получившей экспликации. Так, в пьесе Э. Йонеско «Лысая певица» имеется следующий фрагмент: одна из главных героинь предлагает рассказать своим собеседникам поразивший её случай, свидетелем которого она стала. Другие действующие лица со свойственным жанровой организации произведения воодушевлением охотно соглашаются выслушать г-жу Мартин (далее приводится перевод Е. А. Суриц данного фрагмента пьесы с сокращениями):

Так вот, значит, иду я сегодня на рынок купить овощей, а они все дорожают... (...) И вдруг вижу возле кафе прилично одетого господина лет пятидесяти, и он... (...) Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустил на колени и нагнулся. (...) Я подошла посмотреть, что же такое он делает... (...) Он завязывал шнурки. Они у него развязались.

Внимание привлекают реплики других персонажей произведения, эмоционально реагирующих на достаточно банальное и едва ли заслуживающее внимания событие:

Миссис Мартин. Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустил на колени и нагнулся.

Мистер Мартин, мистер Смит, миссис Смит. О-о!

Миссис Мартин. Да, нагнулся.

Мистер Смит. Невероятно!

Миссис Мартин. Да, он нагнулся... Я подошла посмотреть, что же такое он делает...

Мистер Смит. И что же?

Миссис Мартин. Он завязывал шнурки. Они у него развязались.

Трое остальных. Фантастика!

Мистер Смит. Если б это не вы, я б ни за что не поверил!

В этом примере интересна не только девербализация, но и, как следствие, деэмоционализация слова, когда эмоциональная составляющая нейтрализуется и лексическая единица, служащая для выражения эмоционального отношения, лишается своей единственной функции, а эмотивность слова нейтрализуется. В следующем примере положительный коннотатив *отец* также теряет свою эмоционально-оценочную составляющую:

– Я твой отец, мальчуган! – И когда Дядёк выговорил эти слова, сердце у него всполошилось, как пожарный колокол.

Хроно и бровью не повёл.

– И что с того? – сказал он с леденящим безразличием. <...> На Марсе это слово было эмоционально стерильным (К. Воннегут).

Поскольку в данном примере представлено восприятие слова *отец* жителями другой планеты, когда в данной воображаемой реальности родственные отношения не являются значимыми, у слова теряется внутренняя форма, а именно, последняя направляет мысль адресата, даёт способ развития значений, оставляя интерпретативное поле максимально свободным [Потебня, 2019, с. 162].

Отличительной характеристикой смешанных эмоций является то, что данный способ выражения эмоционального переживания предполагает объединение в линейное целое двух и более номинаций эмоций.

В сердце юноши кипела ревность и бешеная ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой (О. Уайлд).

Внутри Маргарет-кочаммы горе и ярость из-за смерти дочери лежали свёрнутые, как злая пружина (Р. Арундати).

Ослепительно яркие голубые глаза Кодуэлла взирали на меня сейчас с убийственной смесью недоверия и презрения (Ф. Ротт).

Данные эмоции могут быть как моно-, так и поли-, а также амбивалентными:

И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду).

Обо всём этом вспоминал Тертулиано Максимо Афонсо, в душе которого боролись восхищение, неприязнь и опасная нежность (Ж. Сарамаго).

Ещё совсем недавно, по ту сторону страха и отчаяния, они были тверды как скала, и это давало тупую силу их упорству (Э. М. Ремарк).

Я не имею в виду память об отце. Я имею в виду всё остальное – страх, безнадёжность, ненависть (Э. М. Ремарк).

Анализ собранной картотеки примеров показывает, что кластеры смешанных эмоций с положительно-оценочными эмоциональными доминантами характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру, 'радость + ужас, печаль, горечь, грусть'; 'удивление + отчаяние, отвращение, насмешка'). Смешанным эмоциям с отрицательно-оценочной эмоциональной доминантой свойственна интенсификация превалирующей оценки ('страх + отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость'; 'гнев + огорчение, страх, ужас, отчаяние, грусть'). Количественно отрицательные смешанные эмоции частотнее, чем положительные (70% и 30% соответственно). Данные наблюдения подтверждают положение об асимметрии положительной и отрицательной оценки в языке [Ионова, Штеба, 2019].

На когнитивном уровне для человека более значимыми являются отрицательно-оценочные события, поскольку последние связаны со страхом, опасностью, тогда как положительные представляются менее стрессогенными (ассоциации с безопасностью, защищённостью). Соответственно, большее внимание уделяется отрицательным, а не положительным событиям [Liebrecht et al., 2019, p. 171–173]. Отрицательная оценочность воспринимается как более сильная по сравнению с положительной, при этом интенсивность вследствие присоединения к положительно- или отрицательно-оценочным лексическим единицам разного рода качественных атрибутов воспринимается как более активная у положительных, но не отрицательных слов [id., p.181].

Интересно, что в смешанной эмоции выделяются две составляющие, при этом линейно постпозитивная часть смешанной эмоции либо амбивалентна (со знаком «минус»), либо интенсивнее препозитивной (напр., любовь и ненависть, радость и грусть, страх и ужас). Как следует из Принципа Поллианны, на подсознательном уровне человек стремится к позитивизации, окружению себя положительно-оценочными событиями, но на сознательном – фокусируется на негативных событиях, поскольку подобная ориентация на отрицательные события позволит либо лучше к ним подготовиться, либо избежать их и, в итоге, остаться в комфортном пространстве положительного.

Выше представленные наблюдения о природе отрицательной и положительной оценки отсылают к магической функции языка, которая опирается на веру человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет [Киклевич, 2009, с. 8]. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, человек пытается избегать использования некоторых слов, руководствуясь принципом воздействия словом на предмет, т. е. активизацию данного предмета, но, с другой, используя синоним, увеличивает парадигму лексических единиц, включённых в лексико-семантическое поле с доминантой в форме табуированного элемента.

Несмотря на то, что преимущественно смешанные эмоции характеризуют отрицательные эмоциональные переживания, проблемным остаётся вопрос о доминанте смешанной эмоции. Следует отметить, что смешанная эмоция – суммативное образование, в котором сумма больше его частей. Однако в случае, если говорящий характеризует своё состояние как смешанную эмоцию любви и грусти, неопределённой является оценочная доминанта. Согласно теории актуального членения предложения, последнее обладает шкалой коммуникативного динамизма:

Разумеется, воздух, что же ещё! – сказал он, смешивая жалость с презрением (Э. М. Ремарк).

Постпозитивный элемент данного примера являет собой, в широком смысле, рему приведённого примера. Однако сам по себе данный рематический блок может быть разделён на подблоки, состоящие из темы (*смешивая*), перехода темы (*жалость*) и ремы (*презрение*). Предложения развёртываются линейно по принципу от общего к частному, соответственно первый элемент средства выражения смешанных эмоций должен рассматриваться как тема, второй – переход темы, т. е. на данном этапе говорящий понимает, что переживаемое им эмоциональное состояние характеризует комплексность, многокомпонентность. Результатом экспликации смешанных эмоций становится создание нового противоречивого целого, в котором один из элементов относится к сфере когниции (осознанности), а другой – непосредственной переживаемости [Штеба, 2020].

На примере языковой категоризации смешанных эмоций можно показать, что в её структуре совмещаются эмоциональный и рациональный компоненты (собственно бессознательный и осознанный) с тяготением к полюсу отрицательных эмоций. Феномен смешанных эмоций и их языковой категоризации относится к парадигме когнитивной сложности по ряду таких факторов, как нелинейность, противоречивость, системность, данность восприятию, но неданность определённому языковому выражению. В смешанных эмоциях мы видим процесс усложнения отражения эмоций в языке, что сопровождается модуляциями конвенциональной системы экспликации эмоций.

Такие особенности смешанных эмоций, как их суммативность, динамичность, амбивалентность, неопределённость, приводят к трудностям интерпретации и декодирования не только в аспекте повседневной коммуникации, но и на практическом уровне, к примеру, при переводе текстового фрагмента, содержащего смешанную эмоцию, с одного языка на другой. Так, в романе Фр. Кафки «Триумфальная арка» смешанная эмоция ужаса и утешения (*Vergessen. Welch ein Wort. Voll von Grauen, Trost und Gespensterei!*) на английский (*Forget. What a word, he thought. Full of horror, comfort, and apparitions!*) и русский язык (*Забывать... Какое слово! В нём и ужас, и утешение, и обман!*) переведены аналогичным образом. В другом романе Фр. Кафки («Пропавший без вести (Америка)») смешанная эмоция бешенства и стыда (*Katze, tolle Katze, konnte Karl gerade noch aus dem Durcheinander von Wut und Scham rufen, in dem er sich befand*) на английский язык переведена как смешанная эмоция ярости и стыда (*"Cat, wild cat," Karl was able to cry out in the muddle of rage and shame he found himself in. "You're crazy, you wild cat"*), а на русский – бессилия, ярости и стыда (*С ума сошла!? Вот бешеная! – только и смог выдать Карл, испытывая бессилие, ярость, стыд – всё вместе*). Смешанная эмоция гневного отчаяния (*Ihre Augen waren hell und groß in dem blassen Gesicht und wie erstarrt in einer zornigen Verzweiflung*) на русский язык переведена через смешанную эмоцию гнева и отчаяния (*на бледном лице её светлые глаза казались огромными, гнев и отчаяние застыли в них*), а на английский – яростного отчаяния (*Her eyes were light and large in her pale face and as though fixed in a furious desperation*). В романе К. Исигуро «Погребённый великан» смешанная эмоция ободрения, возбуждения и страха (*Axl had felt, almost tangibly, the peculiar mix of comfort, excitement and fear such a movement could bring*) переведена на русский через смешанную эмоцию спокойствия, возбуждения и страха (*Аксель по-*

чти физически ощутил особую смесь спокойствия, возбуждения и страха, которую могло вызвать такое движение). В романе А. Моравиа «Презрение» смешанная эмоция любви, восхищения, благодарности и влюблённости (*Allora, guardando quel viso, mi colpì l'espressione degli occhi: amorosa, struggente mescolata di ammirazione soggetta, di gratitudine senza riserve, di invaghimento fisico e di una quasi*) переведена через смешанную эмоцию восхищения, признательности, влечения и робости (*Я взглянул на неё, и меня поразило выражение её лица: в глазах светилась самозабвенная любовь, к которой примешивалось безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение и почти меланхолическая робость*), при этом каждая номинация эмоциональных переживаний внутри смешанной эмоции получает дополнительную качественную характеристику (*безграничное восхищение, беспредельная признательность, чувственное влечение, меланхолическая робость*). В оригинале А. Моравиа также прибегает к использованию эпитетов к номинациям эмоций, но их содержание отличается от перевода (напр., *пронзительная любовь, покорённое восхищение*). В другом примере смешанная эмоция нерешительности, мольбы и отвращения (*Ma, nuova sensazione che soltanto adesso, scrivendone, mi torna alla memoria, una volta seduta accanto a Battista, con lo sportello ancora aperto, ella mi guarda con occhi irresolute, mescolati di preghiera e di ripugnanza*) переводится на русский как смешанная эмоция растерянности, мольбы, упрёка и отвращения (*Сидя рядом с Баттистой, ещё не захлопнув дверцы, она глядит на меня, и я вижу в её растерянном взгляде то, что было нечто совсем новое, но осознал я это только теперь, когда пишу эти строки, мольбу, упрёк, смешанные с отвращением*).

Из представленных примеров переводов случаев языкового выражения смешанных эмоций на материале разнотипных языков, когда эмоция является выражаемой, но не выразимой, следует, что в переводах сохраняются эмоционально-оценочные границы смешанного эмоционального переживания и эмоциональная доминанта, но внутри данных границ сами эмоции, как правило, изменяют свою интенсивность и активность, что подтверждает как неcodифицированный характер языковой категоризации смешанных эмоций, так и отсутствие эталонности восприятия и языкового выражения эмоций.

3. Заключение [Conclusion]

Анализ литературных источников выявил, что эмотивная лингвистика изначально исходила из положения о том, что эмоционально-смысловое наполнение слова безгранично и представляется неопределённым, эмотивы дискурсивны, флуктуативны, вариативны, оценочный знак эмотивов меняется в зависимости от коммуникативной эмоциональной ситуации, соотношение эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций предполагает все возможные модели эмоционального реагирования. Подобную динамичность языковой категоризации эмоции отражает понятие смешанных эмоций, категориальными характеристиками которого выступают сложность, суммативность, гибкость, множественность и неопределённость.

В результате теоретических изысканий в настоящем исследовании сформулирован подход к изучению смешанных эмоций как сложного приёма экспликации эмоциональных переживаний, в которых один из элементов относится к сфере эмоционального, непосредственно ощущаемого, а второй – рационального. Данные элементы предложено выделять на основе принципа тема-рематической организации высказывания, где первый элемент смешанной эмоции относится к теме, а второй – реме. Анализ экспериментального материала подтвердил высокую частотность амбивалентных и отрицательно-оценочных смешанных эмоций, обусловленную асимметрией положительной и отрицательной оценочности в языке. В количественном аспекте среди амбивалентных преобладают такие средства экспликации смешанных эмоций, в которых постпозитивную часть занимает средство номинации отрицательного эмоционального переживания (например, любовь и ненависть, радость и грусть, восторг и разочарование).

Неопределённая эмоционально-смысловая составляющая смешанных эмоций продемонстрирована на основе анализа переводов фрагментов текстов, содержащих случаи экспликации смешанных эмоций, на разных языках, где сохраняется общая оценка, а конститутивные элементы смешанной эмоции рекуррентно варьируют.

Перспектива исследования заключается в дальнейшем анализе проблемного поля неопределённой эмотивности, включающем те эмотивы, которые не сводимы к трём условным группам (аффективы, коннотативы и потенциативы) и к трёхчастной классификации по способу языковой объективации эмоции (номинация, дескрипция, экспликация). Ещё одним перспективным ракурсом рассмотрения проблематики может стать изучение лингвокультурных эмоций, а также такого актуального понятия, относящегося преимущественно к интернет-дискурсу, как микроэмоций.

Библиографический список

- Арнольд, 1999 – Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
- Борисова, 2003 – Борисова И. В. Семантика эгоцентрических категорий: *liebe, hass* и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2004. 16 с.
- Варзаева 2012 – Варзаева М.А. Освоение теории «смешанных ощущений» в творчестве В. А. Жуковского // Ярославский педагогический вестник. 2012 № 4. Сер. Филология. С. 218–221.
- Варзаева 2013 – Варзаева М. А. Способы образования «смешанных эмоций» в элегиях В. А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (19). С. 39–42.
- Вольф, 2019 – Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2019. 278 с.
- Ионова, 2019 – Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–81.
- Карловская, 2009 – Карловская В. Н. Репрезентация полярных эмоций в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 21 с.
- Киклевич, 2009 – Киклевич А. К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 5–13
- Могутова, 2002 – Могутова Н. В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности (на примере английских междометий) // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. С. 88–93.
- Орлова, 2009 – Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.
- Потебня, 1999 – Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
- Смирнова, 2013 – Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: дис. ... д-ра филол. наук 10.02.01. Смоленск, 2013. 610 с.
- Филимонова, 2007 – Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учеб. пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.
- Шаховский, 2019 – Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. М.: URSS, 2019. 144 с.
- Шаховский, 1988 – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1988. 402 с.
- Шаховский, 2008 – Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шаховский, 2016 – Шаховский В. И. Эмоции: долилингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: URSS, 2016. 128 с.
- Штеба, 2020 – Штеба А. А. Когнитивная сложность языковой категоризации смешанных эмоций // Известия ВГПУ. 2020. № 10 (153). С. 147–150.

- Baumeister et al., 2001 – Bad is stronger than good / R. F. Baumeister, E. Bratslavsky, C. Finkenauer, K. D. Vohs // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5, N. 4. P. 323–370.
- Boucher, Osgood, 1969 – Boucher J., Osgood C. The Pollyanna hypothesis // *Journal of Verbal and Learning Behavior*. 1969. № 8 (1). P. 1–8.
- Liebrecht et al., 2019 – Liebrecht Ch., Hustinx L., van Mulken M. The relative power of negativity: The influence of language intensity on perceived strength // *Journal of Language and Social Psychology*. 2019. Vol. 38 (2). P. 170–193.

References

- Arnol'd, I. V. (1999). *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Borisova, I. V. (2004). *Semantika egotsentricheskikh kategoriy: liebe, hass i ikh aktualizatsiya v nemetskom yazykovom soznanii* [Semantics of egocentric categories: liebe, hass and their actualization in the German language consciousness]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Irkutsk. (In Russ.).
- Varzaeva, M.A. (2012). Osvoenie teorii «smeshannykh oshchushcheniy» v tvorchestve V. A. Zhukovskogo [Development of the theory “Mixed Sensations” in V. A. Zhukovsky's creativity]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 4, 218–221. (In Russ.).
- Varzaeva, M. A. (2013). Sposoby obrazovaniya «smeshannykh emotsiy» v elegiyah V. A. Zhukovskogo, ob'edinennykh motivami razocharovaniya i mimoletnosti yunosti [Methods for formation of “mixed emotions” in V. A. Zhukovskii's elegies integrated by motives of disappointment and youth fleetingness]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 1 (19), 39–42. (In Russ.).
- Vol'f, E. M. (2019). *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow : Librokom Press. (In Russ.).
- Ionova, S. V., Shteba, A. A. (2019). Smeshannyye emotsii: k voprosu o lingvisticheskoy reprezentatsii i metazyke opisaniya [Contradictory emotions: The question of the linguistic representation and the metalanguage description]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2 (40), 63–81. (In Russ.).
- Karlovskaya, V. N. (2009). *Reprezentatsiya polyarnykh emotsiy v khudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoy angloyazychnoy prozy)* [Representation of polar emotions in fiction (Based on modern English-language prose)]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg. (In Russ.).
- Kiklevich, A.K. (2009). Dvenadtsat' funktsiy yazyka [Twelve language functions]. *Mir russkogo slova* [The world of Russian word], 3, 5–13. (In Russ.).
- Mogutova, N. V. (2002). Osnovnye problemy ispol'zovaniya emotivnykh yazykovykh edinit dlya pridaniya vyskazyvaniyu estestvennosti i emotsional'nosti (na primere angliyskikh mezhdometiy) [The main problems of using emotive language units to give utterance naturalness and emotionality (Using the example of English interjections)]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment] (Vol. 2, pp. 88–93). Voronezh : Voronezh State Technical University Press. (In Russ.).
- Orlova, N. N. (2009). *Yazykovyye sredstva vyrazheniya emotsiy: sintaksicheskyy aspekt* [Linguistic means of expressing emotions: Syntactic aspect]. PhD in Philological sci. diss. Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Potebnaya, A. A. (1999). *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow : Labirint Press. (In Russ.).
- Smirnova, L. G. (2013). *Leksika russkogo yazyka s otsenochnym komponentom znacheniya* [Vocabulary of the Russian language with an evaluative component of meaning]. Doctoral in Philological sci. diss. Smolensk. (In Russ.).
- Filimonova, O. E. (2007). *Emotsiologiya teksta. Analiz reprezentatsii emotsiy v angliyskom tekste* [Emotionology of the text. Analysis of the representation of emotions in the English text]. St Petersburg : Knizhnyy Dom Press. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2019). *Golos emotsiy v yazykovom krugе homo sentiens* [The voice of emotions in the language circle of homo sentiens]. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (1988). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka (na materiale angliyskogo yazyka)* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language (Based on English)]. Doctoral in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).

- Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2016). *Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* [Emotions: Pre-linguistics, linguistics, linguoculturology]. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Shteba, A. A. (2020). Kognitivnaya slozhnost' yazykovoy kategorizatsii smeshannykh emotsiy [Cognitive complexity of the language categorization of the mixed emotions]. *Izvestija VGPU* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 10 (153), 147–150. (In Russ.).
- Baumeister, R. F., Bratslavsky, E., Finkenauer, C., Vohs, K. D. (2001). Bad is stronger than good. *Review of General Psychology*, 5 (4), 323–370.
- Boucher, J., Osgood, C. (1969). The Pollyanna hypothesis. *Journal of Verbal and Learning Behavior*, 8 (1), 1–8.
- Liebrecht, Ch., Hustinx, L., van Mulken, M. (2019). The Relative Power of Negativity: The Influence of Language Intensity on Perceived Strength. *Journal of Language and Social Psychology*, 38 (2), 170–193.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Шустова Светлана Викторовна✉, Зубарева Екатерина Олеговна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Концепт МИГРАНТ в контексте лингвотолерантности (на материале свободного ассоциативного эксперимента)

Аннотация

В статье представлен сопоставительный анализ ассоциативно-вербальных полей концепта МИГРАНТ на материале двух свободных ассоциативных экспериментов, проведённых в 2018 и 2022 годах. Полученные данные демонстрируют специфику изменения семантического наполнения изучаемого концепта, изменение ядерных и периферийных признаков, а также их передвижение по зонам. В результате построена актуальная модель концепта МИГРАНТ, отражающая современное восприятие и отношение носителей русского языка к главным участникам миграционных процессов. Модель представлена 14 семантическими модулями, из которых общими для обоих годов были «Нейтральные номинации», «Номинации с отрицательной коннотацией», «Профессия», «Национальность», «Положительные качества», «Отрицательные качества», «Религия», «Финансовое положение», «Пол», «Язык», «Закон» и «Внешность», при этом специфичными для 2018 года оказались «Возраст» и «Семейное положение», а для 2022 – «Образование» и «Культура». В итоге выявлена положительная динамика изменения уровня толерантности российского общества по отношению к мигрантам, проявляющаяся в укрупнении модулей нейтральных номинаций, положительных номинаций и положительных качеств наряду с сокращением отрицательных.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, ассоциативно-вербальное поле, толерантность

© Шустова С. В., Зубарева Е. О. 2022

Для цитирования: Шустова С. В., Зубарева Е. О. Концепт МИГРАНТ в контексте лингвотолерантности (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С.197–204. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_197

Svetlana V. Shustova✉, Ekaterina O. Zubareva
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

The concept of MIGRANT in the context of linguistic tolerance (Based on free associative experiment data)

Abstract

The article presents a comparative analysis of associative-verbal fields within the concept MIGRANT based on the data obtained during 2 free associative experiments of 2018 and 2022. The data demonstrate the specifics of changes in the semantic content of the concept, changes in nuclear and peripheral features as well as their shifts across zones. As a result, the model of the MIGRANT concept was designed to reflect modern perception trends and the attitude of Russian native speakers to the major participants of migration processes. The model is represented by 14 semantic modules, 12 of which are common for both years including “Neutral nominations”, “Negative nominations”, “Profession”, “Nationality”, “Positive features”, “Negative features”, “Religion”, “Financial position”, “Sex”, “Language”, “Law” and “Appearance” while 2 of them were specific for each year:

“Age” and “Marital status” for 2018, “Education” and “Culture” for 2022. Finally, positive dynamics is shown for the change in the tolerance level of Russian society to migrants which is reflected in the increase of neutral nominations, positive nominations and positive qualities accompanied by the decrease of negative ones.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, associative-verbal field, tolerance

© Shustova S. V., Zubareva E. O. 2022

For citation: Shustova, S. V., Zubareva, E. O. (2022). Kontsept MIGRANT v kontekste lingvotolerantnosti (na materiale svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta) [The concept of MIGRANT in the context of linguistic tolerance (Based on free associative experiment data)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 197–204. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_197

1. Введение [Introduction]

В предлагаемой статье рассматривается концепт МИГРАНТ, являющийся одним из базовых концептов миграционного дискурса. Данный концепт актуализируется в одноимённом слове мигрант. Необходимость изучения базовых концептов миграционного дискурса связана с тем, что системных исследований в области миграционной лингвистики в целом недостаточно, в отличие, например, от таких направлений, как политическая лингвистика, юридическая лингвистика и другие.

Между тем миграционные процессы фиксировались всегда с учётом степени интенсивности, что было связано с теми или иными причинами: войны, политические и экономические кризисы, поиск лучшей жизни. В эпоху пандемии, усиливающихся тенденций глобализации человек всегда оставался в фокусе внимания, а миграционный дискурс становится ключевым, так как основным его участником является мигрант [Мукомель, 2005 ; Кривенькая, 2022].

Ключевой характер миграционного дискурса обуславливает рост количества работ, посвящённых его изучению. В этих работах освещаются самые разные аспекты: эволюция взглядов Н. Я. Марра на миграцию и её роль в лингвистических процессах с целым рядом противоречий и дискуссионных моментов [Костева, 2020]; образ мигранта и его полевое моделирование [Зубарева, 2018 а, б, 2021 ; Боровицкая, 2020]; особенности языковой манифестации концептов ДЕТИ-МИГРАНТЫ и РОДИТЕЛИ-МИГРАНТЫ с большим количеством выделенных семантических модулей по данным анализа корпусов русского языка и свободного ассоциативного эксперимента [Шустова и др., 2020 а, б]. Материалом для этих работ послужили разножанровые тексты на русском, английском, немецком языках [Мукомель, 2005 ; Боровицкая, 2020 ; Кривенькая, 2022]. Невозможно отрицать, что миграционная лингвистика характеризуется многоаспектностью рассмотрения и прочно вошла в современную лингвистическую парадигму [Шустова и др., 2021, 2022].

Предлагаемое исследование входит в ряд работ, ориентированных на выявление и описание современных дискурсивных практик, что в полной мере отражает общую направленность современных лингвистических исследований. Представление мигранта носителями русского языка отражает восприятие мигранта как представителя другой / чужой культуры, следуя прототипическим подходам к анализу дискурсивных практик.

В настоящей статье внимание нацелено на моделирование ассоциативно-вербального поля концепта МИГРАНТ. Продолжение работы в этом направлении обусловлено необходимостью сбора большого количества реакций с целью репрезентации более объективированных данных. Речь в этом случае не идёт о разработке более содержательной статьи для ассоциативного словаря, речь идёт о репрезентативности вербализации концепта в целом.

Мы считаем, что назревает потребность в разработке словаря, отражающего концептосферу миграции. Для этого необходимы микроисследования в отношении отдельных концептов. Заметим, что пространство миграции настолько обширно, насколько объёмна и безгранична вся сфера жизнедеятельности человека. В это пространство включается природа, язык, речь, эмоции, этнос, национальность, возраст, война, путешествие, образование, гендер и т. д.

Миграционная лингвистика по-прежнему остаётся проблемным исследовательским полем ввиду недостаточной системности в анализе миграционного дискурса, особенно в аспекте анализа социальной составляющей, в рамках которой уделяется внимание личностным характеристикам участников коммуникативного события. В этом случае нас интересует, как носители русского языка воспринимают мигрантов с учётом мотивации, целей, намерений, эмоционально-психического настроения, функции и роли в определённых коммуникативных событиях. Не менее актуальными являются и ценностные установки, которыми определяется мировосприятие мигрантов. В этой связи возникает вопрос, насколько объективно носитель языка титульной нации характеризует эти установки.

Анализ участников миграции позволит выявить культурно и личностно детерминированные особенности их восприятия носителями русского языка. Мигрант выступает в дискурсе и как адресант, и как адресат, но в том и другом случае это ключевые дискурсивные категории, анализ которых представляется актуальным. Сопоставительный аспект, представленный в статье, демонстрирует модификацию представлений о мигранте, что обусловлено социальной, политической, экономической ситуациями.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В свободном ассоциативном эксперименте в 2018 году приняли участие 180 граждан Российской Федерации. Респондентам предлагалось назвать ассоциации к слову стимулу МИГРАНТ. От каждого информанта было получено от 2 до 14 реакций, общее количество ассоциаций составило 1168. Для проведения данного исследования были использованы только реакции, выраженные существительными-синонимами, а также прилагательными, поскольку именно эти категории позволяют создать более точный языковой портрет концепта МИГРАНТ. Общее количество таких реакций составило 326. На данном этапе исследования гендерный и возрастной аспекты не учитывались.

В свободном ассоциативном эксперименте в 2022 году приняли участие так же 180 граждан Российской Федерации. Респондентам предлагалось назвать ассоциации к слову стимулу МИГРАНТ. От каждого информанта были получены от 1 до 10 реакций, общее количество ассоциаций составило 1457 ассоциаций. Чтобы достичь максимальной балансировки данных, для проведения данного исследования были использованы только реакции, выраженные существительными-синонимами, а также прилагательными. Общее количество таких реакций составило 435. Гендерный и возрастной аспекты не учитывались. Отметим, что информанты давали большое количество одинаковых ассоциаций.

Все отобранные ассоциации были сгруппированы в семантические модули, при этом одна ассоциация могла быть включена в несколько семантических модулей, например, ассоциат *нерусский* был включён в модуль «Нейтральные номинации» и «Язык». Каждый семантический модуль представлен в процентном соотношении: количество ассоциатов в модуле было разделено на общее количество ассоциаций, отобранных для анализа. Семантические модули расположены в порядке убывания.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Данные 2018 года [Data of 2018]

Обработка полученных результатов показала, что квалифицированное большинство ассоциаций носят нейтральный характер. Отрицательные качества оказались чаще положительных. Что касается тематических групп ассоциатов, то те, что связаны с профессией, национальностью, финансовым положением, внешностью, законностью (точнее незаконностью), были чаще, чем те, что связаны с семейным положением, языком, возрастом, полом и религией. Ниже представлено распределение по группам с указанием количества употреблений для каждого ассоциата в абсолютных единицах.

Нейтральные номинации (53,1%): иностранец (40), беженцы (27), приезжий (14), человек (9), переселенец (6), люди (6), рабочий (5), чужой (4), эмигрант (4), рабочая сила (4), кочевник (3), гражданин (3), гость (2), другой (2), нерусский (2), выходец (2), рабочие руки (2), разнорабочий (2), незнакомец (2), искатель (2), мужчина (2), дети (2), пострадавший (2), иной (1), чужестранец (1), чужеземец (1), чужак (1), поселенец (1), космополит (1), иммигрант (1), маргинал (1), скиталец (1), странник (1), житель (1), отшельник (1), первооткрыватель (1), неместный (1), мечтатель (1), лицо без гражданства (1), физическое лицо (1), богатый жених (1), соседи (1), друг (1), бедолага (1), население (1), бедняк (1), билингв (1), миллиардер (1), нуждающиеся (1).

Номинации с отрицательной коннотацией (11%): гастарбайтер (7), нелегал (5), черный (5), предатель (2), чурка (2), хачик (2), террорист (2), оранжевая жилетка (1), диссидент (1), изгой (1), незваный гость (1), варвар (1), шахид (1), фетишист (1), приспособленец (1), отступник (1), торгаши (1), понаехавшие (1).

Профессия (8%): строитель (5), рабочая сила (4), дворник (3), дорожник (3), водитель (3), разнорабочий (2), футболист (2), оранжевая жилетка (1), таксист (1), предприниматель (1), торгаши (1).

Национальность (6,4%): таджик (6), узбек (3), азиат (3), латиноамериканец (2), армяне (2), араб (1), мексиканец (1), цыган (1), кавказец (1), итальянец (1).

Финансовое положение (6,1%): безработный (5), бедный (3), голодный (2), богатый жених (1), бедняк (1), миллиардер (1), богатый (1), небогатый (1), оборванный (1), нуждающиеся (1), работающий (1), обездоленный (1), нищий (1).

Внешность (6,4%): специфичная внешность (6), грязный (6), чернокожий (3), загорелый (1), темнокожий (1), некрасивый (1), оборванный (1), неопрятный (1).

Качества (отрицательные) (5,2%): наглый (2), хитрый (2), агрессивный (2), жадный (1), злой (1), грубый (1), плохой (1), дикий (1), неприятный (1), опасный (1), недовольный (1), скрытный (1), замкнутый (1), больной (1).

Закон (5,2%): нелегальный (10) нелегал (5), преследуемый (1), отступник (1).

Качества (положительные) (3,4%): интересный (2), ищущий (1), отчаявшийся (1), беспомощный (1), непьющий (1), тихий (1), задорный (1), любвеобильный (1), веселый (1), необычный (1).

Семейное положение (2,1%): многодетный (4), бессемейный (1), дети (1), одинокий (1).

Язык (1,2%): нерусский (2), билингв (1), плохо говорящий (1).

Возраст (0,9%): дети (2), немолодой (1).

Пол (0,6%): мужчина (2).

Религия (0,6%): мусульманин (2).

2.2.2. Данные 2022 года [Data of 2022]

Обработка полученных результатов показала, что подавляющее большинство ассоциаций носят нейтральный характер. При сравнении положительных и отрицатель-

ных качеств первые оказались частотнее. Что касается тематических групп ассоциатов, то те, что связаны с профессией, национальностью, финансовым положением, обладали более высокой частотностью, а те, что связаны с образованием, языком, возрастом, полом, религией и культурой, были заметно менее частотными. Ниже представлено распределение по группам с указанием количества употреблений для каждого ассоциата в абсолютных единицах.

Нейтральные номинации (79%): приезжий (97), переселенец (52), беженец (49), иностранец (43), человек (11), чужой (8), нерусский (6), эмигрант (6), иммигрант (6), бегущий (5), люди (4), путешественник (4), другой (4), уезжающий (4), чужестранец (3), я (3), гость (3), безработный (3), рабочий (3), иногородний (3), физическое лицо (2), работник (2), чужак (2), новенький (2), бездомный (2), гражданин (1), чужеземец (1), иноземец (1), рабочая сила (1), бедный родственник (1), сосед (1), иностранный специалист (1), не я (1), выходец (1), иноверец (1), иноземец (1), незнакомец (1), человек другой культуры (1), бедняга (1), мужчина (1), неместный (1), разнорабочий (1).

Профессия (5,3%): трудовой (4), дворник (3), рабочий (3), низкоквалифицированный (3), строитель (2), работник (2), водитель (1), таксист (1), уборщица (1), нетрудоспособный (1), разнорабочий (1), иностранный специалист (1).

Номинации с отрицательной коннотацией (4,1%): гастарбайтер (5), предатель (1), беглец (1), бездельник (1), иждивенец (1), зомби (1), диверсант (1), оккупант (1), террорист (1), бандит (1), враг (1), разбойник (1), вор (1), чёрный (1).

Национальность (3,9 %): азиат (5), узбек (4), таджик (4), араб (2), мексиканец (1), киргиз (1).

Финансовое положение (3,2%): нуждающийся (4), безработный (3), бедный (3), бездомный (2), бедняк (1), голодный (1).

Качества (положительные) (3,2%): нуждающийся (4), положительный (2), несчастный (2), умный (1), обездоленный (1), одинокий (1), скитающийся (1), потерянный (1), интересный (1).

Качества (отрицательные) (1,8%): низкоквалифицированный (3), неблагополучный (1), агрессивный (1), некультурный (1), дикий (1), злой (1),

Образование (1,4%): низкоквалифицированный (3), необразованный (1), неграмотный (1), малообразованный (1).

Закон (1,6%): нелегальный (4), террорист (1), бесправный (1), незаконный (1).

Язык (1,4): нерусский (6).

Внешность (1,1%): темнокожий (2), чернокожий (1), грязный (1), чёрный (1).

Религия (0,9%): мусульманин (3), иноверец (1).

Культура (0,5%): некультурный (1), человек другой культуры (1).

Пол (0,2%): мужчина (1).

2.2.3. Сравнение данных 2018 и 2022 гг. [Data comparison on 2018 and 2022]

Сравнение данных по 2018 и 2022 годам выявило разные ядерные языковые репрезентанты концепта МИГРАНТ. По данным эксперимента 2018 года, ядерными языковыми репрезентантами были *иностранец* и *беженец*, в то время как по данным 2022 года это были *приезжий*, *переселенец*, *иностранец* и *беженец*. Ядерный семантический модуль в обоих экспериментах оказался одним и тем же – «Нейтральные номинации», однако в 2022 году количество репрезентантов в нём выросло с 53,1% до 79%.

При одинаковом количестве модулей (14 по обоим годам) отмечалась небольшая разница по их составу. По результатам эксперимента 2018 года, в состав модулей входили «Возраст» и «Семейное положение», однако в данных за 2022 год эти модули отсутствуют, но при этом формируются два новых модуля – «Образование» и «Культура».

Интересно отметить выявленные в 2018 году дихотомии ассоциатов, такие как *незнакомец – друг, бедняк – миллиардер, безработный – работающий, нищий – богатый, многодетный – беспородный, тихий – агрессивный*. Данные дихотомии свидетельствуют о неоднозначном отношении к мигрантам со стороны носителей русского языка и подчёркивают сложность и многогранность исследуемого концепта. В 2022 году также присутствуют дихотомии ассоциатов, такие как *я – не я, умный – необразованный*, однако палитра восприятия сконцентрирована на уровне образования.

Сравнивая ассоциативно-вербальные модели по обоим годам, можно увидеть, что российское общество продолжает воспринимать мигранта в первую очередь как человека мужского пола. Ядерный ассоциат *беженец*, актуализирует признак вынужденности миграции человека. Носители русского языка проявляют толерантность в отношении мигрантов, что подтверждается значительным объёмом ядерного семантического модуля «Нейтральные номинации». Отмечается положительная динамика формирования толерантности, так как данный модуль значительно увеличивается в процентном соотношении в 2022 г., а модуль «Номинации с отрицательной коннотацией» передвигается со второго на третье место, пропуская вперёд модуль «Профессия». Следуя этой же тенденции, уменьшается количество ассоциатов и доля семантического модуля «Отрицательные качества».

Нельзя не отметить, что актуальное на 2022 год ассоциативно-вербальное поле концепта МИГРАНТ не допускает того факта, что мигрант может выступать в качестве успешного богатого человека, наоборот, подчёркивается статус бедности и неблагополучия. Между тем, модель 2018 года отражает признаки устойчивого положительного финансового положения мигранта через ассоциаты *миллиардер, богатый жених*, а также допускает возможность успешной карьеры и трудоустройства, что отражается в ассоциатах *предприниматель, футболист*.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование продемонстрировало сложность и многоаспектность концепта МИГРАНТ, которые нашли отражение в вербализованных ассоциациях носителей доминантного русского этноса. В результате двух свободных ассоциативных экспериментов 2018 и 2022 годов, во-первых, было выделено 14 тематических модулей, формирующих структуру поля изучаемого концепта, определена доля каждой тематической группы в данной структуре, выявлены ядерные и периферийные ассоциаты. Во-вторых, показана динамика развития структуры изучаемого концепта, которая однозначно свидетельствует о том, что российское общество в данный период времени проявляет нейтральную, даже сочувствующую позицию к мигрантам, о чём свидетельствует увеличение групп нейтральных номинаций, положительных номинаций и положительных качеств наряду с сокращением отрицательных. Особенно показательной становится дихотомия ассоциатов *я – не я*, которая говорит о том, что носители русского языка ставят себя на место мигрантов, пытаясь почувствовать, что испытывает такой человек и почему.

В перспективе необходимо продолжать всесторонние исследования концепта МИГРАНТ, поскольку их результаты помогают понять общее настроение и отношение общества к миграционным процессам, а в случае необходимости – разработать меры по поддержанию толерантного отношения к участникам миграционных потоков.

Библиографический список

- Боровицкая, 2020 – Боровицкая Е. И. Полевое моделирование образа мигранта (на примере современной американской литературы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 5. С. 256–261. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.50>

- Зубарева, 2018 а – Зубарева Е. О. Концепт «Мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 4. С. 29–41. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4>
- Зубарева, 2018 б – Зубарева Е. О. Номинативное поле концепта «Мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 420–422.
- Зубарева, 2021 – Зубарева Е. О. Когнитивно-корпусный анализ образа «Мигрант» // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2021. № 2. С. 51–55.
- Костева, 2020 – Костева В. М. Миграция в трудах Н. Я. Марра – эволюция взглядов // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика / науч. ред. О. А. Радченко. Пермь, 2020. С. 31–44. URL : <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>
- Кривенькая, 2022 – Кривенькая М. А. Миграционный дискурс в художественной литературе // Этнодиалоги. 2022. № 1 (67). С. 135–160.
- Мукомель, 2005 – Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. 2005. № 1. С. 48–57. <https://doi.org/10.37492/ETNO.2022.67.1.011>
- Шустова и др., 2020 а – Шустова С.В., Зубарева Е.О., Хорошева Н.В. «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика / науч. ред. О. А. Радченко. Пермь, 2020. С. 5–30. URL : <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>
- Шустова и др., 2020 б – Шустова С. В., Хорошева Н. В., Зубарева Е. О. Языковая репрезентация концепта «Родители-мигранты» в научном и медийном дискурсах // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 87–94.
- Шустова и др., 2021 – Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультуризма / С. В. Шустова С.В., Раренко М.Б., Попова М.В., Зорина Т.П., Костева В.М., Боровицкая Е.И., Меньшакова Н.Н., Аллен М.Ю., Лапаева А.А., Новиков А.Ю.. Пермь : Изд-во Пермского ин-та экономики и финансов, 2021. 188 с.
- Шустова и др., 2022 – Шустова С.В., Костева В.М., Богоявленская Ю.В., Зубарева Е.О., Лапаева А.А., Серебрякова С.В., Путина О.Н., Боровицкая Е.И. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: лингвокультурный, социолингвистический и лингвоисториографический аспекты. Монография. Пермь. 2022. 192 с.

References

- Borovitskaya, E. I. (2020). Polevoe modelirovanie obraza migranta (na primere sovremennoy amerikanskoj literatury) [Field modelling of the migrant image (By the example of the modern American literature)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (5), 256–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.50>
- Zubareva, E. O. (2018 a). Kontsept “Migrant” v migratsionnom diskurse (na materiale svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta) [Concept “MIGRANT” in migration discourse (On the material of a free associative experiment)]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 4 (4), 29–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-4>
- Zubareva, E. O. (2018 b). Nominativnoe pole kontsepta “Migrant” [Nominative field of the concept “MIGRANT”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and education], 4 (71), 420–422. (In Russ.).
- Zubareva, E. O. (2021). Kognitivno-korpusnyy analiz obraza «Migrant» [Cognitive and corpus analysis of the image of 'MIGRANT']. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom* [International Post-Graduate Student Bulletin. Russian Language Abroad], 2, 51–55. (In Russ.).
- Kosteva, V. M. (2020). Migratsiya v trudakh N. Ya. Marra – evolyutsiya vzglyadov [Migration in the works by N. Ya. Marr]. In O. A. Radchenko (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoj nauchnoy paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* [Migrational linguistics in modern scientific

- paradigm: Discursive practices, translation, didactics] (pp.31–44). Perm : Perm State University Press. Retrieved from <<http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>>. (In Russ.).
- Krivenkaya, M. A. (2022). Migratsionnyy diskurs v khudozhestvennoy literature [Migration discourse in contemporary fiction]. *Etnodialogi* [Ethnodialogues], 1 (67), 135–160. (In Russ). <https://doi.org/10.37492/ETNO.2022.67.1.011>
- Mukomel', V.I. (2005). Rossiyskie diskursy o migratsii [Russian migration discourses]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 1, 48–57. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Zubareva, E. O., Khorosheva, N. V. (2020). “Deti-migranty” kak sotsial'nye agenty migratsionnogo diskursa [Migrant children as social agents of migration discourse]. In O. A. Radchenko (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika* [Migration linguistics in modern scientific paradigm: Discursive practices, translation, didactics] (pp.5–30). Perm : Perm State University Press. Retrieved from <<http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/migracionnaya-lingvistika-v-sovremennoj-nauchnoj-paradigme.pdf>>. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Khorosheva, N. V., Zubareva, E. O. (2020). Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta “Roditeli-migranty” v nauchnom i mediynom diskursakh [Language representation of the concept of “MIGRANT PARENTS” in scientific and media discourses]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 1, 87–94. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Rarenko, M. B., Popova, M. V., Zorina, T. P., Kosteva, V. M., Borovitskaya, E.I., Men'shakova, N. N., Alen, M. Yu., Lapaeva, A. A., Novikov, A. Yu. (2021). *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: diskursivnye praktiki i literatura mul'tikul'turizma* [Migration linguistics in modern scientific paradigm: Discursive practices and multicultural literature]. Perm : Perm Institute of Economics and Finance Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Kosteva, V. M., Bogoyavlenskaya, Yu. V., Zubareva, E. O., Lapaeva, A. A., Serebryakova, S. V., Putina, O. N., Borovitskaya, E. I. (2022). *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: lingvokul'turnyy, sotsiolingvisticheskiy i lingvoistoriograficheskiy aspekty* [Migration linguistics in modern scientific paradigm: Linguo-cultural, sociolinguistic and linguo-historical aspects]. Perm : Perm Institute of Economics and Finance Press. (In Russ.).

Шустова Светлана Викторовна^{1✉}, Маслова Диана Львовна², Карими-Мотаххар Джанолах³

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет

^{1,2}г. Пермь, Российская Федерация

³Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран

lanaschust@mail.ru

Значение инструментальности в семантическом потенциале глаголов русского языка

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется функциональный потенциал глаголов русского языка с целью выявления и описания синкретичных значений. Особенности появления и развития в языке глаголов с инкорпорированными актантами и их функциональные свойства изучены фрагментарно. Востребованность изучения таких глаголов связана с их важной ролью для языковой экономии. В фокусе внимания находятся вопросы, связанные с актуализацией категории инструментальности в языке. Инструментальность как семантическая категория функциональной грамматики может быть представлена разноуровневыми языковыми средствами, в том числе в рамках синкретичных или инкорпорантных комплексов. В лингвистике выделяются опредмеченный и неопредмеченный способы осуществления действия. Предметная инструментальность предполагает наличие материального инструмента, а непредметная подразумевает употребление действия-способа. В качестве инструмента в широком понимании могут выступать также речь, состояния, действия, информация. В статье предлагается анализ семантики глагольных лексем, позволяющий фиксировать прототипические значения реализации инструментального значения. В результате для каждого из трёх отсубстантивных глаголов инструментальной семантики – *стучать*, *бить* и *колотить* – выявлено 4–5 значений, 2–6 синонимов в зависимости от конкретного значения. Лексикографический анализ демонстрирует особенности реализации валентностного потенциала глагольных лексем, что позволяет фиксировать реализацию одного из представленных значений в условиях конкретного контекста. Полученные результаты демонстрируют необходимость учёта грамматических особенностей глаголов при актуализации в контексте.

Ключевые слова: глагол, категория инструментальности, функциональный потенциал, отсубстантивные глаголы, семантическая категория

© Шустова С. В., Маслова Д. Л., Карими-Мотаххар Дж. 2022

Для цитирования: Шустова С. В., Маслова Д. Л., Карими-Мотаххар Дж. Значение инструментальности в семантическом потенциале глаголов русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С.205–215. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_205

Svetlana V. Shustova^{1✉}, Diana L. Maslova², Janolah Karimi-Motahhar³

^{1,2}Perm State University, Perm, Russian Federation

³University of Tehran, Tehran, Iran

lanaschust@mail.ru

The meaning of instrumentality in the semantic potential of Russian verbs

Abstract

This article analyzes the functional potential of Russian verbs in order to identify and describe their syncretic meanings. Emerging and development of verbs with incorporated actants in the language, their functioning patterns have rarely drawn linguists attention. However, their importance for language resources economy make

them an attractive object for research. The focus is made on the issues related to the actualization of the category of instrumentality in the language. Instrumentality as a semantic category of functional grammar can be represented by multi-level language means including syncretic or incorporation complexes. In linguistics, objectified and non-objective ways of performing an action are distinguished. Correspondingly, object instrumentality implies the presence of a material instrument, and non-objective instrumentality implies the use of an action-method. Speech, states, actions, information can also act as an instrument in a broader sense. The article proposes an analysis of the verbal lexemes semantics that enables to fix the prototypical meanings of the instrumental meaning varieties. As a result, for each of the three verbs analyzed (*stuchat'*, *bit'* and *kolotit'*), 4–5 meanings were found with the number of synonyms varying from 2 to 6 depending on a particular meaning. Lexicographic analysis demonstrates manifestation patterns of the valence potential of verbal lexemes, and this allows to fix certain meaning representations in particular contexts. The obtained results show the need to take into account grammatical verb features when actualized in context.

Keywords: verb, category of instrumentality, functional potential, substantive verbs, semantic category

© Shustova S. V., Maslova D. L., Karimi-Motahhar J. 2022

For citation: Shustova, S. V., Maslova, D. L., Karimi-Motahhar, J. (2022). Znachenie instrumental'nosti v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka [The meaning of instrumentality in the semantic potential of Russian verbs]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 205–215. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_205

1. Введение [Introduction]

Данное исследование посвящено вопросам актуализации значения инструментальности глаголами русского языка. Понятие «инструментальность» неоднократно являлось объектом исследования на материале многих языков (см., напр., [Шустова, Яхьяпур 2021 ; Ямшанова 1991]). В настоящей работе выявлены и проанализированы средства инструментального значения, реализованного отымёнными глаголами русского языка. Выделяются опредмеченный и неопредмеченный способы осуществления действия. Предметная инструментальность предполагает наличие материального инструмента, а непредметная подразумевает употребление действия-способа. Инструментом могут являться различные ресурсы – физические предметы, речь, состояния, действия, информация и другие. Особенности появления и развития в языке глаголов с инкорпорированными актантами мало изучены, функциональные свойства этих глаголов изучены фрагментарно, что обуславливает актуальность исследования [Мещанинов, 1982 ; Смирнова, 2013, 2015].

Категория инструментальности входит в область понятийных и семантических категорий. Понятие категории в современной лингвистике достаточно популярная тема для исследований. Обращаясь к истокам, первый опыт теоретического обоснования мыслительной категории в отечественном языкознании принадлежит И. И. Мещанинову. В своих работах он разграничил понятия «грамматическая категория» и «понятийная категория». «Грамматическая / языковая категория» в широком смысле – это группа языковых элементов, которую выделяет наличие общего свойства; в узком смысле – это некий признак, лежащий в основе разбиения совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, элементы которых характеризуются одним и тем же значением данного признака. Обычно под понятийной категорией понимается замкнутая система значений определённого семантического признака или же конкретное значение данного признака [Мещанинов, 1988].

Проблемы понятийной категории рассматриваются и «внешне», и «внутренне», что имеет и прямое отношение к проблеме категории инструментальности. Неоднократно предпринимались попытки разграничения категориальных смысловых разновидно-

стей на базе значений и средств их выражения. Отсутствие комплексного подхода к изучению инструментальности проявляется даже в терминологических расхождениях. Предлагаемый в данной работе подход к анализу функционирования глаголов, особенностям их семантического потенциала базируется на достижениях Московской семантической школы Ю. Д. Апресяна [Апресян, 2013] в аспекте выявления и описания семантики инструментальных глаголов.

В словарях лингвистических терминов отсутствует понятие «инструментальность», но даются толкования понятиям «инструмент», «инструментальный падеж», «инструментатив». Рассмотрим их подробнее. Инструмент – участник, как правило, неодушевленный, которого агент использует для осуществления своей деятельности: рукопись написана пером; образец книги изготовлен на компьютерном оборудовании [Жеребило, 2010, с. 121]. Под инструментальным падежом (он же творительный (в русском языке) или орудийный) понимается категориальная форма падежа с основным значением орудия или средства, при помощи которого производится действие... Инструментатив – падеж, которым в ряде языков обозначается орудие, инструмент, которым агент воздействует на другие объекты [Ахманова, 2010, с. 173].

Представленный в данной работе анализ отсубстантивных глаголов инструментальной семантики русского языка выполнялся при использовании различных источников и базируется на выявлении предметной инструментальности. В начале работы методом сплошной выборки был произведён отбор глаголов для анализа из русскоязычных словарей [Кузнецов, 1998 ; Бабенко, 1999 ; Ожегов, 2017 ; Ушаков, 1935–1940] (БТС Кузнецова, ТС Ожегова, ТС Ушакова, ТС Бабенко), также привлекались словари синонимов [СлСин]. Далее был произведён семантический анализ глаголов и рассмотрены различные инструментальные значения.

2. Анализ инструментальных значений [The analysis of instrumentality meanings]

Были рассмотрены и проанализированы такие аспекты, как сочетаемость данных глаголов, синонимический ряд. Произведён анализ актуализации отсубстантивных глаголов в различных контекстах, который позволил на конкретных примерах увидеть ситуации употребления представленных глаголов. Контексты функционирования были выявлены по данным следующих корпусов: Национальный корпус русского языка [НКРЯ], лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета [LCC], а также поискового онлайн-сервиса компании Google Books [Ngram Viewer].

Было выявлено, что прототипические значения в семантическом потенциале отсубстантивных глаголов русского языка актуализируются в трёх глаголах: *стучать*, *бить* и *колотить*. Общее количество контекстов, в которых функционируют данные глаголы составляет 300 единиц (по 100 контекстов на каждый глагол) . Выборка осуществлялась с учётом выявления прототипического значения. Для каждого из них в каждом значении приведены примеры, указано само значение, дан комментарий о ситуации использования, представлены возможности сочетаемости, приведены иллюстрации реальных контекстов употребления, даны синонимы.

Глагол СТУЧАТЬ

Стучать 1

ПРИМЕРЫ. *На дворе караульщик стучал в медную доску; В кузнице молот стучит; Зубы у него стучали, как в лихорадке* [ТС Ушакова];

ЗНАЧЕНИЕ. Чем, по чему, обо что. Ударяя чем-л. по чему-л. несколько раз подряд, производить (произвести), издавать (издать) стук, шум.

КОММЕНТАРИЙ.

Стучать в медную доску предполагает ситуацию использования опредмеченного инструмента (молотком, палкой). *Стучать по столу* предполагает употребление как неотчуждаемых орудий, например, рук, так и физических предметов (тарелками, кружками, ложками).

Что может быть увлекательнее, чем стучать по столу кулаком на встрече с поставщиком, требуя снизить цены и улучшить обслуживание и угрожая перейти к его конкуренту? [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *дверь, столу, клавишам, разг. clave* [по предмету]; *кулаком, стучать кулаком по столу, стучать зубами, ногами, пальцами, лбом, ботинком* [чем]; *громко, требуя, в такт, громче* [как].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *На крыше мужской гимназии кровельщики перестали стучать по листовому железу. Я поставил пакеты с продуктами на пол и начал стучать в дверь. Наконец толкнули перекошенную калитку, шарахнулись от бросившейся на них свирепой дворняги и начали стучать в дверь низкого, нищего, со слепыми оконцами дома* [Здесь и далее приведены примеры из НКРЯ].

СИН. *Бить, стучаться, колотить, барабанить, дубасить, тарabanить* [СлСин].

Стучать 2

ПРИМЕРЫ. *Ещё не проснувшись, Марина уже поняла, что в дверь стучали; мало легко постучала в окошко, занавеска отодвинулась, и показалось заспанное лицо Сергея* [ТС Бабенко].

ЗНАЧЕНИЕ. Ударять (во что) в дверь, окно коротким, отрывистым звуком, выражая этим просьбу впустить кого-л. куда-л.

КОММЕНТАРИЙ.

Стучать в дверь / окно подразумевает действие с использованием как неотчуждаемых орудий – рук, ног, так и твёрдых физических предметов в качестве инструмента – ключами, палкой.

Оранжевая борода стала ругаться на немецком языке и стучать палкой в окно; Генрих поднялся, подошёл к двери и начал стучать в неё ногой [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Стучать в дверь, окно, калитку, забор* [просить, ждать разрешения войти].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Я точно знаю, что если стучать во все возможные двери, тебе хоть где-то откроют и помогут, но видимо я просто слишком устала стучать;*

Оказывается, что не только если стучать во все двери, тебе хоть где-нибудь да откроют, но ещё и если перечитать 20 раз учебник по статистике и ничего не понять, надо не отбрасывать его в сторону с криком "Я ничего не понимаю, у меня нет божьей искры", надо перечитать его снова; Цепочка. Что же делать? Стучать, рваться, будить Маришу? За дверью жалобно заскулил дог. Зашаркали знакомые шаги, и низкий Людин голос спросил: «Кто там?»

СИН. *Проситься, долбиться, стучаться, грохотать* [СлСин].

Стучать 3

ПРИМЕРЫ. *Стучать в домино. Стучать на пианино* [БТС. Кузнецова].

ЗНАЧЕНИЕ. Играть со стуком, производить какой-либо шум во время игры.

КОММЕНТАРИЙ.

Стучать на пианино предполагает при производимом действии использование в качестве инструмента неотчуждаемое орудие – руки, пальцы.

Это не мешало ей бойко стучать по клавишам пианино; Очень любит стучать ладошкой – по столу, по клавишам пианино [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Стучать* [по музыкальному инструменту] *клавишам, пианино, барабанах; стучать* [звук во время игры] *в домино, в шашках, мячом.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *У него всегда брови на лбу, он умеет жонглировать, стучать на барабане и очень смешной; – Наша игра, – сказал я, – лишена самого главного своего очарования – игроки в домино должны стучать с размаху о стол, выставляя костяшки. – Я отнюдь не шутил; Печигин ещё около часа бродил по переулкам Старого города, слишком узким в этой его части для транспорта, натываясь то на стайки детей, преграждавших при его приближении стучать мячом (видно, иностранцы заходили сюда нечасто), то на нищих на перекрёстках, протягивавших к нему коричневые руки.*

СИН. Долбить, барабанить, бить, бацать, брэнчать [СлСин].

Стучать 4

ПРИМЕРЫ. *Сердце стучит. Кровь стучит в висках. безл. В сердце, в голове, в висках, в ушах стучит* [ТС Ушакова].

ЗНАЧЕНИЕ. Об ощущении ритмических колебаний кровеносной системы, напоминающих стук.

КОММЕНТАРИЙ.

1. Может употребляется в безличном предложении.
2. Значение связано с физическими процессами тела, живого организма, отдельных органов.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Стучит кровь, в ушах, сердце, в голове, пульс* [тело, органы].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Пульс начинал стучать в самых неожиданных местах – в горле, например, в губах и много ниже; Тоска по жизни, ещё не прожитой, но уже оконченной, была временами такой острой, что сердце переставало стучать и в ушах покалывало; Когда я вижу его на сцене, у меня начинает стучать сердце, слезятся глаза, мурашки бегут по коже.*

СИН. Долбиться, колотиться, пульсировать, не давать покоя (о боли), приливает (кровь) [СлСин].

Стучать 5

ПРИМЕРЫ. *Стучат пулемёты. Стучит пишущая машинка. Стучат настенные часы* [БТС. Кузнецова].

ЗНАЧЕНИЕ. О работающем механизме, машине.

КОММЕНТАРИЙ.

Стучат пулемёты предполагает скрытую инструментальность, использование твёрдых физических предметов – пуль для издаваемого характерного звука – «стука» пулемёта. *Стучит пишущая машинка* подразумевает использование неотчуждаемого орудия – рук (и в целом деятельности человека с машинкой) для произведения «стука».

Е. И. работает целыми днями, и как раз надо мной на втором этаже её машинка пишущая стучит, не переставая; Орудия гудят, спи, моя хорошая, пулемёты стучат, раненых ведут, а я всё шагаю [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Стучат часы, мотор, движок, машинка* [звук конкретного предмета].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Лежу, слушаю: часы стучат, раз пробьют, ещё...;*

Часы стучат мерно и однообразно: тик-так, тик-так; Кондратий Трифонович вторит им: «тикё-такё, тикё-такё», притопывая в такт ногою; – А я свой «уазик» за километр слышу, у него мотор стучит по-особенному.

СИН. Брякать, отстукивать, тикать, тукать, печатать [СлСин].

Глагол БИТЬ

Бить 1

ПРИМЕРЫ. *Б. молотком. Б. в дверь кулаком. Б. задом (о лошади: лягаться)* [ТС Ожегова].

ЗНАЧЕНИЕ. То же, что ударять. Оказывать сильное воздействие на предметы, чувства; применять силу.

КОММЕНТАРИЙ.

Бить молотом предполагает употребление в контексте ситуации инструмента, выраженного предметным именем существительным молот (кувалда, молоток, молоточек). *Бить в ладоши* предполагает использование в ситуации неотчуждаемого орудия, например, части тела – руками. В ситуации с *бить посуду* могут быть использованы как опредмеченные инструменты, так и неотчуждаемые орудия.

Бить посуду руками; Бить посуду молотком [ТС Ожегова].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Б. в колокола, в двери, Б. себя в грудь* [во что]; *стёкла, тарелки, гвозди, рекорды* [что]; *по двери, окну, столу* [по чему]; *ногой, рукой, молотком, кулаком* [чем].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Так что – лекарство от преступности найдено? Это же сенсация! Пора бить в литавры...*

Те Валерию Георгиевичу понравились, но будет ли Алдонин бить по мячу в среду на поле, тренер сборной России не сказал; Где умение сильно, разнообразно и точно бить ракеткой по мячу значит далеко не всё; Как часто они бродили по ночам, ожидая, пока дядя Юра утихомирится и перестанет бить топором в их дверь... [Здесь и далее приведены примеры из НКРЯ].

СИН. *Колотить, ударять, стучать* [СлСин].

Бить 2

ПРИМЕРЫ. *Б. по щекам. Своих детей не бьёт кто-л. Б. смертным боем. Лежачего не бьют* (Посл.) [БТС. Кузнецова].

ЗНАЧЕНИЕ. кого, что (чем, по чему). Наносить удары, побои; избивать, бить (до смерти), наказывать, умерщвлять (животных).

КОММЕНТАРИЙ.

Бить слуг предполагает воздействие человека на другого, насильственные действия с использованием как неотчуждаемых орудий, например, рук, так и опредмеченных инструментов (кнул, тряпку, палки). *Бить лошадь кнутом* предполагает использование твёрдого физического предмета – кнута. Примеры *бить птицу, тюленей, рыбу* показывают использование физических объектов, таких как острога, копьё, палки.

Настоятельно рекомендовал покрепче бить слуг и не останавливаться перед «ушачениям ран»; бить рыбу острогой, при лучинном огне, ночью: на носу лодки ставится коза, и на ней разводится огонёк [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Бить лежачего, бить недруга, за воровство, за ложь, бить дичь* [кого-то, за что-то]; *топором, ремнём, палкой* [чем].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *«Будь готов, когда придёт час бить врагов»; С детей перешили на личности, в прямом смысле этого слова: начали бить друг другу морды; А потом сказал, что не хотел бить меня два года назад, когда все пацаны собрались, чтобы поймать меня возле подъезда; И значит, мне придётся терпеть и не бить твоего папу газетой по голове.*

СИН. *Ударять, поколотить, сечь, хлестать, лупить, дубасить* [СлСин].

Бить 3

ПРИМЕРЫ. *Б. в чугунную доску. Б. в барабан. Б. Склянки. Часы бьют полночь* [БТС. Кузнецова].

ЗНАЧЕНИЕ. Ударами производить звуки (стук, звон и т.п.). Давать сигнал к чему-л.

КОММЕНТАРИЙ.

Бить в колокол, бить в барабан подразумевают употребление в контексте инструментов, выраженных предметами, издающими громкий звук при взаимодействии с ними.

В церкви недалеко от трактира начал медленно и торжественно бить колокол, видно, справляя панихиду по погибшим; Продолжаю каждый день бить в большой барабан в «присутственные часы» [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Бить в барабан, колокол [во что]; тарелкам, треугольнику [по чему].*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Она произнесла это через силу, ей был противен пафос, заключенный в этой фразе, но она привыкла к тому, что люди умолкают, когда начинаешь дудеть в фанфары и **бить в барабан**; Он начал так **громко бить в стену** какой-то палкой, что я наконец расслышал, несмотря на непрекращающийся шум; У Хашема тонкий слух и слабый голос, он держит у уха гавал, прижимая ободом к скуле, — зеркало голоса: слюдяно-прозрачный бубен, в который потом начинает понемногу **звонко бить**; У матери странные были представления о мужской работе — мужчины должны были водить трактора, **бить по железу молотом**, таскать тяжести или быть начальниками, орущими на подчинённых, а вот если мужчина копался в бумажках, то это было для неё странно...*

СИН. *Трезвонить, отрезвонить, бацать [СлСин].*

Бить 4

ПРИМЕРЫ. *Б. шерсть (трепать). Бить баклуши. Б. масло (сбивать сливочное масло; выжимать из семян растительное масло) [БТС. Кузнецова].*

ЗНАЧЕНИЕ. Изготавливать, делать что-л. особым образом.

КОММЕНТАРИЙ.

Бить монету предполагает скрытое использование инструмента, выраженного предметным именем существительным штемпель. *Бить масло (сбить)* также подразумевает скрытое использование инструмента – маслобойки. *Бить шерсть (спец.)* предполагает опредмеченный инструмент – прут.

Сядь-ка лучше за колесо или ступай бить масло...; Ходя по деревням с товарищами, бить шерсть, правнук его, Иван, опасно заболел.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Баклуши, шерсть, масло, пух [что].*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Будем в колхозе **бить масло**, нам много жмыха надо; Всё хотелось ему так же, как другие, **бить масло** из своей конопки, потому что тут барышня бивает рубль на рубль; Василий один имел право **бить монету**, сноситься с другими государствами; он наследовал все выморочные уделы бездетных родственников; только его детям принадлежало великое княжение, от которого отказались заранее его братья; Он же первым стал **бить баклуши** – чурбачки-заготовки для изготовления ложек.*

СИН. *Сбивать, взбивать, чеканить, мастерить [СлСин].*

Глагол КОЛОТИТЬ

Колотить 1

ПРИМЕРЫ. *Гаврила взбегал на крыльцо и колотил в дверь рукояткой плётки [ТС Бабенко].*

ЗНАЧЕНИЕ. Во что, по чему чем. Ударять с силой, обычно по одному и тому же месту, часто производя какие-л. звуки.

КОММЕНТАРИЙ.

Колотить ногой подразумевает использование в качестве инструмента неотчуждаемого орудия – ноги. В примере *колотить по столу* могут использоваться как неотчуждаемые орудия – руки, так и опредмеченные орудия (ложки, тарелки).

Мостовики рассмеялись, некоторые начали колотить ложками по мискам; колотить ногами по земле, проводя в ней глубокие борозды [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *К. дверь, по воде, в барабан, по живому [во что]; молотком, руками, ногами, плечами [чем]; изо всех сил, бешено, снова, что есть силы [как].*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Мне надо домой! – Кто это? Перестань колотить. Я не могу попасть в замочную скважину; Михалыч взял два молотка и принялся часто-часто колотить по капоту; Дальше была запланированная пауза, и опять привратник принялся колотить ногой по доскам; Он вошёл в церковь и подручными предметами принялся колотить окошечки* (Здесь и далее приведены примеры из НКРЯ).

СИН. *Бить, молотить, ударять* [СлСин].

Колотить 2

ПРИМЕРЫ. *Колотить детей. Колотить кого-нибудь в спину или по спине. Колотить животных. Колотить друг друга* [ТС Ожегова].

ЗНАЧЕНИЕ. Кого-что во что или по чему. Наносить удары, бить.

КОММЕНТАРИЙ.

Колотить по голове, колотить детей подразумевают использование как неотчуждаемых орудий, например, рук, ног, так и опредмеченных орудий (утюгом, сковородкой, палкой).

И давай его по голове утюгом колотить; Беру я её с собой, чтобы колотить ею детей, которые подворачиваются мне под ноги [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Врага, детей, жену, сверстников* [кого, что]; *неосознанно, бессмысленно, в ярости* [как].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Днём он будет её колотить, а ночью спать с другими бабами; Но когда один из них ударил его монтировкой по лицу и тот закрылся, все они почувствовали какой-то подъём и стали колотить его, а парень был поражён: он до конца не верил, что они его убьют, — и злоба на него распирала их, и они его били до тех пор, пока он не перестал дергаться; Офицер ткнул отца ногой так, что он отлетел, вытащил браунинг и ударил им Ганку. Ганка продолжал колотить усатого; Вырвал Христо из плетня здоровый прут держи-дерева, руки об колючки изодрал, и стал колотить по лошади.*

СИН. *Бить, лупить, дубасить, мутузить* [СлСин].

Колотить 3

ПРИМЕРЫ. *Колотить посуду. Колотить тарелки* [ТС Ушакова].

ЗНАЧЕНИЕ. Что. Разбивать, бить что-л. хрупкое (стеклянные и т. п. предметы).

КОММЕНТАРИЙ.

В примере *колотить посуду* могут быть использованы как опредмеченные инструменты, так и неотчуждаемые орудия.

Уйти бы подальше и колотить посуду...; Поэтому взрослые и дети приучаются конфликтные ситуации спокойно разрешать, а не тарелки колотить да ногами друг на друга топтать [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Тарелки, бутылки, стекло* [что].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *И начал как бы ненароком посуду ему колотить; Здесь не надо колотить стекла по всему миру, как в Fable, чтобы закончить игру; Внезапно кто-то начал колотить кулаком по стеклянной стене; А еще греки после трапезы любят колотить тарелки и плясать на битом стекле* [LCC].

СИН. *Стучать, греметь, бить* [СлСин].

Колотить 4

ПРИМЕРЫ. *Колотить бельё. Колотить лён* [ТС Ушакова].

ЗНАЧЕНИЕ. Что. Выколачивая, наносить удары палками, каким-нибудь другим орудием (спец.).

КОММЕНТАРИЙ.

В специализированном значении *колотить бельё, колотить лён* предполагается использование твёрдых опредмеченных инструментов – кий, палки.

На глазах у толпы стянули с неё сари (национальная женская одежда в Индии), а потом принялись колотить её палками; колотить колотушками, отделять от стеблей тонкие белые волокна льна [Ngram Viewer].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Колотить деньги, лён, монету, тесто [что].*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Сколько каблуков колотить – два или пять?; Правда, у Кристины колотить тесто ещё не очень получается; При таком сценарии развития событий власть будет колотить; Когда твои руки не дрожат, можно пополнять игровой счёт и начинать, что называется, колотить бабло! [LCC].*

СИН. *Делать, создавать [СлСин].*

3. Заключение [Conclusion]

В настоящей статье было рассмотрено три отсубстантивных глагола инструментальной семантики: *стучать, бить и колотить*. Анализ материала позволил выявить для первого глагола пять значений, для второго и третьего – по четыре. В зависимости от значения, для первого глагола могло фиксироваться четыре-пять синонимов; количество синонимов для второго глагола в конкретном значении варьировало от трёх до шести, а для третьего глагола – от двух до четырёх. Изучение синонимических связей и сочетаемостных возможностей показало, что семантическая система языка базируется на едином каркасе семантических отношений. Лексикографические типы представленных глагольных лексем демонстрируют прототипические значения. Анализ непрототипических значений составляет отдельную область исследования. Тем не менее общее свойство семантики глаголов заключается в модификации объекта воздействия. «Грамматика» изучаемых глаголов заключается в их валентности, то есть один и тот же глагол демонстрирует разные сочетаемостные возможности и актуализации в зависимости от реализации того или иного значения. Тем самым, по словам Ю. Д. Апресяна, демонстрируется попытка преодоления традиционно существующего в лингвистике разрыва между грамматическим и лексикографическим описанием языка. Перспективу исследования составит анализ непрототипических значений, обусловленных валентностным и прагматическим контекстом, способствующим уточнению семантического потенциала глаголов и его расширению.

Библиографический список

- Анохина, 2006 – Анохина М. А. Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) // Ползуновский вестник. 2006. № 3. С. 73–82.
- Апресян, 2013 – Апресян Ю. Д. Бегать и бежать: Словарные статьи «Активного словаря русского языка» // Вестник Российского гос. университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 8 (109). С. 46–74.
- Ахманова, 2010 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. М. : УРСС : Едиториал, 2010. 576 с.
- Бабенко, 1999 – Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов. М. : «АСТ-ПРЕСС», 1999. 704 с.
- БЭС, 2000 – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
- Жеребило, 2016 – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. 6-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2016. 610 с.
- Кузнецов, 1998 – Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998. URL : <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения : сентябрь – ноябрь 2021).
- Мещанинов, 1982 – Мещанинов И. И. Глагол. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. 272 с.

- Мещанинов, 1988 – Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка : учеб. пособие / сост. Ф. М. Березин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1988. С. 66–73; Члены предложения и части речи. С. 73–76.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/new/>
- Ожегов, 2017 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд. М. : Мир и Образование. 2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения : сентябрь – ноябрь 2021).
- СлСин – Словарь синонимов. URL : <https://synonymonline.ru/> (дата обращения : сентябрь – ноябрь 2021).
- Смирнова, 2015 – Смирнова Е. А. Особенности семантического потенциала и функционирования отсубстантивных глаголов (на материале русского языка) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. Т. 3, № 1 (5). С. 95–107.
- Смирнова, 2013 – Смирнова Е. А. Функционирование глаголов с инкорпорированными актантами (на материале английского языка) : дисс... канд. филол. наук : 10.02.19. Пермь, 2013. 215 с.
- Ушаков, 1935–1940 – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. М. : Советская энциклопедия ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940. URL : <https://biblioclub.ru/?page=dict> (дата обращения : сентябрь – ноябрь 2021).
- Шустова, Яхьяпур, 2021 – Шустова С. В., Яхьяпур М. Актуализация категории инструментальности // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 2. С. 95–103. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-9>
- Ямшанова, 1991 – Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический ин-т, 1991. 159 с.
- LCC – Leipzig Corpora Collection. Deutscher Wortschatz. URL : <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de>
- Ngram Viewer – Google Books Ngram Viewer. URL : <https://books.google.com/ngrams/>

References

- Anokhina, M. A. (2006). Semanticheskaya inkorporatsiya kak odin iz sposobov realizatsii kognitivnoy modeli glagola (na materiale angliyskogo yazyka) [Semantic incorporation as one of the cognitive verb patterns manifestation (Based on English)]. *Polzunovskiy vestnik*, 3, 73–82. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (2013). Begat' i bezhat': Slovarnye stat'i "Aktivnogo slovary russkogo yazyka" [BEGAT' AND BEZHAT' – TWO ENTRIES FOR THE "PRODUCTION DICTIONARY OF RUSSIAN"]. *Vestnik Rossiyskogo gos. universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies], 8 (109), 46–74. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. 5th edn. Moscow : URSS Press : Editorial Press. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (1999). *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov* [Explanatory dictionary of Russian verbs]. Moscow : AST-PRESS. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (Ed.). (2000). *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Language studies. Great encyclopedic dictionary] (BES). 2nd edn. Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatii* [The dictionary of linguistic terms and notions]. 6nd edn., with corrections and addenda. Nazran : Pilgrim Press. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. A. (1998). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Russian language]. St Petersburg : Norint Press. Retrieved September – November, 20121 from <<http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>>. (In Russ.).
- Meshchaninov, I. I. (1982). *Glagol* [Verb]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Meshchaninov, I. I. (1988). *Ponyatiynye kategorii v yazyke* [Notional categories in language] ; *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Parts of sentence and parts of speech]. In F. M. Berezin (Ed.), *Istoriya sovetskogo yazykoznaniya: Nekotorye aspekty obshchey teorii yazyka* [The history of Soviet language studies: Some issues of general language theory]: A coursebook. 2nd edn., with

- corrections and addenda (pp. 66–73 ; 73–76). Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] (NKRYa). Retrieved from <<https://ruscorpora.ru/new/>>. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (2017). *Tolkovyuy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language] / Ed. by L. I. Skvortsov. 27nd edn. Moscow : Mir i Obrazovanie Press. Retrieved September – November, 2021 from <<https://slovarozhegova.ru/>>. (In Russ.).
- Slovar' sinonimov [The dictionary of synonyms] (SlSin). Retrieved September – November, 2021 from <<https://synonymonline.ru/>>. (In Russ.).
- Smirnova, E. A. (2015). *Osobennosti semanticheskogo potentsiala i funktsionirovaniya otsubstantivnykh glagolov (na materiale russkogo yazyka)* [Denominative verbs: Semantic potential and functioning (Based on Russian)]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Studies of the Russian Language and Literature], 3, 1 (5), 95–107. (In Russ.).
- Smirnova, E. A. (2013). *Funktsionirovanie glagolov s inkorporirovannymi aktantami (na materiale angliyskogo yazyka)* [Functioning patterns of verbs with incorporated actants (Based on English)]. PhD in Philological sci. diss. Perm. (In Russ.).
- Ushakov, D. N. (1935–1940). *Tolkovyuy slovar' russkogo yazyka* : In 4 volumes. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press ; OGIZ Press ; Inostrannye i natsional'nye slovari Press. Retrieved September – November, 2021 from <<https://biblioclub.ru/?page=dict>>. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Yahyapour, M. (2021). Aktualizatsiya kategorii instrumental'nosti [Actualization of the category of instrumentality]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 95–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-9>
- Yamshanova, V. A. (1991). *Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke* [The category of instrumentality in German]. Leningrad : Leningrad Financial-Economic Institute Press. (In Russ.).
- Leipzig Corpora Collection (LCC). *Deutscher Wortschatz*. Retrieved from <<https://wortschatz.uni-leipzig.de/de>>.
- Google Books Ngram Viewer. Retrieved from <<https://books.google.com/ngrams/>>.

Наши авторы

- Арекеева Юлия Евгеньевна*, <https://orcid.org/0000-0003-2016-745X>, ст. преподаватель кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Ин-та языка и литературы Удмуртского гос. ун-та, г. Ижевск, Российская Федерация, email: izh4yu@gmail.com
- Громоуенко Дарья Сергеевна*, <https://orcid.org/0000-0002-5292-4657>, магистр филологических наук, кафедра перевода и информационных технологий в лингвистике Ин-та филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного фед. ун-та, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: dariagromovenko@gmail.com
- Губанов Сергей Анатольевич*, канд. филол. наук, доцент кафедры германских языков Самарского ун-та гос. управления «Международный институт рынка», г. Самара, Российская Федерация, email: gubanov5@rambler.ru
- Зубарева Екатерина Олеговна*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: fialka21-85@mail.ru
- Карими-Мотаххар Джанолах*, <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>, канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тегеранского ун-та, г. Тегеран, Иран, email: jkarimi@ut.ac.ir
- Климкина Елена Сергеевна*, магистр кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского гос. ун-та, г. Оренбург, Российская Федерация, email: elenaklmkn@mail.ru
- Корбашова Юлия Валентиновна*, ст. преподаватель кафедры вторых иностранных языков Российской академии народного хозяйства, г. Москва, Российская Федерация, email: korbashova-yv@ranepa.ru
- Крылова Мария Николаевна*, канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры Гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморского инженерного ин-та (филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет»), г. Зерноград, Российская Федерация, email: krylovamn@inbox.ru
- Лельхова Федосья Макаровна*, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии Обскоугорского ин-та прикладных исследований и разработок, г. ХантыМансийск, Российская Федерация, email: lelhovafm@yandex.ru
- Мальнева Екатерина Юрьевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского гос. ун-та, г. Хабаровск, Российская Федерация, email: ekaterinamalneva@gmail.com
- Маслова Диана Львовна*, студент факультета современных иностранных языков и литератур Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: di.ms100801@gmail.com
- Михайлова Надежда Евгеньевна*, студент Российского гос. соц. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: nadezhda.mikhailova97@yandex.ru
- Моисеева Ирина Юрьевна*, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского гос. ун-та, г. Оренбург, Российская Федерация, email: desire2003@yandex.ru
- Мосина Наталья Владимировна*, аспирант, преподаватель, зам. декана по методической работе Российского гос. соц. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: MosinaNV@rgsu.net
- Передриенко Татьяна Юрьевна*, <https://orcid.org/0000-0001-8747-3692>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: peredrienkoti@susu.ru
- Путина Ольга Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0001-8050-8856>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: onputina@mail.ru
- Сагайдачная Анна Олеговна*, канд. филол. наук, научный сотрудник Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: a.trofimova@mail.ru
- Солодилова Ирина Анатольевна*, д-р филол. наук, доцент, декан факультета филологии, проф. кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка Оренбургского гос. ун-та, г. Оренбург, Российская Федерация, email: solodilovaira16@gmail.com
- Сюй Хун*, профессор факультета русского языка ин-та иностранных языков Харбинского политехнического ун-та, г. Харбин, КНР, email: yuqilhit@126.com
- Сюткина Надежда Павловна*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: nad975@yandex.ru
- Тазранова Алена Робертовна*, канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: atazranova@mail.ru
- Тё Ольга Евгеньевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германских языков МГТУ им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация, email: tyo_olga@bmstu.ru, tyolga@mail.ru
- Хабидуллина Лениза Газинуровна*, канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии Ин-та языка, литературы и искусства им. г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация, email: valievalg@mail.ru
- Чжан Тун*, магистр факультета русского языка ин-та иностранных языков Харбинского политехнического ун-та, г. Харбин, КНР, email: acezhangtong@126.com
- Штеба Алексей Андреевич*, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>, канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии Волгоградского гос. соц.-пед. ун-та, г. Волгоград, Российская Федерация, email: alexchteba@yandex.ru
- Шустова Светлана Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru,

Our authors

- Iuliia E. Arekeeva*, <https://orcid.org/0000-0003-2016-745X> Senior lecturer at the Department of Romance Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics, Institute of Language and Literature, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, email: izh4yu@gmail.com
- Daria S. Gromovenko*, <https://orcid.org/0000-0002-5292-4657>, Master in Philology, Department of Translation and Information Technology in Linguistics, Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: dariagromovenko@gmail.com
- Sergei A. Gubanov*, PhD in Philology, Associate Professor, The Department of Germanic Languages, Samara State University of Public Administration «International Market Institute», Samara, Russian Federation, email: gubanov5@rambler.ru
- Ekaterina O. Zubareva*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: fiaska21-85@mail.ru
- Karimi-Motahhar Janolah*, <https://orcid.org/0000-0002-6072-5797>, PhD in Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Tehran, Tehran, Iran email: jkarimi@ut.ac.ir
- Elena S. Klimkina*, master's student of the Department of Romance philology and methods of teaching French, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, email: elenaklmkn@mail.ru
- Yuliya V. Korbashova*, Senior Lecturer, 2nd foreign language department, The Presidential Academy, RANEPa, Moscow, Russian Federation, email: korbashova-yv@ranepa.ru
- Maria N. Krylova*, PhD in Philology, Associate Professor, Professor, Humanities and Foreign Languages Department, Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Don State Agrarian University”, Zernograd, Russian Federation, email: krylovamn@inbox.ru
- Fedosia M. Lelkhova*, PhD in Philology, Senior researcher, Research Department of Khanty Philology, ObUgric Institute of Applied Research and Development, KhantyMansiysk, Russian Federation, email: lelhovafm@yandex.ru
- Ekaterina Y. Malneva*, PhD in Philology, Associate Professor, Linguistic and Cross-Cultural Communication Chair, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation, email: ekaterinamalneva@gmail.com
- Diana L. Maslova*, student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: di.ms100801@gmail.com
- Nadezhda E. Mikhaylova*, student, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, email: nadezhda.mikhailova97@yandex.ru
- Irina Yu. Moiseeva*, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Philology and Methods of Teaching French, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, email: desire2003@yandex.ru
- Natalia V. Mosina*, PhD student, lecturer, Deputy Dean for Methodological Work, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, email: MosinaNV@rgsu.net
- Tatiana Yu. Peredrienko*, <https://orcid.org/0000-0001-8747-3692>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russian Federation, email: peredrienkoti@susu.ru
- Olga N. Puyina*, <https://orcid.org/0000-0001-8050-8856>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: onputina@mail.ru
- Anna O. Sagaydachnaya*, PhD in Philology, researcher, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation, email: a_trofimova@mail.ru
- Irina A. Solodilova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of German Philology and methods of teaching German Department, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, email: solodilovaira16@gmail.com
- Xu Hong*, Professor of the Russian Language Faculty, the School of Foreign Languages, Harbin Institute of Technology, Harbin, China, email: yuqilihit@126.com
- Nadezhda P. Syutkina*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nad975@yande.ru
- Alena R. Tazranova*, PhD in Philology, Senior researcher, Siberian Languages Department, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: atazranova@mail.ru
- Olga E. Te*, PhD in Philology, Department of Romano-Germanic Languages Bauman University, Moscow, Russian Federation, email: tyo_olga@bmstu.ru, tyolga@mail.ru
- Leniza G. Habibullina*, PhD in Philology, researcher, Department of the lexicology and dialectology, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, email: valievalg@mail.ru
- Zhang Tong*, Master of the Russian Language Faculty, the School of Foreign Languages, Harbin Institute of Technology, Harbin, China, email: acezhangtong@126.com
- Alexey A. Shteba*, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>, PhD in Philology, Associate Professor, Roman Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, email: alexchteba@yandex.ru
- Svetlana V. Shustova*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Арекеева Ю. Е.</i>	Актуализация оппозиции «свой – чужой» в поговорках (на материалах китайского политического медиадискурса)	5
<i>Громоуенко Д. С.</i>	Языковая репрезентация ядра художественного концепта УЖАС в рассказе «Ужас Данвича» Г. Ф. Лавкрафта: переводческие решения	17
<i>Губанов С. А.</i>	Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой	32
<i>Корбашова Ю. В., Тё О. Е.</i>	Специфика слов с инверсивным порядком морфем в современном китайском языке	41
<i>Крылова М. Н.</i>	Средства выражения императивной семантики в русском языке (функционально-семантическое поле императивности)	54
<i>Лельхова Ф. М.</i>	Этнолингвистический анализ наименований ягодных растений в восточных диалектах хантыйского языка	65
<i>Мальнева Е. Ю.</i>	Сон, мечта и кошмар: DREAM как когнитивная доминанта идиостиля Э. А. По	74
<i>Моисеева И. Ю., Климкина Е. С.</i>	Роль абзаца в семантической организации вторичного текста (на материале аудиовизуального текста)	94
<i>Мосина Н. В., Михайлова Н. Е.</i>	Семантические особенности паремических единиц с компонентом «работа и трудовая деятельность» в английском, немецком и русском языках	103
<i>Передриенко Т. Ю.</i>	Семантика перцептивных глаголов	112
<i>Путина О. Н., Сюткина Н. П.</i>	Дискурсивные маркеры как интенсификаторы вербальной агрессии	120
<i>Сагайдачная А. О.</i>	Различия грамматических систем русского и удэгейского языков и их отражение при составлении русско-удэгейского словаря	130
<i>Солодилова И. А.</i>	Семантика предлогов: когнитивный подход к изучению проблемы и поискам её решения	142
<i>Тазранова А. Р.</i>	Лексема <i>мал</i> 'скот' в алтайском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками	158
<i>Хабибуллина Л. Г.</i>	Уступительные отношения в татарском языке	166
<i>Чжан Т., Сюй Х.</i>	Построение и применение лингвистического корпуса в аннотационном переводе с русского на китайский язык	175
<i>Штеба А. А.</i>	Языковая категоризация смешанных эмоций в аспекте принципа Поллианны	187
<i>Шустова С. В., Зубарева Е. О.</i>	Концепт МИГРАНТ в контексте лингвотолерантности (на материале свободного ассоциативного эксперимента)	197
<i>Шустова С. В., Маслова Д. Л., Карими-Мотаххар Дж.</i>	Значение инструментальности в семантическом потенциале глаголов русского языка	205
Наши авторы		216

CONTENTS

Original Papers

<i>Arekeeva Iu. E.</i>	Actualization of the opposition "friend – foe" in paroemias (Based on Chinese political media discourse)	5
<i>Gromovenko D. S.</i>	Language representation of the core of the HORROR concept in H. P. Lovecraft's short story "The Dunwich horror": Translation solutions	17
<i>Gubanov S. A.</i>	Epithet complex in Marina Tsetaeva's texts	32
<i>Korbashova Yu. V., Te O. E.</i>	The specificity of words with an inverse order of identical morphemes in modern Chinese	41
<i>Krylova M. N.</i>	Means of expressing imperative semantics in Russian (Functional-semantic field of imperativeness)	54
<i>Lelkhova F. M.</i>	Ethnolinguistic analysis of berry plant names in the Eastern Khanty dialects	65
<i>Malneva E. Y.</i>	Sleep, reverie, and nightmare: DREAM qua cognitive individual style indicator in E. A. Poe's style	74
<i>Moiseeva I. Y., Klimkina E. S.</i>	The role of a paragraph in the semantic organization of a secondary text (Based on the audio-visual text)	94
<i>Mosina N. V., Mikhaylova N. E.</i>	Semantic features of paremic units with the component "work and work activity" in English, German and Russian	103
<i>Peredrienko T. Yu.</i>	Semantics of perception verbs	112
<i>Putina O. N., Syutkina N. P.</i>	Discourse markers as intensifiers of verbal aggression	120
<i>Sagaydachnaya A. O.</i>	Distinctions of Russian and Udihe grammatical systems and their reflection in the Russian-Udihe dictionary	130
<i>Solodilova I. A.</i>	Meaning of prepositions: Cognitive approach to the problem and its solutions	142
<i>Tazranova A. R.</i>	The token <i>mal</i> 'cattle' in the Altai language in comparison with other Turkic and Mongolian languages	158
<i>Habibullina L. G.</i>	Concession relations in Tatar	166
<i>Zhang T., Xu H.</i>	Designing and applying language corpus for annotating translation	175
<i>Shteba A. A.</i>	Linguistic categorization of mixed emotions based on Pollyanna Principle	187
<i>Shustova S. V., Zubareva E. O.</i>	The concept of MIGRANT in the context of linguistic tolerance (Based on free associative experiment data)	197
<i>Shustova S. V., Maslova D. L., Karimi-Motahhar J.</i>	The meaning of instrumentality in the semantic potential of Russian verbs	205
Our authors		216

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 8, No 4, 2022.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 09.12.2022. Подписано к печати 08.12.2022. Дата выхода в свет 22.12.2022.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 25,57. Тираж 1000. Заказ 223. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.